

SLOVENICA

Славянский межкультурный диалог
в восприятии русских и словенцев

Институт славяноведения
Российской академии наук

SLOVENICA II

Славянский межкультурный диалог
в восприятии русских и словенцев

К юбилею И.В. Чуркиной

Главный редактор:

д.и.н. *К.В. Никифоров*

Редколлегия выпуска:

д.и.н. *С.И. Данченко* (отв. редактор)

к.и.н. *Л.А. Кирилина* (отв. секретарь)

к.ф.н. *Г.П. Пилипенко*

к.и.н. *Н.С. Пилько*

д.ф.н. *Н.Н. Старикова* (отв. редактор)

Рецензенты:

д.и.н. *О.В. Хаванова*

к.ф.н., доцент *С.Н. Мещеряков*

SLOVENICA II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И.В. Чуркиной. – М., 2011. – 332 с.

Альманах Slovenica (выходит в ИСл РАН с 2010 г.) – первое в России научное периодическое издание, в котором в рамках сотрудничества ученых России и Словении на русском языке публикуются материалы актуальных двусторонних научных проектов. В основе данного, второго по счету выпуска, посвященного юбилею известного российского историка И.В. Чуркиной, материалы международной научной конференции «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев» (Москва, март 2009 г.). Представляет интерес как для специалистов-словенистов, так и для всех интересующихся славистической проблематикой.

Almanac Slovenica (published in the Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences since 2010) is the first in Russia scientific periodical edition in which within the framework of cooperation between Russian and Slovenian scientists in Russian are published materials of relevant bilateral research projects. The basis of this, second issue, devoted to the anniversary of well-known Russian historian Iskra V. Churkina, are materials of the international scientific conference «Slavic cultural dialogue in the perception of Russian and Slovenes» (Moscow, March 2009). The book is of interest both to specialists-slovenists and for anyone interested in Slavic problematics.

Содержание

От редколлегии	5
I. Портрет ученого	8
<i>С.И. Данченко.</i> Искра и ее след в науке	8
М.Ю. Досталь. Дружески о И.В. Чуркиной	47
<i>С.И. Данченко.</i> Искра Васильевна Чуркина в моей жизни	50
<i>Н.С. Пилько.</i> Слово ученицы	69
<i>И.В. Чуркина.</i> Мои родители	71
<i>И.В. Чуркина.</i> Словенские ученые послевоенного поколения	77
II. История	83
<i>И.В. Чуркина.</i> Русско-словенские отношения в 60-е годы XIX в.	83
<i>В. Райши.</i> О словенско-немецкой языковой границе и административных границах во времена Матии Маяра-Зильского	100
<i>Л.А. Кирилина.</i> Иван Хрибар и Россия	110
<i>Й. Пирьевец.</i> Словенцы и русские в XX столетии	124
<i>К. Штурм-Шнабль.</i> Культурная жизнь в приходе Шент Томаж от начала XX в. до немецкой оккупации	133
<i>А. Рахтен.</i> Взгляды Изидора Цанкара на Советский Союз	152
<i>Б. Клабьян.</i> Россия на Адриатике. Славянская взаимность, восприятие России и деятельность русского кружка в Триесте перед Первой мировой войной	170
<i>Г. Байц.</i> Словенские и англо-американские источники о сотрудничестве в области военной разведки в Словении и на югославско-итальянской границе в 1944–1945 гг.	181
<i>Л.Я. Гибианский.</i> Триестский вопрос в комиссии Литвинова (осень 1943 г. – весна 1945 г.)	192
<i>Н.С. Пилько.</i> Словения: 20 лет независимости	211
III. Филология	231
<i>И.Д. Макарова-Томинец.</i> Изучение истории и диалектологии словенского языка как предмет межславянского научного диалога (XIX в.)	231

<i>К. Огринц.</i> Тенденции формирования словенской деловой лексики в XIX в.	243
<i>Г.П. Пилипенко.</i> Некоторые аспекты изучения словенской речи прекмурских венгров	252
<i>Т.И. Чепелевская.</i> Проблема циклизации малой прозы в творчестве И. Цанкара	258
<i>А. Г. Бодрова.</i> Роман Ивана Цанкара «Обитель Марии Заступницы» в контексте западноевропейского fin de siècle	269
<i>Ю.А. Созина.</i> Слово из советской России в журнале «Нови свет» (1946–1952)	275
<i>К.Я. Козак.</i> Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период	285
<i>Н.Н. Старикова.</i> Личность сквозь призму истории в словенском историко-философском романе XX века («Аламут» В.Бартола и «Галерник» Д.Янчара)	297
<i>Ш. Севшек-Шрамель.</i> Культурно-цивилизационные сдвиги после 1989 года на примере словенской и словацкой краткой прозы	305
<i>Н.Н. Старикова.</i> Тоне Павчек (1928–2011) и Анна Ахматова	311
IV. Библиография опубликованных трудов И.В. Чуркиной	319

От редколлегии

Альманах Slovenica, выходящий в Институте славяноведения РАН с 2010 г., – первое в России научное периодическое издание, в котором в рамках сотрудничества славистов России и Словении на русском языке публикуются гуманитарные исследования по актуальным вопросам словенистики. Ядро этого, второго по счету, выпуска составили материалы международной научной конференции «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев», которая была организована и проведена Институтом славяноведения РАН 31 марта 2009 г. Эта научная встреча стала подведением итогов одноименного двустороннего проекта, осуществлявшегося учеными Приморского университета (Словения) и российскими словенистами, в первую очередь, сотрудниками Института славяноведения. Участникам конференции, среди которых были историки, лингвисты, литературоведы и культурологи, была предоставлена возможность обменяться мнениями по наиболее актуальным славистическим проблемам и тем самым упрочить российско-словенские научные и культурные связи.

Активное участие в конференции, а ранее и в создании данного альманаха принимала д.и.н. Искра Васильевна Чуркина, известный отечественный историк-славист, человек, фактически открывший Словению не только для научной, но и для более широкой российской аудитории. В этом году она отмечает свой большой юбилей, и авторский коллектив этого выпуска, в состав которого входят друзья, коллеги и ученики Искры Васильевны из России и Словении, в знак глубокого уважения и благодарности решил посвятить ей эту книгу. Мы надеемся, что работы соратников и последователей, представляющих разные поколения и научные интересы, но объединенных любовью к Словении, привитой в том числе и Искрой Васильевой, станут ей приятным подарком.

Альманах открывает раздел «Портрет ученого», где в статье д.и.н. С.И. Данченко «Искра и ее след в науке» подробно представлен творческий путь Искры Васильевны, а затем в зарисовках коллег и учениц – С.И. Данченко, М.Ю. Досталь и Н.С. Пилько – создается ее живой образ. Воспоминания о родителях и словенских ученых старшего поколения, написанные юбиляром, интересные сами по себе и расширяющие литературный и научный контекст, добавляют яркие штрихи к портрету их автора. Завершает книгу внушительная библиография трудов И.В. Чуркиной (свыше двухсот названий), которая дает представление о широте интересов, масштабе научного дарования исследовательницы и том вкладе, который она внесла в развитие российской науки.

В соответствии с основными направлениями современных отечественных гуманитарных словенистических исследований в альманахе вошли два раздела: «История» и «Филология», каждый из которых включает по десять статей. Их расположение внутри раздела подчинено хронологическому принципу: от прошлого к современности; большинство авторов сконцен-

трировалось на сравнительном аспекте российско-словенской проблематики. В историческом «блоке» обзору взаимоотношений русских и словенцев на разных этапах посвящены статьи И.В. Чуркиной о русско-словенских отношениях в 60-е гг. XIX в. и академика САНИ Й. Пирьевица о них же, но в XX в. Внимание ряда авторов привлекли отдельные двусторонние проблемы и связанные с ними контакты – к.и.н. Л.А. Кирилина рассмотрела отношение общественного деятеля Ивана Хрибара к России, профессор А. Рахтен проследил позицию литературоведа Изидора Цанкара в его взглядах на СССР, доцент Приморского университета Б. Клабьян описал деятельность «русского» кружка, существовавшего в Триесте перед Первой мировой войной. Две статьи затрагивают проблематику периода Второй мировой войны: интересные сведения о сотрудничестве в области военной разведки в Словении и на югославско-итальянской границе в 1944–1945 гг. представил доцент Приморского университета Г. Байц, переговоры по «триестскому» вопросу осенью 1943 г. – весной 1945 г. стали предметом изучения Л.Я. Гибанского. Исследования В. Райшпа о словенско-немецкой языковой границе с учетом административных границ времен Матии Маяра-Зильского и профессора Венского университета К. Штурм-Шнабль о культурной жизни в приходе св. Томажа от начала XX в. до немецкой оккупации затрагивают вопрос крайне непростых словенско-немецко-австрийских отношений. В заключающем раздел обзоре к.и.н. Н.С. Пилько представлены материалы о первых двух десятилетиях существования независимой Республики Словения.

Филологический «блок» составляют три лингвистические и семь литературоведческих статей. Вопросам словенской диалектологии посвятили свои работы доцент Приморского университета И.Д. Макарова-Томинец, сосредоточившая внимание на изучении истории и диалектологии словенского языка, и к.ф.н. Г.П. Пилипенко, в поле зрения которого попала словенская речь прекмурских венгров; проблемам словенской лексикографии – К. Огринц, рассмотревшая тенденции формирования словенской деловой лексики XIX в. В литературоведческих статьях компаративный подход используют к.ф.н. Ю.А. Созина, анализирующая советское влияние на словенскую периодику первых послевоенных лет (1946–1952 гг.), и профессор Приморского университета К.Я. Козак, в статье которого прослеживается судьба русских актеров-эмигрантов в Словении. Знакомство словенского поэта Тоне Павчека с великой Анной Ахматовой и его последствия стали предметом исследования д.ф.н. Н.Н. Стариковой; свое видение трансформаций в словенской и словацкой краткой прозе после «бархатных» революций представила доцент Люблянского университета Ш. Севшек-Шрамель. Две статьи российских литературоведов обращены к творчеству выдающегося словенского прозаика и драматурга И. Цанкара: к.ф.н. Т.И. Чепелевская рассматривает проблему циклизации его малой прозы, к.ф.н. А.Г. Бодрова – специфику романа «Обитель Марии Заступницы» в контексте западноевропейского *fin de siècle*. Произведения двух других

выдающихся словенских авторов XX в. – В. Бартола и Д. Янчара, а именно: их историко-философские романы проанализированы Н.Н. Стариковой в ее второй статье.

В целом представляемый выпуск альманаха Slovenica, являющийся лучшим доказательством плодотворного сотрудничества ведущих ученых двух стран, отвечает поставленной перед ними задаче – расширить поле гуманитарных исследований в области словенистики и привлечь широкое внимание к совместным российско-словенским научным и культурным проектам, которые осуществляются во многом благодаря таким энтузиастам, как И.В. Чуркина.

I. Портрет ученого

С.И. Данченко
(ИСл РАН)

Искра и ее след в науке

Искра Васильевна Чуркина относится к тем ученым, без творчества которых невозможно себе представить развитие отечественного славяноведения второй половины XX – начала XXI вв. Славяноведение – наука комплексная и многоплановая, и каждый ученый-славист, в меру своих сил и таланта, в течение жизни создает и кладет свой «кирпичик» в «славянское здание», тем самым, вместе с другими, укрепляя и украшая его. «Кирпичик» И.В. Чуркиной получился весьма существенным и весомым. И не только потому, что основу его составляют многочисленные труды исследовательницы (их около 300), но и потому, что такого «кирпичика» больше нет – он уникален. Ведь именно с научной деятельности Искры Васильевны началась история советской академической исторической словенистики. Сейчас, спустя более полувека, эта отрасль отечественного славяноведения успешно развивается, прирастая трудами более молодых словесников, которые известны не только в России, но и за рубежом. А тогда, в начале 1950-х годов... Впрочем, не будем забегать вперед, а вернемся к самому началу.

Искра Васильевна Чуркина родилась 24 ноября 1931 г. в Москве. Ее отец, Василий Сергеевич Чуркин (1901–1984), был военнослужащим, затем преподавателем общественных дисциплин в ряде учебных заведений, в том числе в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (1948–1964). В.С. Чуркин – участник Великой Отечественной войны. В 1941 г. он ушел добровольцем на фронт, участвовал в исторических сражениях – на Курской дуге, под Киевом – и закончил войну в мае 1945 г. в Берлине. Он награжден многими орденами и медалями, в том числе орденом Ленина. Мать Искры Васильевны, Анастасия Климентьевна Извекова (1899–1980), закончив в 1921 г. рабфак, сменила несколько профессий – преподавателя рабфака, инструктора райкома партии, пропагандиста, швей-мотористки на фабрике. Затем она училась в Институте подготовки кадров Института красной профессуры и в Аграрном институте красной профессуры в Москве, после чего стала дипломированным преподавателем. В 1940–1957 гг.

(за исключением двух лет эвакуации – 1942–1944 гг.) Анастасия Климентьевна трудилась на кафедре марксизма-ленинизма в МВТУ им. Н.Э. Баумана. (Подробнее о родителях И.В. Чуркиной см. ее воспоминания на с. 71–76).

С раннего детства Искра Васильевна полюбила чтение – это было (и осталось до сих пор) ее любимым занятием. Особенно привлекали юную Искру гуманитарные дисциплины – история, литература, языки. Строгая мама хотела, чтобы ее дочь в будущем стала врачом-косметологом, но та мечтала о другом – после окончания школы поступить в университет (тогда в Москве он был только один – знаменитый МГУ имени М. В. Ломоносова). Искра сделала все, чтобы ее мечта осуществилась, и осенью 1949 г. стала студенткой исторического факультета.

В памяти однокурсников Искры Васильевны в ту далекую университетскую пору она осталась хорошенькой девушкой с лучистыми глазами и милой улыбкой, добросовестно записывающей все лекции, прилежно конспектирующей учебную литературу в библиотеке, бойко и толково отвечающей на зачетах и экзаменах. По признанию самой Искры Васильевны, ей всегда было очень интересно учиться – и в школе, и в университете.

Конец 1940-х – начало 1950-х гг. был не самым «мирным» временем на истфаке – здесь шла борьба с «космополитизмом» и «преклонением перед Западом», сопровождаемая плохо замаскированными антисemitскими выпадами. В эту кампанию пытались втянуть и студентов. Но, несмотря на это, по воспоминаниям студентов тех лет, среди них преобладало оптимистическое настроение. Они были молоды, жизнерадостны, гордились своей великой Родиной, совсем недавно победившей в войне с фашизмом, а существовавшие в стране порядки большинство из них считали нормой.

Главным для них, молодых, ставших студентами одного из лучших в то время вузов Советского Союза, было учиться. И они учились, приобретая знания, которыми щедро делились с ними преподаватели исторического факультета, выдающиеся ученые и педагоги: М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, С.В. Бахрушин, Е.В. Тарле, С.Д. Сказкин, А.В. Арциховский и др.

С третьего курса начиналась специализация, и студентка Чуркина выбрала кафедру истории южных и западных славян, которую в то время возглавлял профессор Сергей Александрович Никитин (1901–1979), сменивший на этом посту скончавшегося в 1947 г. основателя кафедры академика Владимира Ивановича Пичету (1878–1947).

С.А. Никитину в то время было нелегко, ведь он нес двойную нагрузку – являлся не только заведующим кафедрой на истфаке МГУ, но и руководителем сектора истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма в недавно созданном Институте славяноведения АН СССР. По мнению нынешнего профессора кафедры Л.В. Гориной, совмещать эти два заведования Сергею Александровичу позволил его «большой научный потенциал»¹. Но, думается, также и четко осознаваемая им

необходимость подготовки кадров ученых-славистов. К концу 1940-х годов сам профессор Никитин был уже признанным ученым, защитившим в 1947 г. докторскую диссертацию на тему «Вопросы балканской политики России и русское общество в 1853–1876 гг.», имевшим значительный педагогический опыт и являвшимся прекрасным знатоком отечественных архивов. Все это, разумеется, помогло Сергею Александровичу при создании научной школы – он отбирал, направлял, обучал, наставлял своих учеников и, главное, прививал им преданность и любовь к науке вообще и к славяноведению, в частности.

Дипломную работу по теме «Аграрный переворот и крестьянское движение в Сербии в первой половине XIX в.» студентка Чуркина, отличница и именная стипендиантка (стипендия им. В.И. Пичеты), подготовила под руководством молодого в то время преподавателя Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991).

После окончания университета с «красным» дипломом Искра Васильевна, уже почувствовавшая свое призвание к научной работе, мечтала продолжить учиться в аспирантуре. Однако выпускники истфака 1954 г. в большинстве своем получили распределение в школы – в качестве учителей истории, которых в то время не хватало. Ей еще повезло, что местом ее будущей работы был определен подмосковный город Красногорск. Некоторые же ее сокурсники, даже москвичи, отправились «сеять разумное, доброе, вечное» в весьма отдаленные от столицы края и совсем «глухие» места.

Однако работа в школе в течение двух лет не помешала обучению Искры Васильевны в заочной аспирантуре Института славяноведения АН СССР. Ее научным руководителем стал С.А. Никитин.

У профессора Никитина был принцип, которым он руководствовался всю свою жизнь: к вершинам науки никого нельзя доставлять на фуникулере, и каждый, избравший научную стезю, должен очень много трудиться, даже если у него выдающиеся способности, иначе из него не получится настоящий ученый. К своим ученикам Сергей Александрович относился, даже в их юные годы, весьма строго и требовательно, никогда не «ворковал» над ними, а, напротив, ставил перед начинающими учеными совершенно конкретные серьезные задачи. Примером претворения в жизнь данной позиции профессора является определение темы будущих исследований его ученицы Искры Чуркиной (говорят, что точно так же он определял научную судьбу и других своих учеников).

Искра Васильевна выразила желание продолжить изучение темы своей дипломной работы. Однако С.А. Никитин, уже в начале 1950-х годов задумавший создание «Истории Югославии», сказал: «У нас достаточно сербистов, а вот специалистов по истории Словении нет. Вы знаете немецкий и словенский языки?». Ни того, ни другого Искра Васильевна в то время не знала. «Ничего, – подбодрил ее профессор Никитин, – выучите. Ведь вам придется читать на них литературу и источники». И она их выучила!

Немецкий – на кафедре иностранных языков АН СССР. Но словенский?! Ведь в 1950-е годы в СССР не было ни учебников, ни учителей этого языка. И тут Искре Васильевне повезло. Дело в том, что в это время в Москве в качестве стажера находился бывший словенский партизан Янез Зор. Он-то и преподал ей основы знаний.

Тему диссертации по истории Словении С.А. Никитин предложил Искре Васильевне определить самостоятельно. Это было довольно сложно, поскольку не только в советской, но и в российской дореволюционной историографии по словенской истории практически не было работ. Имелось лишь несколько очерков по истории Реформации в словенских землях. И Искра Васильевна остановила свой выбор именно на этой теме. Вскоре, с помощью словарей Хостника и Котника, она стала читать имевшуюся литературу – труды В. Мелика и Ф. Гестрина по истории Словении; они были первыми среди ее словенских авторов. Тема ее будущей диссертации к тому времени была значительно сужена (опять же по решению самой Искры Васильевны), а именно: «Развитие горной промышленности в словенских землях в XVI в.», фактически предыстория Реформации. Нужно отметить, что социально-экономическая тематика в отечественной историографии того периода была одной из главных, поэтому не следует удивляться такой «народно-хозяйственной» теме.

Искра Васильевна добросовестно изучила имевшуюся в ее распоряжении литературу, опубликованные (за рубежом) источники и, руководствуясь методическими советами С.А. Никитина, написала и в 1963 г. защитила свою первую диссертацию. До этого, в 1958 г., она была зачислена в штат Института славяноведения АН СССР на должность младшего научного сотрудника.

В начале 1960-х годов появились первые опубликованные работы И.В. Чуркиной². В общей сложности они насчитывали около 10 печатных листов и отражали основное содержание ее кандидатской диссертации.

С самого начала ее институтской жизни молодую исполнительную сотрудницу привлекли к работе над главным трудом ее «родного» сектора (истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма) – публикацией документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Т. 1–3. М., 1961–1967), хотя она и не была болгаристкой. Вместе со своими коллегами – А.А. Улуняном (1922–2001) и Е.П. Наумовым (1933–1990) – Искра Васильевна участвовала в составлении развернутых именного и географического указателей к этому изданию, которые до сих пор являются эталоном подобной работы для исследователей и источником ценной научной информации.

В 1954 г., в год окончания И.В. Чуркиной университета, вышел в свет I том «Истории Болгарии», под общей редакцией академика Н.М. Державина. На очереди были «истории» других славянских стран и, прежде всего, «История Югославии». Работа по ее написанию была весьма напряженной и продолжалась несколько лет (I том вышел в 1963 г.). Главная трудность,

стоявшая перед авторским коллективом, заключалась в необходимости осветить историю всех югославских народов, начиная с древнейших времен. Между тем, на том этапе развития отечественной югославистики не было достаточного количества литературы и источников, а главное – тех, кто бы все это освещал. Это сейчас в нашем Институте имеется целый ряд высококлассных специалистов-югославистов с достаточно узкой специализацией – и по тематике, и по периоду. А в то время, как говорится, нужно было знать и уметь все, чтобы создать текст, достойный войти в фундаментальный академический труд.

Моя героиня была самым молодым автором I тома «Истории Югославии». Тем не менее, она достойно справилась с поставленными перед ней исследовательскими задачами. Перу Искры Васильевны в этом труде принадлежат 4 главы. Прежде всего, она рассмотрела (в главе 3) историю расселения южных славян на Балканском полуострове, начиная с VII в., а затем осветила следующие вопросы: о Карантании – одном из первых славянских государственных объединений; о борьбе карантанцев с аварами, баварцами, лангобардами, франками; о развитии карантанского раннефеодального общества; о словенцах в Нижней Паннонии. При этом Искра Васильевна отметила следующий важный момент исторического развития словенцев: «... к началу последней четверти IX в. большинство населенных словенцами земель оказалось под властью немецких феодалов, господство которых над большею частью этой территории продолжалось более тысячи лет»³.

Обратившись к истории словенских земель в XII–XV вв. (глава 13), Искра Васильевна выделила и рассмотрела вопросы о границах расселения словенцев, о германизации их земель, подчеркнув, что в то время как господствующий класс был в основном немецким, крестьянство было словенской народности и именно оно в течение многих веков являлось «единственным хранителем словенского языка, обычаев и культуры»⁴.

Подробно представила исследовательница в этой и последующих главах развитие словенских городов, ремесел и горного дела. Наряду с этим она проследила процесс распространения власти Габсбургов на словенские земли, начиная с 1273 г., когда германским императором стал Рудольф Габсбург.

Весьма подробно рассмотрела Искра Васильевна положение словенских земель в XVI–XVIII вв. (глава 20). В соответствии с традиционной тематикой исторических трудов «советского» периода в 1950–1960-е годы, в ее разделах в «Истории Югославии» много внимания уделялось социально-экономическим вопросам развития словенских земель в период феодализма и позднее – капитализма, а также процессам, происходившим в среде господствующего класса и крестьянства, антифеодальным движениям. Однако изначально заданная схема фундаментального труда наполнялась конкретным содержанием и интересными фактами. Так, значительное внимание Искра Васильевна уделила расцвету горного дела в словенских зем-

лях в XV–XVI вв., когда были открыты новые рудники, в том числе знаменитый ртутный рудник в Идрии, имевший общеевропейское значение, расширилась разработка свинца в Каринтии, увеличилась добыча железной руды в Крайне. В горном деле появились первые компании и мануфактуры и усилилось засилие иностранного капитала⁵.

Обратившись к одной из ключевых проблем в истории Словении, проблеме Реформации, исследовательница констатирует, что протестантизм в словенских землях, распространявшийся в основном в форме лютеранства начиная с 20-х годов XVI в., носил умеренный характер и имел больше всего сторонников среди горожан, горняков и дворян⁶.

Очень важным, на мой взгляд, является то, что рассматривая в этом труде историю Словении в различных ее аспектах, Искра Васильевна неизменно указывает на различие тех или иных процессов в разных словенских землях – Штирии, Каринтии, Крайне, Приморье. Этому научному принципу она будет следовать и во всех последующих своих работах.

Значение реформационного движения И.В. Чуркина определила следующим образом: «Оно явилось важным поворотным пунктом в развитии... национального самосознания. Деятели протестантизма был создан словенский литературный язык, общий для Штирии, Каринтии и Крайны. Это обстоятельство способствовало осознанию этнического и культурного единства всеми словенцами... Именно на основе достижений Реформации позднее, во второй половине XVIII в., деятели словенского Возрождения смогли развернуть борьбу за создание национальной культуры, за пробуждение национального самосознания словенцев»⁷.

Контрреформация в словенских землях началась в 1570-е годы и приняла особенно воинствующий характер в конце XVI в. При этом, как отмечает автор, увеличилась роль католической церкви, под контролем которой находилась вся общественная жизнь страны.

В 20 главе «Истории Югославии» Искра Васильевна освоила значительную литературу (в основном, югославскую) и привела немало интересных фактов и статистических материалов, в то время совершенно не известных отечественным историкам: о развитии горного дела в XVII–XVIII вв., текстильной и металлургической промышленности, стекольного и бумажного производства, домашних крестьянских промыслов; о специализации отдельных словенских областей; о роли Триеста – важного экономического центра на Адриатике. Так что тезис автора о том, что «Словения была областью более развитой по сравнению с другими югославянскими землями, находившимися в составе Австрийской монархии»⁸, не является голословным.

Весьма содержательной и заслуживающей высокой оценки представляется мне 27 глава «Истории Югославии», посвященная словенским землям в первой половине XIX в. В ней И.В. Чуркина последовательно и основательно рассмотрела ряд важнейших вопросов, связанных с процессом словенского национального Возрождения. Среди них – создание Иллирий-

ских провинций (1809) и четырехлетнее французское владычество, способствовавшее, по мнению автора, усилению национального самосознания словенцев, развитию словенской политической мысли⁹.

При рассмотрении национального движения в словенских землях Искра Васильевна выделяет в нем два течения: умеренное (Ж. Цойс, Ю. Япель и др.), стоявшее за сохранение феодальных порядков, и радикальное (А. Линхарт, М. Куралт и др.), сочувствовавшее идеям Великой Французской революции. Примечательно, что в данном разделе исследовательница впервые упоминает имена целого ряда видных деятелей словенского Возрождения – В. Водника, С. Вразы, Ф. Прешерна, М. Маяра, Е. Копитара, Я. Блейвейса, которые вскоре станут героями ее многочисленных трудов, а их деятельность, в том числе связи с Россией, будут глубоко и всесторонне изучены Искрой Васильевной на основе богатейших фондов российских и словенских архивов.

В этой связи участие И.В. Чуркиной в написании I тома «Истории Югославии» представляется мне весьма важным этапом ее творческой деятельности. Именно в этот период, на мой взгляд, она перестала быть «чистым» медиевистом и сделала как исследователь первые, уверенные шаги по пути в Новое время, которое впоследствии принесет ей немало открытий, и не только в области словенской истории.

1960-е годы явились для Искры Васильевны временем накопления научных знаний и интенсивных архивных поисков. Она много работает в библиотеках и хранилищах Москвы и Ленинграда, открывает для себя архивы Словении, куда начинает ездить с 1965 г. в летний семинар словенского языка, литературы и культуры. Основным направлением ее научного творчества в указанный период становится тема русско-словенских связей в рамках проблемы «Россия и славяне в XIX веке» – она была главной в тот период в тематике сектора, которым руководил С.А. Никитин.

По отзывам моих старших коллег (некоторых, увы, уже нет с нами), это было «золотое» время их институтской жизни. Они были молоды, полны сил, исследовательского энтузиазма и радовались, что выбрали такую замечательную, увлекательную профессию. Особенно всем нравилась работа в архивах. Молодые ученые, без преувеличения, чувствовали себя одновременно и кладоискателями, и первооткрывателями, а профессор Никитин, их шеф, сам фанатик архивно-розыскной и источниковедческой работы, направлял, одобрял и поощрял эти их стремления. Постепенно в рамках сектора складывался сплоченный научный коллектив. Свою лепту в этот процесс вносила и И.В. Чуркина.

По воспоминаниям Искры Васильевны, во время одной из ее командировок в Ленинград она обнаружила архивные документы о словенских стипендиатах в Славянском учительском институте (1866–1882) и написала о них статью¹⁰. Ее похвалил известный словенский историк Б. Графенауэр, после чего моя героиня поняла, что интересные и значимые научные труды можно создать только на новых документах, а они в большинстве

своем относятся к XIX в. Вот так был определен период ее будущих «словенских» и «югославянских» исследований.

К сожалению, в 1960–1980-е годы в планах Института славяноведения и балканистики АН СССР главными были коллективные обобщающие труды. Издать индивидуальную монографию ученому было очень трудно. Существовала очередь, целиком находившаяся в ведении дирекции, которая из собственных соображений одни работы продвигала раньше положенного срока, а выход других задерживала на долгие годы. В связи с этим я часто думаю, сколько монографий смогла бы издать Искра Васильевна, если бы в пору ее научной молодости существовали нынешние порядки, когда рукописи подготовленных книг не залеживаются в ящиках письменного стола, потому что существует много возможностей для их своевременной публикации. Ведь работала Искра Васильевна всегда довольно быстро и могла бы издать не один многостраничный труд.

Тем не менее, в 1960-е годы исследовательница опубликовала в научной печати целый ряд статей по новой для себя тематике, впоследствии ставшей для нее ведущей, – русско-словенским связям в XIX в., в том числе большую статью о Даворине Хостнике – в Словении (см. список трудов И.В. Чуркиной). В последующие годы и другие ее труды найдут свое место на страницах словенских научных изданий, но эта публикация была первой.

Второй стала вышедшая в Любляне в 1974 г. на словенском языке небольшая монография (121 с.), посвященная жизни и деятельности видного деятеля Просвещения, священника из Зильской долины Матии Маяра¹¹. Основу ее составили подготовленные и уже опубликованные в отечественной научной печати 3 большие статьи Искры Васильевны об этом деятеле. «Матия Маяр-Зильский, – писала она, – представляет собой интересный тип словенского национального деятеля, выросший в условиях наиболее жесткого национального угнетения со стороны немцев. Его путь в известной мере – путь всего словенского либерализма»¹².

В Словении М. Маяр (1809–1892) был весьма известной личностью, но в нашей стране И.В. Чуркина написала о нем впервые. При этом ей удалось обнаружить в советских архивах новые, не известные словенским историкам, «русские» документы о его жизни и деятельности, в том числе просветительской в 1840-е годы, которая ранее не изучалась. В результате своих изысканий исследовательница пришла к выводу, что именно просветительство играло главную роль в деятельности Маяра до 1848 г.: запись фольклорных текстов, борьба за словенскую школу и введение нового правописания, так как он считал, что на данном этапе развития национального самосознания словенцев распространение словенского языка и культуры являлось наиболее важным делом. В 1840-е годы, как показала Искра Васильевна, у Маяра сформировалась идея славянской взаимности и взгляды, позволившие ему весной 1848 г. стать одним из создателей программы Объединенной Словении¹³. Этот важнейший документ словенского национального движения включал 3 главных пункта: 1. Объединение всех сло-

венских земель в единое королевство Словению с общим провинциальным собранием. 2. Введение словенского языка в школы и учреждения. 3. Словения должна входить в состав Австрии, но не в состав Объединенной Германии¹⁴.

Искра Васильевна проследила эволюцию влияния Маяра в словенском национальном движении. В 1848 г. он являлся одной из наиболее видных фигур среди словенских либералов, а выдвинутая им программа практически стала их знаменем. Однако после революции его вера в возможность словенцев самим отстоять свое национальное существование была решительно поколеблена, и единственный выход из этого положения Маяр видел в объединении всех славян. «Национальная идея у Маяра, – пишет автор, – стала все более приобретать форму всеславянства. Борьба за насущные национальные права словенского народа отошла у него на второй план, а вместе с этим упало его влияние на словенское национальное движение»¹⁵. Вместе с тем, как показала И.В. Чуркина, всеславянство Маяра не было панславизмом, возникшим у многих славянских либералов Австрии в результате введения в 1867 г. дуализма и заключавшимся в признании необходимости обрусения всех славянских народов в целях избежания их онемечения. Всеславянство Маяра, подчеркивает автор, исходило из представления, что славяне – единый народ. Поэтому он стоял не за принятие русского языка в качестве языка всех славян, а за создание всеславянского языка, и не за поглощение Россией всех славянских областей, а за создание равноправной федерации славянских народов¹⁶.

В 1850-е годы практическая деятельность Маяра была направлена на установление единого литературного языка для всех южных славян (участие в журнале «Словенска бчела», в культурно-просветительском обществе св. Мохора, позднее – в Матице Словенской). В 1865 г. была издана его «Взаимная грамматика», которую он считал самым важным своим литературным трудом.

Заслугой Искры Васильевны является то, что она впервые в историографии изучила связи Маяра с русскими общественными деятелями в 60–70-е годы XIX в. и определила их роль в формировании его взглядов, прежде всего в стремлении создать всеславянский язык. Искра Васильевна проследила целый ряд важнейших событий в жизни этого незаурядного национального деятеля: его участие в московской Этнографической выставке и Славянском съезде 1867 г., издание им первой в Словении «Грамматики русской для словенцев» (1867), планы эмиграции в Россию в начале 1870-х годов, участие в словенском таборском движении, а также в деятельности политического общества «Трднява».

Определяя значение деятельности Маяра для словенского национального движения, автор подчеркивает, что его «проповедь культурных, экономических и политических связей между южными славянами способствовала зарождению югославянской идеи в среде словенской либеральной буржуазии», а всеславянская программа, будучи в основе своей

утопической, тем не менее «содействовала более тесному знакомству между... словенским и русским, а также другими славянскими народами, ... развитию культурных связей между ними»¹⁷.

С середины 1960-х годов, помимо работы над индивидуальной темой, связанной с историей словенского национального движения в XIX в. и русско-словенских связей (с «прицелом» на докторскую диссертацию), Искра Васильевна вошла в состав международного научного коллектива, задачей которого было выявление и подготовка к публикации обширного архива Михаила Федоровича Раевского (1811–1884) – протоиерея русской посольской церкви в Вене в 40–80-е годы XIX в.

Немного предыстории. В 1950-е годы в Москве в качестве стажера находился молодой тогда словацкий ученый Владимир Матула (1928–2011). Он окончил истфак МГУ, был женат на русской девушке Люсьене, прекрасно говорил по-русски и собирал материал для своей диссертации по истории русско-словацких связей и о деятельности видного словацкого деятеля Людевита Штура. Именно В. Матула первым «напал» в архивах на письма к Раевскому славянских деятелей. В результате последующих целенаправленных поисков им был обнаружен неизвестный исследователям фонд в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Родившейся у него идеей – издать все эти «сокровища» – В. Матула поделился со своим научным руководителем С.А. Никитиным. Тот идею одобрил и, пользуясь своим положением в Институте славяноведения АН СССР (в то время он еще являлся заведующим сектором), стал «пробивать» данный проект на организационном уровне. Не представляю, что говорил Сергей Александрович в высоких институтских инстанциях, как он «защищал» протоиерея Раевского (возможно, не акцентировал внимание на его должности и сане, а делал упор на важность его славянских корреспондентов), но факт остается фактом – проект утвердили, включили в перспективный план работы Института и даже сделали международным, разрешив привлечь к его осуществлению коллег из Чехословакии и Югославии.

В конце 1960-х годов было заключено соглашение между АН СССР, Чехословацкой АН и Историческим институтом в Белграде о совместной деятельности по изданию материалов архива М.Ф. Раевского в трех томах, в том числе: I-го тома – в Москве, II-го тома – в Праге и III-го тома – в Белграде. Была утверждена редколлегия I-го, московского, тома – С.А. Никитин (отв. редактор), В.Г. Карасев, И.В. Чуркина, чех Й. Кочи, словак В. Матула, серб Н. Петрович. Составителями являлись В. Матула и И.В. Чуркина.

При работе над этим проектом очень ярко проявились те черты, которые всегда отличали, и до сих пор отличают, Искру Васильевну как ученого: широкая эрудиция в области славяноведения, неиссякаемый интерес к истории не только словенцев, но и остальных югославян, а также чехов, словаков, болгар и украинцев; скрупулезность и добросовестность при выявлении и анализе источников. И я бы еще добавила – «трепетное» отноше-

ние исследовательницы ко всем корреспондентам М.Ф. Раевского и к нему самому.

Не будет преувеличением сказать, что «душой» авторского коллектива и главной выявительно-издательско-организующей силой данного проекта была Искра Васильевна*.

Книга «Зарубежные славяне и Россия. Документы из архива М. Ф. Раевского», вышедшая в 1975 г. в издательстве «Наука», является уникальным изданием. Вспоминаю слова С.А. Никитина, который торжественно произнес их, держа в руках только что вышедший том в красивой голубой суперобложке: «Этот труд никогда не устареет». И теперь, спустя 36 лет, мы можем подтвердить его слова. 467 писем славянских деятелей (русских и зарубежных), включенные в вышеуказанную книгу (а выявлено было во много раз больше), содержат разнообразный материал о национально-политическом, социальном и культурном развитии южных и западных славян, а также об отношении участников национальных и общественных движений этих народов к России, их связях с определенными кругами русской общественности, главным образом, славянофилами. В издании представлено много новых данных о помощи различных кругов русского общества национальным движениям угнетенных славянских народов Австрийской и Османской империй, о роли М.Ф. Раевского и его корреспондентов в установлении и расширении русско-славянских контактов. Большое научное значение имела публикация неизвестных ранее писем: черногорского владыки Петра II Петровича Негоша, реформатора сербского литературного языка Вука Караджича, сербского митрополита Михаила, хорватского политического деятеля и ученого И. Кукулевича-Сакцинского, русинского просветителя Я. Головацкого и др.

Однако уникальность книги «Зарубежные славяне и Россия» состояла не только в ее бесспорной научной значимости. Оценивая ее по прошествии нескольких десятилетий, можно смело сказать, что это был настоящий «прорыв» в советском историческом славяноведении. Ведь фактически «Зарубежные славяне и Россия» – это публикация, материалы которой объединены именем священника, пусть «хорошего», не мракобеса, но, тем не менее, запросто общавшегося с великой княгиней Еленой Павловной, с камер-фрейлиной императрицы А.Д. Блудовой и ее отцом – царским министром Д.Н. Блудовым. И остальные русские корреспонденты «батюшки» также не были революционными демократами. Я вообще не перестаю удивляться, как «наверху» сначала утвердили этот проект (возможно, просто не вникли), а затем разрешили издать уже подготовленный труд. А ведь до «перестройки» оставалось еще целых десять лет.

Подготовка к изданию материалов архива М.Ф. Раевского имела большое значение не только для отечественной науки, но и лично для И.В. Чур-

* Впечатления автора данной статьи о работе по изданию архива М. Ф. Раевского в качестве помощницы И.В. Чуркиной в 1970–1980-е годы см. в статье «Искра Васильевна Чуркина в моей жизни».

киной. На мой взгляд, с конца 1960-х годов – времени «подключения» ее к данной работе – начинается новый этап в ее научной деятельности. Для него характерно то, что теперь Искра Васильевна не ограничивается только словенской тематикой, а существенно расширяет круг своих научных интересов. Нет, разумеется, главным, ключевым объектом ее исследований остается история Словении и русско-словенских отношений в XIX в. Однако теперь, с введением в научный оборот огромного корпуса новых документов, в чем она приняла непосредственное участие, Искра Васильевна значительно расширяет свои знания по истории других славянских народов – сербов, болгар, боснийцев, русин, чехов, словаков и становится настоящим историком-славистом.

Проблематика, связанная с М.Ф. Раевским и его корреспондентами, нашла отражение в целом ряде публикаций Искры Васильевны – она присутствует во всех ее монографиях и отдельных статьях. Опубликовав первую небольшую работу на эту тему в соавторстве с В. Матулой в 1974 г. («Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей славистов России и Австрии» в книге «Культура и общество»), И.В. Чуркина затем исследует этот вопрос во всей его широте и многогранности, результатом чего явились ее публикации (всего около 10) в научной печати России, Сербии, Хорватии, Словении – в 1980–2000-е годы (см. список трудов И.В. Чуркиной).

Лишь спустя 14 лет после выхода труда «Зарубежные славяне и Россия», в значительной степени благодаря усилиям Искры Васильевны, в 1989 г. в Белграде была издана первая книга второго тома документов из архива М.Ф. Раевского под названием «Югословени и Русија. Документи из архива М.Ф. Рајевског. 40-80. године XIX века»*.

В книгу вошли письма к М.Ф. Раевскому русских и югославянских деятелей, чьи фамилии начинались на буквы А–Л – от К.Н. Алексича до А. Лукшича. Всего в этой книге было опубликовано 333 письма с научными комментариями – югославянских корреспондентов Михаила Федоровича, а также русских дипломатов, политиков и ученых, освещавшие события в югославянских землях. Югославянских корреспондентов Раевского было больше, чем адресатов из других славянских земель: примерно 130 – из Сербии, 80 – из Хорватии и Славонии, 65 – из Воеводины, более 40 – из Словении, 30 – из Далмации, около 20 – из Боснии и Герцеговины, 10 – из Черногории.

Большую научную ценность имеют опубликованные в этом труде письма камер-фрейлины русской императрицы А.Д. Блудовой, дипломатов – Л.В. Березина, А.Е. Влангали и А.С. Ионина; ученых – А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского; известных югославянских государственных

* Отв. редактор – Славенко Терзич; главный редактор – Никола Петрович. Редакция: С.И. Данченко, М. Экмечич, В.Г. Карасев, В. Крстич, В. Мелик, Д. Милич, Д. Петрович-Милоевич, Н. Петрович, Н. Станчич, С. Терзич, Н. Урич (секретарь), В.И. Фрейдзон, И.В. Чуркина. Составители: С.И. Данченко, М. Экмечич, В. Крстич, В. Мелик, Д. Петрович-Милоевич, Н. Петрович, Н. Станчич, И.В. Чуркина.

и общественных деятелей и ученых: М. Бана, В. Караджича, В. Богишича, Дж. Даничича, Н. Дучича, И. Кукулевича-Сакцинского, Дж. Николаевича, сербского митрополита Михаила и др. Документы, представленные в издании, дают историкам богатейший фактический материал для изучения общественных, научных и культурных связей югославян с Россией в XIX в.

Публикация второй книги второго («белградского») тома (К–Я) планировалась на 1991 г. К сожалению, в связи с событиями в Югославии в 1990-е годы она была временно отложена, а затем югославская сторона отказалась от этого проекта. А ведь в этой книге предполагалось издать сохранившиеся письма М.Ф. Раевского своим югославянским корреспондентам, с таким трудом выявленные И.В. Чуркиной и автором данной статьи в архивах Белграда, Загреба и Сараево.

Не лучше обстояло дело с публикацией писем М.Ф. Раевскому чехов и словаков. Разумеется, В. Матула весьма обильно использовал эти документы в своих работах. Письма М.Ф. Раевскому чешских национальных деятелей только в 2006 г. издал в Праге В. Дубек¹⁸. На очереди издание переписки Раевского со словацкими национальными деятелями, подготовленное М. Данишем и В. Матулой.

Наряду с вышеуказанным проектом, в 1970-е годы Искра Васильевна интенсивно работала над главным своим трудом – монографией «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (М., 1978). В отечественной историографии это была первая работа на эту тему (так и оставшаяся единственной).

И.В. Чуркина предельно четко сформулировала задачи своего труда: «1. Исследовать воздействие, которое оказало само существование России как могущественного независимого славянского государства на формирование идеологии словенских национальных деятелей. 2. Проследить влияние русской общественной мысли на общественную мысль словенцев в 60–90-х гг. XIX в. 3. Изучить конкретные общественные и культурные связи, имевшие место между общественными и культурными деятелями России и Словении. 4. Исследовать взгляды словенских русофилов»¹⁹. И все эти научные задачи Искра Васильевна выполнила.

Анализ обширного фактического материала позволил исследовательнице дать научно обоснованную периодизацию словенского национально-освободительного движения. Его развитие она разделила на 2 этапа, последний из которых, в свою очередь, на 2 подэтапа: 1. Конец XVIII в. – 1848 г.; 2. 1849 г. – конец XIX в. (1. 1849 г. – середина 1870-х годов; 2. Середина 1870-х годов – конец XIX в.).

Предпринимая широкомасштабное исследование, Искра Васильевна, прежде всего, остановилась на особенностях экономического, социального и политического развития словенцев в XIX в. Главной из них она считает то, что словенская нация формировалась в условиях инонационального господства, и это наложило существенный отпечаток на условия и все сферы жизни словенского народа.

Следуя традиционной схеме, принятой в советской историографии, во вступительной части своей книги И. В. Чуркина много внимания уделила развитию экономики словенских земель (в том числе горного дела, сельского хозяйства, промышленности и финансов), что позволило сформулировать важный вывод: «В целом по степени своего экономического развития словенские земли занимали среднее положение в Австрийской монархии. Словенская промышленность была значительно слабее чешской и нижнеавстрийской, но... более развита, чем хорватская, галицийская, тирольская. Среди югославянских земель Словения по уровню промышленного развития стояла на первом месте». Не менее четко звучит и другой тезис автора: «В области администрации, просвещения и культуры политика австрийского правительства была направлена против национальных интересов словенцев»²⁰.

Говоря об особенностях формирования словенской нации, Искра Васильевна констатирует наличие на его пути в рассматриваемый период двух главных препятствий: национальное угнетение, наиболее ярко выразившееся в политике германизации словенцев, и их политическая, экономическая и лингвистическая раздробленность. «На преодоление этих двух важнейших отрицательных факторов и было в значительной мере направлено словенское национальное движение»²¹, – подчеркивает исследовательница. Говоря о его составляющих, она делает очень важное наблюдение: из-за отсталости словенской нации долгое время (вплоть до второй половины XIX в.) роль национальных идеологов играли священники, в большинстве своем проживавшие в селах. И лишь во второй половине столетия значительно вырос слой светской интеллигенции, которая активно включилась в словенское национальное движение, внося в него либеральные взгляды и требования²².

В монографии И. В. Чуркина глубоко изучила целый ряд важнейших, ключевых проблем словенской истории конца XVIII–XIX вв. Прежде всего это относится к эпохе Просвещения у словенцев (1768–1848), главными достижениями которой автор признает, во-первых, создание словенского литературного языка, без чего были немыслимы ни словенская национальная культура, ни словенское национальное движение, и, во-вторых, формирование словенского национального самосознания, на которое значительное влияние оказала широко распространившаяся идея славянской взаимности²³.

Одной из главных исследовательских задач, поставленных Искрой Васильевной, было рассмотрение «русского фактора» в словенском национальном движении в различные его периоды, начиная с этапа просветительства. С этой целью она привлекла обширный материал, в том числе архивный (из 16 хранилищ), и многочисленные публикации в словенской и русской периодической печати. Это позволило ей, впервые в историографии, рассмотреть целый комплекс вопросов, в том числе, о русофильстве словенских просветителей, о росте интереса в словенских землях к рус-

ской науке и культуре в 30–40-е годы XIX в., о распространении идей славянской взаимности и др. Подробно останавливается автор также на влиянии революции 1848 г. на формирование программы Объединенной Словении, «первой политической программы словенцев, выражавшей чаяния самых широких демократических слоев населения»²⁴.

Важнейшей, на мой взгляд, является 3-я глава монографии, посвященная влиянию на словенские национальные программы после 1848 г. русской общественной мысли.

В период революции 1848 г. словенские консерваторы и либералы с одинаковым опасением смотрели на Россию, в которой видели угрозу для развития народов Австрийской империи. И те, и другие будущее словенцев связывали с Габсбургской монархией. Однако после победы контрреволюции ситуация изменилась – Габсбурги не оправдали надежд словенцев и не дали им ожидавшихся прав. Теперь многие словенские политики в большей степени уповали на поддержку других славянских народов (югославян, чехов, словаков и др.) и особенно России. «Поскольку наибольшее недовольство политикой правящих австрийских кругов наблюдалось у словенских либералов, они и более активно переходили на всеславянские позиции»²⁵, – констатирует автор.

После Крымской войны 1853–1856 гг., как показала Искра Васильевна, заметно возросли русско-словенские связи, а также влияние русской общественной мысли на словенское национальное движение. Особенно значительным было влияние русских славянофилов на идеологию словенских национальных деятелей. Как образно заметила исследовательница, в 60–70-е годы XIX в. «и на славянский вопрос, и на Россию словенцы часто смотрели сквозь славянофильские очки»²⁶. В монографии приведен большой, не известный ранее специалистам, материал о конкретных связях словенских деятелей и русских славянофилов (путешествие И.С. Аксакова по словенским землям в 1860 г., деятельность протоиерея М.Ф. Раевского в Вене, контакты Матицы Словенской с русскими общественными и научными организациями, участие словенцев в Этнографической выставке и Славянском съезде 1867 г. в Москве, книгообмен, публикации в русской прессе материалов о словенцах и т.д.).

Одним из центральных вопросов монографии является вопрос о словенских русофилах последней четверти XIX в. До Искры Васильевны в словенской историографии этот вопрос был изучен недостаточно. Она обогатила науку важными выводами, к которым пришла в результате детального анализа обширного корпуса документов, в том числе периодических изданий словенских русофилов («Слован», «Словенски народ», «Люблянски звон», «Словански свет»).

Заслугой Искры Васильевны является то, что она подробно осветила деятельность, в том числе и публицистическую, видных словенских русофилов – Ф. Целестина, И. Хрибара, Ф. Подгорника, Д. Хостника – на I этапе развития русофильства, продолжавшемся почти 10 лет (с русско-

турецкой войны 1877–1878 гг. до осени 1887 г.) и характеризовавшемся рядом моментов. Во-первых, как показала исследовательница, развитие русофильской идеологии происходило в рамках либерального движения. Во-вторых, в этот период в целом уже определились основные составляющие словенской русофильской идеологии последней четверти XIX в.: вера в спасительную для славян миссию царской России, восхваление самодержавия и кирилло-мефодиевской (т.е. православной) церкви, уверенность в необходимости сделать русский язык общеславянским, боязнь развития капитализма и рабочего движения²⁷.

Особенно подробно исследует автор словенское русофильство на II этапе его развития, в период издания русофилами (Ф. Целестин, Ф. Подгорник, Д. Хостник, Л. Лесковец) газеты «Словански свет» (1888–1899). В эти годы их разногласия с либералами, как показала Искра Васильевна, были уже достаточно велики: в отличие от последних русофилы выступали за всеобщее избирательное право, требовали более решительной борьбы за национальные права словенцев в рейхсрате и провинциальных собраниях, более активного противостояния клерикализму, активизировавшемуся в 80–90-е гг. XIX в. Вместе с тем в национальном вопросе взгляды либералов и русофилов во многом совпадали. В этот период, констатирует автор, «окончательно оформились отрицательные черты словенских русофилов, выразившиеся прежде всего в безудержном восхвалении русского самодержавия... Их национализм и антисемитизм в это время также расцвели полным цветом»²⁸.

Весьма важным представляется один из главных выводов И.В. Чуркиной о том, что словенские русофилы «никогда не ставили перед собой задачу создать словенское государство, но, мечтая о национальном освобождении, предполагали вхождение словенских земель в Австрийскую монархию или славянскую федерацию... Русофильство для словенцев означало прежде всего их отказ от австрославизма, являясь своеобразной переходной ступенью в их политическом самосознании от австрославистских иллюзий к проектам создания Югославского государства»²⁹. И, наконец, сочла нужным подчеркнуть Искра Васильевна, «главная цель словенских русофилов заключалась в завоевании прав на свободное национальное развитие для своего народа, в защите его от ассимиляторских устремлений разного рода германизаторов»³⁰.

Рассмотренная выше монография была по достоинству отмечена отечественными и словенскими историками и получила высокую оценку в целом ряде рецензий³¹.

21 февраля 1980 г. И.В. Чуркина защитила свою монографию «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» в качестве докторской диссертации.

Это было целое событие в жизни Института – в «доктора», наконец-то, пошли женщины-историки (в ноябре этого же года доктором исторических наук стала Галина Павловна Мурашко, сокурсница Искры Васильевны).

До этого докторские диссертации защищали преимущественно «филологини» – Е.И. Демина, С.А. Шерлаимова, Т.М. Николаева. К тому же Искре Васильевне в феврале 1980 г. еще не исполнилось 50 лет, а по негласно существовавшим в то время институтским «нормативам» защищать докторскую диссертацию, а тем более женщиной, до 50 лет, было проявлением нескромности и зазнайства. (А ведь вышеупомянутая книга могла быть защищена и раньше, так как была издана в 1978 г., полностью же была готова как минимум за год до этого.) Но в стране начиналось новое десятилетие XX в., в недрах старого общества, в том числе и научного, зрели перемены, и одним из проявлений этого процесса явилась защита Искры Васильевны.

В качестве официальных оппонентов на ней выступили представители «золотого фонда» отечественной славистики и балканистики: проф., д.и.н. В.Г. Карасев, проф., д.и.н. А.С. Мыльников, д.и.н. В.Я. Гросул.

В.Г. Карасев особо подчеркнул новаторский характер труда И.В. Чуркиной, которой, по его словам, принадлежит пальма первенства в постановке и исследовании целого ряда вопросов, в том числе вопроса о словенских русофилах, в показе эволюции их взглядов в зависимости от перемен социально-экономической, политической и международной обстановки в мире и балканском регионе³². «Значение монографии И.В. Чуркиной, – констатировал В.Г. Карасев, – состоит в том, что до сих пор мы мало знали о словенско-русских связях в XIX веке. Мы не представляли их... во всем многообразии факторов и явлений»³³.

Обращаясь к анализу диссертации И.В. Чуркиной, А.С. Мыльников предварил его весьма важным, на мой взгляд, тезисом о том, что «проблемы двусторонних и многосторонних культурно-политических контактов, в частности, между народами Центральной и Юго-Восточной Европы и России в рассматриваемую эпоху, не сводились к взаимному ознакомлению и потому не могут рассматриваться на традиционном для старой историографии фактологическом или “контактном” уровне». Поскольку, по мнению А.С. Мыльникова, культурно-политические связи представляют собой «логическое продолжение внутреннего развития контактирующих сторон», «любые формы взаимных контактов, а особенно между славянскими народами, нужно рассматривать как органическую часть процессов формирования наций и национальных культур», что и осуществила диссертантка, констатировал оппонент, на словенском материале³⁴. А.С. Мыльников выделил ряд важнейших достижений Искры Васильевны: глубокий анализ социальных структур словенского общества, изучение региональных особенностей, отчасти тормозивших консолидацию словенской нации, а также исследование ключевых вопросов словенской истории XIX в. – о формировании национального самосознания, национальных политических программ, а также о генезисе словенского русофильства.

В.Я. Гросул отметил многоплановость и комплексность труда И.В. Чуркиной, который, по его словам, является одним из первых в советской исторической литературе, где «такое большое внимание уделяется роли

национального самосознания в общем процессе формирования буржуазной нации»³⁵. Особое внимание В.Я. Гросула привлекли приведенные диссертанткой материалы о всеславянских идеях словенских национальных деятелей в XIX в., их стремлении создать общеславянский язык, а также о роли церкви в словенском общественном движении. Вместе с тем главным вкладом в науку И.В. Чуркиной, по мнению оппонента, является «создание общей картины словенского национального движения и русско-словенских отношений в XIX в.». Высокую оценку дал В.Я. Гросул тем разделам книги, где освещается деятельность русских ученых и общественных деятелей, имевших в разные годы контакты со словенцами, – В.И. Ламанского, И.С. Аксакова, Н.Я. Данилевского и др., что, по его убеждению, «способствует лучшему пониманию некоторых сторон русской истории»³⁶.

Общее мнение оппонентов было единодушным – монография И.В. Чуркиной, безусловно, это работа докторского уровня, которая займет достойное место в общем фонде исторических знаний о южных славянах. Разумеется, на защите были высказаны некоторые замечания, касающиеся в первую очередь терминологии («панславизм», «славянская взаимность», «всеславянские идеи», «буржуазная нация»), однако они не носили принципиального характера и сопровождались пространными рассуждениями их авторов.

После защиты докторской диссертации Искра Васильевна продолжала интенсивные научные изыскания в области русско-словенских связей. Ее содержательные статьи по данной проблематике публикуются не только в отечественных, но и в ведущих научных изданиях исторического профиля Словении, Словакии и Сербии (см. список трудов И.В. Чуркиной), а ее имя уже хорошо известно ее коллегам – словенским историкам.

В 1980-е годы исследовательница неоднократно выезжала в заграничные научные командировки – не только в связи с работой по публикации материалов архива М.Ф. Раевского, но также для работы в библиотеках и архивах за рубежом, в первую очередь, в Словении. Наряду с этим она успешно выступала с докладами на научных конференциях, съездах, симпозиумах, «круглых столах» в целом ряде стран – в Словении, Чехии, Словакии, Сербии, Хорватии, Черногории, Австрии, Польше, Испании.

Когда Искра Васильевна работала над своей монографией «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия», она отдавала себе отчет в том, что это ее будущая докторская диссертация. А этот труд предполагает особое построение научного исследования, так как во время защиты и при утверждении в ВАКе к докторской диссертации предъявляются особые квалификационные требования. Поэтому диссертантка не могла достаточно подробно, как то позволяли ей выявленные документы, осветить многообразные русско-словенские связи. К тому же издательство «Наука» постоянно ограничивало листаж издаваемых им трудов.

Между тем проблема, которую Искра Васильевна интенсивно исследовала с 1970-х годов, была необычайно интересной, значимой и практиче-

ски совершенно не изученной в историографии. Речь идет о русско-словенских научных связях. Именно их истории, начиная с XVIII в. и до 1914 г., посвящена ее следующая монография «Русские и словенцы» (М., 1986). Вместе с тем эта книга также и о развитии славистики в России, что делает ее еще более ценной.

Я очень люблю эту монографию Искры Васильевны – читала ее много раз, и для «дела», и для души. Не скованная квалификационными ваковскими «табу», автор обильно цитирует в ней документы из прошлых веков, открытые ею за долгие годы работы в различных архивах, и, в первую очередь, переписку ученых и общественных деятелей России и Словении, сопровождая их своими собственными умными и ненавязчивыми размышлениями. И в результате создает яркую, запоминающуюся картину личных судеб и взаимоотношений тех ученых, которые стояли у истоков славистики, а затем плодотворно развивали ее своими трудами. Монография И.В. Чуркиной – как бы групповой портрет русских и словенских ученых XVIII – начала XX вв. и, конечно, памятник им.

В центре внимания автора – история складывания научных связей, первые контакты ученых России и Словении, значение трудов русских ученых – А.Х. Востокова, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.Н. Пыпина и др. – для формирования молодой словенской науки, а также значение русско-словенских научных связей для развития славяноведения вообще. Очень важно, что автор исследует эти связи не только в плане чисто научных контактов, но и идеологических взаимовлияний русских и словенских общественных кругов.

Безусловно, вкладом в науку является изучение Искрой Васильевной русско-словенских научных контактов на их раннем этапе – конец XVIII – начало XIX вв., а также и приведенные ею сведения о словенцах, публиковавшиеся в русской периодике этого периода.

Разумеется, исследователям было уже известно о связях, существовавших между русскими учеными (А.Х. Востоковым, П.И. Кеппеном, И.И. Срезневским, М.П. Погодиным, П.И. Прейсом и др.) с выдающимся славистом, словенцем Ернеем Копитаром (1780-1844), библиотекарем придворной библиотеки в Вене, с 1826 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук. Однако Искра Васильевна в подробном очерке об этой неординарной личности, игравшей главную роль в русско-словенских научных связях 20–30-х годов XIX в., сумела добавить дополнительные штрихи к его запоминающемуся портрету.

Весьма интересен в монографии и сюжет о Ю.И. Венелине (Георгий Хуца), авторе известной книги «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829). После 1830 г. он заинтересовался историей словенцев и в 1841 г. выпустил труд «Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», первую изданную в России книгу, специально посвященную словенцам. Кстати, в

ней Венелин ввел в литературу само название «Словения», раньше самих словенцев.

Важной формой русско-словенского научного сотрудничества, как справедливо отметила И.В. Чуркина, являлись путешествия русских ученых в словенские земли – начиная с 1840-х годов, во время которых они завязывали контакты со словенскими культурными и общественными деятелями. В рассматриваемой книге приведен обширный материал по этому вопросу, в частности, о контактах с учеником Е. Копитара – Франом Миклошичем, преподававшим славистику в Венском университете (с 1849 г.), а в 1857 г. избранным членом-корреспондентом Российской Академии наук.

И в этой книге Искра Васильевна уделила немало внимания «герою» своей первой монографии – Матию Маяру и его разнообразной неутомимой деятельности по укреплению русско-словенских связей. Исследовательница скрупулезно проанализировала также русскую периодическую печать на предмет публикации в ней материалов о словенцах, авторами которых были не только русские авторы, но и словенцы (например, В. Клун в славянофильском журнале «Русская беседа»).

В истории научных связей России и Словении второй половины XIX в. почетное место занимает деятельность выдающегося русского и польского лингвиста-политолога И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929). И.В. Чуркина подробно рассмотрела его основные труды по словенской тематике – лингвистические и этнографические, его командировки и поездки в словенские земли, начиная с 1872 г., проанализировала его переписку со словенскими корреспондентами, которых у него было больше, чем у других русских ученых. Исследование вклада Бодуэн де Куртенэ в развитие русско-словенских связей позволило Искре Васильевне сделать следующий важный вывод, принятый и словенской историографией: «Пребывание Бодуэн де Куртенэ в словенских землях способствовало не только созданию им замечательных трудов по словенской филологии, но и имело большое значение для развития словенской научной мысли. Бодуэн... ободрял молодые таланты, став для ряда молодых словенских ученых настоящим учителем, способствовавшим становлению их научных интересов». Он также «много сделал для ознакомления русских научных кругов с достижениями словенских ученых, для пропаганды новейших выводов русской науки среди словенцев»³⁷.

Дело Бодуэн де Куртенэ по поддержанию научных связей со словенцами продолжили в последующий период Ф.Е. Корш, П.А. Кулаковский, И.С. Пальмов, А.А. Соколов, И.И. Срезневский, А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович, Т.Д. Флоринский, Б.М. Ляпунов, А.А. Шахматов.

Большое внимание русской научной общественности привлекала деятельность крупнейших словенских ученых и писателей XIX – начала XX вв. Среди них особый интерес вызывал Ф. Миклошич, признанный ведущий славист второй половины XIX в., «Нестор современных славистов», по выражению Р.Ф. Брандта, избранный за свои заслуги почетным членом всех русских университетов³⁸.

В результате скрупулезного анализа обширного материала И.В. Чуркина делает важный и обоснованный вывод: «...в последнюю четверть XIX – начале XX вв. словенистика в России сделала определенные успехи. Хотя ни один из русских славистов не отдавал ей предпочтение, многие из русских ученых, и среди них такие всемирно известные, как А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов, Ф.Е. Корш, изучали словенские сюжеты. При этом их исследования касались самых разных сторон словенистики: этнографии, истории языка, истории литературы»³⁹. Примечательно, что именно в этот период появились первые переводы на русский язык трудов словенских деятелей науки и культуры, например, сочинений Ф. Миклошича, стихотворений Ф. Прешерна и А. Ашкерца.

Значительный интерес представляет 7 глава рассматриваемой монографии, в которой И.В. Чуркина создала целую галерею портретов выдающихся словенцев, деятелей науки и культуры, бывавших в России и связанных с ней своим творчеством: Ф. Целестина, М. Мурко, М. Хостника, И. Приятеля, Р. Нахтигала. Именно они, подытоживает исследовательница, «стали проводниками влияния русской культуры на словенскую, способствуя тем самым, во-первых, оформлению ее как национальной словенской культуры, во-вторых, выходу ее из рамок провинциализма и мелкотемья». И еще один очень важный вывод автора, касающийся роли русской науки: «...можно сказать, что после словенских ученых наибольший вклад в развитие словенистики в XIX – начале XX вв. внесли слависты из России»⁴⁰.

Эта монография Искры Васильевны также получила высокую оценку и в отечественной историографии⁴¹, и в Словении. В 1995 г. в Любляне на словенском языке вышла книга И.В. Чуркиной «Русско-словенские культурные связи»⁴², в которую частично вошли материалы ее предыдущей монографии. Таким образом, она стала достоянием словенской исторической науки, а студенты, аспиранты и молодые ученые Словении имеют возможность знакомиться с концепцией автора, содержанием книги и уникальными документами по истории русско-словенских связей на своем родном языке.

В 1980-е годы в секторе новой истории балканских народов Института (в то время Института славяноведения и балканистики АН СССР), в котором трудилась Искра Васильевна, по заданию Дирекции интенсивно разрабатывалась тема, касающаяся развития государственности на Балканах. Это было новое направление исследования – до этого главное внимание сотрудники сектора уделяли в своих трудах национально-освободительному движению и русско-славянским связям. И.В. Чуркина, являвшаяся в то время единственным специалистом по истории Словении в Институте, разумеется, должна была «освоить» еще одну научную «целину». Впрочем, настоящей «целиной» предстоявшая работа для Искры Васильевны не являлась, так как за прошедшие почти 3 десятилетия ее трудов на «научной ниве» она уже привыкла работать в разных периодах и разных направлениях словенистики, что называется, «вширь и вглубь».

Коллективный труд «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в.» вышел в свет в 1986 г. Автором шестой главы «Словения» являлась И.В. Чуркина. Подчеркнув, что в отличие от сербов, хорватов и чехов, у словенцев отсутствовала государственно-политическая традиция, она сосредоточила свое внимание на возникновении и развитии идей государственности в словенских землях – начиная с О. Гутсмана и А. Линхарта. Уже в этот период – конец XVIII – начало XIX вв., констатирует Искра Васильевна, «в среде словенских просветителей наметились два направления политической ориентации – австрославистское, подразумевающее автономию словенцев в Австрийской империи, и антиавстрийское (русофильское или франкофильское), имеющее целью выход словенских земель из Габсбургской монархии. Обе эти тенденции были еще очень слабо выражены и неопределенны, но вполне ощутимы»⁴³.

В последующий период у ряда деятелей в словенских землях (С. Враз, М. Маяр) нашли отклик идеи иллиризма, однако, как замечает автор, они развивались здесь до 1848 г. только в культурно-просветительском плане, и словенские иллиры никогда не ставили целью освобождение от власти Австрии⁴⁴.

И.В. Чуркина подробно рассмотрела уже разработанный ею ранее вопрос о революции 1848 г., создании политической программы Объединенная Словения и ее влиянии на словенское национальное движение второй половины XIX в. При этом автор приходит к следующему важному выводу: «Для большинства славянских буржуазных политиков австрийской монархии наиболее приемлем был федерализм, ибо централизм означал для них национальное подчинение немцам, а дуализм – немцам и венграм». И далее: «... словенские национальные деятели никогда не предполагали, что Словения будет самостоятельным государством... Подавляющее большинство словенских политиков, особенно в первой половине 60-х годов, было убеждено, что австрийская монархия является единственным возможным государством, в составе которого может находиться Объединенная Словения»⁴⁵.

Одной из форм австрославизма стал югославизм. Эти идеи, получившие широкое распространение после введения в империи Габсбургов дуализма, пропагандировали главным образом младословенцы (Ф. Левстик, А. Томшич, В. Зарник), полагавшие, что центром объединения южных славян Австрийской монархии станет Хорватия. Наряду с этой программой Искра Васильевна выделяет у словенцев еще две: создание независимой Югославии (Я. Похор) и совсем уж фантастический проект наиболее радикальных словенских политиков – образование всеславянской федерации в форме республики или под главенством русского царя. «Ядром всех трех программ, – констатирует исследовательница, – являлась программа Объединенной Словении, провозглашенная в революции 1848 г. и не сходявшая с повестки дня вплоть до конца второй мировой войны»⁴⁶.

Логическим продолжением вышеуказанной работы Искры Васильевны явился ее раздел «Развитие идей государственности в программах политических партий Словении (1875–1917 гг.)» в коллективном труде «Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе» (М., 1991; отв. редактор – Ю.А. Писарев).

Хотя раньше Искра Васильевна в основном «трудилась» как ученый «в XIX веке» и преимущественно до 1878 г., в этой своей работе, написанной, так сказать, по «госзаказу», она, как и прежде, продемонстрировала высочайший профессионализм, умение четко поставить и разрешить самые сложные научные проблемы.

Главной особенностью развития словенских земель в последней четверти XIX – начале XX вв. являлось усиление их германизации, а главной движущей силой этой политики стал австро-немецкий капитал.

И.В. Чуркина отметила рост русофильских настроений среди словенцев после победы России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и создания ряда независимых государств на Балканах – Сербии, Черногории, Румынии, Болгарии. Однако, как подчеркивает автор, эти настроения перешли затем в политические концепции только у части либералов.

В «своем» небольшом разделе Искра Васильевна последовательно рассмотрела ряд важнейших вопросов государственной жизни словенцев: о выходе в 1880-е годы на политическую арену Словении клерикалов во главе с А. Махничем, выступавших против Объединенной Словении, за Габсбургскую монархию и историческое право; о формировании с начала 1890-х годов словенских политических партий и, прежде всего, консервативной католической национальной партии (1892); о деятельности либералов и их государственной программе (переустройство Габсбургской монархии в духе федерализма), объединенных в 1894 г. в Национально-прогрессивную партию; о словенских неославистах, выступавших, наряду с чешскими, за политическое сближение Австро-Венгрии и России и, таким образом, привлечение первой к Антанте⁴⁷.

В начале XX в. на политической сцене в словенских землях появляется новая национальная группировка – национальные радикалы, которые, как констатирует Искра Васильевна, фактически являлись либералами новейшего времени. Она подробно рассмотрела их программу, подчеркнув, что эти деятели «в начале своего пути требовали для словенцев культурно-национальной автономии. Однако на своем последнем съезде, в 1912 г., они отошли от нее, провозгласив главной целью создание Объединенной Словении»⁴⁸. Так называемые «препородовцы» (члены тайной организации, органом которой стал журнал «Препород» /«Возрождение»/) выдвинули другую программу – создание собственного словенского государства вне Австро-Венгрии, но ее не поддержали другие партии.

В целом же, как показала своим исследованием И.В. Чуркина, «все югославистские программы, имевшие хождение в Словении, не предусма-

тривали выхода словенских... земель из Габсбургской монархии, т.е. создания независимой Югославии»⁴⁹.

Детально проанализировала Искра Васильевна и государственные программы словенцев в период Первой мировой войны. Суть изменений она определила весьма четко: отход от проавстрийских концепций и рост югославистских тенденций. Впоследствии это привело к тому, что в мае 1917 г. буржуазные партии Словении выдвинули совместную государственную программу: создание югославянского объединения, хотя пока еще под властью Габсбургов.

В 1980-е годы И.В. Чуркина также приняла участие в создании двух институтских трудов, посвященных развитию культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы⁵⁰. Поскольку специалистов по словенской культуре в Институте не было, пришлось Искре Васильевне на этот раз стать историком культуры.

Эту проблему исследовательница рассматривает на фоне исторического развития словенских земель, начиная с раннего Средневековья. При этом она выделяет ряд факторов, влиявших, по ее мнению, на развитие словенской культуры в эпоху Просвещения: неполная социальная структура словенского общества (отсутствие у словенцев дворянства); политическая, экономическая и языковая раздробленность словенских земель, замедленные темпы формирования словенского национального самосознания; значительная роль духовенства в просветительской деятельности (только в 80-х годах XVIII в. к священникам, действовавшим на этом поприще, присоединились некоторые представители светской интеллигенции). Важен вывод Искры Васильевны об истоках формирования словенской национальной культуры, которыми являлись: «словенская крестьянская культура, деятельность словенских протестантских писателей и их последователей, европейское Просвещение». Обратила она внимание и на влияние такого фактора, как католическая церковь⁵¹.

И.В. Чуркина выделила 3 этапа словенского Просвещения: 1. Конец 60-х – начало 80-х гг. XVIII в., время пробуждения интереса к словенскому языку и культуре среди отдельных представителей словенцев, зачинателей словенского Возрождения; 2. Начало 80-х гг. XVIII в. (учреждение Академии оперозорум) – 1814 г., когда в словенских землях было восстановлено австрийское владычество после победы над наполеоновской Францией. В этот период, благодаря деятельности кружка барона Ж. Цойса, были заложены основы многих областей словенской национальной культуры; 3. 1814–1830 гг. В этот период при наступившей реакции в австрийских землях деятельность словенских просветителей стала приобретать некоторые консервативные черты. Вместе с тем расширилась территория распространения просветительских идей, захватив словенские земли Штирии и Каринтии⁵².

Заслугой Искры Васильевны, несомненно, было то, что в небольшом разделе она достаточно четко представила основные составляющие сло-

венской культуры и ее достижения в области науки, литературы, образования, развития литературного языка, театра, музыки, подчеркнув также значительную роль ряда выдающихся деятелей эпохи Просвещения в осуществлении преобразований – Ж. Цойса, Б. Кумердея, А. Линхарта, В. Водника, Е. Копитара и др.

Говоря об особенностях развития словенской культуры в эпоху Просвещения, Искра Васильевна подчеркивает, что она формировалась под сильным воздействием культур соседних народов – немецкого и итальянского. Однако словенские будители, опасаясь ассимиляции, сознательно пытались преодолеть это влияние⁵³.

Обратившись к анализу словенской культуры в период романтизма во втором, вышеупомянутом коллективном труде «Становление национальной классики», исследовательница выделила 2 этапа в ее развитии: 1. Конец 20-х гг. XIX в. – 1849 г.; 2. 1849 г. – конец 50-х гг. XIX в. По ее мнению, 30–40-е гг. XIX в. «сыграли огромную роль в становлении словенской национальной культуры»⁵⁴. Этот тезис она раскрывает на примере деятельности в области культуры целого ряда выдающихся словенцев – ученых, литераторов, просветителей. Для первого периода в развитии романтизма это были критик и историк литературы Матия Чоп (1797–1835) и великий словенский поэт Франце Прешерн (1800–1849), которые, прежде всего, поставили перед собой задачу создания словенского литературного языка, на котором могли бы создаваться самые тонкие и сложные художественные произведения. «Их собственная деятельность, – пишет Искра Васильевна, – ознаменовала собой новый этап в борьбе за достижение этой цели»⁵⁵.

Разумеется, творчество М. Чопа и Ф. Прешерна детально изучено в Словении. Однако и Искра Васильевна своими четкими характеристиками творчества этих деятелей и обоснованными выводами внесла важный вклад в историографию данной проблемы. На мой взгляд, заслуживают внимания следующие заключения автора: «Благодаря Прешерну словенская поэзия была вырвана из дидактизма, утилитаризма и провинциализма и конституировалась как национальная поэзия». И далее: «После Прешерна можно было уже с полным основанием говорить о существовании словенского литературного языка», а также: «В творчестве Прешерна словенский романтизм достиг своей вершины»⁵⁶.

И.В. Чуркина отметила значительную роль просветительской деятельности Янеза Блейвейса (1808–1881) – не только в развитии словенской культуры в 1840-е гг., но и в приобщении к ней широких слоев населения, главным образом крестьянства.

С позиций, близких к Блейвейсу, выступал Матия Маяр, призывавший деятелей культуры направлять свои усилия в просветительно-патриотическую область. Как и в предыдущих своих трудах об этом незаурядном деятеле, Искра Васильевна останавливается на его попытках создать общеславянский язык. И хотя словенские национальные деятели впоследствии отошли от этой идеи, все же, убеждена исследовательница,

«сама атмосфера попыток создания общеславянского языка и общеславянской культуры наложила свой отпечаток на развитие словенской литературы в первое десятилетие после революции (1848 г. – С.Д.)»⁵⁷.

Рассмотрела Искра Васильевна также творчество целого ряда словенских писателей и поэтов, представителей разных литературных течений 1850-х годов (Л. Светец, Й. Турноградская, Я. Трдина, А. Янежич, М. Вальвец, С. Енко).

Обратившись к развитию словенской науки в 30–50-е годы XIX в., автор подчеркивает ее утилитарный характер и провинциальный уровень. «Вместе с тем, – отмечает она, – именно на это время падает деятельность двух корифеев славянской филологии, словенцев Ернея Копитара и Франа Миклошича»⁵⁸.

Рассмотрение ряда вопросов обозначенной темы позволило Искре Васильевне сделать выводы, касающиеся словенского романтизма. Прежде всего, о его достижениях. «Это время, – пишет она, – ознаменовалось созданием современного словенского литературного языка и словенской литературы. Но если в поэзии благодаря таланту Прешерна и Енко был достигнут высокий уровень, то другие жанры – драма, проза – делали только первые шаги». По мнению И.В. Чуркиной, «значительных успехов добились словенские ученые-лингвисты. Музыка в словенских землях... уже стала приобретать черты национального своеобразия. Но архитектура и живопись еще не имели национальной окраски». И далее: «Словенским национальным деятелям эпохи романтизма удалось поднять общий уровень словенской культуры, которая стала превращаться из культуры, предназначенной для крестьянства и низших городских слоев, в культуру европейского уровня»⁵⁹.

В 1990-е годы, весьма непростые как для развития российской науки в целом, так и для ее непосредственных тружеников, И.В. Чуркина осталась верной своему призванию и избранной еще в юные годы специальности, не предавалась унынию, а всячески поддерживала коллег и продолжала интенсивные научные изыскания сразу в нескольких направлениях. Во-первых, в главном для ее творчества – изучение российско-словенских связей. В итоге – публикация в Любляне монографии «Русско-словенские культурные связи» (1995) на словенском языке, о чем уже говорилось выше.

Среди работ этого направления хотелось бы также выделить раздел Искры Васильевны в коллективном труде «Славянские Матицы. XIX век» (Ч. 2. М., 1996), посвященный истории Матицы Словенской. Созданная в 1864 г., она, как подчеркивает автор, сыграла значительную роль в развитии, прежде всего, словенской науки, а также национальной словенской средней школы и просвещения в целом. В данной работе кратко, но весьма содержательно представлена деятельность Матицы Словенской по изданию научной литературы, фольклора и учебников для средних школ, по организации различных национальных торжеств, а также показаны ее связи с научными и культурными обществами, в том числе с российскими.

При этом автор не ограничивается простым изложением фактов, а рассматривает и ту борьбу, которая происходила внутри Матицы между словенскими консерваторами и либералами⁶⁰.

Второе направление исследований Искры Васильевны в 1990-е годы – особенности национального Возрождения словенского народа, развитие идей государственности в словенских землях. При этом следует выделить ее участие в коллективном труде «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII– начало XX вв.» (М., 1997). В нем перу Искры Васильевны принадлежат 4 главы: «Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской империи», «Революция 1848–1849 гг. в югославянских землях Австрии», «Становление национальных программ словенцев (1850–1894)» и «Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны». Кроме того, она является редактором и автором концепции этого труда.

Разумеется, ключевые проблемы истории Словении, обозначенные в главах, были не новы для научного творчества И.В. Чуркиной. Вместе с тем событийная составляющая в вышеуказанных разделах мастерски дополняется сравнениями положения разных южнославянских народов – сербов, хорватов и словенцев в рассматриваемый, весьма протяженный период, а также выявлением особенностей развития их национальных движений, культуры, формирования национальных идеологий. Наиболее ярко, на мой взгляд, это представлено в главе, посвященной революции 1848–1849 гг. в югославянских землях Австрии, в которой автором продуманно и четко изложены подоплека и все перипетии событий. Искра Васильевна делает обоснованный вывод: «...именно в эти годы сформировались национальные политические программы словенцев, хорватов, сербов... Вопрос о политическом объединении южных славян был поставлен на повестку дня, правда, еще в австрофильской форме. Среди хорватских деятелей появились политики, которые мечтали об образовании югославянской федерации вне рамок Австрии и Османской империи. Идеи югославизма завоевали себе сторонников главным образом среди либералов... Югославистские программы наиболее подробно разрабатывались хорватскими и отчасти словенскими политиками. Сербы к ним относились более сдержанно, для них была главной перспектива объединения с княжеством Сербией. Однако совместная борьба против венгров укрепила сотрудничество и взаимопонимание между сербскими и хорватскими политиками»⁶¹. Наряду с этим автор отмечает, что в конце революции «в среде югославянских национальных деятелей появились и сугубо националистические сербские и хорватские идеи, которые... уже достаточно четко определились в непримиримом противостоянии друг другу»⁶².

Словенцы остались в стороне от националистического угара. Отсутствие великословенских тенденций в словенской национальной идеологии И.В. Чуркина объясняет слабостью словенского национального движения.

Зато среди словенцев получили большое распространение всеславянские идеи. Вновь, как и в более ранних своих трудах, исследовательница обращает внимание на эту особенность – уже с конца XVIII в. бок о бок с национальным самосознанием у словенцев развивалось и общеславянское самосознание.

Прослеживая формирование национальных программ словенцев в 1850–1894 гг. (глава 9), Искра Васильевна выделяет в словенском национальном движении три течения, четко определившиеся уже в начале 1870-х годов: либеральное, умеренно-консервативное и клерикальное, приобретавшее все больший вес в словенских землях.

Обращаясь к концу XIX – началу XX вв., автор вновь подчеркивает, что в этот период все югославянские национальные программы, имевшие хождение в словенских землях, не предусматривали выхода словенских и других югославянских земель из состава Австро-Венгрии. И лишь накануне Первой мировой войны отдельными представителями радикальной демократической и социалистической интеллигенции было выдвинуто требование создания независимого демократического Югославского государства⁶³.

И, наконец, третьим направлением научно-исследовательской работы И.В. Чуркиной в 1990-е годы являлось изучение роли церкви в формировании национального самосознания словенского и других югославянских народов.

С начала 1990-х годов Отдел (бывший сектор) истории славянских народов Юго-Восточной Европы в новое время, которым после академика Ю.А. Писарева (1916–1993) руководила Искра Васильевна, приступил к разработке темы: «Роль религии в формировании южнославянских наций», что стало возможным лишь в новых условиях развития отечественной исторической науки в конце XX в. Результатом совместных усилий целого ряда авторов стал коллективный труд⁶⁴, в котором участие И.В. Чуркиной было весьма значительным (отв. редактор, автор обширной I главы, Предисловия и Заключения).

В этой работе Искра Васильевна представила аналитический очерк истории церкви в словенских землях, начиная с эпохи раннего Средневековья, и показала роль религии в формировании национального самосознания словенского народа. При рассмотрении данной темы исследовательница приходит к целому ряду важных выводов. Так, размышляя о результатах принятия христианства для развития словенцев как самостоятельной этнической общности, она оценивает их скорее отрицательно, чем положительно, так как церковь, подчеркивает она, была «важным орудием подчинения словенцев иноэтническим государственным образованиям, что привело к ассимиляции почти двух третей словенских земель, поставила словенцев перед угрозой их полного исчезновения как самостоятельного народа»⁶⁵.

Обращаясь к эпохе Реформации, Искра Васильевна констатирует, что она «связала словенский народ с помощью созданного ее деятелями едино-

го литературного словенского языка, подняла вопрос о словенской церкви и о словенской школе. Несмотря на свое поражение, она заложила основы современной словенской культуры»⁶⁶. Последовавшая затем Контрреформация нанесла огромный ущерб только что начавшей формироваться словенской культуре и словенскому самосознанию, однако не смогла уничтожить все результаты деятельности словенских протестантов.

Особое внимание И.В. Чуркина уделила в этой работе эпохе Просвещения. Как и в предыдущих своих трудах по данной тематике, она подчеркивает определяющую роль в этот период католических священников, составлявших, вплоть до середины XIX в., большинство словенской интеллигенции и сумевших заложить фундамент современной словенской культуры, прежде всего, литературного языка, единого для всех словенцев, и словенской школы.

Бесспорной заслугой Искры Васильевны является рассмотрение вопроса о либеральных католиках в словенских землях (А. Эйшпиллер, М. Маяр), в среде которых возникла мысль о создании национальной церкви. «Для словенских национальных деятелей, — подчеркивает автор, — словенская церковь, как и словенская школа, являлась гарантом сохранения словенцев как народа, как нации»⁶⁷. При этом словенская церковь должна была подчиняться Папе Римскому, но иметь свою внутреннюю автономию, вести богослужение и церковные дела на словенском языке.

Говоря об активизации католического движения в словенских землях, начиная с 1880-х годов, исследовательница обращается к вопросу о взглядах и деятельности видных представителей этого движения — А. Махничя, Я. Крека, Л. Ленарда и др. «В результате деятельности словенских католиков за три десятка лет положение католической церкви в словенских землях кардинально изменилось, авторитет ее возрос, особенно среди низших слоев населения», — приходит она к выводу. Вместе с тем, как показано в работе, в среде словенских либералов появилось радикальное течение, выступившее за решительную борьбу с усиливающимся влиянием католической церкви. Радикалы группировались вокруг газеты «Словански свет», издававшейся в 1888–1899 гг. Ф. Подгорником. Ими выдвигалась идея кирилло-мефодиевской (т.е. православной) церкви в качестве противовеса наступлению католической церкви, которую радикалы считали антинациональной⁶⁸.

В первое десятилетие XXI в. Искра Васильевна продолжала наращивать научный потенциал и не сбавляла темпа своих исследований. Их главные направления остались те же, уже определившиеся в предшествующие десятилетия. Однако в анализ когда-то рассматриваемых ею вопросов, сюжетов и персоналий она неизменно вносила что-то новое — и не только документы, но и иной ракурс, иной аспект, а подчас и новые, неожиданные выводы. И поэтому ее труды XXI в. — это не перелицовка уже когда-то написанного и не раз опубликованного — они аналитичны, содержательны и очень интересны. Всякий раз, когда читаешь очередную статью Искры

Васильевны, слушаешь ее доклад на конференции или «круглом столе», от души радуешься: «Виват! Словенистика живет и процветает!» И все это благодаря Искре Васильевне, ее исключительной преданности науке, таланту, редкостному трудолюбию и работоспособности.

Среди многочисленных трудов исследовательницы, изданных за последние 11 лет, хотелось бы выделить несколько наиболее важных и ключевых для ее научного творчества. Прежде всего, это ее участие в коллективном труде Отдела новой истории славянских народов Центральной Европы «Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии» (М., 2001). Разумеется, и период, и проблема были уже глубоко и основательно изучены И.В. Чуркиной. Новым было то, что о словенских землях в революции 1848–1849 гг. писала на этот раз не она, а ее дочь и последовательница, автор специальной монографии на эту тему Л.А. Кирилина. А Искра Васильевна в вышеуказанной коллективной монографии представила главные этапы истории хорватов и сербов в этот период. Из ее четкого изложения революционных событий в Габсбургской монархии становится совершенно ясно, почему сербы и хорваты выступили против венгров, что, в конечном счете, предопределило их поражение. В соответствующей главе подробно проанализированы национальные программы сербских и хорватских деятелей и их отношения с венгерскими властями, которые, однако, не шли на уступки в национальном вопросе.

Оценивая роль венгерских революционеров, Искра Васильевна отмечает ее противоречивость. «Борьба венгров против Габсбургов, особенно с осени 1848 г., – пишет она, – носила национальный, а не социальный характер. Выступая против австрийского правительства за свои национальные права, венгры вели справедливую борьбу. Не желая признавать национальные права сербов, хорватов и других народов, подавляя их в вооруженной борьбе, они выступали как контрреволюционная сила. Именно венгры, – делает вывод Искра Васильевна, – разрушили единый фронт народов Австрийской империи против Габсбургов и дали возможность последним укрепить свое положение. Национализм венгерских, а также австро-немецких революционеров привел к тому, что второй коренной вопрос революции 1848 г. в Австрии – национальный – не был решен»⁶⁹.

Новым, по сравнению с разделом Искры Васильевны в уже упоминавшемся выше коллективном труде «На путях к Югославии: за и против», является обращение исследовательницы в этой главе к вопросу о влиянии революционных событий 1840-х годов в Европе на политическое развитие Сербского княжества. При этом автор выделяет важнейшие аспекты проблемы: пишет об истории создания национальной программы «Начертание» (1844 г.), имевшей целью объединение всех земель, населенных сербами, вокруг Княжества и образование единого Сербского государства; рассматривает внешнеполитический аспект деятельности сербских «уставобранителей» (защитников конституции), переориентировавшихся с России на Турцию и поддерживавшую ее Францию; констатирует, что важным

проводником политики Франции на Балканах являлась польская эмиграция, вернее, ее консервативное крыло во главе с князем А. Чарторийским. Наряду с этим Искра Васильевна освещает вопрос о помощи Сербии воеводинским сербам в их противостоянии венграм.

Итоги политики сербского правительства в период революции 1848–1849 гг. И.В. Чуркина оценивает двояко. По ее мнению, «с точки зрения внешнеполитического положения Сербия ухудшила свои позиции. Ставя цель создания обширного государства, объединявшего всех сербов, она полагала достичь ее с помощью Франции и Турции. Но ни та, ни другая совсем не были склонны способствовать осуществлению этой цели сербского правительства». Отношение же к России сербских правящих кругов в годы революции было неприязненным, что обуславливалось их ориентацией на враждебно настроенных к ней Францию и Турцию, а также на польскую эмиграцию. Наряду с этим, отмечает Искра Васильевна, в отношениях с австрийскими славянами Сербское княжество сумело добиться определенных успехов, ибо здесь оно действовало исходя из своих национальных интересов. Окрепили его связи с воеводинскими сербами, упрочились контакты с хорватами⁷⁰.

В минувшее десятилетие И.В. Чуркина продолжала углубленное изучение проблемы влияния религии на формирование южнославянских наций, опубликовала около 10 статей по данной проблематике⁷¹. Примечательно, что в этих работах она рассмотрела ряд вопросов вышеуказанной проблемы не только применительно к истории словенцев, но также сербов, черногорцев, хорватов, болгар, босняков – в сравнительном плане и в различные периоды, начиная с эпохи Средневековья и до начала XX в. При этом по-прежнему одним из главных объектов для анализа и обобщений исследовательницы является роль христианства, различных его течений в становлении этнического, а затем и национального самосознания южных славян. И.В. Чуркина не игнорирует ислам, однако подчеркивает, что он, по сравнению с христианством, занимал второстепенные позиции, так как его приняла сравнительно небольшая часть южных славян⁷².

Весьма интересны выводы автора, касающиеся конца XIX – начала XX вв. В этот период, пишет Искра Васильевна, «у сербов, черногорцев и болгар в связи с созданием национальных государств роль церкви в общественной жизни снизилась, у хорватов и словенцев, не имевших своих государственных структур, напротив, возросла». Вследствие активизации католиков во всей Европе в конце XIX в., «в словенских и хорватских землях были организованы католические партии, которые включились в борьбу за улучшение положения народных масс, за национальные права своих народов. Особенно активно действовали в этом направлении христианские социалисты. Они имели успех – католическая церковь в некотором роде стала играть роль национальной церкви, прежде всего, у словенцев и в какой-то степени у хорватов». Попытки представителей прогрессивных кругов национальной интеллигенции уменьшить значение

конфессиональных моментов в менталитете южнославянских народов успеха не имели.

Оценивая факт создания национальной церкви у южнославянских народов, И.В. Чуркина констатирует неоднозначные последствия этого процесса: с одной стороны, это «способствовало сплочению этносов для противодействия ассимиляторским устремлениям господствующих наций, охраняя их самобытность, культуру, укрепляя их жизнестойкость», а с другой, «деятельность национальных церквей стала в значительной степени причиной размежевания одноязычного населения на отдельные нации по религиозному признаку»⁷³.

Еще одним весомым научным достижением И.В. Чуркиной в последние годы явилось издание фундаментального труда «Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.)» (М., 2010, изд. «Древлехранилище»). В этой публикации, первой по данной тематике в историографии, являющейся результатом многолетнего кропотливого труда трех исследователей – российских историков И.В. Чуркиной и Л.А. Кириловой и словенского архивиста В. Колоши, представлено 492 документа, в большинстве уникальных, выявленных в 11 российских (Москва и Санкт-Петербург) и 4 словенских архивах. Вклад Искры Васильевны в этот труд весьма существенный – она не только выявила большинство документов, но также определила концепцию публикации и написала вступительную статью «Этапы развития русско-словенских отношений» и значительную часть комментариев.

Юбилейный для Искры Васильевны 2011 год ознаменовался выходом в свет сразу двух трудов, знаковых для ее научного творчества.

Прежде всего, речь идет об «Истории Словении», первой работе подобного рода в отечественной историографии. «История Словении» – коллективный труд, его И.В. Чуркина написала в соавторстве с Л.А. Кириловой и Н.С. Пилько. Перу моей героини в этой работе принадлежит примерно половина текста, в котором изложена история словенских земель, начиная с периода раннего Средневековья и включая первую половину XIX в. Таким образом, в данном труде перед Искрой Васильевной стояла примерно та же научная задача, что и полвека тому назад, в период написания ею «словенских» глав для I тома «Истории Югославии». Однако в то время она была молодым исследователем, делавшим первые самостоятельные шаги по пути в словенистику. Теперь же И.В. Чуркина, признанный, авторитетный ученый, автор нескольких сотен трудов, участием в «Истории Словении» как бы подводит итоги своей научной деятельности в этом направлении.

Концепция истории словенцев, выдвинутая в данном труде Искрой Васильевной, по ряду вопросов отличается от концепции некоторых современных словенских историков, например, профессора Люблянского университета П. Штиха. Так, он утверждает, что «карантанцы не были словенцами», а словенскую историю следует начинать только с последней трети

XVIII в., когда словенцы начали формироваться как нация (народ). По мнению П. Штиха, стремление связать историю карантанцев с историей словенцев представляет собой попытку создать не подлинную, а мнимую картину исторических событий. На страницах «Истории Словении» Искра Васильевна аргументированно отстаивает свои позиции. Она подчеркивает, что, разумеется, карантанцы не могут считаться словенцами, однако несомненен тот факт, что они вместе со славянами из Карниолы и Приморья являются непосредственными предками словенцев, тем ядром, вокруг которого стала формироваться современная словенская нация. Развивая свои мысли, исследовательница отмечает, что каждая этническая общность проходит несколько этапов развития от племени до современной нации, при этом сохраняя основные элементы: язык, обычаи, определенное сознание этнической общности, хотя бы на уровне отличия от соседних этносов, в данном случае от немцев и итальянцев. Нередко с годами этническая общность меняет свое наименование. Так, словенцы на раннем этапе своего развития называли себя карантанцами или славянами, затем – иллирами или славянами, затем – по названию провинций Священной Римской империи – крапцями (краинцами), штаерцами (штирийцами), корошцами (каринтийцами). Только с середины XIX в. в обиход прочно входит наименование «словенцы». По мнению И.В. Чуркиной, традиционное убеждение словенских историков в том, что историю словенцев следует начинать с прихода славян в Альпы, является единственно верным.

Значительное место в «Истории Словении» Искра Васильевна уделила эпохе Возрождения в словенских землях (начиная с последней трети XVIII в.), которое, подчеркивает она, являлось одной из форм европейского Просвещения. Для словенского Возрождения, как и во всей Европе, были характерны борьба против феодальных порядков и идеологии, стремление уничтожить насилие, господство церкви в науке, культуре и общественной жизни, вера в то, что просвещение способно избавить общество от недостатков. Однако словенское Возрождение, как показала Искра Васильевна, имело целый ряд особенностей. Поскольку словенцы находились под чужеземной властью, во взглядах словенских просветителей значительное место занимали национальные моменты. Формировавшаяся словенская элита происходила в своем большинстве из крестьян и низших городских слоев, которые могли получать образование преимущественно в религиозных учебных заведениях. Поэтому антирелигиозная направленность в идеологии словенских просветителей была значительно слабее, чем у западноевропейских.

Первый этап словенского Возрождения (1768–1814), как показано в «Истории Словении», протекал при сравнительно либеральных порядках – в эпоху просвещенного абсолютизма в Габсбургской империи и Иллирийских провинциях Наполеона. В этот период, делает вывод автор, идеология словенских просветителей могла развиваться достаточно свободно. Второй этап словенского Возрождения продолжался с 1814 г. по 1848 г. Это

было время господства в Австрии реакционного меттерниховского режима, когда условия развития национальной и прочих негосударственных идеологий, не связанных с официальными кругами, резко ухудшились.

В «Истории Словении» Искра Васильевна динамично и четко изложила ход исторических событий в словенских землях на весьма протяженном отрезке времени, и это, безусловно, является большим достижением исследовательницы, ее вкладом в отечественную и мировую словенистику. Ценность этого труда – в обширном материале, в глубоких обобщениях и обоснованных выводах по целому ряду вопросов. Например, о русофильских настроениях среди младословенцев, о чем И.В. Чуркина писала во многих своих работах. Констатация данного факта в «Истории Словении» весьма важна, так как некоторые современные словенские историки замалчивают это, пытаясь выдать рост русофильства у словенцев за их интерес к славянской взаимности вообще.

Вторым трудом Искры Васильевны, изданным в 2011 г., стала монография, пятая по счету, «Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне», посвященная 200-летию со дня рождения этого деятеля. Появление ее в «активе» И.В. Чуркиной вполне логично, ибо кто как не она, отдавшая более 20 лет работе над архивом М.Ф. Раевского, опубликовавшая в разные годы более 10 статей о его связях с югославянскими общественно-политическими и культурными деятелями, могла создать подобный труд.

В книге в лучших традициях отечественного славяноведения, на основе богатейшего эпистолярного материала и «Записок» самого М.Ф. Раевского, представлен развернутый исторический портрет этого деятеля, ярчайшего интеллектуала своего времени, безраздельно преданного славянской идее, более 40 лет, с 1843 г. по 1884 г., трудившегося на ниве поддержания связей с югославянами. При этом, что очень важно, Искра Васильевна далека от бытовавшей прежде идеализации корреспондентов М.Ф. Раевского. Заслугой И.В. Чуркиной является и то, что она показала, как в течение длительного периода общения его позиция в отношении отдельных представителей югославян менялась.

Вторым планом, не менее важным, чем первый, в монографии Искры Васильевны выступает, во всем его многообразии, славянский мир, который в тот период постепенно открывался российскому обществу. По охвату сюжетов, персоналий, концепций и идей эта книга – своеобразная славянская энциклопедия.

Связи протоиерея Раевского среди югославян, подданных Габсбургской монархии и Османской империи, как убедительно показано в монографии Искры Васильевны, были весьма обширны, разнообразны и часто инспирировались правящими кругами России, в том числе членами императорской семьи. Но при этом, делает важный вывод исследовательница, М.Ф. Раевский не был просто передаточным звеном, а являлся активным деятелем в области установления и поддержания контактов. Его роль в этом процессе была, несомненно, очень велика.

* * *

Больше полувека длится жизнь в науке Искры Васильевны Чуркиной. Жизнь счастливая, и, прежде всего, для нее самой – любимое дело, многочисленные опубликованные труды, признание в России и за рубежом, бесспорный научный авторитет, востребованность, ученики и последователи.

Но и для отечественного славяноведения второй половины XX – начала XXI вв. явление под названием «И.В. Чуркина» – не из разряда рядовых. Искра Васильевна стояла у истоков российской словенистики. Она сама в начале своего научного пути выбрала эту отрасль славистики и все последующие десятилетия самоотверженно, увлеченно и методично трудилась по ее развитию – своими научными исследованиями и многолетними контактами со словенскими историками. Именно благодаря во многом ее деятельности российская словенистика за рубежом была признана как составляющая часть мировой. Об этом свидетельствует избрание Искры Васильевны действительным членом Словенского исторического общества, членом Общества словенских исследований (Канада), действительным членом Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Искра Васильевна всегда достойно представляла отечественную науку за рубежом, прежде всего в Словении. Она внесла значительный вклад в установление и упрочение русско-словенских научных связей. Наряду с этим в разные годы она выступала с докладами на различных научных форумах в Словакии, Испании, Сербии, Черногории, Польше, Хорватии, Австрии, публиковала статьи, кроме Словении, в Сербии, Словакии, Польше, Австрии.

Отличительной чертой И.В. Чуркиной как ученого является ее неиссякаемая любовь к источникам. Она их ищет и постоянно находит всю свою творческую жизнь. Поэтому ей всегда легко, с источниками в руках, вести, аргументированно и предметно, любую научную дискуссию.

Однако вышеперечисленным не исчерпывается вклад И.В. Чуркиной в науку. Искра Васильевна всегда очень внимательно и с большим уважением относилась к труду своих коллег-славистов. Не было случая, чтобы она кому-либо отказала в помощи – будь то рецензия на книгу, отзыв на диссертацию, оппонирование на защите. По характеру Искра Васильевна очень добрый, чуткий, весьма толерантный в общении человек, но ее личное отношение совершенно не влияет на оценку работы ее коллег. Для нее существует лишь одно Величество, которому ученым следует служить, – НАУКА. Поэтому ее критика может быть жесткой, но она всегда справедлива и конструктивна. Кроме того замечания неизменно высказываются ею в спокойной интеллигентной манере, так сказать, в «щадающем режиме». И это очень ценится всеми, кто знает Искру Васильевну.

Особый жанр научного творчества И.В. Чуркиной – рецензии на труды российских и зарубежных славистов и балканистов. Всего их около 30,

и начала она их публиковать с 1963 г. Среди них рецензии на труды словенских историков – Б. Графенауэра, И. Плелерски, Ф. Гестрина, В. Мелика, М. Бритовшека, П. Водопивца; на издания по истории Любляны; на монографию словацкой исследовательницы Т. Ивантышиновой; а также на труды российских историков – И.И. Лещиловской, В.И. Фрейдзона, В.Я. Гросула, В.М. Хевролиной, М.Ю. Досталь и др.

Весьма интересны оценки, высказанные Искрой Васильевной на художественные произведения словенских авторов – Я. Випотника, Н. Габрович, В. Зупана, М. Маленшек, Т. Светины и др. Соответствующие рецензии были ею опубликованы в 1970–1980-е годы в журнале «Современная художественная литература за рубежом», в которых она выступает не только как знаток словенской литературы, но и как благодарный читатель.

У Искры Васильевны было немного учеников-аспирантов. Долгие годы руководство Института славяноведения считало, что Словения – страна небольшая, и поэтому одного специалиста по словенской истории вполне достаточно. Кроме того, на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ отсутствовала соответствующая специализация. Однако затем ситуация изменилась в лучшую сторону, и теперь у Искры Васильевны есть две талантливые помощницы-словенистки – ее дочь, Любовь Алексеевна Кирилина, специалист по истории Словении XIX в., и бывшая аспирантка Надежда Сергеевна Пилько, специалист по истории Словении XX в. Но не только для них Искра Васильевна является бесспорным научным авторитетом. Все словенисты – и литературоведы, и лингвисты, и историки культуры нашей страны, представители разных поколений, – знакомы с работами Искры Васильевны и не раз обращались к ней за помощью и консультациями по самым разным вопросам. Кстати, то же самое делают и остальные югослависты.

В начале 1970-х годов в отзыве о научных трудах И.В. Чуркиной ее бывший научный руководитель профессор С.А. Никитин написал о ней следующее: «Много работающий специалист, уже достигший важных результатов». Те, кто знал необычайно скупого на похвалу Сергея Александровича, согласятся, что это была чрезвычайно высокая и, разумеется, заслуженная оценка.

С тех пор минуло четыре десятилетия. И что изменилось? Искра Васильевна по-прежнему очень много работает, в том числе в своем юбилейном году. О результатах ее научной деятельности «на благо словенцев и разных прочих славян» красноречиво свидетельствует внушительный список опубликованных ею трудов по словенской и общеславянской тематике.

Но главное, на мой взгляд, заключается в том, что в наступившем XXI веке Искра Васильевна Чуркина является одним из талантливых продолжателей и верных хранителей лучших традиций и научных принципов отечественного славяноведения. Им она следует сама, этому же учит молодежь – будущее российской исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горина Л.В. С.А. Никитин – заведующий кафедрой истории южных и западных славян (1947–1961) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 25.

² Чуркина И.В. Горная промышленность Словении в XVI в. // Ученые записки Института славяноведения (УЗИС). Т. XX. М., 1960; она же. Некоторые черты экономического развития словенских земель // Средние века. Т. XX. М., 1962; она же. Из истории словенского города конца XV – начала XVI вв. // УЗИС. Т. XXV. М., 1962.

³ История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 47.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 269–270.

⁶ «... в своем подавляющем большинстве, – пишет И.В. Чуркина, – крестьянство осталось равнодушным к Реформации, имевшей поэтому в Словении в основном дворянско-бюргерский характер» // История Югославии. Т. I. М., 1963. С. 276.

⁷ Там же. С. 278.

⁸ Там же. С. 400.

⁹ Там же. С. 398.

¹⁰ Чуркина И.В. Югославянские стипендиаты Славянского учительского института // Славянское возрождение. М., 1966.

¹¹ Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974.

Книга имела целый ряд положительных рецензий:

Никитин С.А. И.В. Чуркина. Матия Маяр Зильский. Любляна, 1974 // Новая и новейшая история. 1975. № 6; Rotar J. Sovjetska znanstvenica o M. Majaru Ziljskem // Naši razgledi. Ljubljana. 29. VIII. 1975; Tehovnik G. Iskra V.Čurkina. Matija Majar – Ziljski. Ljubljana, 1974 // Kronika. Ljubljana, 1975. № 23; Urban Z. Iskra V.Čurkina. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974 // Slavia. Praha, 1976. № 4.

¹² Чуркина И.В. Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50–70-е годы XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 112.

¹³ Чуркина И.В. Просветительская деятельность Матии Маяра в 40-е годы XIX в. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 125.

¹⁴ Чуркина И.В. Общественно-политические взгляды М. Маяра... С. 112.

¹⁵ Там же. С. 121–122.

¹⁶ Там же. С. 176.

¹⁷ Там же. С. 177–178.

¹⁸ Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského. Ed. Vratislav Doubek. Praha, 2006.

¹⁹ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 10.

²⁰ Там же. С. 23–24.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 38.

²³ Там же. С. 40.

²⁴ Там же. С. 66.

²⁵ Там же. С. 375.

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ Там же. С. 263.

²⁸ Там же. С. 328.

²⁹ Там же. С. 380.

³⁰ Там же. С. 381.

³¹ См. рецензии: З.С. Ненашевой (Советское славяноведение. 1980. № 1); А.П. Бажовой и В.М. Хевролиной (Вопросы истории. 1982. № 2); Х. Рудловчакковой (H.Rudlovčakova) – Československý časopis historický. Praha, 1980. №4; В. Яржа (V.Jarc) – Delo. Ljubljana. 14.III. 1979; А. Морича (A. Moritsch) – Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1980. 28. № 2.

- ³² Стенограмма защиты докторской диссертации И.В. Чуркиной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР 21 февраля 1980 г. С. 44.
- ³³ Там же. С. 46.
- ³⁴ Там же. С. 58.
- ³⁵ Там же. С. 49.
- ³⁶ Там же. С. 53, 54.
- ³⁷ Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986. С. 112.
- ³⁸ Там же. С. 127–130.
- ³⁹ Там же. С. 154.
- ⁴⁰ Там же. С. 193.
- ⁴¹ См. рецензию Л.П. Лаптевой, опубликованную в журнале «Советское славяноведение», 1989. № 1.
- ⁴² Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995.
- ⁴³ Чуркина И.В. Словения // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986. С. 256.
- ⁴⁴ Там же. С. 258.
- ⁴⁵ Там же. С. 262, 263.
- ⁴⁶ Там же. С. 267.
- ⁴⁷ Чуркина И.В. Развитие идей государственности в программах политических партий Словении (1875–1917 гг.) // Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 160, 166.
- ⁴⁸ Там же. С. 169.
- ⁴⁹ Там же. С. 177.
- ⁵⁰ Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988; Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20–70-е годы XIX века. М., 1991.
- ⁵¹ Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 203.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 223.
- ⁵⁴ Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20–70-е годы XIX века. М., 1991. С. 139.
- ⁵⁵ Там же. С. 142.
- ⁵⁶ Там же. С. 145–146, 153.
- ⁵⁷ Там же. С. 154.
- ⁵⁸ Там же. С. 161.
- ⁵⁹ Там же. 166, 167.
- ⁶⁰ Чуркина И.В. Словенская Матица // Славянские Матицы. XIX век. Часть вторая. М., 1996. С. 147–148.
- ⁶¹ На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 52–53.
- ⁶² Там же. С. 57.
- ⁶³ Там же. С. 284.
- ⁶⁴ Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
- ⁶⁵ Там же. С. 12.
- ⁶⁶ Там же. С. 17.
- ⁶⁷ Там же. С. 30.
- ⁶⁸ Там же. С. 47–50.
- ⁶⁹ Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 365.
- ⁷⁰ Там же. С. 389, 387.
- ⁷¹ Чуркина И.В. Национальная церковь и формирование южнославянских наций // Вопросы истории. 2001. № 3; она же. Роль православия в сохранении болгарского и сербского

этносов в период османского владычества // Исторический вестник. 2001. № 13/14; *она же*. Национальная церковь на Балканах как фактор национальной консолидации сербов и болгар // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002; *она же*. Политические и национальные аспекты борьбы католической и протестантской церквей в словенских землях // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008; *она же*. Роль национальной церкви в воссоздании государственности у славян (Попытка создания национальной церкви у словенцев и хорватов в XIX – начале XX вв.) // Религиозный фактор и проблемы национальной идентичности в России и Европе нового и новейшего времени. М., 2008; *она же*. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009; *она же*. Кирилл и Мефодий в словенской традиции // Славянский филологический сборник. Т. 1. М., 2009.

⁷² Чуркина И.В. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2009. С. 164.

⁷³ Там же. С. 195, 196.

Дружески о И.В. Чуркиной

Искру Васильевну Чуркину я знаю всю свою сознательную научную жизнь, со времен аспирантуры начала 1970-х годов. Ее прекрасные человеческие качества и глубину научных познаний я сполна оценила во время работы над диссертацией о чешских и словацких связях И.И. Срезневского, когда всегда могла проконсультироваться с ней по всем животрепещущим вопросам. В то время она со словацким историком В. Матулой работала над перепиской М.Ф. Раевского, и я контактировала с ними обоими. Позднее, в 2002 г., мы вместе посетили могилу И.И. Срезневского в селе Срезнево Рязанской области, участвуя в очередной конференции, посвященной ученому и организованной д.ф.н. Г.А. Богатовой.

Нас всегда объединяли общие научные интересы, любовь к истории дореволюционного славяноведения и искреннее сочувствие проблемам славянского движения и идеологии. В начале 1990-х годов стало возрождаться, пусть маргинальное, но новое славянское движение, в разных городах начали проводиться Дни славянской письменности и культуры. В нашем секторе историографии регулярно с 1993 г. в течение 10 лет шли конференции по славянской идеологии, неизменным участником и вдохновителем которых была И.В. Чуркина. Позднее, в 2007 г., мы с ней участвовали в международной научной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 140-летию славянской Этнографической выставки в Москве 1867 г., экспонаты которой хранятся ныне в Петербурге в Русском этнографическом музее. Там Искра Васильевна, как всегда, выступила с запоминающимся докладом.

Но это было позднее, а в 1998 г. Всеславянский собор в Москве во главе с писателем-историком Н.И. Кикешевым призвал нас к участию в седьмом Славянском съезде в Праге, по случаю 150-летия первого. Состав делегации был очень разношерстным – от коммунистов и нейтралов до русских националистов во главе с известным скульптором В.М. Клыковым, главой фонда Славянской письменности и культуры. Это были писатели, журналисты, преподаватели вузов, научные работники, артисты и пр. Всех их объединяло сочувствие к славянскому делу в годы активного продвижения НАТО на Восток.

С захватывающими приключениями мы через Польшу доехали на двух автобусах до границы с Чехией, через незапланированный пограничный пункт оказались в этой стране и остравскими лесами пробивались в Прагу. Местные коммунисты, ветераны войны, много интересного рассказали нам на Ольшанском кладбище о погибших советских воинах.

Заседания съезда проходили в новом роскошном отеле «Пирамида». В эти «мутные» годы мы нигде не слышали столько теплых слов о русских, о необходимости сотрудничества и укрепления славянского единства. Местная пресса, как могла, издевалась над «панславистами» и особенно над «коммунистами» – устроителями и участниками съезда. Но посмотрели бы они на «коммунистический» митинг на Вацлавской площади у памятника Св. Вацлаву, когда клыковцы в черном казацком одеянии со знаменами и хоругвями и церковно-славянскими песнопениями кричали «Позор!» тогдашнему чешскому президенту В. Гавелу. (Поздравления съезду прислали Б. Ельцин, наш патриарх, римский папа. Только В. Гавел никак не откликнулся.) Их дружно поддерживали чехи и другие делегаты.

Вспоминаются и наши приватные прогулки по красавице – Праге – я показывала памятные мне достопримечательности города (Эмаузы, Вышеград и др.) одновременно и сыну, и Искре Васильевне. В этой поездке мы были единомышленниками, критически относясь к воззрениям отдельных делегатов, но сочувствуя идеям славянского сотрудничества и сохранения славянской культуры от нивелирующего натиска всеобщей глобализации.

Позднее один из участников съезда, д.т.н., сотрудник Института проблем управления В.Д. Малюгин вдохновил нас на создание Славянского календаря, спутника возрождения славян в XIX в. Идея славянской энциклопедии давно витала в воздухе. Наш сектор взялся за ее реализацию, но по разным причинам проект не состоялся. Однако я была в курсе необходимых персоналий и событий, и мы небольшими силами, при участии В.Д. Малюгина и моего сына И.И. Бучанова, выпускника МГУ, взялись за дело. Удалось издать 5 выпусков Славянского календаря с 2000 по 2005 год. И.В.Чуркина с энтузиазмом писала статьи, касающиеся проблем южного славянства, проявив большую эрудицию, и здесь мы тоже были единомышленниками.

В последние годы проблемы со здоровьем не позволяют совершать дальних поездок. Но не могу не вспомнить наше путешествие в Прешов (Словакия) в 2003 г. на конференцию памяти русинского национального деятеля А. Духновича. Энтузиазм был столь велик, что три немолодые женщины с различными недугами ночью в Ужгороде взяли такси и пробивались через границу до Прешова. Конференция прошла великолепно. Мы много общались с местными русиноведами, выходцами из России – Е. Рудловчак, Т. Байцурой, прежними знакомыми И.В. Чуркиной. Познакомились со старшекурсником Прешовского университета, также из России, М.Ю. Дроновым. (Теперь он вернулся в Москву и под моим руководством пишет кандидатскую диссертацию). С большим удовольствием мы посетили также русинские деревни, музей и фестиваль местной культуры в г. Свидник. Вместе со словацким историком Л. Гарбулевой гуляли по красивому уютному Прешову и побывали в не менее колоритном г. Кошице, встретив на частной прогулке тогдашнего президента Словакии. Незабы-

ваемым осталось и посещение ужгородского храма Христа Спасителя и знакомство с его настоятелем, отцом Димитрием Сидором, пассионарным лидером местного русинского движения. Все свои средства он отдал на строительство храма, а сам жил с немалой семьей в скромной пристройке к храму. Здесь он нас и принял, страстно рассуждая о насущных русинских проблемах и не забыв вкусно накормить в сарайчике-трапезной скромным постным обедом. Осмотрели мы и действующую нижнюю церковь, и верхний недостроенный тогда храм, много узнав о перипетиях никем не признанного русинского движения, и прониклись желанием оказать ему посильную помощь.

В моих воспоминаниях об общении с И.В. Чуркиной нет места каким-то эксцессам. В характере Искры Васильевны – спокойная доброжелательность, надежность, искренняя сердечность, но и умение, не задевая самолюбия собеседника, отстоять свое мнение. Во всех поездках мы подставляли друг другу плечо.

В последние годы мы тесно общаемся с Искрой Васильевной в институте, участвуем в совместных проектах и конференциях. Я неизменно встречаю с ее стороны искреннее сочувствие к своим непростым насущным делам, всегда получаю дружеские советы и помощь – в рецензиях, отзывах, консультациях и пр., посильно стараясь отплатить ей тем же. Искра Васильевна – уникальный специалист по истории Словении, южных славян и истории славяноведения, истинный труженик науки, всегда готовый к новым проектам и свершениям. От души желаю ей крепкого здоровья и больших творческих успехов на избранном поприще науки.

Искра Васильевна Чуркина в моей жизни

«Девушка, мне бы Искру», – раздался по телефону бодрый мужской голос. Дело происходило в сентябре 1971 г. в здании Института славяноведения и балканистики АН СССР в Трубниковском переулке (увы! – ныне не существующем), на втором этаже, в комнате № 12 – «резиденции» сектора новой истории балканских народов, куда я, выпускница истфака МГУ, была принята на работу незадолго до этого. Я была удивлена звонку неведомого мне мужчины, явно перепутавшего номер телефона. Помню – подумала: «Странный какой-то – ищет «Искру» в Институте славяноведения». Дело в том, что в это время я, по заданию тогдашнего заведующего сектором, будущего академика Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993), работала над статьей «Распространение ленинской «Искры» на Балканах». Ю.А., как мы его потом стали называть (даже в лицо), осенью должен был ехать на симпозиум в Белград, а доклад ему писать было некогда, вот он и взял меня в соавторы. Между прочим, поступил весьма благородно – мог бы ведь просто поручить мне эту работу, а потом опубликовать ее под своей фамилией. Разумеется, я очень волновалась – справлюсь ли, не подведу ли своего шефа? Но, к счастью, страхи мои не оправдались. Ю.А. поставил передо мной вполне конкретную и несложную задачу – выявить «балканскую» тематику на страницах большевистской газеты «Искра».

Я спешным порядком отправилась в Ленинку и там в газетном зале с энтузиазмом новоиспеченного научного сотрудника принялась за работу. Естественно, что ни о какой другой Искре я и не думала. Поэтому я ответила по телефону «странному» мужчине: «Извините, но «Искры» здесь нет, Вам нужно позвонить в библиотеку», имея в виду, конечно, Ленинку, где имелся полный комплект газеты (помню еще порадовалась, что смогла помочь человеку, дав ему квалифицированный совет).

Однако через несколько минут мужчина позвонил снова и сказал, что в библиотеке (библиотека Института находилась в этом же здании, на первом этаже) Искры нет, и просил поискать ее – очень нужно. «Как это нет?! – почти рассердилась я. – Я только вчера была в Ленинке и читала ее!» В ответ мужчина весело рассмеялся и спросил: «Вы что, новенькая?» «Да, но я не понимаю, какое это имеет значение», – сказала я. «Да вы, девушка, не обижайтесь. Дело в том, – мой собеседник перешел на заговорщический шепот, – что мне нужна не подпольная большевистская газета, а моя жена – Искра Васильевна Чуркина». «А разве есть такое имя?» – ис-

крenne удивилась я. «Как видите, – вздохнул он и добавил: – Ну, так что, найдете мне Искру?»).

Вот так в мою жизнь вошли эти двое удивительных людей – Искра Васильевна и ее муж, Алексей Сергеевич Велидов. Вскоре я стала, как говорится, другом их семьи и очень любила бывать у них. В их доме всегда было шумно (двое детей, все-таки, один из которых, Ванюшка, был совсем маленьким) и весело, а за чаем на кухне велись умные и интересные разговоры.

Но все это было потом. А в начале 1970-х годов меня, молодую сотрудницу, «определили» в помощницы Искре Васильевне, вернее, не ей лично, а научному коллективу в составе Сергея Александровича Никитина, Искры Васильевны и словацкого ученого Владимира Матулы, осуществлявшему международный научный проект по изданию материалов архива протоиерея Михаила Федоровича Раевского. Так в мою жизнь вошла еще одна знаковая фигура, с которой будет связано почти двадцать лет моей научной деятельности.

Следует сказать, что в начале 1970-х годов в нашей стране очень популярным было общественное движение под названием «наставничество». На предприятиях и в учреждениях опытные мастера и представители всех специальностей брали шефство над молодыми и передавали им свои знания и навыки. Об этом писали газеты и журналы, рассказывали по радио и в телевизионных репортажах. Слова «наставник» и «наставничество» были у всех на слуху. Почему-то в научных учреждениях наставников не было, были только научные руководители у аспирантов. Но все равно своим наставником я всегда считала Искру Васильевну. Почему? Да потому, что именно она многому меня научила в нашей профессии. Во-первых, читать рукописные документы. И не донесения консулов, посланников и послов в МИД, написанные каллиграфическим почерком, а трудночитаемые (а иногда и вовсе не читаемые) письма корреспондентов батюшки Раевского. Мне пришлось разбирать и перепечатывать их для подготовки к изданию, и я часто приходила в отчаяние: «Ну ничего не понимаю!». И всякий раз Искра Васильевна приходила мне на помощь, отвлекаясь от своей работы, и мы вместе с ней «расшифровывали» иногда просто немыслимые каракули. В такие моменты она казалась мне настоящей волшебницей. Очень скоро, пройдя ее «волшебную» школу, я намного лучше стала читать рукописи и даже удостоилась скупой похвалы самого профессора Никитина, шефа нашего научного коллектива. Вот только одного я так и не научилась – читать письма графини Антонины Дмитриевны Блудовой. Их могла разбирать только Искра Васильевна, непостижимым образом читая ее абсолютно не читаемые, с точки зрения обычных людей, многостраничные послания М.Ф. Раевскому (всего их сохранилось около 400).

Кроме чтения рукописей Искра Васильевна научила меня писать комментарии к публикуемым документам, и когда мне доверили эту работу – прокомментировать 6 писем разных авторов, я очень этим гордилась и, по мнению членов редколлегии, неплохо с этим справилась.

Под руководством Искры Васильевны я прошла еще одну, очень важную для ученого «школу» – вычитки и корректуры текстов. Помню, как в начале работы «над Раевским» я допустила некоторую небрежность (хотя старалась) и пропустила в текстах несколько опечаток. Моя «наставница» строго указала мне на мой просчет и добавила, что тщательная вычитка текстов – очень важная составляющая научной работы, тем более сотрудников Академии наук. Этот урок я запомнила на всю жизнь и с тех пор всегда очень внимательно читаю (и не один раз) рукописи – свои и своих коллег, когда мне приходится выступать в качестве редактора.

В начале 1970-х годов, в связи с подготовкой к изданию публикации документов архива М.Ф. Раевского «Зарубежные славяне и Россия», нам с Искрой Васильевной приходилось изо дня в день много и напряженно работать – вычитка текстов, составление указателей, написание и перепечатка комментариев, подготовка и проведение заседаний международной редколлегии. При этом Искра Васильевна никогда не взваливала всю работу на меня, свою помощницу (и еще не кандидата наук), а трудилась наравне со мной. И это при том, что в то же самое время она работала сразу над двумя монографиями. Первую, посвященную Матии Маяру-Зильскому, деятелю словенского Просвещения, она в 1974 г. издала в Любляне на словенском языке, а вторую – «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (М., 1978) – в 1980 г. защитила в качестве докторской диссертации.

Я не уставала удивляться, как Искра Васильевна все успевает, – работа, семья, командировки, общественные нагрузки, и при этом всегда пребывает в хорошем настроении. И вскоре я поняла: это потому, что она очень любит и свою семью, и свою работу.

Я вспоминаю те счастливые дни, когда мы вдвоем отправлялись в Государственный исторический музей на Красной площади, где в Отделе письменных источников хранилась (и хранится до сих пор) большая часть архива М.Ф. Раевского. Отдел находился на самом верху старинного здания, под крышей, и нам приходилось совершать целое путешествие, чтобы добраться до своего рабочего места: сначала по музейным залам, где мы часто останавливались перед экспонатами и картинами, затем по лестницам, потому что лифтов не было.

В небольшой комнате, казалось, насквозь пропитанной пылью, заставленной шкафами и полками с рукописями, в которой ютились и работали сотрудники Отдела и посетители-исследователи, мы и трудились – выверяли по оригиналам уже подготовленные для издания документы, а также переписывали от руки остальные.

ОПИ ГИМ был первым архивом, в который я попала после окончания истфака и где я, так сказать, приобщилась к большой науке. Мне здесь все нравилось, и я совершенно не уставала к концу рабочего дня, хотя, конечно, иногда от напряжения болели глаза и кашель нападал от духоты и пыли. Работая с документами в ОПИ ГИМ рядом с Искрой Васильевной,

я ощущала себя не жалкой «архивной крысой»-неумехой, а нужным и даже ценным молодым сотрудником и постепенно проникалась гордостью, что участвую в таком важном научном проекте, пусть и на правах «младшего медведя».

И теперь, по прошествии десятилетий, всякий раз, когда я бываю в центре Москвы и прохожу мимо здания Исторического музея (к сожалению, ОПИ находится уже не здесь, а в Измайлово), я вспоминаю те незабываемые месяцы и годы, которые мы провели здесь бок о бок с Искрой Васильевной. Читая и перечитывая рукописи – письма к бабушке Раевского русских и славянских деятелей, мы погружались в иной мир, давно ушедший, с его особым строем и менталитетом, и «знакомились» с разными людьми из того времени, оставившими в нем свой след...

Искра Васильевна уже много знала о корреспондентах М.Ф. Раевского из их писем – их характерах, отношениях с другими людьми, стремлениях и идеалах. В ее рассказах, и это было очень важно для меня как начинающего исследователя, «оживала» история. Она так интересно, содержательно и образно представляла разных славянских деятелей – М. Маяра, И. Кукулевича-Сакцинского, В. Ганку, В. Караджича и др., что вскоре все они уже казались мне хорошими знакомыми. Разумеется, самой большой симпатией пользовался у нас тогда, да и до сих пор, сам Михаил Федорович. Мы постоянно говорили о нем, как о любимом, временно отсутствующем родственнике, напоминали друг другу какие-то детали его жизни и деятельности, почерпнутые из прочитанных документов, и в конце концов вынесли свой вердикт: бабушка Раевский был очень хорошим человеком и уникальной личностью. И не только потому, что он в течение почти 40 лет так хорошо справлялся со своими обязанностями представителя Св. Синода и Славянского благотворительного комитета, объединяя, поддерживая, примиряя и наставляя славянских деятелей, но и потому, что он был очень добрым, отзывчивым, снисходительным, порядочным и милосердным человеком – на деле, а не на словах или в молитвах, словом, истинным христианином. К примеру, на нас с Искрой Васильевной глубокое впечатление произвело письмо одной его знакомой дамы (для историка ничем не примечательной – не общественного деятеля и не члена императорской семьи), которая просила «глубокоуважаемого отца Михаила» принести ей рано утром к проходящему через Вену в Париж поезду бутылочку теплого молока для ее маленького ребенка. И бабушка принес (в архиве сохранилось благодарственное письмо этой дамы).

Хочется отметить еще одну особенность Искры Васильевны, которую я ощутила уже в самом начале нашей совместной работы, – с ней было весело и очень интересно. В перерывах (в том числе и во время обеда в столовой Исторического музея, где был симпатичный интерьер и большой выбор недорогих вкусных блюд) мы много беседовали. И я всегда поражалась, сколько же всего она знает и помнит из многочисленных прочитанных книг и архивных документов!

Когда вышел из печати труд «Зарубежные славяне и Россия», сказать, что мы с Искрой Васильевой были рады, значит ничего не сказать – мы ликовали! По-моему, С.А. Никитин – тоже, хотя, конечно, этого не показывал.

Наконец-то свершилось! Виктория! По такому знаменательному поводу в нашем секторе был устроен дружеский банкет. За столом с праздничным угощением собрались все наши коллеги по сектору, которые тоже искренне радовались вместе с нами, – ведь они видели, скольких трудов нам стоил выход этой красивой объемной (47,7 п.л.) книги. А мы с Искрой Васильевой были очень благодарны им за поддержку и конкретную помощь. (Помню, как мы вместе с Екатериной Мелентьевой Шатохиной (1924–2003) и Ниной Владимировной Зуевой до 11 вечера, накануне сдачи труда в издательство «Наука», нумеровали страницы.) Надо сказать, что товарищеская взаимопомощь во время довольно частых «авралов» была нормой для всех нас.

А в тот день, на банкете, когда мы весело торжествовали, тамадой был, как обычно, наш заведующий Ю.А. Писарев. Он пребывал в отличном настроении, поэтому наше мероприятие проходило в неповторимой атмосфере – под шутки, смех и многочисленные остроумные тосты. (Тогда мы не знали, что жили в «эпоху застоя».)

И вот, наконец, очередь дошла до меня, самой младшей, и я выступила со своей «домашней заготовкой». Стараясь быть предельно официальной и серьезной, я сказала, что труд «Зарубежные славяне и Россия» издан, но мы с Искрой Васильевой решили не останавливаться на достигнутом, а работать дальше. Тем более, осталась неизданной масса уже выявленных документов, да еще и новые неожиданно появляются. Вот, например, недавно, совершенно случайно, нами был обнаружен один весьма любопытный документ – письмо без даты и с неразборчивой подписью от неизвестного лица Михаилу Федоровичу Раевскому. «Я его перепечатала, – сказала я, – и хочу вам сейчас прочитать». И не дожидаясь согласия своих старших коллег, с выражением огласила следующий текст:

б/д (без даты)

«Милостивый государь Михаил Федорович!

Податель сего письма – мой хороший друг. Вы можете ему довериться без опасений – он наш человек. Он едет в Петербург по делам нашей организации.

Дорогой батюшка! Прошлая Ваша поездка в Россию принесла много пользы нашему общему делу – теперь в России достаточно революционной литературы. Мои друзья и я горячо благодарим Вас за ту неоценимую помощь, которую вы так бесстрашно оказали нам в перевозке революционных изданий на далекую родину. Мы бесконечно рады, что Вы, наконец-то, встали на нашу сторону, в ряды борцов за свободу нашего многостра-

дального народа. Ваша помощь нам, как прошлая, так и настоящая (а мы надеемся и на будущую), возбуждает в сердцах наших горячую признательность и благодарность Вам.

У нас все по-старому: средств почти нет, работаем по 12–14 часов в сутки, спим прямо в типографии. Жюльен¹ несколько недель был тяжело болен, спасибо Сергею Ивановичу², который выходил его.

Дорогой Михаил Федорович! Простите великодушно, что вновь обременяем Вас своею просьбою. Человек, от которого Вы получите это письмо, имеет при себе 2 чемодана книг и брошюр. Самому их везти в Россию опасно. Не могли бы Вы захватить их с собою – ведь Вы скоро уезжаете в отпуск в Петербург. Мы знаем, какая неблагодарность с нашей стороны вновь подвергать Вас опасности, но у нас нет иного выхода. Кроме того, никто не заподозрит в красивом, добродушном, степенном священнике, имеющем столь высоких покровителей, сочувствующего делу освобождения народа.

В Петербурге на вокзале Вас встретит человек, который, подойдя к Вам, снимет шляпу и скажет: “С приездом, батюшка, а где же Ваши вещи?” Только после этого Вы можете отдать ему чемоданы. Заранее благодарим Вас.

Примите уверения в совершенном почтении и искренней преданности признательного Вам
М. (подпись неразборчива)

Р. С. Недавно, будучи в Лондоне, по делам организации, я виделся с Мавром³. Он спрашивал о Вас, удивлялся Вашей смелости и выразил надежду на встречу с Вами».

Примечания:

¹ Лицо установить не удалось.

² Лицо установить не удалось.

³ Мавр – одно из прозвищ Карла Маркса, так называли его родные и близкие друзья за смуглый цвет кожи.

Разумеется, такого письма на самом деле не было, мне просто хотелось пошутить, как это сейчас говорится, «в тему». Переписав от руки несколько сотен писем к М. Ф. Раевскому (ксероксов тогда в архивах не было, а фотографировать документы академическим институтам было не по карману), я решила попробовать написать такое же, при этом автором выбрала мифическое лицо из той среды, откуда отец Михаил посланий не получал (да и не мог, видимо, получать, а впрочем, кто знает), – из русской революционной, во всяком случае мы таковых не обнаружили.

После моего выступления с «подделкой» за столом на мгновение воцарилась напряженная тишина... А затем раздался взволнованный голос Василия Дмитриевича Конобеева (1920–1980), известного советского болгариста, бывшего фронтовика: «Но это же сенсация, друзья! Вы должны

немедленно опубликовать этот документ! Об этом должны знать все!». И тогда мы с Искрой Васильевной (она, разумеется, знала заранее о моем выступлении) весело рассмеялись, а за нами остальные, сообразив, что это была всего-навсего застольная шутка с «научным уклоном». Старшие коллеги выразили мне свое одобрение за мастерство составления письма «из XIX века», все, кроме Василия Дмитриевича. Тот, по окончании нашего мероприятия, в коридоре, с глазу на глаз, с суровым выражением лица сделал мне следующее внушение (как коммунист комсомолке): «Светлана, нельзя в такой легкомысленной манере упоминать имена вождей!». Я не стала с ним спорить (зачем, ведь это, действительно, было его убеждение) и ответила, что, конечно, виновата и обязательно исправлюсь. Да, вот так это было!..

В тот чудесный, незабываемый день мы с Искрой Васильевной еще не знали, что в связи с батюшкой Раевским и его корреспондентами нас ждет впереди очень много интересного – событий, путешествий, встреч...

В 1970-е годы в Академии наук СССР интенсивно развивалось международное сотрудничество. Отвечавшее за него Управление внешних сношений было весьма развитой структурой при Президиуме АН СССР. В этот период довольно часто в академические институты приезжали иностранцы, а сотрудники этих институтов их «сопровождали», т.е. оказывали им всевозможную помощь во время их пребывания в нашей стране (встречи и проводы, работа в библиотеках и архивах, экскурсии и т.д.). Институт славяноведения и балканистики не был в этом плане исключением. К сопровождению в первую очередь привлекалась молодежь. Я сама неоднократно была сопровождающей югославских ученых самого высокого ранга, и не только историков, в том числе, например, в 1972 г. – вице-президента Сербской академии наук и искусств Душана Каназира, а в 1975 г. – президента Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины Эдхема Чамо и т.д. Разумеется, визиты иностранных ученых были очень полезны для укрепления научных связей. Именно в 1970-е годы на общем весьма благоприятном фоне международного академического сотрудничества успешно претворялись в жизнь конкретные научные проекты. Одним из них – по специальности «история» – и была наша советско-чехословацко-югославская публикация архива М.Ф. Раевского.

После завершения первого этапа нашего сотрудничества – выхода в свет книги «Зарубежные славяне и Россия» – было решено продолжить работу и издать как минимум еще два труда – письма к М.Ф. Раевскому чехов и словаков и письма к нему югославянских деятелей. Материала, не вошедшего в опубликованную книгу, было более чем достаточно. Кроме того международная редколлегия высказала пожелание – по возможности выявить и опубликовать сохранившиеся в архивах Чехословакии и Югославии ответные письма отца Михаила своим корреспондентам. А это означало, что предстояли заграничные командировки. В Чехословакию Искра Васильевна ездила без меня – там ей помогал выявлять необходимый мате-

риал член редколлегии словацкий ученый Владимир Матула; в Словении она действовала самостоятельно, а вот по остальным республикам бывшей Югославии мы путешествовали «с научной целью» вдвоем. И это такой важный, такой яркий и незабываемый период нашей жизни, что о нем нельзя не рассказать.

В первый раз в связи с этим проектом мы оказались в Белграде в октябре 1978 г. Принимал нас Исторический институт, которым в то время руководила Даница Милич – очень умная, деловая, мудрая женщина, отличный организатор. В этом Институте в качестве научного советника трудился Никола Петрович, известный югославский ученый, участник партизанского движения во время Второй мировой войны («первоборац»), министр строительства (поскольку он был инженером по образованию) в послевоенном правительстве И. Б. Тито. Никола, или, как мы называли его на русский манер, Николай Лазаревич, был представителем от Сербии в международной редколлегии по изданию архива М.Ф. Раевского. Мы с Н. Петровичем уже встречались в Москве – на заседании редколлегии в начале 1970-х годов, а также на защите его докторской диссертации, которая состоялась в нашем Институте в 1974 г.

И вот теперь, в октябре 1978 г., нам предстояло обсудить план предстоящей работы – публикации «Югославыне и Россия» (на этот раз в Белграде), в которую должны были войти письма югославянских деятелей, а также русских корреспондентов батюшки Раевского, посвященные «югославянским» сюжетам. В редколлегии на первом этапе работы, помимо нас с Искрой Васильевой и Н. Петровича, вошли М. Экмечич (от Боснии и Герцеговины), В. Мелик (от Словении), Н. Станчич (от Хорватии), В. Крестич (от Сербии). Но все наши югославские выдающиеся мужчины были в первую очередь «начальниками», которые во время встреч и заседаний формировали общие принципы издания, а также высказывали свои умные мысли и позиции «по поводу и в связи», вносили массу конкретных предложений, пожеланий и заданий (как мы шутили, – на трех Золушек хватит). Непосредственными же исполнителями предстоящего проекта были мы с Искрой Васильевой. Но мы не роптали, потому что любили батюшку Раевского, свою работу и стремились сделать ее как можно лучше.

В нашей «рабочей» группе, разумеется, Искра Васильевна была главной. В отсутствие Сергея Александровича Никитина она на равных вела переговоры с югославской стороной, дискутировала, отстаивала наши, «советские» принципы издания документов. Глядя на нее во время заседаний редколлегии тогда в Белграде в октябре 1978 г. (не забывая при этом, конечно, вести протокол), я думала, как же она похожа на своего учителя, нет, не внешне, а манерой говорить, эрудицией и умением в интеллигентной форме защищать свои позиции. Югославы с ней считались и относились с большим уважением, и не только потому, что она была главным «держателем» уникального эпистолярного материала (одни письма Вука

Караджича, И. Кукульевича-Сакцинского, Никифора Дучича и др. чего стоили), который им и не снился. Наши югославские коллеги отдавали должное Искре Васильевне как ученому, чьи труды им были уже известны, а также как очень образованному профессионалу, толерантному и контактному человеку. Я считаю, что только благодаря авторитету Искры Васильевны, сделавшей соответствующее предложение, меня включили в состав редколлегии – наравне с остальными, известными и маститыми, – честь по тем временам немалая, ведь я была совсем молодым ученым и только в 1977 г. защитила кандидатскую диссертацию. Никто из югославов не возражал и против того, чтобы мы были составителями будущей публикации (тоже весьма показательный факт).

И вот с той осени 1978 г. наша с Искрой Васильевной научная жизнь заиграла новыми, яркими красками. Согласно плану международного сотрудничества, мы в течение ряда лет регулярно отправлялись в командировки в Югославию. В основном мы ездили в Белград на поезде – так было принято тогда в Управлении внешних сношений, которое отправляло ученых в заграничные командировки за счет Академии наук. С тех пор у меня сложилось особо трепетное отношение к Киевскому вокзалу – ведь именно отсюда уходил поезд Москва–Белград (вернее, несколько вагонов, а поезд шел дальше, в Салоники). Здесь начинался новый жизненный этап продолжительностью в десять, двенадцать, редко – четырнадцать дней. Впереди – прекрасная страна Югославия, общение с нашими коллегами, приятные встречи, погружение в иную среду. Но особенно радовало то, что все эти дни рядом со мной будет Искра Васильевна.

Уже во время нашей первой командировки в 1978 г. я поняла, что Искра Васильевна обладает редким даром общения. Нашу разницу в возрасте (18 лет!) я совершенно не ощущала. Мы стали с ней настоящими подругами, что особенно важно, на мой взгляд, именно за границей – не так сильно чувствуется тоска по родине.

* * *

Как правило, мы приезжали на Киевский вокзал минут за сорок до отхода поезда. Быстро находили свой вагон и купе, укладывали-распределяли вещи и многочисленные подарки югославским коллегам и друзьям. А затем выходили на платформу и общались в оставшееся время с провожавшими нас мужьями – Алексеем Сергеевичем Велидовым (муж Искры Васильевны) и моим – Игорем Павловичем Данченко. Наши мужчины были преувеличенно жизнерадостны, шутили и острили – это они так пытались скрыть грусть расставания и смятение перед надвигавшимися на них жизненными трудностями, ведь в наше отсутствие они оставались «на хозяйстве». Мы с Искрой Васильевной, конечно, тоже волновались – как-то они выдержат это нелегкое испытание? Но ничего не поделаешь – наука, как и искусство, требует жертв! Но вот, наконец, короткое прощание, мы в вагоне, поезд трогается. До свидания, счастливо оставаться, а мы уже в пути!

Не знаю, как сейчас, а в то время путь до Белграда длился довольно долго – около полутора суток, но он не был утомительным. Можно даже сказать, что это были замечательные часы, проведенные в общении друг с другом, а также соседом или соседкой по купе (всего нас было трое). Мы были окружены заботой проводников, всегда готовых принести нам чай и ответить на наши вопросы. Мы обязательно обедали в вагоне-ресторане, а после обеда, на следующий день, с нетерпением ожидали появления за окном потрясающей красоты карпатского пейзажа, предвестника прибытия поезда на границу, в город Чоп. Помню, как однажды мы, не отрываясь, уже в сумерках, смотрели в окно (дело было в конце ноября) и не могли насмотреться: в горах шел густой снег, ели возвышались, словно колонны, а вдаль виднелись буквально утопавшие в сугробах домики, в которых уже зажглись огни.

В Белград мы приезжали утром, хотя и не выспавшиеся (при пересечении венгерской и югославской границ нас несколько раз за ночь будили пограничники и таможенники), но достаточно бодрые и в приподнятом настроении. На вокзале нас встречали наши коллеги из Исторического института: Даница Милоевич (дочь Н. Петровича), Ненад Урич (секретарь югославской части редколлегии), иногда Славенко Терзич (после Даницы Милич он стал директором Института). Они были очень внимательны и старались создать нам с Искрой Васильевной самые благоприятные условия для работы и отдыха.

Работали мы, как правило, в самом Историческом институте (Кнез Михайлова ул., 35) – в выделенной нам комнате отбирали документы, классифицировали их, намечали комментарии по текстам, готовили материалы для заседаний редколлегии. Наряду с этим мы, по возможности, участвовали (в качестве слушателей) в различных мероприятиях Исторического института. Так, однажды нас пригласили в Музей города Белграда на что-то вроде круглого стола (для конференции было слишком мало докладов). Мероприятие, посвященное Косовской битве 1389 г., было довольно камерным и непомпезным, видимо потому, что была не круглая дата. Пришли на него только те, кому это было действительно интересно, в том числе не историки, а обычные белградские интеллигенты. Помню, на всех огромное впечатление произвел доклад одной молодой женщины-черногорки, знатока турецкого языка и турецких источников периода Средневековья, в котором она подробно и очень образно рассказала о том, как сами турки оценивали сражение на Косово и действия своих противников сербов.

После выступлений докладчиков и непродолжительной дискуссии, во время скромного фуршета, когда всем присутствующим подали традиционный кофе, мы познакомились с одной милой пожилой дамой, юристом по профессии, которая в 1960–1970-е годы трудилась в сербской народной скупшине. Узнав, что я профессионально занимаюсь историей Сербии после 1878 г., в период правления Милана и Александра Обреновичей, эта

дама пришла в неописуемый восторг, словно услышала о родных людях. И тут же рассказала потрясающую историю. Оказывается, в молодые годы она была компаньонкой и помощницей по хозяйству одной сербской художницы (не помню ее фамилии), в то время уже очень пожилой, которая происходила из богатой белградской семьи. Ее глава имел финансовые дела во дворце и часто субсидировал расточительного короля Милана. А сама будущая художница, в то время маленькая девочка, была подругой детских игр Саши – будущего короля Александра. Бог послал даме-художнице долгую жизнь и отличную память. Наиболее яркими были ее воспоминания о детстве, и впоследствии она щедро делилась ими со своими знакомыми, в том числе со своей юной компаньонкой. И вот теперь наша новая знакомая в конце XX в. буквально вывалила на нас массу уникальной, «живой» информации из конца XIX-го (вот она – история повседневности!). Со слов своей бывшей хозяйки (уже давно скончавшейся) она рассказала, что король Милан был обаятельный, талантливый, умный, но очень несчастный человек, потому что его никто не любил – ни министры, ни народ, ни собственная жена; что королева Наталья была ужасной, невоспитанной, глупой и вздорной женщиной, которая любила только себя и с утра до вечера заботилась о своей внешности. А маленький сын этой парочки, будущий сербский король, был никому не нужен и часто оставался голодным, и т. д. в том же духе. Эта «неофициальная» информация о королевской семье, «хитрой лисе» Ристиче, «коварном» Пашиче и прочих исторических деятелях Сербии сыпалась из рассказчицы, как из рога изобилия. Было видно, что она по-настоящему счастлива – наконец-то нашла «своего» слушателя. Судя по всему, в ее памяти сохранилось немало «житейских историй из девятнадцатого века» из того же источника. Но, к сожалению, у нас с Искрой Васильевной совсем не было времени, чтобы хотя бы еще раз встретиться с таким уникальным «информатором» – на следующий день мы должны были уезжать.

* * *

Обычно мы отправлялись в командировки осенью – в октябре или ноябре. Но однажды по просьбе югославской части нашей редколлегии заседание было назначено на конец мая. Так, в преддверии лета, мы очутились в Белграде. Было очень тепло, периодически шли ливневые дожди, и тут же выглядывало солнце. Пышная зелень деревьев радовала глаз, и так захотелось на природу – походить по травке, послушать пение птиц, подышать свежим воздухом... Поэтому предложение Искры Васильевны съездить в Топчидерский парк, о котором мы много читали, но ни разу там не были, мною было встречено на ура! К тому же мы решили совместить приятное с профессионально-полезным, а именно – попробовать разыскать то место, где как раз в мае, но только 1868 г. был убит сербский князь Михаил Обренович.

Компанию нам составил наш коллега Славенко Терзич (в то время он еще не был директором Исторического института). До парка, находящегоо-

ся недалеко от Белграда, мы доехали на машине, а затем отправились пешком. Помню, как нас с Искрой Васильевной поразили огромные деревья по обе стороны дорожки (Славенко сказал, что это грабы). Трава была, что называется, по пояс, а сам парк больше походил на непроходимые джунгли. Мы представляли, как вот так же больше ста лет тому назад здесь шли князь Михаил с невестой, мечтавшие о скорой свадьбе, и еще несколько человек свиты, и не знали, чем закончится эта прогулка... Помню, как Искра Васильевна воскликнула: «Ну и заросли! Неудивительно, что здесь кого-то убили – очень подходящее место!».

А потом мы стали искать само памятное место. Нам казалось, что на месте гибели несчастного Михаила обязательно должна стоять какая-нибудь колонна с мемориальной плитой, а, может, и памятник (князь все-таки, и не самый плохой), а вокруг – раскинуться пышная цветочная клумба... Каково же было наше удивление, когда мы увидели некое обшарпанное сооружение в виде круглой каменной полуразрушенной сцены, на одной стенке которой масляной краской (!) было вкривь и вкось написано: «Здесь 29 мая 1868 г. был убит князь Михаил Обренович». И никаких кустов-цветов, лишь сорная трава вокруг, какие-то кирпичи и битое стекло.

Но все же мы были на историческом месте, поэтому с почтением к памяти погибших помолчали, а затем немного поговорили «на тему» – о князе и его эпохе. Вдруг из зарослей появилась парочка – мужчина и симпатичная девушка. Они были явно заинтересованы, что мы здесь делаем. И тут же получили от коллеги Терзича самые подробные разъяснения. Его «топчидерский доклад» был просто великолепен – с детальным описанием того рокового дня, с характеристикой главных участников события; в нем были и лирика, и скорбь, а в завершение и критика в адрес той организации, которая должна отвечать за сохранение исторических памятников. Мы с Искрой Васильевной слушали Славенко, как и «парочка», раскрыв рты, – его рассказ был очень образным, вдохновенным, на редкость информативным, а прекрасный сербский язык, которым отличается коллега Терзич, звучал, как песня.

* * *

Из Белграда мы с Искрой Васильевной в разные годы совершили путешествия в Сараево и Загреб – как мы говорили, «по следам корреспондентов Раевского» (и в том, и в другом городе их когда-то было немало). Нашей главной целью было выявление в архивах и рукописных отделениях библиотек писем самого батюшки. К сожалению, как оказалось, их сохранилось крайне мало. Но помимо этого мы общались с нашими коллегами – членами редколлегии от бывших югославских республик.

Особенно нам запомнилась поездка в Сараево (из Белграда) осенью 1983 г., накануне зимней Олимпиады 1984 г.

Мы ехали туда часов 8–9 на поезде (отнюдь не комфортабельном), в котором все места были сидячие. Да и вообще сам состав, вагоны и локо-

мотив, напоминали те, которые показывали в послевоенных югославских фильмах (имеется в виду Вторая мировая война). Но мы с Искрой Васильевой, разумеется, были не в претензии – поезд едет, и слава Богу! Вагон вначале был практически пустой – в нашем купе мы были одни. Никогда нам не забыть эту дорогу в Сараево – стук колес, дивный осенний пейзаж за окном в начале пути, а затем – сумерки и темнота, громкий голос проводника, объявлявшего остановки, и мы вдвоем. Вернее, втроем – в «компании» с Булатом Окуджавой. Дело в том, что буквально перед нашей командировкой муж Искры Васильевны Алексей Сергеевич по знакомству «достал» страшный дефицит – только что вышедший роман Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов». Искра Васильевна взяла книгу с собой, и вот теперь мы вслух, по очереди, читали «Путешествие» во время своего путешествия в вагоне поезда Белград-Сараево. Чем, надо сказать, отпугивали проходящих по вагону и желающих познакомиться с одинокими дамами югославских мужчин – представителей разных возрастных групп (от 20 до 70 лет). Они буквально шарахались от нашего открытого купе, услышав иностранную речь и увидев в наших руках книгу (!).

В Сараево мне уже приходилось бывать – осенью 1975 г., в составе советской делегации ученых во главе с академиком А.Л. Нарочницким, участвовавшей в Международной научной конференции (весьма представительной), посвященной 100-летию начала Восточного кризиса 1875–1878 гг. Но тогда было много заседаний и разных официальных мероприятий. К тому же все участники конференции, за исключением жителей Сараева, были размещены в загородной гостинице, в курортной зоне Илиджа, где и проходили заседания. Так что в самом Сараево мы были раза два, не больше, и короткое время.

Теперь же, в начале 1980-х годов, мы с Искрой Васильевой, поселившись примерно на неделю в самом центре города (благодаря заботе коллег из Исторического института в Белграде), могли в полной мере прочувствовать его неповторимое своеобразие и самобытную красоту. Мы посетили доступные музеи, православную церковь, баш-чаршию, а из «научных очагов», разумеется, Академию наук и искусств БиГ, руководство которой встретило нас очень любезно и буквально завалило своими изданиями, затем архив, а также Сараевский университет, где профессор-мусульманин познакомил нас с редкими изданиями университетской библиотеки по истории Боснии и Герцеговины.

В Сараево мы также встретились с проживавшим там в то время членом редколлегии, известным ученым Милорадом Экмечичем. Его имя и многочисленные фундаментальные труды, посвященные ключевым проблемам истории югославян и международным отношениям, всегда пользовались и пользуются до сих пор глубоким уважением российских исследователей, его коллег. А личное обаяние, необычайная интеллигентность и скромное достоинство этого европейски образованного человека делают общение с ним настоящим праздником.

Вспоминаю, как Милорад Экмечич с женой пригласили нас на обед в небольшой уютный ресторанчик. Очаровательная, энергичная, много моложе своего мужа, буквально излучавшая жизненную энергию, Милена покорила нас с первого взгляда. Это была чудесная встреча, наполненная разговорами и теплотой дружеского общения с чудесными людьми. Мы чувствовали, что находимся среди «своих».

«Своим» был и известный ученый-историк Раде Петрович, бывший министр культуры в правительстве БиГ, один из организаторов той самой научной конференции 1975 г., о которой я уже упоминала. Он не был членом редколлегии по изданию архива М.Ф. Раевского, мы были едва с ним знакомы, и тем не менее он проявил к нам с Искрой Васильевной большое внимание и даже пригласил на Яхорину, в загородный дом своих родственников, где нас принимали с искренней теплотой и славянским размахом. Мы не могли налюбоваться красотой деревянного коттеджа и горными видами, открывавшимися из его огромных окон. А угощение, которым нас щедро потчевали доселе не ведомые нам родственники Раде Петровича, было выше всяких похвал.

Словом, Сараево оставило очень яркий след в наших с Искрой Васильевной воспоминаниях: плодотворная работа, замечательные встречи (и не только с коллегами), прогулки по историческому центру города и, разумеется, наши беседы обо всем на свете. Я поражаюсь тогда, и поражаюсь до сих пор, как же широко образованна Искра Васильевна, как эрудированна она во всех областях гуманитарного знания. Сколько я от нее узнала нового во время наших «югославских» командировок! Для меня они были своеобразной «школой повышения квалификации». Особенно удивляло, как образно и красочно, несмотря на обычную свою внешнюю сдержанность, умеет Искра Васильевна рассказывать о том или ином событии или персонаже русской, славянской или мировой истории. Вспоминаю ее чудесные «выступления» о монахе Авеле, предсказывавшем даты смерти русских императоров, и о Куликовской битве. Именно от Искры Васильевны я узнала множество подробностей из жизни наших «героев» – корреспондентов батюшки Раевского: Вука Караджича и его дочери Вильгельмины (Мины) Вукоманович, православного священника из Сараево Божидара Петрановича, хорватского деятеля Ивана Кукулевича-Сакцинского и многих других.

Успеху наших научных командировок в Югославию, безусловно, способствовал прекрасный «микроклимат» нашего маленького коллектива, в чем была немалая заслуга Искры Васильевны с ее неиссякаемым оптимизмом и радостным мироощущением. И поколебать их не могли даже досадные происшествия, случавшиеся с нами (хотя и редко).

Одним из них был, например, обратный путь из Сараево в 1983 г. Когда мы с Искрой Васильевной приехали на вокзал (как положено у нас, за полчаса до отхода поезда), мы обнаружили на рельсах те же малокомфортные вагоны, на которых присутствовала надпись «Сараево – Белград»,

но локомотива не было. Спросить было не у кого – громкая связь отсутствовала, как и справочное бюро. Удивительным показалось и то, что кроме нас не было других пассажиров, желающих отправиться в направлении Белграда. И вообще окружающая обстановка, в отличие от наших вокзалов, была на редкость мирная, тихая и спокойная. Даже не верилось, что это вокзал. Наконец, когда до отхода поезда оставалось пять минут (!), к нам подошел плечистый и крепкий железнодорожник ростом под 2 метра и на мой вопрос: «А когда же мы поедем в Белград?», спокойно ответил: «Кто знает». Затем он все-таки снизошел и любезно пояснил заграничным дамам: «Еще нет машиниста – он гуляет на свадьбе у родственника». Мы с Искрой Васильевной поняли, что товарищ просто пошутил в такой своеобразной манере, а там кто его знает.

Через полчаса (!) после указанного в билетах времени отправления (мы уже сидели в вагоне, разумеется, переживая и нервничая, потому что очень уж хотелось вернуться в Белград с его относительным порядком хотя бы к полуночи) появились первые признаки подготовки к отходу поезда. Послышались громкие крики, свистки, потом откуда-то пригнали локомотив, и вскоре (еще через полчаса) мы с Искрой Васильевной и немногочисленные пассажиры, кстати, пришедшие уже после обозначенного в билетах времени, отправились к месту назначения. Потом наши попутчики нам сказали, что этот поезд никогда не уходит из Сараева вовремя, так что свадьба, возможно, была и ни при чем.

Путь в Белград мне тоже хорошо запомнился. «Путешествие дилетантов» мы уже прочитали, так что просто беседовали, смотрели в окно на окрестный пейзаж (из коридора), разговаривали с нашими попутчиками, которых вскоре столько набилось в вагон – не протолкнуться, потому что поезд останавливался буквально через каждые несколько километров и везде были жаждущие пассажиры.

Проводник, с самого Сараева внимательный и галантный по отношению к «одиноким московским дамам», успокоил нас, уверенно заявив, что до Белграда поезд «нагонит» и придет вовремя. Предсказание этого опытного железнодорожного служащего, можно сказать, сбылось – мы прибыли в пункт назначения с опозданием всего в полчаса, переполненные приятными впечатлениями.

И в этот день, и во все остальные, в эту нашу командировку, а также в предыдущие и последующие, я не переставала восхищаться оптимизмом, спокойствием, доброжелательностью и жизнерадостностью Искры Васильевны. Никогда я не видела ее недовольной – ко всему негативному она относилась с пониманием, юмором и мудрой житейской добротой.

Помню, как коллега из Исторического института Милорад Радевич пригласил нас в Белграде в театр. Мы в общем-то туда не особенно стремились, больше хотелось просто погулять по Белграду. Но в тот вечер должна была быть представлена пьеса на историческую тему – об убийстве князя Михаила. Это, разумеется, меняло дело, и мы настроились на театр. Но ког-

да мы подошли в назначенное время к зданию театра, то увидели огромную афишу, извещавшую зрителей о том, что спектакль отменен по причине болезни артиста, играющего главную роль. Мы с Искрой Васильевной переглянулись, улыбнулись и...прекрасно провели вечер, совершив прогулку по центру города в компании с М. Радевичем, а затем посидев в кафе.

В наших поездках Искра Васильевна никогда ни на что не жаловалась, даже если ей было тяжело. Однажды, в 1988 г., мы попали в Белград во второй половине ноября, поэтому день ее рождения, 24 ноября, должны были отмечать «вдали от родины». И вот он настал. За окном нашей просторной комнаты в гостинице «Дом работников просвещения Сербии» крупными хлопьями шел снег – красивый, пушистый, в общем, такой, каким его обычно рисовали в детских книжках советской поры. Я поздравила Искру Васильевну и даже станцевала в ее честь вальс, напевая при этом «Вальс цветов» из «Щелкунчика». (А чем мы хуже Александра III, который именно с этой музыки своего любимого композитора начинал свой «рабочий» день?) Искра Васильевна пребывала в отличном настроении. Однако мое предложение – посвятить первую половину дня (на вечер мы пригласили гостей – Славенко Терзича и Даницу Милоевич) исключительно отдыху и прогулке – моя старшая подруга решительно отвергла. «Нет, у меня заказаны газеты и книги в Народной библиотеке, – сказала она, – и я должна с ними поработать». «Но ведь день рождения не должен быть похожим на остальные дни», – попыталась я ее отговорить от этих научных планов (как будто что-то предчувствовала). «Вот он и не будет похож, – улыбнулась Искра Васильевна. – Я ведь еще никогда в свой день рождения не работала в этой библиотеке».

Она ушла, а я отправилась по магазинам, чтобы купить все необходимое для приема гостей, - наши «московские» запасы уже подошли к концу. А ближе к вечеру Искра Васильевна вернулась в гостиницу в сопровождении незнакомого молодого человека. Вид у нее был странно растерянный, и она была очень бледна. Я сначала ничего не поняла, поскольку на ней было пальто. Она сказала тихим голосом: «Светик, я сломала руку», а затем поведала следующее. Оказывается, в библиотеке она поскользнулась на мраморном полу, упала и сразу же почувствовала сильную боль в правой руке. Ее тут же отвезли в травмпункт при городской больнице, где после рентгена диагностировали перелом и наложили гипс, но не как в нашей стране в то время, когда руку можно было держать на повязке, а иначе – прижав ее гипсом к верхней части туловища, чтобы она постоянно находилась в покое. Работник библиотеки, тот самый молодой человек, бывший с Искрой Васильевной в травмпункте, любезно проводил ее до гостиницы.

Я предложила отменить вечерние посиделки, но Искра Васильевна не согласилась. А вскоре пришли гости. Узнав о случившемся, они тоже сначала были в шоке. Но Искра Васильевна вела себя, как обычно, – была весела, приветлива, шутила и даже пела (!), так что в результате мы провели прекрасный вечер. Я была восхищена ее мужеством и после ухода гостей

сказала ей об этом. «Ну что ты, Светик, – с усталой улыбкой ответила она. – Это всего лишь досадная случайность. Сколько всего разного было в моей жизни и еще будет – от этого никуда не денешься. Но ко всему нужно относиться спокойно, без истерики, как к обычному жизненному испытанию». Эти ее слова я помню всю жизнь.

Несколько оставшихся до окончания этой нашей «травматической» командировки дней прошли в интенсивной работе и всевозможных хлопотах, однако главной заботой было поменять мой авиабилет на тот же рейс, что и у Искры Васильевны. Дело в том, что именно в этот раз Управление внешних сношений нашей Академии не смогло нам обеспечить двух билетов на один самолет из Белграда в Москву (якобы, не было). Поэтому я должна была улететь на следующий день после Искры Васильевны. В обычной ситуации это было, конечно, не очень приятно, но все-таки можно пережить. Но теперь Искра Васильевна не могла даже одеться без посторонней помощи, не то что нести вещи. К тому же ее нужно было «страховать», чтобы она снова не упала.

И тут, видимо, Небеса решили, что с нас испытаний довольно и пора вмешаться в позитивном плане. Во всяком случае, нам удалось осуществить обменно-билетную операцию – с помощью милой сербской девушки из сервис-бюро авиационной компании, находившегося в центре Белграда. Она потратила полдня на то, чтобы обзвонить пассажиров первого рейса, и только 62-й по счету (!) пассажир согласился обменять свой билет на мой, потрясенный тем, что произошло с «русской дамой из Академии наук». Это было везение №1. А везение №2 ожидало нас в Москве. Когда мы, уже в аэропорту «Шереметьево», получив свой багаж, вышли к стоянке такси, то увидели очередь, которая впечатляла своим размером, – в лучшем случае стоять предстояло не меньше часа. Но мы прошли в ее начало, и я обратилась к согражданам с эмоциональной речью, суть которой сводилась к следующему: моя коллега за границей сломала руку (кивок Искры Васильевны и демонстрация пустого рукава пальто), стоять не может, потому что очень плохо себя чувствует. Наши люди, несмотря на трудную жизнь (уже шла «перестройка»), были добры и отзывчивы, тем более что жалость вызывала не только Искра Васильевна, но и я, вся обвешанная вещами, ее и своими, как чеховский «дачный муж». И нас пропустили без очереди, пожелав счастливого пути и выздоровления.

По дороге домой я с беспокойством смотрела на Искру Васильевну – она была измучена, это было видно невооруженным глазом, но не жаловалась, а лишь сокрушалась, что не сможет еще целых две недели из-за руки заниматься домашними делами, а, значит, у ее любимого мужа, профессора Велидова, будет двойная нагрузка.

Во время своих «белградских» командировок мы с Искрой Васильевной, помимо работы, всякий раз старались посетить какие-нибудь интересные места. Среди них – Калемегданская крепость, русская православная церковь, собор Св. Саввы. И вообще мы очень любили гулять по Белграду,

не только в центре, но и на его окраинах. Искра Васильевна всегда была неутомимой в этих наших мини-путешествиях, и пройти 5–7 км пешком для нее было просто удовольствием.

Помню, как однажды мы с ней посетили белградское кладбище, можно сказать, по поручению Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991), профессора истфака МГУ, зав. кафедрой истории южных и западных славян и члена редколлегии нашего труда «Югославыне и Россия». Узнав, что мы отправляемся в Белград, он дал нам задание: зайти на белградское кладбище и убрать могилу Николы Пашича (Виктор Георгиевич нарисовал нам схему, чтобы мы ее нашли). В то время (1980-е годы) имя самого знаменитого политического деятеля Сербии конца XIX – начала XX вв., лидера Радикальной партии и главы правительства, было в загоне. В этом мы смогли убедиться, когда увидели место захоронения Пашича, – оно находилось в явном запустении: мусор, листья и никаких цветов. Теперь, как говорят коллеги, регулярно бывающие в Белграде и посещающие могилу Пашича, картина иная, – видимо, с изменением политических установок.

А в тот раз мы с Искрой Васильевной убрали мусор, вытерли тряпочкой черное мраморное надгробие и возложили на плиту красные гвоздики. Кстати, походив вокруг, мы обнаружили среди «соседей» бывшего премьера выдающегося сербского филолога Джуру Даниичича. На его могиле (не знаю, как сейчас) тогда не было никакого приличного памятника, а только колосилась трава. Но мы, к сожалению, не смогли пройти за ограду, чтобы и здесь навести порядок, потому что дверца была закрыта на замок.

После посещения этого кладбища мы побывали и на кладбище советских воинов (оно находилось напротив первого) и приятно удивились тому, какое оно ухоженное и сколько свежих цветов, в основном, гвоздик, лежит на могилах. А могильная плита с надписью «Машенька» была ими просто завалена. Причем, по кладбищу ходили (в будний день!) пожилые женщины в черном со скорбными лицами (явно не русские) и обстоятельно и неторопливо наводили порядок.

Мы обошли это небольшое кладбище, а потом гуляли по белградским улицам, уже по-вечернему многолюдным и шумным, говорили и не могли наговориться – о Николе Пашиче и его яркой, неповторимой жизни, о Джуру Даниичиче (когда-то был известен, а теперь даже на могилу к нему никто не ходит), о Второй мировой войне и наших русских ребятах и девушках, упокоившихся здесь, почти в центре Белграда.

В декабре 1989 г. вышла из печати 1-я книга издания «Югославыне и Россия» (печаталась в типографии Матицы Сербской). В это время мы с Искрой Васильевной в очередной раз были в командировке в Белграде. И, разумеется, нам очень хотелось сразу увидеть книгу, в которую было вложено столько труда. Коллеги из Исторического института пошли нам навстречу и предложили съездить на машине в Нови Сад за тиражом. Разумеется, мы с радостью согласились.

Это была замечательная поездка. Вспоминается наше ликование, когда работники типографии вынесли из складского помещения увесистые пачки в плотной бумаге, а также показали отдельный экземпляр книги в красивом ярко-голубом переплете. Затем мы в приподнятом настроении прогуляли по городу, посетили местный рынок, пообедали в уютном ресторанчике. Родители нашей югославской коллеги Даницы Милоевич – Никола Петрович и его жена Мара – были родом из Нови Сада. Здесь когда-то служил священником в православном храме отец Мары – Алимпие. Даница и другие его внуки в детстве часто проводили каникулы у бабушки и дедушки. В тот раз Даница провела нас по всем своим любимым местам, показала сквер, где раньше был каток, – здесь зимними вечерами, после службы в церкви, в компании со своими прихожанами катался на коньках ее дед. Конечно, мы посетили и храм, где когда-то он служил. Перед отъездом в Белград мы также побывали в гостях у родственников Даницы, живущих в Нови Саде, которые очень радушно нас приняли.

Вообще дружба с семьей Николы Петровича, нашего незабвенного Николая Лазаревича, которого молодые сотрудники Исторического института за глаза называли «цар» (он, действительно, был величественный), – очень важная составляющая наших с Искрой Васильевной поездок в Югославию. Всякий раз мы были приглашаемы (и не однажды) к ним в гости. Великолепная хозяйка Мара Алимпиевна готовила в нашу честь роскошные, вкуснейшие блюда (одна гибаница чего стоит!) и всегда бывала очень добра и приветлива по отношению к нам. Сам глава семьи Николай Лазаревич (жена называла его Николушкой) вел умные и очень познавательные разговоры на смешанном сербско-русском языке, часто вспоминал свою партизанскую и послевоенную жизнь, общение с Й.Б. Тито. На этих наших встречах почти всегда присутствовали дочери Николы и Мары – Даница (наша коллега) и младшая Боса, их мужья и внучка Маня, дочка Даницы и Милутина. Теплота общения с этими замечательными людьми незабываема и с радостью вспоминается даже спустя несколько десятилетий.

Именно во время таких встреч с нашими югославскими друзьями и коллегами, у них дома или в Институте, мы с Искрой Васильевной отчетливо ощущали непрерывность (несмотря ни на какие политические коллизии) русско-югославянских связей, тянувшихся из древности через века, а также свое непосредственное участие в этом историческом процессе.

Я могла бы написать об Искре Васильевне Чуркиной целую книгу – она этого заслуживает. Так много еще хочется о ней рассказать, но это, как говорится, не сейчас, а, возможно, в другой раз.

Недавно ее маленький внук Вася посетовал на то, что не знает, где ему найти «живой воды» (значит, уже прочел соответствующую сказку). Как выяснилось, этой водой он хотел бы напоить любимую бабушку, чтобы она снова стала молодой и у нее бы ничего не болело. Добрый мальчик!

У меня, как и у Васи, к сожалению, нет «живой воды». Но, возможно, эти мои воспоминания о наших «югославских» путешествиях заменят для Искры Васильевны хотя бы один глоток этого чудодейственного напитка.

Слово ученицы

Судьба молодого ученого во многом зависит от того, кто будет его научным руководителем, поскольку именно научный руководитель может усилить интерес к изучаемой проблеме, а может, наоборот, не только значительно снизить, но и вообще отбить желание заниматься наукой. В моем случае, я считаю, мне очень повезло.

В университет я пришла с полной уверенностью, что пойду на «нашу кафедру», кафедру истории южных и западных славян. Точно так же я была уверена, что буду заниматься историей Югославии, вот только каким периодом, каким регионом, этого я тогда еще не решила. И вот судьба свела меня с Искрой Васильевной Чуркиной. Мне с первого взгляда понравилась это милая, деликатная и удивительно эрудированная женщина. Узнав, что в качестве второго славянского языка я изучаю словенский, она спросила, не интересуюсь ли я историей этой страны? Я, конечно же, сказала, что мне интересно все. Но потом, на досуге, подумала: а действительно, не интересует ли меня эта страна?

В Словении я до этого не была и имела об этой стране весьма расплывчатое представление, овеянное романтизмом. Словения представлялась мне удивительно сказочной, камерной и уютной. Это ощущение подогревалось тем впечатлением, которое произвела на меня Искра Васильевна. Изучив затем фонды наших библиотек и выделив для себя две-три темы, я просто начала читать, увлекаясь все больше и больше историей этой страны.

С Искрой Васильевной мы потом встречались на разных мероприятиях, которые устраивал филологический факультет (где я изучала словенский язык). И вот как-то раз, во время одного из мероприятий, мы снова разговорились, и я на ее вопрос о том, как мои успехи в изучении истории Словении, ответила, что увлеклась Второй мировой войной и что, скорее всего, буду писать курсовую работу о положении Словении в этот период. Она сказала, что это очень интересный выбор: тема малоизученна, и мне представится огромное поле для творческой деятельности. Искра Васильевна одобрила мой выбор. В университете у меня был другой научный руководитель, но я часто консультировалась у Искры Васильевны, которая всегда находила время для того, чтобы дать мне совет и указать на недостатки или, наоборот, на выигрышные аспекты моей работы.

Защитив диплом, я поступила в аспирантуру Института славяноведения РАН, где уже Искра Васильевна стала моим ментором. Могу сказать, что, став моим научным руководителем, она не изменила стиля нашего

общения. Я никогда не ощущала давления, навязывания чужого мнения. Ее замечания всегда были предельно корректны, не задевали достоинства начинающего историка. И я ей за это благодарна. Ведь подчас одно неверное слово может «подрубить крылья» и отбить всякое желание заниматься наукой дальше. Эту манеру общения я переняла у Искры Васильевны и сейчас пытаюсь вести себя так же корректно в отношении своих студентов.

Однако, несмотря на то, что Искра Васильевна очень мягкий и тактичный человек, она может проявить твердость и требовательность, если этого требует дело. К своему удивлению, эти качества я обнаружила в ней, когда мы работали над нашей совместной книгой «История Словении».

Искра Васильевна является для меня идеалом женщины-историка, которая совмещает в себе высокий профессионализм, аналитический ум и огромную трудоспособность. И в то же время остается человеком тактичным и скромным, настоящим Ученым с большой буквы.

Мои родители

Мне очень повезло — у меня были замечательные родители. Оба — из крестьянских семей, трудолюбивые, добрые, интересующиеся всем на свете. Еще до поступления в школу я слышала о зимовке папанинцев на льдине, о челюскинцах, о перелете Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в Америку, о боях испанских республиканцев против Франко, о зверствах фашистов в Германии и Италии. Все это обсуждалось моими родителями и их друзьями, приходившими к ним. Мама умирала в июле 1980 г. во время Олимпиады. И каждый раз, когда я к ней приходила, она расспрашивала меня о выступлениях наших спортсменов и искренне радовалась их победам. О болезни же старалась не говорить.

У нас дома всегда было много книг, в том числе и детских. И конечно — К. Чуковский, А. Барто, позднее А. Гайдар. Особенно мне нравились сказки дядюшки Римуса про братца Кролика и братца Лиса. Отец мне читал их, когда я болела, и мне надо было померить температуру или поставить горчичники.

Мой отец Василий Сергеевич Чуркин родился 27 декабря 1901 г. в крестьянской семье в селе Морозовы Борки Сапожковского уезда Рязанской губернии. Дед Сергей Андреевич Чуркин был малоземельным крестьянином. Поэтому он часто уходил на заработки, оставляя семью иногда на продолжительное время. Так, однажды он ушел на заработки, когда моему отцу не было и года, а вернулся домой, когда ему уже исполнилось 6 лет. Мать отца Варвара Петровна оставалась на хозяйстве одна с тремя детьми: старшей Софьей, средним Петром и младшим Василием. Ее отца Петра заезжий барин проиграл в карты местному помещику. После отмены крепостного права он на родину не вернулся, а женился на местной девушке из семьи Турчаниновых, взяв себе фамилию жены. Варвара Петровна с тремя детьми жила очень бедно, у них не было даже коровы. Молоко, творог приносили соседи по праздникам. До конца своей жизни мой отец самым замечательным лакомством считал молоко.

Во время своего долгого отсутствия Сергей Андреевич дошел пешком до Владивостока и обратно, по пути строил сибирскую железную дорогу. Вернувшись на родину, он стал лесником. Несколько лет семья прожила в лесу. Мой отец прекрасно знал названия деревьев, цветов и трав, птиц определял не только по виду, но и по голосу. Он хорошо разбирался в грибах, учил меня и своих внуков отличать съедобные от поганок. Отец великолепно плавал, обычно саженками. И меня он тоже научил плавать. Походы в лес за грибами и плавание были для меня и моих детей самым замечательным развлечением летом и ранней осенью.

А еще мне отец рассказывал о своем тезке знаменитом разбойнике Василии Чуркине. Он действовал в последней четверти XIX в. в Западной Мещере и, часто грабя купцов, помогал беднякам. Я вместе с отцом иногда пела длинную песню о его гибели. Я больше никогда ее не слышала. К сожалению, я помню из нее только несколько куплетов.

Среди лесов дремучих
Разбойники идут
И на плечах могучих
Товарища несут.
Носилки не простые –
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный
С разбитой головой.
Эх, пушки, пушки грохотали,
А в поле пал туман.
Скажи, о чем задумался,
Наш грозный атаман?

Я всегда думала, что Василий Чуркин – образ сугубо фольклорный, и очень удивилась, когда год назад прочитала о нем рассказ в историко-краеведческом альманахе «Гуслицкая округа» (№ 3. Куровское-Давыдово. 2007). В статье С.С. Михайлова «Побег Василия Чуркина в 1873 г.» рассказывалось о деятельности разбойника Василия Чуркина, уроженца деревни Барская Гуслицкого Захода, население которой издавна славилось своим разбойным промыслом. Михайлов пишет, что в 70-е годы XIX в. Чуркин контролировал территорию от Москвы до Владимира. (С. 63)

Варвара Петровна, несмотря на бедность, стремилась дать своим детям образование. Софья хорошо знала грамоту, особенно религиозную литературу, Петр окончил агрономическое училище в Сапожке, а Василия отдали в гимназию, так как в церковно-приходской школе он был лучшим учеником. Ему удалось окончить в гимназии два класса.

В 1919 г. Василия призвали в Красную Армию, и он воевал сначала против банд Н. Махно, а затем против белополяков в качестве командира отделения команды пеших разведчиков. В 1922 г. по путевке партии он был послан в Петроград в Военно-политический институт имени Н.Г. Толмачева (с 1938 г. – Военно-политическая Академия имени И.В. Ленина), который и окончил в 1924 г. Затем он служил в Кингисепском погранотряде, а с 1927 г. был переведен в Москву в дивизию ОСНАЗ ОГПУ. Здесь он дослужился до звания подполковника. Занимая довольно высокое положение

ние, Василий Сергеевич, тем не менее, продолжил учебу. В 1935 г. он начал учиться в вечернем Аграрном институте Красной профессуры, который успешно закончил в 1937 г. В этом же году Василия Сергеевича заделали репрессии – он был уволен с военной службы и лишен воинского звания. С 1937 по 1941 г. Василий Сергеевич преподавал в Инженерно-экономическом институте имени С. Орджоникидзе. Здесь же в 1938 г. он получил звание доцента.

Когда началась Великая Отечественная война Василий Сергеевич ушел добровольцем на фронт по партийной мобилизации (он был членом ВКП(б) с 1925 г.). Как солдат, он защищал Москву, сражался под Вязьмой и у Кубинки. Затем его отправили в г.Чкалов (теперь – Оренбург) для переподготовки. Он получил звание капитана, в качестве комиссара батальона был отправлен на фронт. С сентября 1942 г. и вплоть до окончания войны Василий Сергеевич находился на фронте. Он участвовал в боях под Ворошиловградом (ныне – Донецк), сражался на Курской дуге, под Киевом, участвовал в Люблинско-Варшавской и Висло-Одерской операциях, брал Берлин.

О войне отец почти ничего не рассказывал. Лишь один случай, произошедший с ним, я слышала от него. Вместе со своим батальоном он наступал на Запад. Шли через глухие леса, где-то на границе между Россией, Белоруссией и Украиной, на ночлег остановились в сожженной деревишке, в которой только один дом оставался целым. Мой отец (он был комиссаром батальона), командир батальона и четверо ротных вошли в этот дом. Их довольно неприветливо встретила женщина лет сорока. На полатах, на лавках располагалось человек восемь ребятишек, самых разных – сразу было видно, что они не из одной семьи. Женщину спросили, что случилось с деревней. «Сожгли немцы за связь с партизанами», – ответила она. «А почему же твой дом остался целым?» «Я ведьма, – ответила она, – отвела им глаза». Командиры были представителями новой советской интеллигенции, не верившей ни в черта, ни в бога. Они только посмеялись. Потом командиры сели за стол, достали из своих запасов хлеб, сало, водку. Дали по бутерброду ребятишкам, хозяйку пригласили за стол. Она подобрела, откуда-то достала картошку, сварила ее и поставила на стол. После того, как все выпили и закусили, она предложила командирам предсказать их судьбу. «Вот вы все, – обратилась она к командирам, старшему из которых не было и 30 лет, – погибнете в ближайшие 2 месяца. А ты, – обратилась она к моему отцу (ему уже было более сорока лет), – доживешь до глубокой старости и умрешь в своей постели». Через несколько часов батальон выступил в поход. В первом же бою был убит один из командиров, через неделю – второй. Остальные трое тоже погибли, но они уже верили предсказаниям ведьмы и предварительно написали прощальные письма родным. А мой отец без ранений дошел до Берлина, вернулся домой и умер, как предсказала ведьма, через много лет в своей постели.

В 1946 г. Василий Сергеевич вернулся в Москву. Преподавал политэкономии в Военно-воздушной академии имени Жуковского, а с 1948 г. по

1964 г. работал в Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Диссертацию на звание кандидата экономических наук он защитил в 1948 г. по теме «Трудодень и его сущность».

В 1964 г. Василий Сергеевич ушел в отставку в звании полковника. Он был награжден орденом В.И. Ленина, четырьмя орденами Красного знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной звезды и двенадцатью медалями. Особенно он гордился двумя медалями – «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина».

В последние годы мы жили вместе. Василий Сергеевич очень много внимания уделял внукам, они до сих пор вспоминают о нем с нежностью.

Мой сын Иван назвал своего сына Василием в честь дедушки.

Моя мать Анастасия Климентьевна Извекова родилась 25 января 1899 г. в селе Хохловка Щигровского уезда Курской губернии. Село находилось на рубеже России и Украины, и песни там пели русские и украинские. Когда к нам в гости в Москве приходили мамы родственников: ее старшая сестра Елена Климентьевна Борина и ее дети – Антонина Васильевна и Анатолий Васильевич, которые были ровесниками моей мамы – за столом часто пели. И любимыми песнями были «Ревела буря», «Из-за острова на стрежень», «Ты ж мене пидманула», «Распрягайте, хлопцы, коней»... Я помню эти песни с детства.

Семья Извековых считалась зажиточной. У них было 22 десятины земли, 2 коровы, 4 лошади, 10 овец, 10 пчелиных ульев. Но обрабатывали землю, вели хозяйство они своими силами без применения наемной рабочей силы. Отец мамы Климент Козьмич и ее дядя Андрей Козьмич после смерти своего отца землю не разделили, а продолжали обрабатывать ее совместно. Так же они не выделили своих женатых сыновей – все они (их было 20 человек) со своими семьями работали вместе. Это была своеобразная задруга. Андрей Козьмич определял каждому работу в поле и по хозяйству, Климент Козьмич руководил торговыми делами. Он был грамотным, общительным человеком, имел прекрасный голос и по праздникам пел в церкви. Его приходили послушать из соседних сел и деревень. А еще Климент Козьмич знал много анекдотов, которые нередко рассказывал во время застолий. Некоторые из них мне пересказала мать.

Знахарка идет с подругой по кладбищу и хвастается: вот этого покойника я вылечила, а того – тоже я.

Поп провел молебен у мужика в доме. После окончания мужик его спрашивает: что будете пить, батюшка, вино или водку? Батюшка отвечает: и пиво тоже.

Молодой парень выпил в трактире, жалуется собутыльникам на тещу и грозит: вот выбью себе глаз, пускай у нее кривой зять будет.

Климент Козьмич пользовался среди односельчан авторитетом и одно время являлся членом волостного суда. Со своей женой Натальей они жили душа в душу. И только один раз он поднял на нее руку. В деревне главной красой девушки считалась коса. Наталья имела длинную русую косу

замечательной красоты, а у младшей дочки Насти, моей будущей мамы, волосы были жидкие, а коса тонкая. Двоюродный брат Насти обещал ей прикрепить косу Натальи к ее волосам. По просьбе дочери Наталья не раздумывая отрезала почти всю косу и отдала ее дочке. Прикрепить ее к волосам дочери так и не удалось, а семейный скандал не преминул развиться.

Настя была младшей в семье. Бойкая, кокетливая девочка рано научилась шить. В 1912–1915 гг. она работала в портновской мастерской в качестве девочки-ученицы, а в 1915–1920 гг. была домашней швеей у разных лиц. Когда революционные настроения дошли до Хохловки, она вступила в члены РКП(б) (1920 г.) и поехала в Курск поступать в Рабоче-крестьянский университет, где училась в 1920–1921 гг. Позднее мама вспоминала: «Общежитие, где мы жили, всю зиму не отапливалось, окна заросли толстым слоем льда и снега. Спать мы ложились в пальто и валенках, питались скудно. Нас было на курсах примерно человек сто – комсомольцев и молодых коммунистов, мы были малограмотны. Я, например, закончила всего два класса церковно-приходской школы ... Но мы не унывали, учились с энтузиазмом». Из 100 учившихся человек курсы окончили только 30. «Многих скопил тифняк. Мне повезло: тифом я не заболела и, закончив курсы, поступила на рабфак». (А.К.Извекова. Историю делают люди. // Бауманец. 6.11.1973). В 1921–1922 гг. Анастасия Климентьевна уже преподавала на рабфаке в Курске. Здесь она и встретила с Василием Сергеевичем, который был ее учеником. Поскольку ему удалось помимо церковно-приходской школы еще окончить два класса гимназии, историю он знал значительно лучше, чем его преподавательница. Нередко он изводил ее каверзными вопросами. Один из них Анастасия Климентьевна помнила до конца своей жизни: «Был ли Рюрик феодалом или нет?»

В 1922 г. Настя отправилась в Петроград учиться дальше. Там она снова встретила с Василием, и они поженились. С тех пор у нее началась жизнь жены военного – с переездами и частой сменой работы. Она работала инструктором райкома, пропагандистом, швеей-мотористкой на фабрике. После перевода мужа в Москву Анастасия Климентьевна снова пошла учиться. В 1929–1931 гг. она была слушателем Института подготовки кадров в институт Красной профессуры, а в 1931–1935 гг. – слушателем Аграрного института Красной профессуры в Москве. После его окончания она работала сначала во Всесоюзном научно-исследовательском Институте экономики сельского хозяйства, а затем – во Всесоюзном Институте повышения квалификации и заочного образования. В 1940 г. она стала преподавателем МВТУ имени Баумана.

В начале войны осенью 1941 г. мы вместе с мамой эвакуировались из Москвы – сначала в г. Михайлов Рязанской области, затем в г. Ижевск, затем в г. Камбарку и, наконец, в г. Чкалов (Оренбург). В Чкалове мы прожили с 1942 по 1944 гг. Там Анастасия Климентьевна работала лектором горкома ВКП (б). Это была трудная работа – большую часть времени она

находилась в командировках: ездила по отдаленным деревням и аулам Чкаловской области, где часто не было ни газет, ни радио, и рассказывала людям о положении на фронте и в стране.

В 1944 г. мы вернулась из эвакуации в Москву, и мама снова стала работать в МВТУ на кафедре марксизма-ленинизма, на которой проработала до выхода на пенсию в 1957 г. В 1948 г. она защитила диссертацию на звание кандидата исторических наук по теме «Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса на Кубани», в 1949 г. получила звание доцента.

Мама очень хотела научить меня шить. У нас была швейная машинка Зингер, купленная ей еще отцом. Но меня машинка совершенно не слушалась: я никак не могла ее осилить. Но один урок своей матери я твердо усвоила. Анастасия Климентьевна была убеждена, что женщина должна надеяться только на себя, а не ждать, когда ее обеспечит муж или дети. Эту уверенность она передала мне, а я постаралась ее передать своей дочери Любе и внучкам.

Словенские ученые послевоенного поколения

Послевоенное поколение словенских историков, пришедшее в науку накануне Второй мировой войны или сразу после нее, очень много сделало для моего становления как историка. Все они – Ф. Цвиггер, Б. Графенауер, Д. Кермавнер, В. Мелик, Ф. Клопчич, М. Бритовшек были очень разными по взглядам и характерам, но их объединяли и общие черты.

Историки этого поколения были искренними патриотами своей родины (Словении и Югославии), все они так или иначе участвовали в борьбе против фашистов за ее освобождение. Это были очень образованные люди, часть из них училась в известных европейских университетах, что придавало их взглядам широту и объективность. Они прекрасно знали историческую литературу, не только немецкую, французскую и английскую, но и русскую, чешскую, польскую. Написанные ими статьи и книги отличались ясностью изложения, выводы подкреплялись выверенными фактами, на которые спокойно можно было ссылаться, не проверяя их. У них были разные точки зрения на некоторые вопросы истории Словении, и они полемизировали друг с другом в печати. Особенно это касалось двух видных историков – Франа Цвиггера, человека широких либеральных взглядов, и Душана Кермавнера, убежденного марксиста. Но их полемика всегда подкреплялась фактическим материалом.

И еще одну общую черту мне хотелось отметить у этих историков: их доброжелательность по отношению к младшему поколению, желание помочь. Это я очень хорошо ощутила на себе. Я только начинала изучать историю Словении, а в Советском Союзе не было историка, который конкретно мог бы помочь в этом. Первым, кто помог мне начать разбираться в словенской истории, был академик Милко Кос. Он приезжал в Москву в конце 1950-х годов, когда я училась в аспирантуре и писала диссертацию о словенских городах и горном деле в XVI в. Я читала словенскую и немецкую литературу и запуталась в названиях городов и сел. Кос помог мне идентифицировать немецкие и словенские названия.

Много мне дало общение с Бого Графенауером (1916–1995). Он родился в семье видного словенского литературоведа и этнографа Ивана Графенауера. Активно участвовал в политической жизни довоенной Югославии, примкнув к кругу христианских социалистов. Во время оккупации сотрудничал с Освободительным фронтом Словении, был арестован и интернирован в Италию, где провел более года, вплоть до ее капитуляции. После победы над фашистами Графенауер работал в Югославской комиссии по

границам при министерстве иностранных дел в Белграде в качестве эксперта. В 1946–1988 гг. он преподавал историю Словении на философском факультете Люблянского университета. После выхода на пенсию Графенауер трудился в Словенской Матице и некоторое время был ее председателем. Особое внимание он уделял Клубу каринтийских словенцев в Любляне, поскольку его предки происходили из Каринтии. Графенауер общался со мной достаточно часто, читал мои первые труды по истории Словении. Он очень тактично указал мне, какие книги по словенскому средневековью не стоит принимать во внимание, поскольку факты, приведенные в них, не соответствуют действительности. Он же похвалил мою статью «Югославянские стипендиаты Славянского учительского института», и эта похвала стала последним толчком в принятии мною решения заняться изучением русско-словенских связей, привлекая материалы русских архивов. Во многих своих работах я использовала труды Графенауера, о которых я самого высокого мнения. Его обширные знания, использование им самых разнообразных источников и литературы на многих языках, широкий диапазон его исследований ставит его в ряды наиболее серьезных европейских историков XX в.

Душан Кермавнер (1903–1975), убежденный коммунист, включился в коммунистическое движение уже с 1920 г. Затем последовала подпольная работа, аресты, тюрьмы в королевской Югославии. После оккупации он сразу же включился в борьбу против фашистов, был арестован, несколько лет до освобождения провел в концентрационных лагерях, в том числе в Бухенвальде. Рабочее движение в словенских землях, революционные выступления в России, а именно: революция 1905 г. и Октябрьская революция находились в центре его внимания. Хотя Кермавнер был твердым марксистом, но его работы, особенно его подробные комментарии к «Словенской культурно-политической истории» Ивана Приятеля, написанные с привлечением огромного фактического материала, имеют непреходящее значение. Он выступал в них с объективных позиций. Кермавнер с самого начала нашего знакомства опекал меня, указывал, какие книги и газеты, какие фонды в словенских архивах мне надо посмотреть по моей теме: он с самого начала считал, что я должна заняться русско-словенскими отношениями. Кермавнер познакомил меня с директором Славянской библиотеки Ф.Добровольцем, который выдавал мне нужные книги на дом на субботу и воскресенье.

Фран Цвиттер (1905–1988) родился в семье судьи в местечке Бела Церкев, отец его был родом из Каринтии. Фран Цвиттер окончил гимназию в Новом Месте. Затем изучал историю и географию в Люблянском (1924–1926) и Венском (1926–1928) университетах, в 1930–1932 гг. стажировался в Париже. Несколько лет являлся учителем истории в классической гимназии Любляны, с 1937 г. доцент по специальности «Всеобщая история нового времени» на философском факультете Люблянского университета. Молодой историк активно участвовал в общественной жизни, примкнув к лево-

му крылу либерального движения. Накануне вторжения фашистов он был одним из участников создания Общества друзей Советского Союза. Во время оккупации Цвиттер находился под наблюдением итальянских властей, а после капитуляции Италии ушел к партизанам. С января 1944 по март 1945 г. он возглавлял Научный институт Освободительного фронта, который организовал сбор материалов, относившихся к оккупации: указы и заявления оккупационных властей, прессу, выпускавшуюся партизанами и пособниками фашистов. Теперь эти материалы находятся в специальном отделе Архива Словении. Цвиттер представлял собой тип ученого, который часто показывается в кинофильмах и книгах – рассеянного и безгранично преданного науке. В 1956 г. я сопровождала его во время конгресса историков, проходившего в Москве. Я твердо усвоила, что если его оставить хотя бы на несколько минут, он обязательно придет не в ту аудиторию и не на то заседание. После войны, в 1945–1947 гг., Цвиттер работал в министерстве иностранных дел Югославии, занимался вопросом установления границ. Затем с 1948 г. до выхода на пенсию в 1975 г. работал на философском факультете Люблянского университета. Несколько лет он возглавлял Словенскую Матицу. Труды Цвиттера охватывали события не только в словенских землях, но и во всей Габсбургской империи. Особенно его интересовала эпоха словенского Возрождения, которому он посвятил ряд исследований. Цвиттер сделал ряд важных выводов, посвященных Иллирийским провинциям, деятельности видного словенского национального деятеля А. Линхарта.

Франц Клопчич (1903–1986) или, как его называли в России, Владимир Павлович, родился в Лотарингии в семье шахтера-эмигранта. В 1909 г. его отец вместе с семьей вернулся на родину. Он сочувствовал социал-демократам, и не без его влияния Франц Клопчич включился в рабочее движение еще будучи учеником реального училища в Любляне (1917–1923). В 1920 г. он вступил в Югославскую коммунистическую партию, вел активную работу как организатор и журналист, несколько раз арестовывался. В 1930 г. Клопчич по указанию партийного руководства отправился в Москву. В СССР он прожил 26 лет, из них 11 лет находился в лагерях. В 1956 г. вернулся в Словению. Здесь он работал в архиве, Институте истории рабочего движения. После выхода на пенсию в 1963 г. он написал около 200 работ – полемических статей о современных событиях, воспоминаний, исследований, посвященных рабочему движению. Большой интерес представляют его публикации воспоминаний югославских военнопленных, очутившихся в России во время Первой мировой войны и принявших участие в гражданской войне на стороне большевиков, а также его воспоминания о жизни в советских лагерях. Последние высоко оценил известный словенский ученый Йозе Пирьевец. «После возвращения на родину в середине пятидесятых годов, – пишет Пирьевец в своей статье «Словенцы и русские (1918–2008)», – этот убежденный большевик описал в книге воспоминаний «Десятилетия испытаний» (1980) свой крестный путь по мо-

сковским тюрьмам и сибирским лагерям с такой искренностью, не переходящей в ненависть, которая превосходит даже произведения Солженицына». Мне Владимир Павлович очень помог: он не только ездил со мной по Словении, показав мне многие ее города и села, в том числе город рудопов Идрию, но и отвез меня в Шмартно при Литии, которое было родной словенского филолога Даворина (Мартына Матвеевича) Хостника. Хостник долгое время учил детей в гимназии г. Рыльска Курской губернии. Он является автором первых словенско-русского и русско-словенского словарей и соответственно словенской грамматики для русских и русской грамматики для словенцев. В Шмартно я встретила внучатого племянника Матвея Мартыновича Янеза Хостника, который дал мне прочитать письма Хостника из России родным. Теперь они находятся в музее Шмартно, созданном предпринимателем Магдой Брезникар.

Марьян Бритовшек (1923–2008) происходил из семьи мариборского торговца. В Мариборе он окончил гимназию, в 1943 г. ушел в партизаны. После войны Бритовшек окончил философский факультет Люблянского университета, затем проходил специализацию по истории международного рабочего движения в Институте общественных наук в Белграде. В 1960 г. защитил докторскую диссертацию «Разложение феодальной аграрной структуры в Крайне», вышедшей отдельной книгой в 1964 г. С 1964 г. и до выхода на пенсию в 1993 г. профессор Бритовшек работал в Люблянском университете. Хотя у него имеются фундаментальные работы по истории Словении – о разложении феодальной системы в Крайне в конце XVIII в. и о А.Фюстере, одном из демократических деятелей революции 1848 г., в центре его исследований было европейское рабочее и коммунистическое движение. Он опубликовал ряд статей о I, II и III Интернационалах, о Парижской Коммуне, о деятельности Маркса и Энгельса в революцию 1848 г. Особенно большое внимание он уделял России, Октябрьской революции, развитию коммунистического движения в СССР, сущности ленинизма и сталинизма. Он опубликовал ряд монографий по этой теме: «Борьба за ленинское наследие» (1976), «Царизм, революция, сталинизм» (1980), «Термидор Сталина» (1984) и др. Эти работы интересны помимо прочего тем, что в них он широко использовал европейские и американские архивы, труды европейских и американских ученых по этой теме. Бритовшек был одним из немногих словенских историков, которые исследовали не только словенскую историю, но и историю Европы. Научные труды Бритовшека отличаются глубиной, критическим духом, фундаментальностью. Он искренне любил мою родину и горячо переживал события, происходившие в ней.

Бритовшек много сделал, чтобы познакомить меня со Словенией. Хотя в научном отношении темы наши не совпадали, он много дал мне для понимания партизанского движения в Словении. Я особенно запомнила поездку с ним в Штирию на место гибели Похорского батальона. Во время своих приездов в Словению я часто бывала у него в гостях, где меня всегда радушно встречала его жена Аня, тоже бывшая партизанка.

Но, пожалуй, наиболее прочные долговременные контакты у меня сложились с Василием Меликом (1921–2009), профессором Люблянского университета, сыном видного словенского географа первой половины XX в. Антона Мелика. У Василия Мелика, как и у меня, в центре исследований был период словенской истории, начиная со словенского Возрождения и кончая образованием Югославии. Поэтому при каждом моем приезде в Словению мы много общались, обсуждая различные вопросы, новые документы, касающиеся нашей темы. Мелик прекрасно знал факты, в большинстве случаев наши взгляды совпадали. Он не только писал интересные статьи и книги, но и участвовал в издании воспоминаний крупных словенских политиков – Й. Вошняка, И. Хрибара, Ф. Шуклье, В. Равнихара и др. Обычно воспоминания этих деятелей предваряли содержательные статьи Мелика. Работы Мелика отличаются глубиной, оригинальностью, комплексным подходом к изучаемым проблемам. С ним очень приятно было иметь дело, он отличался демократичностью, хорошим чувством юмора, доброжелательностью, неизменным интересом к жизни и людям. Мелик участвовал во многих международных проектах, в том числе и в советско-югославской публикации «Југословени и Русија» (Материалы архива М.Ф. Раевского. Београд, 1989. Т. 2. Кн. 1) Я хорошо знала семью Мелика – его жену Любу, его дочерей Ельку и Живу, его зятя Стане Гранду, на моих глазах превратившегося в серьезного историка, со взглядами которого я не всегда согласна.

И еще мне хотелось бы сказать несколько слов о двух словенских филологах, также помогавших мне понять словенские реалии.

Валентин Логар (1916–2002) родился в большой крестьянской семье, учился на философском факультете Люблянского университета у словенского лингвиста-диалектолога Ф.Рамовша. Во время войны Логар и все его братья сражались в рядах Освободительного фронта Словении. За сотрудничество с ним Логар был арестован и несколько лет сидел в итальянских тюрьмах. После войны он за поддержку резолюции Информбюро снова был арестован и несколько лет провел на каторге на Голом Отоке и в боснийских рудниках. Освободившись, Логар под влиянием своего учителя продолжил изучение многочисленных словенских диалектов, преподавал в Люблянском университете. Логар активно сотрудничал с советскими учеными в создании карты славянских диалектов. Логар показал мне многие районы Словении еще во время моего первого приезда туда на семинар словенского языка, литературы и культуры в 1965 г. Он рассказывал мне об особенностях словенского языка, о сложности формирования литературного языка словенцев, которые при своей малочисленности имеют 49 диалектов.

Кроме Логара мне хотелось бы упомянуть и Франца Якопина (1921–2002), одного из наиболее разносторонних славистов Словении. Якопин окончил Люблянский университет. Помимо этого в 1953–1954 гг. он изучал в Геттингене славистику, в 1959 г. в Кракове и Варшаве – полонистику,

в 1973 и 1978 гг. в Минске – белорусистику. Но главным делом его жизни всегда оставалась русистика. Он написал множество статей и книг, посвященных ей, в том числе «Граматику русского литературного языка», множество пособий для изучения русского языка.

Якопин вместе с профессором Борисом Патрену был первым, кто встретил меня и Володю Дыбо в Любляне на вокзале во время нашей первой поездки в Словению. И затем он всегда оказывал мне внимание, снабжал меня новыми книгами по истории и лингвистике.

Словенские ученые, историки и филологи, первого послевоенного поколения не только помогли мне в овладении моей профессией, за что я всю жизнь буду им благодарна. Благодаря им, я почувствовала глубокую симпатию к словенцам как народу, близкому нам по языку и культуре, долгое время боровшемуся за свою самобытность и сумевшему ее сохранить, несмотря на неблагоприятные условия существования.

II. История

И.В. Чуркина
(ИСл РАН)

Русско-словенские отношения в 60-е годы XIX в.

Начало 60-х годов XIX в. – время реформ и в России, и в Австрии. И в обоих случаях они были вызваны поражением этих стран в войне: в 1856 г. Россия потерпела поражение в Крымской войне, а в 1859 г. Австрию победили Франция и Сардиния.

Победа над Австрией открыла путь к объединению Италии, и в результате Австрия потеряла почти все свои итальянские владения. Устои абсолютизма в монархии были серьезно поколеблены. В октябре 1860 – феврале 1861 гг. венское правительство вынуждено было ввести некоторые конституционные нормы: избираемые населением представительные органы (парламент, земельные собрания), некоторую автономию земель, определенную свободу слова и собраний. По всей империи стали учреждаться общества, газеты, журналы.

В этом отношении не отставали и словенские земли. В январе 1861 г. в Триесте была открыта Славянская читальня, которой пользовались все славяне, проживавшие в городе, в том числе и словенцы. Ее первым секретарем стал будущий лидер словенских радикалов Фран Левстик. В том же году появились читальни в Мариборе, Любляне, Целье. С каждым годом число их увеличивалось, они создавались не только в городах, но и в селах. К 1869 г. в словенских землях имелось 57 читален. Самая крупная из них – Люблянская – насчитывала до 300 членов. Читальни устраивали лекции, представления артистов-любителей, выступления хоров, многие читальни имели свои библиотеки с книгами, журналами, газетами на словенском и других славянских языках. В 1863 г. в Любляне была основана спортивная организация Южный Сокол (Južni Sokol), объединявшая молодежь. Ее члены часто совершали походы в села, где выступали перед крестьянами, стремясь распространить словенские национальные идеи среди сельского населения. В 1864 г. словенские патриоты создали Словенскую Матицу (Slovenska Matica), целью которой была публикация книг на словенском языке¹. Такие матицы уже существовали у многих других славянских на-

родов. Словенская Матица и стала центром национальной деятельности словенцев.

Поражение в Крымской войне показало полную несостоятельность союза трех императоров, созданного на Венском конгрессе после победы над Наполеоном. Надежда российского правительства на возможность помощи со стороны европейских держав была сильно поколеблена. Утверждение профессора Московского университета Михаила Петровича Погодина, что единственными союзниками России в Европе могут быть только славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»², многим представителям российской общественности стало казаться вполне обоснованным. Ориентация на Германию (Пруссию) и Австрию не выдержала испытания. Один из лидеров славянофилов А.С. Хомяков говорил, что надо бросить Германию и соединиться с Францией, «обратить все наши симпатии на славянские народы, не вмешиваться в полицейские дела других государств»³. Здесь Хомяков прямо намекал на то, что России не следовало спасать Австрию от венгерской революции.

Новые обстоятельства подталкивали кружок московских славянофилов к созданию официально утвержденного общества, в намерения которого входила помощь зарубежным славянам. Главным организатором его стал видный славянофил Иван Сергеевич Аксаков. Его активно поддерживали А.С. Хомяков, М.П. Погодин. Московскими славянофилам помогали болгары, проживавшие в России, в частности Найден Геров, получивший образование в России и затем находившийся на русской дипломатической службе, и А.В. Рачинский, член Одесского болгарского настоятельства.хлопоты увенчались успехом: уже зимой 1857–1858 гг. был создан Московский славянский благотворительный комитет, а 26 января он был утвержден императором по представлению министра иностранных дел А.М. Горчакова. В числе учредителей Московского славянского комитета имелись не только славянофилы, но и представители интеллигенции, далекие от славянофильских идей: историк С.М. Соловьев, журналист М.Н. Катков, филолог Ф.И. Буслаев, профессора Московского университета Ф.И. Иноземцев, А.И. Корсаков, М.Я. Киттары и др.⁴

Комитет с самого начала задумывался как организация, занимающаяся благотворительностью по отношению ко всем славянам христианского вероисповедания. На это указывает факт путешествия, предпринятого И.С. Аксаковым по южнославянским землям Австрии весной – летом 1860 г., во время которого он завязал контакты со многими словенскими и хорватскими деятелями. Уже в Вене он познакомился с В. Клунем, который в 1850-е годы был корреспондентом славянофильского журнала «Русская беседа» и опубликовал в ней две статьи: «Словенцы» и «История словенской литературы от XVI в. до настоящего времени». Обе статьи, хотя редакция не со всеми их положениями согласилась, вызвали высокую оценку с ее стороны⁵. Клун дал Аксакову рекомендательное письмо в Марибор к штирийскому словенцу историку и писателю Даворину Терстеньяку. Тот

в свою очередь организовал ему встречу со своими соратниками в Мариборе – священниками Божидаром Раичем и Орославом Цафом и учителем Янезом Майцигером.

Мариборские деятели произвели на Аксакова самое благоприятное впечатление. «В этом маленьком городке, – записал он в своем дневнике, – люди дышат свободнее и смелее, чем в больших городах. Мое посещение оживило их. Я много, много говорил им. Сколько веры и терпения нужно славянину! Сколько страданий при виде утраты своей народности и постепенного онемечивания, при сознании своего бессилия. Почтенная деятельность этих людей, упорно верующих в будущность славянства». Другое впечатление произвели на Аксакова каринтийские деятели. Янежич показался ему скромным, но полезным деятелем, Эйншпиллер – жарким, слепым католиком, австрийцем по политическим убеждениям. Крайна Аксакову понравилась. «В Крайне, – отметил он в дневнике, – народонаселение сплошное словенское, без примеси. Язык и обычаи еще крепко славянские ... Впечатление, производимое Крайною, очень отрадное». Аксакова особенно поразила близость краинского наречия к русскому языку. Лидер краинских патриотов Я. Блейвейс тоже понравился Аксакову, который его характеризовал таким образом: «основательный, упорный славянин, очень хорошо и широко понимающий». Во время своих встреч со словенскими национальными деятелями Аксаков активно их агитировал за создание Словенской Матицы⁶. Впоследствии это отметил Б. Раич в небольшой заметке, помещенной в газете «Словенец»⁷.

В 1860-е годы, кроме И.С. Аксакова, словенские земли посетили несколько русских славистов. В октябре – ноябре 1862 г. там побывали М.П. Петровский и Е.Ф. Фортунатов. М.П. Петровский, казанский славист, ученик В.И. Григоровича, основное внимание уделил Люблянской библиотеке. Как отмечали в своей заметке о нем «Новице» («Kmetijske in rokodelske novice»), Петровский считал, что эта библиотека по обилию славянских книг и рукописей – вторая после Пражской в Австрии⁸.

Приблизительно в то же время в словенские земли приезжал Евгений Федорович Фортунатов, кандидат Санкт-Петербургского университета, командированный за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянских наречий. О нем также сообщили «Новице»⁹. Найденное нами письмо Фортунатова неизвестному словенскому корреспонденту от 23/11 марта 1863 г. показывает, что он прожил в словенских землях довольно долго. Так, в марте он объездил Нижнюю Крайну (Доленьско) и Белую Крайну. Только в Рибнице он провел 15 дней, но кроме нее посетил Кочевье, Стари Трг, Винницу, Черномль. Там Фортунатов изучал местные говоры. В словенских землях он познакомился с К. Рудежом, Я. Блейвейсом, Л. Светецем, Л. Томаном. Но особенно теплые отношения у него сложились, судя по письму, с Ф. Левстиком¹⁰.

Где-то между 15 июня 1862 г. и 15 декабря 1863 г. (время пребывания в Австрийской империи) в словенских землях побывал экстраординарный

профессор кафедры истории литературы славянских наречий Киевского университета В. Яроцкий. В своем отчете он кратко охарактеризовал словенское национальное движение как более слабое, чем чешское. Причину его относительной слабости он видел в административной раздробленности словенских земель. Яроцкий отметил и большое влияние на него духовенства. Самым замечательным словенским национальным деятелем он считал Блейвейса, но наряду с ним упоминал Л. Томана, Д. Терстеняка, Й. Марна, А. Лесара, А. Янежича, П. Козлера, А. Эйншпиллера. С сожалением Яроцкий писал о закрытии словенской политической газеты «Напрей», указывая, что главными ее деятелями были Ф. Левстик и М. Вильхар¹¹.

В 1867 г. по словенским землям проезжал видный славист А.Ф. Гильфердинг, который посетил Терстеняка и беседовал с ним о венетах. Но наибольшее внимание из указанных ученых словенцам уделил Владимир Иванович Ламанский. Впервые он приехал в Любляну в декабре 1862 г., но библиотека в то время была закрыта для посещения, и он сразу же покинул город. Во второй раз Ламанский побывал в словенских землях летом 1868 г. и оставался там довольно продолжительное время. Целью Ламанского была не только работа в библиотеке, но и желание узнать, «в какой степени пробудилась, развилась народность словинская». Ламанский, чтобы отличить словенцев от словаков, прилагательные от имен которых писались одинаково, называл словенцев словинцами. Некоторые русские ученые конца XIX – начала XX вв. последовали его примеру.

Кроме Любляны он побывал в Мариборе, Целье. В Любляне с 19 по 28 июня Ламанский работал в библиотеке, а кроме того он хотел «лично повидаться со старыми знакомыми в Любляне и сойтись с молодыми деятелями, недавно начавшими свою благодарную работу на родной ниве славянской». Как и предыдущие русские ученые, Ламанский отметил тяжелое положение словенцев из-за административной раздробленности их земель. Из словенских национальных деятелей Ламанский в своей статье о путешествии по славянским землям упомянул только Левстика, как самого выдающегося среди молодых деятелей. Письмо М. Мурника Ламанскому от 27 июля 1868 г. показывает, что помимо Левстика он общался в Любляне еще с двумя видными младословенцами – М. Мурником и П. Грасели¹². И позднее, в 1870 г., Ф. Целестин писал из Петербурга, что Ламанский неоднократно спрашивал его о Левстике¹³.

Как можно видеть, русские ученые, побывавшие в 1860-е годы в словенских землях, не только занимались научными изысканиями, но и интересовались словенским национальным движением. Они понимали и сочувствовали стремлению словенцев объединить словенские земли в единое административное целое, наибольшую симпатию у них вызывал один из самых радикальных словенских политиков Ф. Левстик. И это не случайно, ибо Левстик сам проявлял большой интерес к России. Словенский ученый Д. Кермавнер обоснованно считает, что уже с середины 1860-х годов

он был убежден, что общеславянским литературным языком может быть только русский язык.¹⁴

Большую роль в организации поездок русских ученых по славянским землям Австрии сыграл священник русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевский. Именно его прежде всего посетил И.С. Аксаков, начав свое путешествие с Вены. Михаил Федорович Раевский, приехавший в Вену в 1843 г., с самого начала своего пребывания в ней выполнял функции посредника между национальными деятелями славянских народов и русскими учеными. В его доме встречались славянские просветители и русские путешественники, чаще всего слависты, он пересылал через русскую дипломатическую почту австрийские книги в Россию и наоборот, нередко давал русским, приезжавшим в Вену, рекомендательные письма к своим знакомым из числа славянских национальных деятелей. В 1855 г. Раевский заочно познакомился с русским ученым, дипломатом и славянофилом Александром Федоровичем Гильфердингом, активно помогал ему: давал сведения о славянских архивах и библиотеках, рекомендовал его своим славянским приятелям. Приезд в 1860 г. в Вену братьев Аксаковых, сначала Ивана Сергеевича, а затем Константина Сергеевича, укрепил контакты Раевского со славянофилами. По свидетельству автора краткой биографии Раевского, Московским славянским благотворительным комитетом на него была возложена «обязанность быть посредником между Комитетом и учеными славянскими обществами в Австрии: в пересылке книг и корреспонденций, в раздаче русских книг Матицам, читальницам и частным лицам из славян, раздаче пособий церковными вещами, богослужебными книгами и деньгами бедным церквям и училищам, в материальной помощи отдельным славянским деятелям, обществам, газетам»¹⁵.

В 1864 г. Раевский разработал план распространения русского влияния на славян Австрии. Главным способом этого он считал развитие «литературных сношений». Для их улучшения Раевский полагал необходимым: 1) заключить новую почтово-литературную конвенцию с Австрией, которая облегчила бы славянам возможность получать русские книги, журналы, газеты по почте; 2) организовать в Австрии торговлю русскими книгами; 3) посылать в Австрию книги частным образом в качестве пожертвований. Помимо укрепления литературных связей Раевский предлагал издавать в Австрии газеты «в русском направлении» на русском и немецком языках, которые будут «действовать на славян и направлять умы и сердца их по возможности в пользу России». На немецком языке газету, по его мнению, следовало издавать в Вене или Праге, ориентируясь на чехов и словенцев, а в Пеште – на русском, ориентируясь на русинов и словаков. Наконец, важное средство воздействия на славян Раевский видел в материальной поддержке русскими национальных учреждений славян: школ, матиц, газет и пр., а также в помощи отдельным лицам – бедным студентам и нуждающимся национальным деятелям. Только в Чехии и Хорватии национальные школы получают некоторую поддержку от государства, подчеркивал

Раевский, в других местах они лишены этого. Славяне на свои нищенские средства стараются создавать свои школы и матицы, но это им трудно делать, так как у них «аристократии нет, богатых людей нет, одни поселяне. Вот тут подать руку помощи русскому брату несчастным труженикам славянства»¹⁶.

Как можно видеть, Раевский видел задачу Московского славянского благотворительного комитета в развертывании культурно-благотворительной деятельности среди славян Австрии. Никаких политических целей в его записке не предусматривалось.

В числе прочих славянских обществ в Австрии, которые курировал Раевский, были и словенские.

В 1862 г. русское правительство широко отметило 1000-летие России (дата определялась преданием о призыве новгородцами Рюрика и его братьев на княжеский престол в Новгороде). Празднование должно было подчеркнуть незыблемость Российского государства, незыблемость самодержавия в нем. Это являлось особенно важным, поскольку всего несколько лет тому назад, в 1856 г., Россия потерпела столь унижительное поражение в Крымской войне, которого она не испытывала со времен Прутского похода Петра I в 1711 г.

Раевский предложил наградить к празднику наиболее выдающихся славянских деятелей. «Какое прекрасное дело Вы затеяли, многоуважаемый Михаил Федорович, советуя показать западным славянам внимание и сочувствие России по поводу ее тысячелетия раздачею русских орденов ее деятелям! – писал Гильфердинг Раевскому 24 августа 1862 г. – Могу себе представить, какое благоприятное впечатление это произведет»¹⁷. Составить список славянских ученых министр народного просвещения А.В. Головин поручил Раевскому, что он и выполнил. Всего было награждено 30 славянских национальных деятелей, из них – 27 подданных Австрии. К награде были представлены и двое словенцев – Ф. Миклошич и Я. Блейвейс.

В первоначальном списке Раевский назвал только Миклошича. В уже упомянутом письме Раевскому Гильфердинг замечал по этому поводу: «Миклошича, конечно, нельзя исключить из списка, потому что он после смерти Шафарика сделался чуть ли не первым ученым авторитетом между славянами. Но Вы знаете, что он в полном смысле австриец и вовсе отстраняется от народной деятельности своей родины. Поэтому он и не принадлежит собственно народности словенцев, и словенцев необходимо почтить наградой не в его лице, а в лице докт. Блейвейса, издателя «Новиц» (в Любляне), того человека, который более всех других содействовал пробуждению славянского духа в Крайне и Штирии. Недавно бывший его юбилей выказал огромное его значение между соотечественниками»¹⁸. Сохранилось письмо Блейвейса, в котором он перечислял свои заслуги перед словенцами. «Мы должны признать, – указывалось в нем, – что профессор Блейвейс принадлежит к величайшим благодетелям словенцев и имеет такие заслуги, за которые ни одна награда не будет слишком высокой»¹⁹.

В результате российские награды получили два словенца: Ф. Миклошич и Я. Блейвейс. Миклошичу дали орден Анны 2-ой степени с императорской короной (такой же орден был присужден В. Караджичу и А.И. Добрянскому), а Блейвейсу – орден св. Владимира 4-й степени. 6 ноября 1862 г. Блейвейс направил благодарственное письмо Александру II и министру народного просвещения. «Я почитаю себя в высшей степени осчастливленным тем, что моя незначительная деятельность на поле словенской литературы, – писал он, – была удостоена такого высокого признания»²⁰.

Жест русского правительства был принят многими словенцами с воодушевлением. «С каким необычным удивлением, – писал член горицкой читальни, затем видный словенский политик Андрей Винклер Блейвейсу 19 октября 1862 г., – восприняла пораженная Европа известие, что среди шума и суматохи новгородских торжеств русский царь не забыл также австрийско-славянских литературных деятелей, показав миру, насколько выше надо ценить перо, чем сталь, и крепость ума, чем силу руки ... Удовлетворение, радость, которыми наполняет словенцев эта полная значения награда, огромны»²¹. Спустя пять лет горячий русофил и богатый купец Г. Блаж в письме к Раевскому признавался, что награждение Блейвейса русским орденом наполнило его несказанной радостью, внушило ему уверенность, что «Россия включает нас в круг своих интересов, что мы, таким образом, можем не опасаться быть поглощенными Италией или кем-либо другим».²²

Постоянные связи со словенцами Московского славянского комитета наладились только с появлением Словенской Матицы, учрежденной в 1864 г. Уже в 1865 г. Раевский послал ей в дар 200 книг, изданных Российской Академией наук (С.-Петербург)²³. 30 ноября 1865 г. председатель Словенской Матицы Ловро Томан отправил ему благодарственное письмо²⁴. Всего подобных писем Матицы русскому священнику сохранилось 15 за период 1865-1873 гг. Благодаря Раевскому Словенская Матица установила книгообмен со многими российскими научными и общественными учреждениями. Так, с 1866 г. она обменивалась книгами с Антропологическим обществом (Москва) и Российской Академией наук (С.-Петербург), с 1869 г. помимо них еще – с Обществом издания народных памятников (Вильно), Румянцевским музеем (Москва), библиотекой Славянского комитета (Москва), Русским географическим обществом (С.-Петербург). К 1885 г. Матица вела книгообмен с 13 русскими научными учреждениями.

Руководство Словенской Матицы высоко оценило деятельность Раевского по налаживанию контактов с российской научной общественностью и особенно за организацию пересылки ей книг. 18 ноября 1866 г. Л. Томан послал письмо Раевскому, в котором сообщал, что 15 ноября на заседании комитета Матицы он был избран ее почетным членом. «Основанием, – продолжал Томан, – которым он подкрепил это предложение, было Ваше великодушие ... и Ваше благое старание, благодаря которому Вы благосклонно достали нашей библиотеке столько превосходнейших и очень до-

рогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг. Пусть это избрание станет для Вас доказательством того, как высоко мы чтим и признаем Ваши бесценные заслуги перед нашим благом, но до сих пор еще бедным обществом». В ответном письме от 29 ноября 1866 г. Раевский отвечал: «Все, что я сделал для Матицы Словенской, я сделал как всякий другой славянин должен был сделать. И все, что могу и впредь сделать для своих словенских братьев, сделаю с большим удовольствием, только прикажите»²⁵. Следует подчеркнуть, что до конца существования Габсбургской империи Раевский оставался единственным почетным членом Словенской Матицы, не имевшим австрийского гражданства.

Но не только Словенской Матице помогал Раевский. Так, он оказал услугу словенскому юристу, предпринимателю, картографу Петру Козлеру. Во время революции 1848 г. Козлер принадлежал к либеральному крылу словенского национального движения и являлся сторонником программы Объединенная Словения. В 1853 г. он издал карту под названием «Карта словенских земель и областей». В этой карте австрийские власти увидели намек на политическую программу революции. Продажа карты была запрещена, а Козлер был обвинен в нарушении общественного порядка. Второе издание карты было осуществлено в 1861 г. после отмены запрещения. 20 экземпляров этого второго издания получил Раевский, по видимому, от самого Козлера, который нередко заходил к нему. 24 сентября 1865 г. Раевский обратился с письмом к В.И. Ламанскому, послав ему одновременно эти карты. «Вы знаете, – писал он, – что 1-е издание этой карты было запрещено австрийским правительством, это второе издание. Карты эти Вы можете раздать по библиотекам или сами, или через министра нар/одного/ просвещения. Достойно и праведно избрать Козлера членом Географического русского общества, и Вы, надеюсь, постараетесь это сделать»²⁶.

Рекомендация Раевского была принята Русским географическим обществом, и уже в начале 1866 г. Козлер был избран его членом. «Знает ли Козлер, – писал Раевский Словенской Матице 20 марта 1866 г., – что он стал членом Русского географического общества? Диплом ему еще не был готов, когда я выехал из Петрограда»²⁷. Позднее Русское географическое общество регулярно посылало свои издания Козлеру²⁸. Несомненно, избрание Козлера членом Русского географического общества означало не только признание его научных заслуг, но и признание его политических заслуг как борца за права словенцев.

В 1864 г. только что созданное при Московском университете Общество любителей естествознания заявило о своем желании провести в Москве Этнографическую выставку народов России. Эта инициатива была поддержана русским правительством, почетным президентом ее стал великий князь Владимир Александрович. В конце 1865 г. по представлению профессора Московского университета и секретаря Московского славян-

ского благотворительного комитета Нила Александровича Попова на заседании комитета по организации выставки было решено устроить на выставке специальный Отдел, посвященный славянским народам. Ответственным за переговоры со славянами и приобретение у них национальных костюмов и предметов быта сделали М.Ф. Раевского. Спустя некоторое время комитет по организации Этнографической выставки решил пригласить на нее наиболее выдающихся славянских деятелей. Организовать их поездку в Москву было также поручено Раевскому. И начиная с конца 1865 г. и вплоть до окончания выставки в конце мая 1867 г. он активно занимался порученным ему делом.

В 1866 г. Раевский издал в Вене брошюру «Die Russische ethnographische Ausstellung in Moskau» (Российская этнографическая выставка в Москве), организовал публикацию в ряде славянских газет обращение комитета выставки и инструкции по сбору этнографических материалов²⁹. По просьбе Раевского хорват Абель Лукшич, редактор венской газеты «Slawischen Blätter», в мае 1866 г. объехал ряд городов со значительным славянским населением, а именно Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с наиболее авторитетными славянскими деятелями о посылке в Москву этнографических предметов своих народов. Кроме того, Лукшич опубликовал в своей газете сообщение о выставке³⁰.

В среде каждого славянского народа Раевский выбрал наиболее авторитетного национального деятеля, с которым и вел переговоры о покупке национальных костюмов. У словенцев Раевский обратился по поводу приобретения национальных костюмов к Л. Томану и Я. Блейвейсу. Наиболее ответственно отнесся к его просьбе Блейвейс, с которым Раевский переписывался с 1865 г. Он поговорил с Томаном относительно национальных костюмов словенцев, написал письмо Р. Разлагу с просьбой достать для выставки костюмы штирийцев и к М. Маяру с той же просьбой по поводу костюмов каринтийских словенцев. Томан ответил вежливым отказом, ссылаясь на устав Словенской Матицы, который ей не позволяет участвовать в заграничных выставках.³¹ Разлаг ничего не ответил. Зато Маяр прислал на выставку 6 национальных костюмов словенцев, представлявших участников свадьбы: жениха, невесту, дружку жениха, подружку невесты, двух сватов, а также предметы приданого невесты. В 1866 г. Раевский радостно сообщал Попову: «Словенцы нам присылают краинскую (каринтийскую. – И. Ч.) свадьбу из шести лиц со всем прибором только без коня и телеги»³².

На основании дара Маяра в Славянском отделе Московской этнографической выставки была создана самая интересная сцена, как писала вся российская пресса. Газета «Русский», издававшаяся М.П. Погодиным, подробно описала ее. «Словенская группа, – писал корреспондент – изображает свадебную сцену, обставленную различными подробностями, относящимися к обряду ... В отдаленном загородке виднеются различные лица свадебного поезда, знаменосец, дружка с эмблемами супружества

в руках, жених в круглой шляпе с цветами и красном кафтане, невеста в сияющем яркими цветами наряде; вдали виднеется свадебная кровать, расписанная с боков голубой краской с цветами; около нее на небольшом искусственном деревце виднеется ряд символических изображений соединения полов: два яблока, две фигуры, мужская и женская, и горсть орехов. Сундук с приданым стоит на тележке, наполненной принадлежностями домашнего хозяйства; середину его занимает самопрялка»³³. Столь же высокую оценку получила сцена каринтийской свадьбы у издания М.Н. Каткова «Современная летопись»³⁴. Автор «Путеводителя по Московской этнографической выставке», считая сцену каринтийской свадьбы самой замечательною в отношении костюмов, все же отмечал: «ни в костюмах, ни в свадебных обычаях ... мы не находим ничего с нами родственного»³⁵. В числе лучших композиций на выставке каринтийскую свадьбу отметил и император Александр II³⁶.

Помимо дара Маяра на выставку были отправлены одежда словенца из Крайны и собрание рисунков словенских национальных костюмов, купленные братьями Блейвейсами, Л. Томаном и Э. Костой. За свои дары словенцы получили от устроителей выставки награды: М. Маяр – награду второй степени (награды первой степени получили только дарители княжеского достоинства и Раевский), Блейвейс – серебряную медаль.

Русские славянофилы пригласили на Этнографическую выставку несколько десятков славян, в том числе 10 словенцев, а именно: Л. Томана, Я. Блейвейса, А. Эйншпиллера, А. Янежича, Д. Терстеняка, Р. Разлага, Э. Косту, М. Маяра, А. Винклера и представителя Матицы. Блейвейс и Коста сразу отказались поехать в Москву. Судя по письмам Блейвейса Раевскому, написанным 18 и 25 апреля 1867 г., Л. Томан и Л. Светец сначала собирались на выставку. Но уже 29 апреля 1867 г. Блейвейс указывал, что в Москву намерены отправиться четыре словенца: М. Маяр, И. Вильхар, Л. Томан и А. Худец. Последний вместо Светца, который будет занят в венском парламенте. Блейвейс характеризовал Худеца очень положительно: «славянин душою и телом, который старательно изучает русский язык». 3 мая 1867 г. Блейвейс сообщал Раевскому, что и Томан не сможет поехать в Москву, а вместо него просил отправить туда Грасели, которого он представлял как «славянина душой и телом», доктора права и владельца дома в Любляне, «большого знатока всеславянской литературы, первостепенного патриота», пребывание которого в Москве окажет честь словенцам. Столь блестящая характеристика была вполне обоснованна: Граселли являлся главой и одним из создателей Драматического общества в Любляне, а позднее был избран жупаном (бургомистром) Любляны. Но, в конце концов, от поездки отказался и Грасели. Из приглашенных славянофилами словенских деятелей в Москву отправился один М. Маяр. Остальные отказались от поездки, ссылаясь на болезни и занятость. На самом деле всем приглашенным власти указали на нежелательность посещения ими Москвы. Отказ ехать на Этнографическую выставку словенских лидеров был

встречен частью словенской общественности неодобрительно. В частности, газета «Словенски господар» осуждала за это Блейвейса³⁷.

Маяр оказался единственным из приглашенных, кто рискнул нарушить это негласное запрещение, за что и понес по возвращении на родину наказание от епископа. Он должен был написать объяснение, в котором, в частности, указывал, что у него «было намерение осмотреть выставку наподобие тех лиц, которые посещают выставки в Париже или Лондоне». «Половину Европы и третью часть Азии нужно бы посетить, чтобы посмотреть все то, что можно было узреть там, собранное в одном месте». И далее Маяр подчеркнул, что он согласился поехать в Москву, поскольку его пригласили и благодаря материальным облегчениям: проезд до Петербурга и Москвы и обратно и жилье там были бесплатными. Объяснение своей поездки чисто научными целями помогло Маяру отделаться сравнительно легко: он заплатил штраф в 25 голдинеров³⁸.

Кроме Маяра на выставку поехали еще два словенца: купец Иван Вильхар, которого Блейвейс характеризовал как «известного патриота» и который обещал написать для газеты Блейвейса «Кметийске ин рокоделске новице» корреспонденции о выставке, и молодой юрист Александр Худец. Среди словенцев, приехавших на выставку, Маяр, несомненно, являлся фаворитом. За великолепный дар Этнографической выставке его восхваляла славянофильская пресса. Сборник, выпущенный вскоре после отъезда славянских гостей из России, «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в мае 1867 г.» поместил биографии наиболее видных славянских деятелей. Одной из самых обширных была биография Маяра, бóльшая по объему, чем биография чешского лидера Ф. Палацкого. Ее написал Н.А. Попов. «Это один из деятельнейших между южными славянами проповедников славянской взаимности и братства», — подчеркивал Попов. Он особенно отмечал деятельность Маяра во время революции 1848 г. и, прежде всего, создание им программы Объединенная Словения, а также написание им трудов, призванных содействовать формированию общеславянского литературного языка. «Его неутомимое стремление, деятельность и заслуги на пользу единения и сближения различных племен славянских посредством общих форм и орфографии будут с благодарностью припоминать будущие поколения не только его соотечественников, но и прочих славян», — заключал Попов³⁹.

Маяр участвовал во всех главных мероприятиях, проведенных устроителями выставки и славянофилами, но о его выступлениях на них не сохранилось сведений.

Наибольшее впечатление на него, по-видимому, произвела встреча самых видных славянских деятелей 26 мая у Погодина. Она происходила в узком кругу, ее решения не могли быть распространены прессой, поэтому разговор шел откровенный. На встрече присутствовали: от чехов — Палацкий, Ригер, Ламбл; от сербов — Суботич, Я. Шафарик (племянник знаменитого ученого П.И. Шафарика), Петрониевич; от хорватов — Гай. Был

там и Маяр. На совещании обсуждали вопросы о написании сравнительной грамматики и словаря всех славянских наречий, об основании всеславянского журнала. В своем дневнике Погодин отмечал, что журнал должен был отражать всю научную и литературную деятельность всех славянских племен. Статьи предполагалось публиковать на всех славянских языках с краткими резюме. «В таком журнале, – замечал Погодин, – обозначалось бы осязательным, так сказать, образом близкое родство всех племен, и племена начали бы сближаться и знакомиться между собой удобнее»⁴⁰.

Именно этот проект попытался воплотить в жизнь Маяр в своем журнале «Славян» (Slavjan), который выходил в 1873–1875 гг. в Целовце (нем. Клагенфурт) в значительной степени на средства Московского славянского благотворительного комитета.

Вильхар и Худец такого воодушевления у русского общества как Маяр не вызвали. Однако они ознакомили словенскую общественность с выставкой. Один из корреспондентов газеты Блейвейса «NZ» дал краткое описание выставки, довольно беглое и сухое. В заключении он подчеркнул: «Выставка не могла быть сделана лучше, и поэтому она весьма поучительна»⁴¹. Другой автор, поместивший в «Новицах» три статьи о выставке, писал более живо и интересно. В первой из них он дал краткое описание поездки славян по России, отметив, что «путешествующие в Москву славяне были повсюду приняты с большими почестями и сердечным гостеприимством»⁴². Следующие его две статьи тоже освещали поездку славян. Во второй рассказывалось о посещении славянами польских городов. Особо отмечались теплые встречи в Ченстохове и Варшаве. В Варшаве славянские гости находились полтора суток. Они осмотрели там православную и католическую церкви, русскую и польскую гимназии. Корреспондента приятно удивил тот факт, что преподавание в польской гимназии велось на польском языке. «При таком положении вещей, – замечал он, – всякий умеренный человек может только удивляться, почему поляки недовольны своим правительством, если у них польский язык в школах и учреждениях, и даже на железной дороге билеты отпечатаны на польском языке». По мнению словенского автора, поляки имели уже все, за что словенцы боролись в конституционной Австрии⁴³.

И действительно, накануне Первой мировой войны, т.е. через 50 лет после описываемых событий, из 17 гимназий, находившихся в словенских землях, только 2 были с обучением на словенском языке (государственная в Горице и епископская – недалеко от Любляны) и 6 гимназий немецко-словенских. Остальные гимназии являлись чисто немецкими⁴⁴.

В третьей корреспонденции автор рассказал о встречах в Гродно, Острове, Пскове и Вильно, поразивших его и остальных славянских гостей своею теплотой. Но особенно их восхитило пребывание в Петербурге, где их приняли министр просвещения Д.А. Толстой и министр иностранных дел А.М. Горчаков, великий князь Константин Николаевич и другие высокопоставленные особы. Самое большое впечатление на всех славянских гостей

произвела аудиенция, данная славянам Александром II в Царском Селе. Словенский корреспондент, описав ее, особенно подчеркнул слова царя: «Радуюсь видеть своих родных братьев здесь в братской славянской стране. Надеюсь, что вы будете довольны своим пребыванием здесь и особенно в Москве»⁴⁵.

На этом оборвалась публикация в газете «Кметийске ин рокодельске новице» статей данного словенского корреспондента. По-видимому, осторожный Блейвейс, не без указания властей, решил не печатать больше столь русофильские корреспонденции. Тем более, что немецкая и венгерская печать развернула активную кампанию против тех, кто осмелился поехать в Москву, обвинив их чуть ли не в государственной измене. Кто же был второй корреспондент газеты Блейвейса? С полным основанием можно сказать – Александр Худец. В отличие от купца И. Вильхара он обладал определенным литературным талантом, что дало ему возможность стать впоследствии одним из переводчиков русской литературы на словенский язык.

Московская этнографическая выставка 1867 г. вызвала воодушевление у словенских национальных деятелей. Торжественные встречи славян с русскими государственными и общественными деятелями были восприняты с подъемом словенскими патриотами, особенно молодежью. Объяснение таким настроениям давала заметка из чешской газеты «Народни листы», перепечатанная в газете «Словенски народ» (Slovenski narod), и с которой очевидно была полностью согласна редакция последней. В ней говорилось: «Как у нашего народа, так и у других австрийских славян путешествие в Россию оставило глубокий след. Оно как пробудило мощное сознание общих интересов, так и оживило в груди всех славянских племен тлеющее чувство братства, зародило в мыслях славян стремление к взаимному сближению и взаимной помощи»⁴⁶. Даже спустя много лет видный словенский либерал Й. Вошняк, бывший в конце 1860-х годов молодым человеком, с удовольствием вспоминал о событиях тех лет. «Большую сенсацию, – писал он, – по всей Европе вызвал торжественный и воодушевленный прием славянских гостей на русской земле, особенно торжественная аудиенция, на которой Александр II принял в Царском Селе славянских гостей ... Обращаясь ко всем, он сказал следующие для того времени действительно многозначительные слова: “Сердечно приветствую Вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле”»⁴⁷.

После Этнографической выставки среди словенцев усилились русофильские настроения. У них появилась надежда, что русские правительственные круги так или иначе будут содействовать их борьбе за национальные права. Надежда эта не имела реальных оснований, но она вселяла бодрость и известную смелость в души словенских политиков. В 1868–1869 гг. на страницах органа младословенцев «Словенски народ» активно обсуждался вопрос об общеславянском литературном языке. М. Плетершник, будущий составитель знаменитого «Словенско-немецкого языка», опу-

ликовал в нем статью, в которой утверждал, что из-за своей малочисленности словенцы никогда не смогут достичь того уровня культурного развития, который соответствует требованиям современности. Плетершник считал, что все славяне должны объединиться и принять общеславянский литературный язык, а именно язык того племени, «которое по числу или образованности самое мощное и имеет наиболее развитую литературу»⁴⁸. Все эти требования – многочисленность, самая развитая литература – более всего соответствовали русскому языку, который Плетершник поостерегся назвать прямо. В июле-августе 1869 г. в «Словенском народе» появились две статьи, написанные словенским купцом Грегором Блажем. Он прямо писал, что русский язык – самый распространенный и самый чистый из славянских языков и «среди славян одни только русские имеют достаточно оригинальных книг, полностью отвечающих требованиям современности». Блаж не призывал отказываться от родного языка, но указывал: «Наш совет таков – пусть каждый образованный славянин кроме своего наречия знает также русское»⁴⁹.

Молодежь была увлечена этими настроениями: организовывались кружки по изучению русского языка, в моду входило все русское. Эти настроения в среде словенской молодежи отмечал русский консул в Риеке Л.В. Березин в донесении директору Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухову от 2/14 июня 1867 г. Рассказывая о банкете, состоявшемся в Любляне, на котором присутствовало помимо словенцев много хорватов, он указывал: «Тост за здоровье нашего императора был принят громким ура, потом музыка исполнила наш гимн, который по общему желанию был многократно повторен»⁵⁰. Такое же воодушевление Россией описывал и будущий либеральный литератор Ф. Левец своему другу Я. Керснику, будущему словенскому писателю. Рассказывая о прощальном ужине молодых люблянцев, уезжавших на учебу в Вену, произошедшем осенью 1867 г., Левец отмечал, что все они много шумели и «пили здравицу за Россию, за русского царя»⁵¹.

В сентябре 1868 г. в Любляне проходил съезд словенских учителей, на котором присутствовало до 300 человек. Один из них, Йосип Вовк, так рассказывал о нем Н.А. Попову: «Между прочими резолюциями мы приняли решение, чтобы с этих пор и далее в учительских семинариях на словенской территории русский и хорватский языки стали бы обязательными предметами»⁵².

В июне 1869 г. в Вене было установлено общество словенских студентов «Словения». На собрании 30 июля 1869 г. члены его приняли программу для Второго съезда учащихся, который предполагалось провести в Любляне. Решено было объявить общество литературным и либеральным, принять в качестве языка высшей словенской литературы русский язык, поставить вопрос о создании словенского университета. Второй съезд учащихся состоялся 4 сентября 1869 г. в Любляне. По вопросу о славянском литературном языке выступил Ф. Левец. Подчеркнув, что принятие хорватского языка в качестве литературного языка словенцев ничего не даст

словенцам, он заявил: «Мы выражаем свое твердое убеждение в необходимости принятия в качестве языка для высшей литературы русского языка». Предложение Левета было принято единогласно⁵³.

Все эти настроения имели не только культурную, но и политическую подоплеку. Блаж в частном письме к М.Ф. Раевскому от 29 сентября 1867 г. подчеркивал, что он стремится, чтобы Россия не забывала словенцев, и его радуют всякие доказательства того, что словенцы входят в сферу русских интересов⁵⁴. Лидер левого крыла младословенцев Ф. Левстик в 1868 г., призывая словенцев изучать русский язык, недвусмысленно замечал: «Мы ожидаем лучших времен, оглядываясь на наших родных братьев»⁵⁵. В личной переписке он был откровеннее. «Брат, – писал он 13 июля 1867 г. своему другу Драготину Рудежу, – кроме панславизма, у нас ничего нельзя отнять, ибо все остальное пустая солома»⁵⁶. В конце 1860-х годов у словенских либералов (младословенцев) был популярен лозунг: «Лучше стать русским, чем пруссаком». Об этом писал корреспондент «Словенского народа» весной 1869 г.: «Если бы несчастье (т.е. гибель Австрии. – И.Ч.) причинил Австрии тот народ, который до сих пор она считает первым своим любимцем (т.е. пруссаки. – И.Ч.) ... каждый словенец скорее станет по национальности русским, нежели пруссаком. Мы – славяне и хотим остаться ими»⁵⁷.

Словенские ученые, изучавшие идеологию словенских национальных деятелей в конце 60-х гг. XIX в., пришли к выводу о появлении в русофильстве словенцев политических тенденций. Так, И. Приетель указывал, что именно в это время среди словенской молодежи распространяется политический панславизм (т.е. идея создания общеславянского государства во главе с Россией)⁵⁸. Это же отмечает и Ф. Цвиттер, также подчеркивая усиление русофильских настроений политического плана у младословенцев⁵⁹. Уже через несколько лет это политическое русофильство осталось у немногих национальных деятелей. Однако культурные связи между словенцами и русскими продолжали развиваться. С появлением в начале 1860-х годов в словенских землях и в России общественных организаций начался новый этап развития культурных российско-словенских отношений. По-прежнему продолжались контакты между отдельными словенцами и русскими, но на первый план вышли связи между обществами. Главную роль в их осуществлении стали играть со словенской стороны Словенская Матица, а с русской – Московский славянский благотворительный комитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. Ljubljana, 1966. S. 142, 143.

² РГАЛИ. Ф. 373. Оп.1. Ед.хр. 6. Л. 6-об.

³ Цитировано по: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 29.

⁴ Никитин С.А. Указ. соч. С. 34, 40, 44.

⁵ Чуркина И.В. Винко Клун – словенский корреспондент «Русской беседы» // Славяноведение. 2008. № 4.

⁶ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. Приложение. М., 1892. С. 108–117.

- ⁷ Slovenec. 1865. № 3. S. 10, 11.
- ⁸ Novice (Kmetijske in rokodelske novice). 5.11.1862.
- ⁹ Novice. 12.11.1862.
- ¹⁰ Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) М., 2010. С. 459–460.
- ¹¹ Отчет исправляющего должность экстраординарного профессора кафедры истории литературы славянских наречий Яроцкого по случаю командировки в славянские земли с учебно-ю целью с 15 июня 1862 по 15 декабря 1863 года // Университетские известия. Киев, 1864. № 2. С. 78–99.
- ¹² Русско-словенские отношения в документах... С. 326.
- ¹³ Там же. С. 522, 524.
- ¹⁴ *Kermavner D. Opombe // Prijatelj* 1. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. 3. Ljubljana, 1958. S. 509–511.
- ¹⁵ Русь. 1.06.1884. Краткий очерк службы и заслуг протоиерея М.Ф. Раевского.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 627. Бумаги М.Ф. Раевского. 1864. Л.Л. 7–18.
- ¹⁷ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 132.
- ¹⁸ Там же. С. 134.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 360. Д. 175. Л. 18 с об.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 24. Л. 17.
- ²¹ *Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis, vitez Tersteniški // Bleiweisov zbornik*. Ljubljana, 1909. S. XIX.
- ²² Зарубежные славяне и Россия. С. 39.
- ²³ *Lah E. Matica slovenska // Letopis Matice slovenske*. 1885. S. 408.
- ²⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 432.
- ²⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 433.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Письма Раевского к В.И. Ламанскому.
- ²⁷ Arhiv Republike Slovenije. Arhiv Matice slovenske. 1866. Št. 48.
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Письма Русского географического общества Раевскому.
- ²⁹ *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. С. 168.
- ³⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 273.
- ³¹ Там же. С. 44.
- ³² *Чуркина И.В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 169.
- ³³ Русский. 1867. № 19/20. 29 мая. С. 318.
- ³⁴ Современная летопись. 1867. № 19. 28 мая. С. 3, 4.
- ³⁵ Путеводитель по Московской этнографической выставке. М., 1867. С. 24.
- ³⁶ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 50.
- ³⁷ *Lončar D. Dr. Janez Bleiweis in njegova doba // Bleiweisov zbornik*. Ljubljana, 1909. S. 217.
- ³⁸ *Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski*. Ljubljana, 1974. S. 133–134.
- ³⁹ Всероссийская этнографическая выставка ... С. 49.
- ⁴⁰ Русский ... С. 21, 22.
- ⁴¹ Novice. 1867. № 22 (29.05). S. 177; № 23 (5.06). S. 185, 186.
- ⁴² Novice. № 22 (29.05.1867). S. 182.
- ⁴³ Novice. № 23 (5.06.1867). S. 186, 187.
- ⁴⁴ *Gestrin F., Melik V. Sloveska zgodovina*. S. 262.
- ⁴⁵ Novice. 1867. 24. 12.06. S. 193, 194.
- ⁴⁶ Slovenski narod. 20.12.1870.
- ⁴⁷ *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1982. S. 215.
- ⁴⁸ Slovenski narod. 4.06.1868.
- ⁴⁹ Slovenski narod. 15.07; 31.08.1869.
- ⁵⁰ АВПРИ. Гл. арх. У-А2. Оп. 181. Д. 1025. Л. 91 об.
- ⁵¹ *Prijatelj* 1. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. 4. Ljubljana, 1961. S. 20–22.

⁵² ОР РГБ. Ф. 239. К.6. Д. 38.

⁵³ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina (1848–1895). Zv. 4. S. 87–88.

⁵⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 39.

⁵⁵ *Levstik F.* Zbrano delo. Zv. 9. S. 222.

⁵⁶ *Levstikova pisma*. Ljubljana. 1931. S. 248.

⁵⁷ Slovenski narod. 17.04.1869.

⁵⁸ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. 3. Ljubljana, 1958. S. 147.

⁵⁹ *Zwitter F.* Narodnost in politika pri slovincih // *Zgodovinski časopis*. 1947. № 1. S. 48, 49.

О словенско-немецкой языковой границе и административных границах во времена Матии Майра-Зильского

Доктор И.В. Чуркина в своих исследованиях уделила особое внимание Матии Майру-Зильскому¹, что побудило меня рассмотреть в этой статье вопрос о том, как отражалась языковая граница между немцами и словенцами в Каринтии на географических картах, составленных до середины XIX в.

В словенской исторической литературе словенско-немецкая языковая граница серьезно изучена. Исследовал ее еще Урбан Ярник в 1826 г. в статье «Заметки о германизации Каринтии»², а в 1908 г. ее описал Анте Бег в книге «Словенско-немецкая граница в Каринтии»³. Но научные методы при исследовании словенско-немецкой языковой границы историки стали применять в основном уже после Второй мировой войны. Среди многочисленных трудов на эту тему, несомненно, большое значение имеет «Каринтийский сборник»⁴, в котором дано подробное описание национально-языковой границы в Каринтии. Из исторических трудов особенно важны исследования Бого Графенауэра⁵ и словенского каринтийского историка Теодора Домея⁶.

Цель данной статьи – не исследовать национальную границу как таковую, а рассмотреть, как она была представлена на географических картах XVIII – первой половины XIX вв. То есть речь идет о том важном факте, что границу стали обозначать на картах, и тем самым языковое присутствие словенцев в Каринтии получило также картографическую документацию. Во всяком случае, разработка этой документации активно развивалась в 40-е годы XIX в., когда вышла карта «Slovanský zeměvid» Павла Йозефа Шафарика (1795–1861). На ней была обозначена словенская северная языковая граница, а население названо по его словенскому наименованию «SLOVENCÍ». Немецкая картография восприняла это новшество, впервые на немецком языке записав словенцев как «Slowenzen» и перестав использовать для их обозначения только немецкое слово «Winden». Важно, что на этих картах были обозначены и языковые границы, что особенно существенно для Каринтии, ведь они были напечатаны еще до революции 1848 г. и до провозглашения идеи Объединенной Словении Матии Майра-Зильского.

Словенские языковые границы впервые появились на картах в последней трети XVIII в. В 1765 г. будущий австрийский император Иосиф II

(1780–1790, с 1780 г. также король Чехии, Венгрии и Хорватии) привлек внимание официальных кругов к языковым границам, начав проводить церковные реформы. В 1782 г. была проведена реорганизация границ епископий. В качестве одного из критериев для определения новых границ епископий император предложил также деление по языку. Это деление не являлось приоритетным, однако тогда оно было принято во внимание впервые в истории. Языковой критерий имел большое значение для словенцев, живших раздробленно в разных территориально-административных единицах вперемешку с другими языковыми группами. Большинство словенцев жило в области, за которой в XVI в. укрепилось название Внутренняя Австрия (Innerösterreich), но которая с начала XVII в. не играла никакой существенной административной роли, только военную. В нее входили земли Штирия и Каринтия, где словенцы составляли примерно 1/3 населения, Крайна, которая была преимущественно словенской, и Горицкая область, большинство населения которой составляли словенцы, а меньшая часть относилась к фурланской (фриульской) языковой группе. Языком административных учреждений и школ, помимо широко распространенного немецкого, был также и итальянский. Эти два языка преобладали в главном городе области Горице. В состав Внутренней Австрии входил также автономный город Триест, в самом городе преобладали итальянский и немецкий языки, в окрестностях же – словенский.

Именно при введении этой новой территориальной организации епископий язык на определенной территории впервые стал рассматриваться как возможный критерий для установления административных границ. Император Иосиф II реорганизовал эти епископии таким образом, что они стали представлять собой компактные территории, тогда как ранее были территориально раздробленны и смешанны. Указ о реорганизации границ епископий в Чехии, Моравии, Галиции, Нижней Австрии, Тироле и Внутренней Австрии император Иосиф II издал в феврале 1782 г.⁷ Одним из инициаторов новой организации епископий был люблянский епископ Карл Янез Герберштейн (Karl Johann Reichsgraf von Herberstein, 1719–1787), который выступал за проведение новой границы между Люблянским епископством и Горицким архиепископством, поскольку территории этих епископств были перемешаны. Комиссаром, ответственным за реорганизацию границ епископий во Внутренней Австрии, император назначил целевецкого епископа Йозефа Франца Антона фон Ауэрсперга (Joseph Franz Anton Reichsgraf von Auersperg, 1734–1795) из влиятельной крайнской дворянской семьи. Его главной задачей было подготовить проект разграничения епископий в соответствии с общими направлениями, определенными императором.

Епископ Ауэрсберг получил еще некоторые дополнительные директивы касательно Внутренней Австрии. Среди них была очень важная, с нашей точки зрения, директива о языке, в которой указывалось, что следует принимать во внимание «численность населения и язык» и что епископство, по возможности, должно подчиняться властям только одной провин-

ции⁸. Епископ-комиссар Ауэрсперг очень точно следовал директиве о языке. Во всей Внутренней Австрии он изучил языковую статистику в каждом отдельном округе. Затем, при составлении проекта новых границ епископий, он придавал такое значение языковой среде, что старался добиться соответствия границ епископий языковым границам.

Хотя тогда, при Иосифе, реорганизации, учитывающей языковые границы, так и не провели, однако попытка не была напрасной, этот принцип победил в Штирии в 1859 г. Очень важным являлось уже то, что языковые границы впервые в истории стали фактором некоего административного деления. Ауэрсперг и сам уже понял, что эту задачу решить непросто. Единственную возможность привести границу епископии в соответствии с языковой границей он видел в Штирии. Он убежденно подчеркивал, что там можно очень четко провести границу епископии по языковой границе между словенским и немецким языками. Он учел языковую границу в двух из трех проектов, но тогда приняли третий, который был ближе правительственному и не учитывал языковых границ. Языковая граница в качестве границы епископии не такая выгодная для словенцев, как та, что предложил Ауэрсперг, поскольку проходила она несколько южнее, была установлена при окончательном разделе Секавского епископства с центром в Градце и Лавантинского епископства с центром в Мариборе в 1859 г. Новая граница епископии была определена по уже существовавшей в 1849 г. границе провинциальных судов с центрами в Градце и Целье⁹.

Епископ Ауэрсперг обработал языковые статистические данные всех двуязычных и даже трехязычных областей Внутренней Австрии, но наибольшее внимание уделил именно Каринтии и Штирии, в то время как его сообщения о Горичкой области и Истрии являются краткими и обобщающими. Для нас особую важность имеет исследование языковой ситуации в каринтийских церковных округах, поскольку доныне в нашем распоряжении нет ни одного достоверного описания языковой границы в Каринтии. О наличии двух языков в Каринтии и ранее сообщали различные авторы. Так, например, о Зильской долине писали Паоло Сантонино в 1485 г.¹⁰ и Иероним Мегизер в «*Annales Carinthiae*» в 1612 г.¹¹ Но епископ Ауэрсперг собрал данные о языковой ситуации в существовавших до Иосифа приходах и викариатах, на основании которых становится возможным представить детальную картину распространения словенского языка в территориальном разрезе. Однако относительно границ епископий в Каринтии епископ не разработал ни одного проекта на языковой основе. Он написал, что эта граница недостаточно четка: «Что касается языка, то я должен смиренно отметить, что те области и приходы, в которых обычно употребляется словенский язык, разбросаны среди немецких краев провинции Каринтии во всех трех округах, так что их невозможно полностью разделить». Без сомнения, существенно уже то, что он провел это первое языковое статистическое исследование для Каринтии, которое является очень важным историческим источником¹².

В своих проектах новой организации епископств он сохранил для Каринтии обе прежние епископские резиденции: Крку (Gurk), которую он переместил в Целовец (Клагенфурт), и резиденцию Лавантинского епископства в Шент Андраже. В обоих епископствах имелось немецкое и словенское население, но доля словенского населения в Лавантинском епископстве, к которому принадлежала и значительная часть словенской Нижней Штирии, была намного больше, чем в Кркском епископстве (Целовец), где численно преобладало немецкоговорящее население. Но поскольку в Целовце была богословская кафедра, где обучались богословы из обоих епископств – за исключением 1783–1791 гг., когда главная богословская кафедра Внутренней Австрии находилась в Градаце, – а в ней численно преобладали словенцы, Целовец в те времена стал важным словенским культурным центром.

Австрийское государство вновь занялось преобразованием границ епископств в 1804 г., после того как была упразднена Священная Римская империя и появились новые государственные границы. План переустройства предусматривал и изменения в Каринтии. Согласно этому плану, епископскую резиденцию Лавантинского епископства должны были переместить в Марибор, таким образом Лавантинская епископия охватывала бы и словенскую Нижнюю Штирию – в венских правительственных кругах ее воспринимали как словенскую епископию (Windisches Bistum), в то время как границы Кркской епископии с резиденцией в Целовце совпадали бы с границами провинции, и в нее входили бы также все каринтийские словенцы. Однако из-за войн с Францией этот план не был осуществлен. Точно так же не удалась и еще одна, подобная этой, попытка реорганизации, предпринятая в 20-е годы XIX в. Многолетний проект, разработанный еще епископом Ауэрспергом в 1783 г., был осуществлен в 1859 г.¹³

Новый крупный раздел провинция Каринтия пережила во времена Иллирийских провинций в 1809–1813 гг., когда она была поделена между двумя государствами, т.е. между Австрией и Иллирийскими провинциями под властью французов. Округ Бельяк (Villacher Kreis) принадлежал Иллирийским провинциям, а Целовецкий округ (Klagenfurter Kreis) остался в Австрии. Между двумя государствами, таким образом, были разделены и каринтийские словенцы, ведь при разделе не принималась во внимание языковая ситуация¹⁴.

Новшеством в проекте реорганизации границ Ауэрсперга были географические карты, составленные им для отдельных проектов и явившиеся первыми картами такого плана в Австрии того времени. Хотя эти карты не оказали большого влияния на развитие самой картографии, так как они остались в архиве, однако они представляют первый опыт обозначения языковых границ на географических картах и сейчас являются драгоценным историческим источником¹⁵.

В конце XVIII в. словенско-немецкая языковая граница была обозначена на географической карте в «Атласе Внутренней Австрии» («Atlas von

Innerösterreich»)¹⁶ Йозефа Карла Киндерманна (1744–1801). На ней в число других многочисленных тематических деталей входила также и языковая граница между немецким и словенским языками (Gränzen zwischen der deutschen und der windischen Sprache). Немецко-словенская языковая граница была проведена от города Радгона на штирийско-венгерской границе до штирийско-каринтийской границы, затем по Каринтии до самой западной части у Шмохорья и оттуда в южном направлении до границы с Венецианской республикой. Неизвестно, какие источники использовал Киндерманн, несомненно, что языковая граница обозначена им в ущерб словенцам как по сравнению с языковыми данными, собранными кркским епископом Ауэрспергом, так и по сравнению с картами первой половины XIX в. и с картой Чернига. В ней серьезный ущерб словенцам нанесен прежде всего в области к северу от Целовца. Несмотря на это, представляется важным, что языковая граница в словенской языковой области стала составной частью тематической картографии.

Начиная с 30-х годов XIX в. языковые карты приобретали все большую популярность. Одной из них была «Этнографическая карта Австрии» («Ethnographische Karte von Österreich»), приложение к книге «Historisch statistischer Umriß von der österreichischen Monarchie»¹⁷ («Историко-статистический очерк Австрийской монархии»), опубликованной в 1834 г. Обозначенная на карте национальная граница была крайне неблагоприятна для словенцев, поскольку проходила по реке Драве¹⁸. Карты с довольно достоверными языковыми границами для словенских территорий были изданы в 40-е годы XIX в. Наиболее значительной из них, несомненно, является карта Шафарика «Slovanský zeměvid». На географической карте, охватывающей весь славянский мир, население словенской языковой области впервые названо именем «Словенцы», очень хорошо обозначены и языковые границы, названия городов написаны по-словенски. На карте представлена северная словенская языковая граница в Каринтии, которая проходит прямо под Бельяком, затем под Целовцем (намного севернее, чем ее обозначил Киндерманн), над Великовецем, а в Штирии прямо над городом Радгона, который находится на словенской языковой стороне, и затем сдвигается к северу. Словенские географические названия Шафарик дал и для Каринтии: города Бельяк (Villach), который, правда, обозначен в немецкой языковой области, Целовец (Klagenfurt), Плиберк (Bleiburg), в Штирии Радгона (Radkersburg), Марборк (Maribor = Marburg). Географическая карта Шафарика важна и с другой точки зрения, а именно: она стала основой и для других языковых карт того времени.

Важнейшей картой, опиравшейся при определении языковой границы на карту Шафарика, была «Языковая карта Германии» Карла Бернгарди. Карта датирована 1843 г., годом позже она вышла как приложение к одноименной книге¹⁹, а через несколько лет была опубликована еще и в знаменитом немецком «Физическом атласе»²⁰. На карте Бернгарди, где показаны немецкоговорящие области и тем самым границы распространения немец-

кого языка в Европе, обозначена и его граница со словенским языком. Словенская языковая область в рамках югославянской области получила название «Slawische Sprache»; карта охватывает также часть Хорватии. Обозначая немецко-словенскую языковую границу, Бернгарди опирался на карту Шафарика. В примечании в книге он также выразил Шафарика благодарность и назвал его человеком, которому можно доверять (Gewährsmann) в том, что касается знания славянских языков и истории²¹. Относительно языковой границы на карте он записал, что Шафарик ему с редкостной любезностью передал сведения о «сколь необычной, столь и трудной языковой границе», которую он уже давно исследовал и изобразил на четырех листах для Иллирии (словенское пространство), Венгрии, Моравии и Чехии.

Для немецко-словенской языковой границы в Каринтии и Штирии, которую он изобразил на карте, Бернгарди в своей книге обозначил и пограничные регионы. На немецкой стороне: Мичиг на Зиле, Виллах на Драве, Шмидтдорф на Крке, Сент Паул у реки Лавант, Мюретг (словен. Цмуре) на Муре и далее к северу Феринг на Рабе, Фюрстенфельд и Хайлигенштейн. Прессбург (Братислава) он особо обозначил как город, в котором стыкуются немецкий, венгерский и славянский языки. На словенской стороне он отметил регионы Гарнитцен на Зиле, Рейсдорф (Ричка Вас) на Крке, Лавамунд (Лабот) на реке Лавант, Радкерсбург (Радгона) на Муре и области к северу, как, например, Велкен на Рабе. Бернгарди подчеркнул, что он сознательно встал на сторону Шафарика, а не на сторону «Этнографической карты Австрии», где граница была проведена по Драве²².

На карте граница обозначена между Врбским озером (Wörther See) и Осойским озером (Ossiacher See), затем к западу между округами Райсдорф (Ричка Вас) и Шмиддорф, что отчасти соответствует также и современным двуязычным названиям на карте «Каринтия – общественные двуязычные народные школы в каринтийских общинах»²³. В Штирии граница в Словенских Горицах обозначена немного в ущерб словенцам, в то время как город Радгона и так наз. Радгонский угол, ныне находящийся в Австрии, изображены на словенской языковой территории.

Карта вызвала много откликов также в том, что касалось словенско-немецкой языковой границы. О ней написали в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газете») ²⁴. В статье «Die Deutsche Sprachgränze im Südosten der Steiermark» («Немецкая языковая граница на юго-востоке Штирии») автор из Граца написал, что карта Бернгарди вновь привлекла внимание общественности к национальным различиям, которые в Штирии, как и в других альпийских областях, существуют уже более 12 столетий. Впрочем, автор приветствует главным образом разработку проблематики языковых границ, не соглашаясь при этом ни с контурами словенско-немецкой границы по Бернгарди, ни со статьей в «Deutsche Vierteljahresschrift» («Немецком ежеквартальнике») 1844 г., описавшей эту границу. Неточности он прежде всего видел в обозначении границы в Штирии, однако не там, где в Словенских Горицах она была изображена в ущерб

словенцам, а в той части, где, как ему казалось, она наносила ущерб немцам.

Карта Бернгарди была опубликована в «Физическом атласе», самом значительном атласе того времени. Издание карты расширило знание о словенцах и словенских языковых, а вместе с ними и национальных, границах и о крайней западной границе славянского мира. Бернгарди взял за основу карту Шафарика, тем самым выказав признание этому крупному славянскому ученому.

Первую словенскую географическую карту, на которой точно была показана северная словенская языковая граница, составил Петер Козлер (1824–1879). По профессии он был юристом, а не географом или картографом. Хотя годом издания карты значится 1853 г.²⁵, но издание было запрещено, так что увидело свет оно лишь в 1861 г. Несомненно, карта Козлера является плодом политических событий 1848 г., конкретно – словенского политического требования о создании Объединенной Словении, которая должна была бы охватить все словенскоговорящие области. Эту программу разработал Матия Маяр-Зильский.²⁶ Несомненно и то, что довольно мощным импульсом для Козлера послужили опубликованные в «Физическом атласе» карты, на которых была обозначена и словенская языковая граница. Поскольку масштаб карт был очень крупный, в них невозможно было внести большего количества пограничных областей. Это смог осуществить Козлер, издав карту в масштабе 1:576000.

Во введении к «Краткой словенской географии» Козлер написал, что словенской литературе очень не хватает географического атласа словенской земли (подразумевается Объединенная Словения), в котором были бы даны словенские названия областей, гор, рек и т.д., и который бы показал, «насколько далеко простирается словенское слово». Далее Козлер признает, что задача представить национальную границу в относительно маленьком масштабе, а также отметить и показать языковую ситуацию прежде всего в смешанных в языковом отношении областях, была нелегкой. В своей работе он опирался на собственные знания, на труды, имевшиеся в его распоряжении, а также на «патриотов и друзей», к которым он обратился за помощью. Большую их часть составляли священники из церковных приходов, где говорили на словенском языке. Козлер привел данные о численности всех жителей и численности словенцев в различных областях – так, для Каринтии цифры были следующими: 118 000 немцев и 113 000 словенцев. В общем он насчитал 1 242 000 словенскоговорящих жителей, что было на 74 000 больше, чем указывалось в «Этнографической карте Австрийской монархии». Также Козлер издал указатель географических названий, в который поместил немецкие и словенские названия каринтийских местностей.

Козлер начал свой труд в 1848 г. При определении этнографических границ он принимал во внимание, на каком языке проводится богослужение в отдельных церковных приходах; там, где граница проходила внутри

какого-либо прихода, он принимал во внимание и меньшие территории. Весь этнографический материал Козлер систематизировал, поскольку и по-словенски иногда названия областей писались по-разному. В объявлении, помещенном им в люблянских «Novicah»²⁷ («Новостях»), сообщалось о том, что географическая карта выйдет в январе 1853 г. Пригласив подписаться на нее, Козлер отметил: «На этой карте показаны границы распространения словенского языка и словенского народа, а также даны словенские названия городов, рынков, церковных приходов и маленьких деревень». Значение географической карты Козлера состоит и в том, что он использовал данные статистических исследований. Эти исследования были проведены Карлом фон Чернигом по заданию австрийских властей в 1846 г. и легли в основу «Этнографической карты Австрийской монархии» 1855 г. В архиве Козлера сохранился список регионов, охватывающий Целовецкий округ и часть Бельякского. Словенский историк Бого Графенауэр выяснил²⁸, что этот список в архиве Козлера является копией статистического исследования Чернига 1846 г., на которое Козлер опирался при определении языковой и национальной границ на своей карте.

Так что карта Козлера представляет собой итог отображения в картографии словенских языковых границ 40-х годов XIX в. и начало словенской картографии со словенскими топонимами для всей языковой территории словенцев. Несомненно, его труд является качественным в профессиональном отношении, так как он изучил предыдущие карты, источники языковой карты Чернига по Каринтии, а также опирался в своей работе и на результаты своих собственных исследований, и на сведения, полученные им из различных местностей.

Бесспорно, что именно Карл фон Черниг (Karl von Czoernig, 1804–1889) в своей «Этнографической карте Австрийской монархии»²⁹, вышедшей в 1855 г., на основании статистических данных дал качественно новое отображение национальных границ и национальных условий как во всей Австрийской империи, так и в словенских землях. Карта Чернига была составлена на основе подробных сведений о национальной принадлежности населения. На ней обозначены немецкие и словенские языковые границы и смешанные в языковом отношении области. Однако на этой карте все географические названия представлены только в их немецкой форме, и поэтому, в отличие от карты Козлера, она не дает представления о языковой специфике территории. Черниг называет словенцев Каринтии, Крайны, Триеста, Горицы, Венецианской Словении, Истрии и Военной Границы «Slovenen», словенцев Нижней Штирии именует «Wenden», а венгерских словенцев – «венгерскими словенцами (так называемыми вендами)» *ungarische Slovenen (sogenannte Venden)*³⁰. Так и на своей карте он отмечает словенцев в Крайне и Горице как «Slovenen», а в Нижней Штирии как «Wenden». В брошюре в общем перечне называет их «Slovenen». На карте Чернига языковая граница в Нижней Штирии проходит севернее, чем на карте Киндерманна.

Матия Маяр-Зильский, провозгласив идею Объединенной Словении, не был голословен в плане географии, он опирался на картографические данные о словенцах, приведенные в уже опубликованных географических картах Павла Йозефа Шафарика, Бернгарди и в этнографических картах «Физического атласа».

Перевод Л.А. Кириловой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Čurkina I. V. Matija Majar Ziljski. Razprave // SAZU. Razred za zgodovinske in družbene vede VIII/2. 1974. S. 73–193.

² Jarnik Urban. Andeutungen über Kärntens Germanisierung, Carinthia 1826. Ponatis, (ur. Bogο Grafenauer), spremna študija in opombe. Klagenfurt, 1984.

³ Beg Ante. Slovensko=nemška meja na Koroškem. Ljubljana, 1908.

⁴ Koroški zbornik. Ljubljana, 1946.

⁵ Grafenauer Bogο. Oblikovanje severne narodnostne meje in njena današnja vprašanja. // Zgodovinski časopis 47. Ljubljana, 1993. S. 349–383. Приводит обширный список литературы.

⁶ Domej Teodor. Jezikovna meja na Koroškem ob koncu 18. stoletja. // Vilfanov zbornik. Pravo-zgodovina-narod (Ur. Vincenc Rajšp, Ernst Bruckmüller) In Memoriam Sergij Vilfan. Ljubljana, 1999. S. 363–374; Domej Teodor. Die Slowenen in Kärnten und ihre Sprache mit besonderer Berücksichtigung des Zeitalters von 1740 bis 1848. Disertacija. Wien, 1986.

⁷ Kušej Jakob Radovan. Joseph II. und die äussere Kirchenverfassung Innerösterreichs (Bistums- Pfarr- und Kloster-Regulierung). Kirchengeschichtliche Abhandlungen, 49 und 50. Heft. Stuttgart, 1908. S. 22.

⁸ Rajšp Vincenc. Karte ob novi razmejitvi škofij na področju Notranje Avstrije v času cesarja Jožefa II. // Vilfanov zbornik. S. 348.

⁹ Vilfan Sergij. Organizacija sodišč leta 1849 in narodnostne meje (zlasti na Štajerske in Koroškem) // Zgodovinski časopis. 42. Št. 2. 1988. S. 165–188.

¹⁰ Santonino Paolo. Popotni dnevniki. Celovec, Dunaj, Ljubljana, 1991. S. 37.

¹¹ Megiser Hieronymus. Annales Carinthiae. Das ist Chronica Des Löblichen Ertzhertzogthums Khärdten. Leipzig MDCXII.

¹² Domej Teodor. Jezikovna meja na Koroškem ob koncu osemnajstega stoletja. // Vilfanov zbornik. S. 363.

¹³ Rajšp Vincenc. Mesto Maribor na poti do škofijskega sedeža. // Studia Historica Slovenica. Ljubljana, 2006. S. 343–360.

¹⁴ Zwitter Fran. Les Provinces illyrienne. Cinq études. Edition conçue et préparée par Alain Jejcic. Collaboration de Janez Šumrada et Peter Vodopivec. Paris, 2010.

¹⁵ Rajšp Vincenc. Karte ob novi razmejitvi škofij na področju Notranje Avstrije v času cesarja Jožefa II. // Vilfanov zbornik. S. 341–363. Karte.

¹⁶ Die Provinz Inner-Oesterreich oder die Herzogthümer Steyermark, Kaernten und Krain, die Grafschaften Goerz und Gradisca und das Deutsch-Oesterreichische Litorale. Wien, 1797; Reprint. Wien, Archiv-Verl, 2005.

¹⁷ Historisch statistischer Umriß von der österreichischen Monarchie, aus den Papieren eines österreichischen staatsbeamten (nebst einer ethnographischer Karte von Österreich). Leipzig, in der Fest'schen Verlag=Buchhandlung, 1834.

¹⁸ Bernhardt Karl. Sprachkarte von Deutschland. Kassel, 1844. S. 48.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Berghaus Heinrich. Physikalischer Atlas. – Zweiter Band, Verlag Justus Pethers in Gotha, 1848.

²¹ Bernhardt Karl. Op. cit. S. 8.

²² Ibid. S. 48.

²³ Koroška – javne dvojezične ljudske šole v koroških občinah / Kärnten – Öffentliche zweisprachige Volksschulen in kärntens Gemeinden», ki je v skladu z odredbo koroške deželne vlade iz leta 1945.

²⁴ "Allgemeine Beilage" zur Allgemeine Zeitung. 1843. 2720.

²⁵ Zemljovid slovenske dežele in pokrajin. Na svitlo dal Peter Kozler, 1853.

²⁶ Čurkina I. V. Matija Majar Ziljski. S. 73–193.

²⁷ Novice. 17. XI. 1852.

²⁸ Grafenauer Bogo. Czörnigova etnografska statistika in njena metoda. // Razprave. SAZU. Razred za zgodovino in društvene vede. 1. 1950. S. 117–164.

²⁹ Wiener Schriften zur Geographie und Kartographie, Band 15. Ingrid Kretschmer, Johannes Dörflinger und Franz Wawrik. Österreichische Kartographie. Von den Anfängen im 5. Jahrhundert bis zum 21. Jahrhundert. Wien, 2004. S. 257.

³⁰ Czoernig Karl. Die Verteilung der Volkerstaemme und deren Gruppen in der oesterr. Monarchie.

Иван Хрибар и Россия

В словенской общественной жизни конца XIX – начала XX вв. деятельность Ивана Хрибара (1851–1941) была явлением исключительным. Среди крупных словенских политиков той поры, пожалуй, только он не мыслил дальнейшего развития своего народа вне тесного и многостороннего союза со всеми славянами – не только с хорватами и сербами, но и с чехами, поляками, болгарами и русскими. И эта приверженность идее славянского единства не была для него лишь эпизодом, временным увлечением – он оставался верен ей на протяжении всей своей долгой жизни.

И. Хрибар являлся личностью разносторонне одаренной и обладал неиссякаемой энергией. Он был политиком и банкиром, а также поэтом, писателем и переводчиком. В политической карьере Хрибара было не только много взлетов, сопровождавшихся славой, но и немало падений, которые он переносил со свойственным ему оптимизмом.

В 1870 г. он стал служащим чешского банка «Славия», с которым судьба связала его почти на столетия (до 1919 г.). С 1876 г. он являлся генеральным представителем этого банка в Любляне. В 1882 г. его впервые избрали в Совет общины г. Любляны, в составе которого он находился 28 лет. В течение 14 лет (1896–1910) Хрибар занимал должность жупана (мэра) г. Любляны. За время его управления облик Любляны существенно изменился – она превратилась в современный город. Годы жупанства, пожалуй, были пиком политического влияния Хрибара, когда он реально имел возможность воплощать в жизнь многие свои замыслы. Вместе с писателем И. Тавчаром он стал одним из основателей и лидеров словенской либеральной партии (Национальной, затем Национально-прогрессивной). Хрибар был членом крайнского провинциального собрания (1889–1908), депутатом австрийского рейхсрата (1907–1911), членом Центрального комитета Народного вече в Загребе и членом Президиума Национального совета в Любляне (1918), послом Королевства СХС в Праге (1919–1921), областным наместником югославского правительства в Словении (1921–1923), членом Верховного законодательного совета (1929–1931), сенатором (1932–1938), почетным доктором Люблянского университета (1941). Велики заслуги Хрибара и в развитии словенской культуры. Немало стараний приложил он, чтобы добиться открытия словенского университета, Национальной галереи, Академии наук и искусств.

Хрибар был крупнейшим и наиболее последовательным словенским славянофилом и русофилом конца XIX – начала XX вв., лейтмотивом его политической деятельности было стремление к развитию культурных, экономических и политических связей между всеми славянскими народами.

В среде словенской интеллигенции в 1880-1890-е годы было немало людей, проявивших интерес к русским и другим славянам, завязывавших с ними разнообразные связи, учивших славянские языки. Некоторые из них даже вели переписку на кириллице. К числу наиболее воодушевленных идей славянского сотрудничества словенцев принадлежал и Хрибар. В сплочении славянских народов он видел единственный способ противостоять немецкому давлению, сохранить и развить национальную индивидуальность и культуру своего народа. В 1884–1888 гг. Хрибар совместно с И. Тавচারом издавал либеральный литературный журнал славянофильского направления «Слован», позже поддерживал и субсидировал русофильскую газету Ф. Подгорника «Словански свет» (1888–1899), вокруг которой группировались корреспонденты-русофилы: Д. Хостник, Ф. Целестин и др.

Из всех славянских стран наибольший интерес Хрибар проявлял к России. Он отмечал в своих воспоминаниях, что считал ее «непобедимой представительницей неисчерпаемой славянской силы и ... страной несметного природного богатства»¹. Большое внимание Хрибар уделял развитию русско-словенских культурных связей. По справедливому замечанию И.В. Чуркиной, он взял на себя в этом деле роль посредника² между русскими и словенцами.

Еще в юности Хрибар начал предпринимать попытки установить контакты с русскими учеными. Так, в 1874 г. он (в то время бухгалтер банка «Славия» в Вене) обратился к В.И. Ламанскому с предложением написать статью о словенцах для «Славянского сборника», который предполагал издавать Славянский благотворительный комитет³. В 1883 г. Хрибар написал письмо И.А. Бодуэн де Куртене. Сообщив о начале издания газеты «Слован», он просил ученого писать в нее корреспонденции о русских и поляках⁴. Словенского эмигранта в России Д. Хостника Хрибар привлек к написанию корреспонденций для словенской либеральной газеты «Словенски народ», а также присылал ему материалы для «Словинских писем», публиковавшихся Хостником в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества»⁵ (далее – «Известия»). Позже Хрибар способствовал распространению в словенских землях составленных Хостником русско-словенского и словенско-русского словарей.

Много сделал Хрибар и для организации взаимного обмена книгами и периодическими изданиями, для распространения русского языка и культуры в словенских землях. В 1884 г. Он обратился к руководству С.-Петербургского Славянского благотворительного общества с просьбой присылать русские книги для бесплатной раздачи их словенским студентам. Получив книги, он повторил эту просьбу и на следующий год, отметив: «Я распределяю каждый год по нашим гимназиям и среди слушателей университета некоторое количество русских книг, но потребность в них так велика, что я не могу удовлетворить и десятой части просящих»⁶. В следующем письме, благодаря обществу за присылку книг, Хрибар обещал,

что позаботится о том, «чтобы на всякой гимназии собрался кружок учеников с целью изучения русского языка»⁷.

Книги для словенских студентов присылал Хрибару в 1890-е гг. и В.И. Ламанский. В одном из писем Ламанскому Хрибар, поблагодарив его за посылку книг, высказал свои мысли о перспективах развития культурного сотрудничества словенцев с русскими: «Изучение русского языка у нас идет довольно вперед. За две генерации – я смотря на историю славянства пессимист – наверно не будет интеллигентного словенца, который не познавал бы русского языка и не мог бы черпать непосредственно из русской литературы»⁸. По просьбе Ламанского Хрибар выслал ему список всех словенских периодических изданий для «Известий», а затем 14 выпусков словенско-немецкого словаря под редакцией М. Плетишника. При посредничестве Хрибара, занимавшего тогда пост директора банка «Славия», Словенская Матица стала присылать Ламанскому свою «Летопись» в обмен на русский журнал «Живая старина»⁹.

В 1880-х гг. имя Хрибара стало появляться на страницах русских периодических изданий, прежде всего, «Известий». Его характеризовали как энергичного словенского патриота, сторонника идеи славянской взаимности. В кругах петербургских славянофилов Хрибар пользовался уважением и доверием¹⁰.

В 1895 г. в Любляне произошло одно из мощнейших в ее истории землетрясений, в результате которого одна десятая часть города была полностью разрушена. Иван Хрибар, профессор Варшавского университета П.А. Кулаковский и ректор Дерптского университета А.С. Будилович обратились в С.-Петербургское Славянское благотворительное общество с просьбой о помощи Любляне. Общество немедленно откликнулось на просьбу и перевело на имя И. Хрибара 500 рублей. В письме от 29 апреля 1895 г. Хрибар поблагодарил Кулаковского за содействие и сообщил о получении денег от общества для раздачи в качестве пособия пострадавшим от землетрясения. «Землетрясение ... было ужасное. Мне все еще непонятно, как мы могли спасти свою жизнь. Нашего города теперь узнать нельзя. Много домов обвалилось; от уцелевших треть по приказанию правительственных комиссий должно быть демонтированных. Около 10.000 людей выехало из города, через 10.000 живет по деревянным баракам и военным палаткам... Нужда в низших классах житейства огромная», — описывал Хрибар результаты бедствия, постигшего город¹¹. Как член словенского Комитета помощи пострадавшим от землетрясения Хрибар собирался поехать в Петербург и Москву для того, чтобы основать там комитет для принятия добровольных пожертвований жителям Любляны¹². Однако эта поездка не состоялась.

Энергичная деятельность Хрибара по ликвидации последствий землетрясения в Любляне во многом определила последовавшее избрание его в 1896 г. на должность люблянского жупана. Теперь благодаря этому посту он получил больше возможностей для осуществления практических шагов

по реализации идей межславянского сотрудничества. На все важные мероприятия, проводившиеся в Любляне, Хрибар приглашал представителей других славянских народов. На открытие памятника Ф. Прешерну в 1905 г. приехали мэры Праги и Загреба, помощник белградского мэра, представители петербургского и пражского университетов, чешской и югославянской Академий наук. Славянское общество и Городская дума Петербурга послали Хрибару поздравительные письма в связи с открытием памятника Прешерну¹³. Хрибар стремился организовать в Любляне как можно больше общеславянских мероприятий. В городе прошли всеславянский слет спортивных молодежных организаций «Сокол» (1904 г.), два съезда славянских журналистов (1902, 1908 гг.)¹⁴. Жупан стремился и к тому, чтобы представители Любляны также принимали участие во всех крупных мероприятиях других славянских народов¹⁵.

Хрибар послал приглашения русским журналистам принять участие в четвертом съезде славянских журналистов в Любляне, что вызвало большую озабоченность у австрийских властей. Съезд состоялся в мае 1902 г. В качестве представителя русских журналистов в нем участвовал Дмитрий Николаевич Вергун, издававший в Вене газету «Славянский век»¹⁶.

В конце 1890-х гг. Хрибар стал одним из инициаторов организации кружков по изучению русского языка и культуры. Первый Русский кружок, который возглавлял Л. Енко, был создан в 1899 г. в Любляне. Аналогичные кружки при поддержке Хрибара открылись и в ряде других словенских городов (в Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице).

Впервые Хрибар приехал в Россию в 1899 г. и с тех пор побывал там несколько раз, в последний – весной 1914 г., накануне Первой мировой войны. Об этих поездках он написал в своих воспоминаниях. В 1899 г. Хрибар ездил в Петербург и Москву. По возвращении на родину его ожидал неприятный разговор с главой крайнской провинции бароном Хайном, по словам Хрибара, «типичным представителем австрийской администрации». Хайн заявил Хрибару, что не верит, что его поездка была просто туристической, и намекнул на ее якобы «особые цели». В упрек Хрибару была поставлена его встреча в Петербурге с Татьяной Ивановной Дурдиной¹⁷, по мнению австрийской полиции, «очень опасной пропагандисткой панславизма». Хрибар отклонил завуалированные обвинения Хайна, подчеркнув, что его поездка была просто ознакомительной, и никаких политических связей он не стремился завязать¹⁸.

Свои первые впечатления о России Хрибар изложил в лекции, прочитанной им в люблянском Народном доме, и, по его словам, ему удалось пробудить «в некоторых слушателях живой интерес к России». В пример Хрибар привел почтового служащего и домовладельца Райко Арце, который стал после этой лекции каждый год проводить свой отпуск в России¹⁹.

Недовольство австрийских властей не удержало Хрибара от дальнейших поездок в Россию. В 1900 г. он опять поехал в Москву. С юности Хрибар, воодушевленный поэзией Пушкина и Лермонтова, мечтал увидеть

Крым и Кавказ, несколько лет копил деньги на путешествие «по матушке России»²⁰. В 1903 г. он наконец отправился в двухмесячное путешествие по России, во время которого побывал во Львове, Киеве, Одессе, Севастополе, Ялте, Феодосии, Новороссийске, Батуме, Тифлисе. Оттуда по Военно-Грузинской дороге он отправился во Владикавказ, Пятигорск, Кисловодск, Железнодорожск, Ростов-на-Дону, Нахичевань, Новочеркасск, Царицын. Затем он продолжил путешествие по Волге, посетил Саратов, Самару, Казань, Нижний Новгород и, наконец, приехал в Москву. «Это путешествие открыло мне совершенно новый мир, смутно известный мне лишь по описаниям. Это было лучшее путешествие в моей жизни, – писал Хрибар. – Такое качественное и количественное разнообразие природы и жизни, какое развернулось передо мной в ходе этой поучительной поездки, можно встретить лишь на огромном пространстве России. Более всего радовало и наполняло гордостью мое сердце осознание того, что на всем этом величии лежит печать славянской культуры»²¹. По его словам, в Тифлисе он убедился, что «европеизация тамошних жителей проходит без давления». Вероятно, по сравнению с германизаторским давлением на славянское население в Австро-Венгрии, российская национальная политика показала ему вполне лояльной. На склоне лет, уже в 1933 г., Хрибар опубликовал воспоминания о своем путешествии по Военно-Грузинской дороге²².

Последующие поездки Хрибара в Россию (в 1908, 1909, 1910, 1913 и 1914 гг.) уже никоим образом нельзя было назвать чисто ознакомительными. К 1908 г. Хрибар пользовался известностью и авторитетом в российских славянофильских кругах не только как словенский русофил, но и как люблянский жупан и лидер словенских либералов. Приезжая в Россию, он предпринимал практические шаги по установлению и развитию культурных, экономических и политических связей между Россией и славянскими народами Австро-Венгрии, в том числе словенцами.

Наиболее значимой в политическом отношении была поездка Хрибара в Петербург в мае 1908 г. Он приехал вместе с идеологом и лидером неославистов чехом К. Крамаржем и русином Н. Глибовицким на подготовительное совещание о Первом съезде неославистов, состоявшемся затем в июне 1908 г. в Праге.

Течение неославизма пришло на смену русофильству в начале XX в. После введения в России конституционной монархии в 1905 г. у ряда национальных деятелей австрийских славян усилились надежды на изменение внешней политики России, укрепились ориентация на сотрудничество с ней. Неославизм, который лидер младочешской партии Карел Крамарж стал активно пропагандировать после 1905 г., являлся одной из разновидностей австрославизма; в основе его лежал страх перед растущим политическим и экономическим влиянием Германии. В единстве всех славян неослависты видели гарантию признания империей их политических и национальных прав. Крамарж выступал за тесное сотрудничество с Россией,

считая, что она должна стать главным политическим и экономическим союзником Австрии. Он видел в ней единственную силу, способную поставить преграду немецкому натиску и защитить славянские народы. Неославистское течение не делало различий между австрийскими и неавстрийскими славянами, призывало к сотрудничеству всех, кому была близка общеславянская идея. Углубления в политические вопросы неослависты избегали, стремясь к созданию культурного, научного и экономического союза всех славян. Такой союз, по их мнению, смог бы превратить австрийских славян в мощную силу, требования которой монархия уже не сможет игнорировать. Неавстрийским славянам сближение с австрийскими славянами и Россией помогло бы освободиться от турецкого влияния²³.

Хрибар был наиболее последовательным сторонником неославизма среди словенцев. Он участвовал в подготовке и проведении всех неославистских мероприятий, пропагандировал это течение в прессе, пояснял его цели и мотивы. В успехе неославистского движения он видел единственную возможность создания славянской Австрии, выступал за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию, что способствовало бы усилению роли славян в империи. Главной целью неославизма Хрибар считал укрепление общеславянского самосознания с помощью культурного и экономического сотрудничества, которое создало бы возможности и для установления политических связей²⁴.

Одной из целей поездки в Петербург Крамаржа, Хрибара и Глибовичского в 1908 г. было установление контактов с членами Государственной думы. Славянские гости рассчитывали на достижение более тесного культурного сотрудничества между Россией и другими славянскими народами, основанного на новых принципах. Взгляды славянофилов, видевших решение славянского вопроса «в русификации и переходе в православие», уже устарели. «Индивидуальное развитие славянских народов настолько прогрессировало, что ныне в славянском мире к истинному братству могут привести лишь принципы свободы и равноправия»²⁵, – писал Хрибар. Эта позиция неославистов нашла понимание в Петербурге. Гостей принимали радушно. В совещаниях делегации неославистов с членами Клуба общественных деятелей приняли участие все фракции Государственной думы (кроме социал-демократов). О значении, которое придавалось в российских правительственных кругах их приезду в Петербург, свидетельствует тот факт, что внимание славянским гостям уделили Председатель министерского совета П.А. Столыпин, министр иностранных дел А.П. Извольский, министр финансов В.Н. Коковцев, председатель Государственной думы Н.А. Хомяков, председатель городской думы Н.А. Унковский и др. На вечер, устроенный в честь приезда славянских делегатов, было приглашено около трех тысяч представителей петербургского общества. Как отмечал Хрибар, «это было первое русское совещание с представителями зарубежных славянских народов, в котором полуофициально приняло участие и само правительство». Русские привыкли, что зарубежные славяне

приезжали к ним только тогда, когда им что-нибудь было нужно. «В этом случае впервые мы приехали не с просьбами, а с позитивными реальными предложениями»²⁶, – подчеркивал Хрибар. Ход встреч освещали российские периодические издания, в том числе газеты «С.-Петербургские ведомости», «Слово», «Речь».

Наиболее полно И. Хрибар представил свою программу развития отношений России и австрийских славян на третьем заседании в Клубе общественных деятелей 16 мая²⁷ (всего прошло 4 заседания). Он предложил создать в России Славянский банк для поддержки промышленности славянских стран и развития торговых связей между ними. Славянский банк также должен был бы изучать вопросы, связанные с товарообменом и развитием промышленности, и советовать, какие отрасли промышленности следует развивать в той или иной славянской области. По мнению Хрибара, «русское правительство отнеслось к этому предложению сочувственно», и поскольку его поддержали крупные российские промышленники Красовский, Гучков, Башмаков, казалось, что этот проект скоро воплотится в жизнь. Однако петербургские банки выступили против образования Славянского банка, опасаясь конкуренции²⁸. Дело застопорилось, но Хрибар не отказался от дальнейших попыток осуществить свой проект.

Хрибар считал, что было бы полезно посылать русских крестьян в наиболее развитые славянские земли Австрии для обучения их новым методам хозяйствования. Предложение это первоначально было выдвинуто хорватским эмигрантом в России издателем К. Геруцем, он же и стал секретарем образованного по указу российского правительства общества «Русское зерно» (1908–1914). Правительство выделило средства для поездок русской крестьянской молодежи на сельскохозяйственную практику в Чехию, Моравию и Словению.

Впоследствии некоторые русские стажеры действительно прошли сельскохозяйственную практику в словенских землях. Размещали их в образцовых крестьянских хозяйствах и сельскохозяйственных школах. По отзыву Хрибара, «работой и поведением большинства этих русских государственных стипендиатов их работодатели были очень довольны». Главную же пользу от приезда русских крестьян на практику в словенские земли Хрибар видел в том, что благодаря им словенские крестьяне узнали больше о русском народе, о котором им практически ничего не было известно, а русские узнали о словенцах, их жизни и культуре²⁹.

Вечером 16 мая 1908 г. в редакции петербургского журнала «Слово» состоялась встреча славянских гостей с представителями русской прессы. Хрибар пригласил русских журналистов в Люблян на VIII съезд славянских журналистов в сентябре 1908 г. Русских представителей на этом съезде было несколько, среди них генерал Владимир Михайлович Володимиров, профессор Одесского университета А. Борзенко, А. Стахович³⁰.

На четвертом заседании в Клубе общественных деятелей 17 мая 1908 г. Хрибар говорил о развитии культурных связей между славянами – о пра-

вильной организации книготорговли, об установлении славянского пресс-бюро в Петербурге, об организации в России общества «Сокол», о необходимости изучения русского языка в средних школах славянских областей Австро-Венгрии и т.д. Он предложил заменить в русских учебниках немецкие названия славянских областей славянскими и включить в список изучаемых в русских школах предметов историю и географию славянских народов. Он выразил надежду, что в России перестанут, говоря о словенской Любляне, использовать немецкое название Лайбах³¹.

Хрибар предложил отправлять группы русских учителей на экскурсии в славянские земли, чтобы они расширили свой кругозор и познакомились со славянскими землями Австрии, а потом стали бы пропагандировать их для поездок русских туристов. Он пригласил русских учителей посетить словенские земли, «природа которых очень красива». В 1909 г. словенские земли посетило 128 русских учителей и 217 учительниц³². Сохранилось три письма Хрибару от Комиссии по организации образовательных экскурсий при Учебном отделе Общества распространения технических знаний (О.З.Т.З.). Согласно приведенным в них сведениям, двенадцать групп русских народных учителей побывали по 2–3 дня в Любляне в июле-августе 1909 г. Переговоры о приеме и размещении русских гостей с Хрибаром вел А. Стахович, участник VIII съезда журналистов в Любляне. В последнем письме Комиссия выразила люблянскому жупану «горячую благодарность» за внимание, оказанное им русским туристам: «Несмотря на Ваши прямые обязанности, Вы находили возможным лично встречать каждую прибывающую группу. Ваши любезные встречи и радушный прием долго будут храниться в памяти Комиссии и всех экскурсантов. Только при Вашем сердечном содействии народные учителя России могли почерпнуть так много из своей заграничной поездки». Комиссия выразила надежду на то, что Хрибар и в дальнейшем будет оказывать ее начинаниям содействие и поддержку³³. К сожалению, эти надежды на продолжение сотрудничества не оправдались. Уже на следующий год Хрибар перестал быть жупаном Любляны.

Кое-что удалось сделать Хрибару и для налаживания экономических русско-словенских связей. В апреле 1909 г. и в феврале 1910 г. в Петербурге состоялись заседания подготовительного комитета второго съезда неославистов (прошел в Софии в 1910 г.), в которых также принял участие Хрибар. По его словам, они показали, «что более тесные связи с русским народом могли иметь для нас очень важное значение также и в плане торговли». Из Петербурга на родину Хрибар привез крупный заказ на воск и восковые свечи. Орослав Доленец успешно выполнил этот заказ и получил новый. Хрибар предложил распространять в России словенские вина, считая, что они найдут там хороший рынок сбыта³⁴.

И. Хрибар написал небольшой очерк «Петр Аркадьевич Столыпин» (впервые опубликован в газете «Словенски народ» 7 декабря 1911 г.), в котором описал две встречи с великим русским реформатором³⁵. Обе

произошли в Петербурге: первая в 1908 г. на приеме в честь приезда делегации неославистов, вторая – в 1909 г., когда члены подготовительного комитета съезда неославистов в Софии были приглашены на обед к брату Петра Аркадьевича – А.А. Столыпину. На обеде славянские гости имели возможность в непринужденной обстановке побеседовать с российским председателем Совета министров «о наиразличнейших вопросах, касающихся культурных и экономических обстоятельств в славянских землях», – писал Хрибар, подчеркнув, что «о политике вообще не было и речи». Неославистов приятно удивила осведомленность Столыпина в вопросах, касающихся австрийских славян. Ум, энергия, а также приветливость и естественность манер Столыпина произвели на них большое впечатление. Хрибар видел в Столыпине государственного деятеля, у которого душа болела за Россию, который направил всю свою энергию на утверждение в ней конституционных основ как необходимого условия для культурного и экономического расцвета русского народа. Убийство Столыпина в Киеве глубоко потрясло и огорчило Хрибара.

Конечно, большинство инициатив Хрибара и его единомышленников не осуществилось. После аннексии Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение пошло на спад. В связи с обострением немецко-словенских отношений оно вызывало все большее недовольство властей. В 1910 г., когда И. Хрибар в шестой раз был избран жупаном Любляны, император не санкционировал его избрания – из-за его неославистских взглядов и недавних поездок в Петербург и Белград³⁶. Обвиняли его и в том, что якобы он, по тайной договоренности в Петербурге, инспирировал сентябрьские демонстрации 1908 г. в Любляне³⁷, при разгоне которых полицией погибли два человека. Сам Хрибар в речи на Совете общины Любляны 30 августа 1910 г. при перечислении причин своей отставки упоминал и поездку в 1908 г. в Петербург на совещание неославистов. Относительно этого он заявил: «Что касается моей поездки в Петербург, то совесть моя чиста, как у новорожденного ребенка. Неославистское движение не имеет никакой политической подоплеки. Политическую подоплеку ему приписывают лишь международные провокаторы, цель которых очернить славян Австрии как опасный для государства элемент». Подчеркнув, что сам он является австрийским патриотом, Хрибар отметил, что это, впрочем, «никак не возбраняет мне внимательно следить за всеми событиями в великом славянском мире и, имея в виду культурную миссию, которая, без сомнения, ожидает славян, стремиться к как можно более тесному культурному сближению отдельных славянских народов. Однако мой верноподданнический разум никак не может понять, почему для австрийских славян поездки в Россию считаются злом. Мы живем с этим государством в мире, ... а также в дружбе». Об этом свидетельствуют тост Николая II в честь 80-летия императора Франца Иосифа, а также военная помощь России Австрии в 1849 г. Речь Хрибара члены общины приветствовали бурными аплодисментами³⁸.

В апреле 1913 г., незадолго до начала Второй Балканской войны, Хрибар снова посетил Москву и Петербург. Его знакомые из Клуба общественных деятелей попросили словенского политика постараться уладить разгоравшийся сербско-болгарский конфликт. Граф В.А. Бобринский, наряду с генералом Владимировым считавшийся одним из последовательных сторонников неославизма в России, сказал Хрибару, что его «сам Бог послал сюда сейчас. Вы не смеете ехать домой. Вы должны непременно из Киева ехать в Софию и Белград»³⁹. И Хрибар взял на себя в этом деле посредническую миссию. Из России он направился в Софию и Белград, где попытался уговорить сербских и болгарских политиков прийти к компромиссу, но успеха не достиг⁴⁰.

В последний раз Хрибар был в России в феврале 1914 г. Он поехал в Петербург с целью вновь обсудить вопрос о создании Славянского банка. Эту поездку он подробно описал в своих воспоминаниях⁴¹. В планах его было просить аудиенции у председателя Совета министров Коковцева и министра иностранных дел Сазонова. У российского посла в Белграде Н.К. Гартвига Хрибар предварительно заручился рекомендациями к ним. В Петербурге он встретился с обоими государственными деятелями.

Коковцев, в целом одолив идею организации Славянского банка, указал на ряд политических препятствий к ее осуществлению. Славянский банк, открытый в России и на русские средства, по мнению Коковцева, не смог бы выполнять своей экономической и политической миссии по отношению к австрийским славянам, а Австрия в связях своих подданных с русским банком усмотрела бы предательство. Он предложил основать банк в Белграде, Софии или Праге, либо же в Париже, при участии французского капитала. Русское правительство в этом случае согласилось бы вложить в Славянский банк значительную сумму (несколько миллионов рублей). Хрибар, сначала неприятно удивленный позицией Коковцева, все же признал, что она имеет основания. В свою очередь Коковцев обещал рекомендовать российским банкам принять участие в основании Славянского банка за границей. Он посоветовал Хрибару обсудить этот вопрос с председателем «Петербургского счетного и ссудного банка» Вышнеградским. Вышнеградский при встрече отметил, что теоретически мысль о создании Славянского банка хороша, практически же российские банки не заинтересованы в создании нового банка, который может составить им конкуренцию.

Во время встречи с министром иностранных дел Хрибар ставил своей целью «заинтересовать Сазонова словенским народом, чтобы Россия взяла его под свою могучую защиту». Уяснив себе, что Сазонов о словенцах ничего, кроме названия, не знает, Хрибар рассказал о своем народе. У него сложилось впечатление, что министр счел, что словенцы из-за своей малочисленности и небольших размеров территории являются слишком незначительным фактором, чтобы русская политика принимала его во внимание. Тогда Хрибар упомянул о Триесте и его значении. «Триест как юго-

славянский город будет надежным оплотом русского флота в Средиземном море», — заключил он свой рассказ. И Хрибару показалось, что этот довод подействовал на министра. «Я ушел от Сазонова с твердым убеждением, что спас Триест для Югославии»⁴². Как показало время, и этим надеждам Хрибара не суждено было оправдаться.

Любопытно, что сербский премьер-министр Н. Пашич, находившийся тогда в России, в этот последний приезд Хрибара предложил испросить для него аудиенцию у русского царя, чем привел словенца в замешательство. Подумав о том, что о такой аудиенции обязательно сообщат петербургские газеты, и это навлечет на него новые подозрения со стороны австрийских властей, Хрибар отклонил предложение Пашича.

Через несколько месяцев началась Первая мировая война, затем грянула русская революция. Хрибару не удалось больше побывать в России. Однако он продолжал внимательно следить за событиями, происходившими в этой стране.

Своеобразным было отношение словенского политика к Октябрьской революции в России и ее последствиям. Марксизм, по его мнению, был чужд славянскому менталитету, русские революционеры стали инструментом, который немцы использовали для осуществления своего дьявольского плана, — победить с его помощью славянство, которое они не смогли одолеть в открытом бою. Судьба русского народа вызывала у Хрибара глубокое сочувствие. «Бедная Россия ... стала мученицей... У нас разрывалось сердце, когда мы видели, каким неопишущим мукам подвергались... лучшие сыны русского народа», — писал он в своих воспоминаниях⁴³. И вместе с тем, воздействие русской революции на судьбу своего народа он считал благотворным. «Мы, словенцы, должны быть более всего благодарны великому русскому народу за то, что мы спасены от национальной гибели, призваны к новой, свободной жизни. Если бы не Россия и ее войны, Германия быстро победила бы Францию, Австро-Венгрия победила бы маленькую Сербию, открыла бы себе дорогу к Солуни и поработила бы нас еще сильнее». Именно благодаря русской революции, считал Хрибар, стало возможным образование Чехословакии и Югославии⁴⁴.

Неоднозначно оценивал Хрибар развитие СССР в межвоенный период. В 1940 — начале 1941 гг. он опубликовал в словенском журнале «Мысль и дело» три интересные статьи по русской тематике: «К вопросу о вражде между Советской Россией и Финляндией», «Великая незнакомка», «Союз Советских Социалистических Республик» (последняя статья осталась незаконченной).

Относительно советско-финской войны он отмечал, что русская армия действовала по примеру японцев и немцев, часто нарушала границу Финляндии и начала враждебные действия без объявления войны. Однако Хрибар находил оправдание этому. Он усматривал в действиях советских войск попытку возрождения традиций Петра Великого и напоминал, что финские и прибалтийские земли входили в состав Российской империи

и были отняты у России после Первой мировой войны. В соответствии с распространенными в его время представлениями о нежизнеспособности малых народов, словенский либерал отрицательно относился, например, к образованию Латвии, Литвы и Эстонии, считая, что эти страны «абсолютно не были готовы к самостоятельному существованию», и лишь Финляндия «с трудом могла продержаться»⁴⁵.

Негативно оценивая советскую систему, Хрибар все же высказывал убеждение, что враждебное отношение к ней может привести к неверным суждениям о развитии России в целом за время правления большевиков. Он констатировал огромный прогресс России после революции и отмечал, что в СССР, помимо военной организации, хорошо налажены промышленность, электроэнергетика, наука, просвещение, здравоохранение, социальное страхование и ряд других отраслей. Положительно оценивал Хрибар роль стахановского движения, видя в стахановцах «новое дворянство», «дворянство труда и идеи». Советскую избирательную систему он считал профанацией, однако в целом конституцию СССР 1936 г. определял как важную веху на пути развития страны. По мнению Хрибара, с ее введением в России эволюция сменила революцию. Когда в стране укрепились новые порядки, большевики поняли, что должны «продолжать всю ту работу прежних правительств, которая была на пользу русскому народу и его государству, руководителями которого они стали», и начали искать опору в славной истории русского народа⁴⁶.

Хрибар надеялся, что придет время, когда Россия отвергнет коммунистическую идеологию. Он считал, что русский народ «имеет достаточно разума и силы для того, чтобы избрать себе новый, лучший путь, когда поймет, что нынешний не приведет его никуда»⁴⁷. Природа характеризуется разнообразием, в ней нет равенства. Принцип «всем поровну» противоречит и сути человека, являющегося частью природы. Тот, кто хотел бы построить коммунизм, «волей неволей работал бы на войну, которая неизбежно бы разразилась раньше или позже из-за человеческого эгоизма»⁴⁸. По существу, Хрибар во многом предугадал дальнейшее развитие мировых событий.

Хрибар верил в то, что «именно славянство призвано переродить мир в этическом смысле», и выполнение этой миссии возлагается прежде всего на Советскую Россию и Югославию. Россия – самое большое, могущественное и богатое славянское государство – естественно выполняет функции защитницы славян, Югославию же славянский мир почитает за ее «лояльность и героизм»⁴⁹. Независимо от того, кто победит в грядущей войне, старые порядки в мире будут разрушены навсегда. И тогда, возможно, осуществилась бы мечта словенского политика, которую он высказал в своих воспоминаниях: «... Не произойдет ли в будущем, которое уже не далеко, что все эти (славянские. – Л.К.) государства сплотятся около России, как старшей своей сестры, чтобы вступить с ней в семейный союз? И не присоединится ли к ним также младшая сестра Болгария?»⁵⁰. И здесь Хрибар предугадал тенденции послевоенного развития славянских стран,

правда, и форму, и сущность будущего «славянского союза» он представлял себе совершенно не так, как это потом произошло в действительности. О «социалистическом блоке» он, естественно, не помышлял.

Доброе отношение к России и ее народу Хрибар сохранил до конца жизни. Перед началом Второй мировой войны он стал одним из инициаторов образования Общества друзей СССР в Словении. Он до последнего надеялся, что России удастся не ввязаться в войну. В апреле 1941 г., когда Люблян заняли итальянские фашисты, оккупационные власти предложили Хрибару вновь занять должность люблянского жупана. Хрибар отказался. Он покончил жизнь самоубийством, не желая жить под властью оккупантов и не надеясь дожить до освобождения Югославии. Ему было 90 лет.

Более 60 лет Иван Хрибар был видным политиком и искренним другом русского и других славянских народов. В чем-то его представления о России были идеалистичны, в чем-то он верно и тонко улавливал суть происходящего в ней. В отличие от большинства словенских русофилов, Хрибар достаточно хорошо знал Россию и русских, его интерес к ним не был абстрактным и умозрительным. Его веру в огромный потенциал нашей страны и ее светлое будущее не поколебал вихрь исторических перемен. Отношение Хрибара к России, пропаганда им русской культуры в словенских землях, его поездки в нашу страну внесли существенный вклад в развитие русско-словенских взаимосвязей в конце XIX – начале XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. Ljubljana, 1983. S. 218.*

² *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. S. 233.*

³ Русско-словенские связи в документах (XII в. – 1914 г.). М., 2010. Док. № 419. С. 502.

⁴ Русско-словенские связи в документах... Док. № 415. С. 499.

⁵ Русско-словенские связи в документах... Док. № 396. С. 477.

⁶ Русско-словенские связи в документах... Док. № 423. С. 504.

⁷ Русско-словенские связи в документах... Док. № 424. С. 504–505.

⁸ Русско-словенские связи в документах... Док. № 420. С. 502.

⁹ Письма Хрибара Ламанскому см.: Русско-словенские связи в документах... Док. № 420. С. 502, док. № 422. С. 503; письма Ламанского Хрибару см.: там же. Док. № 184 – 186. С. 236–238.

¹⁰ Подробнее см.: Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki... S. 233–234.

¹¹ Русско-словенские связи в документах... Док. № 417. С. 500.

¹² Русско-словенские связи в документах... Док. № 418. С. 501.

¹³ Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki... S. 234.

¹⁴ Подробнее о съездах славянских журналистов, проходивших в Любляне, см.: Фирсов Е.Ф. Съезды славянских журналистов (1898 – 1912). // Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 151–152, 156–160.

¹⁵ Melik V. Ivan Hribar in njegovi spomini. // Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. Ljubljana. 1984. S. 623.

¹⁶ Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana, 1994. S. 73–75.

¹⁷ Дурдина Татьяна Ивановна (р. 1850) происходила из семьи крупных российских промышленников и торговцев (бывших крепостных), основателей и владельцев завода по производству кваса и пива.

- ¹⁸ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 220.*
¹⁹ *Ibidem. S. 221.*
²⁰ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 565.*
²¹ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 219.*
²² *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 565–577.*
²³ *Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 11–12.*
²⁴ *Ibidem. S. 92.*
²⁵ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 578–579.*
²⁶ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 223.*
²⁷ *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki... S. 235.*
²⁸ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 59.*
²⁹ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 223.*
³⁰ *Gantar Godina I. Op. cit. S. 138–141.*
³¹ *Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki... S. 236.*
³² *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 225.*
³³ Русско-словенские связи в документах... Док. № 140. С. 195–196.
³⁴ *Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 225.*
³⁵ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 578–581.*
³⁶ *Melik V. Op. cit. S. 637.*
³⁷ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 581.*
³⁸ Русско-словенские связи в документах... Док. № 425. С. 505–506.
³⁹ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 24.*
⁴⁰ Подробнее см.: Grdina I. Ivan Hribar. «Jedini resnični radikalec slovenski». Ljubljana, 2010. S. 81–82.
⁴¹ *Ibidem. S. 59–82.*
⁴² *Ibidem. S. 74–75.*
⁴³ *Ibidem. S. 327.*
⁴⁴ *Ibidem. S. 327, 328.*
⁴⁵ *Perovšek J. Na poti v moderno. Poglavja iz zgodovine evropskega in slovenskega liberalizma 19. in 20. stoletja. Ljubljana, 2005. S. 80.*
⁴⁶ *Melik V. Op. cit. S. 652.*
⁴⁷ *Perovšek J. Na poti v moderno. S. 81.*
⁴⁸ *Ibidem. S. 82.*
⁴⁹ *Melik V. Op. cit. S. 652.*
⁵⁰ *Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 328.*

Словенцы и русские в XX столетии

В период своего политического пробуждения, начиная с 1848 г. и далее, словенцы смотрели на могучую Россию как на свою Мекку. Знали они ее очень мало и поэтому с еще большей легкостью воодушевлялись ею. Эта любовь, которая не могла найти отклика у русских хотя бы из-за того, что словенцы были католиками, стала уменьшаться уже во время Первой мировой войны, когда словенцам пришлось осознать, что интересы царской России не совпадают с их собственными в том, что касается вопроса о границах, то есть по сути вопроса об их существовании. Известно высказывание министра иностранных дел Сазонова в разговоре с двумя сербскими политиками: «Если бы Россия должна была воевать за Словению хотя бы на полдня больше, чем нужно, она не сделала бы этого».

Когда Россия после Октябрьской революции преобразовалась в Советский Союз, отношение к ней словенцев стало еще проблематичнее. Те, кто были за большевизм, проблем не имели, поскольку они просто присоединили новую веру к старой и создали таким образом довольно необычный гибрид, составленный из славянской идеи и марксизма-ленинизма. Прежде всего так произошло у нас в Приморье, оккупированном и присоединенном Италией, что следует из того факта, что Коммунистическая партия Италии имела сильнейшую секцию именно в Юлийской Крайне. Конечно, тем, кто противился коммунизму, было труднее, поскольку им пришлось одновременно занять критическую позицию и по отношению к России, которая была в их сердцах. Еще больше усложнились обстоятельства, когда также и левые, бежавшие в Москву в двадцатые и тридцатые годы, были вынуждены осознать, что между их иллюзиями и конкретной действительностью зияет большая пропасть, и оказались в тяжелом психологическом состоянии.

В рамках данной статьи невозможно углубленно проанализировать все вышеупомянутые процессы еще и потому, что эта тематика недостаточно исследована. Поэтому позвольте мне привести несколько примеров, как мне кажется, характерных для разных позиций, которые после Первой мировой войны заняли словенцы по отношению к России. Объектами моего внимания станут пять личностей, начиная с одного коммуниста-энтузиаста и одного католического фанатика. Затем речь пойдет об агенте Сталина, о блестящем интеллектуале и о не менее значительном коммунистическом партийном лидере. Статья будет завершена кратким анализом отношений, установившихся между Советским Союзом, то есть Россией, и Словенией в последние десятилетия.

Начнем с коммуниста-энтузиаста. Имеется в виду Драготин Густинич, который родился в 1882 г. недалеко от Постойны. Высокообразованный инженер и экономист (он получил дипломы в Вене, Цюрихе и Женеве) начал свою политическую карьеру в 1910 г., когда стал членом Югославянской социал-демократической партии. Во время Первой мировой войны он как член Югославянского комитета уехал в Ниш, где стал сотрудничать с сербским правительством, а в 1915 г. вместе с ним отправился на остров Корфу¹. В апреле 1920 г. он стал одним из организаторов коммунистической партии в Словении и позже, когда партия оказалась на нелегальном положении, одним из ее руководителей. С 1929 г. по 1931 г., в худший период диктатуры короля Александра Карагеоргиевича, Д. Густинич находился в предварительном заключении в белградской тюрьме.

Когда его освободили, он немедленно эмигрировал в Москву, где преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада и работал в Балканском секретариате Коминтерна. В Москву он вызвал и свою семью, жену и двух детей, не беспокоясь о том, что они оказались в очень тяжелых материальных условиях. Под влиянием идей Ленина и Сталина по национальному вопросу Густинич сформулировал свои предложения, как спасти разделенный на части словенский народ, объединив при этом национализм и марксизм в логичное для себя единое целое, о чем свидетельствует написанное им в 1933 г. исследование на немецком языке. Он передал его Коминтерну, и оно вызвало дебаты о праве приморских словенцев на самоопределение и о будущей судьбе Триеста, что повлияло на дальнейшее развитие событий на нашей земле². После убийства Кирова Густинич избежал сталинских чисток, отправившись добровольцем в Испанию, где до падения республики в 1939 г. сражался в рядах международных бригад. Он являлся шефом военной цензуры в Альбацете, что означает, что и сам он так или иначе был замешан в ликвидациих, проводившихся НКВД в Испании.

В 1940 г. он работал в международном Аграрном институте в Москве, потом в Институте истории Академии наук СССР. Там он в 1943 г. защитил диссертацию о национальном вопросе на Балканах. По окончании войны он вернулся в Любляну и стал единственным ординарным профессором и первым деканом открывшегося экономического факультета. Но только до 1948 г., поскольку тогда, когда произошел раскол между Тито и Сталиным, он не колебался: увлеченность Советским Союзом и его интерпретацией коммунизма была сильнее его патриотизма. Из-за поддержки им резолюции Информбюро он был исключен из КПЮ и до 1951 г. находился в тюрьме на Голом Отоке. Его освободили, поскольку его здоровье в лагере Ранковича сильно ухудшилось, но он остался в опале до 1974 г., когда его вновь приняли в партию. Хотя ему повезло больше, чем большинству словенских левых, находившихся в межвоенный период в Москве, поскольку его жизнь не закончилась на Лубянке перед расстрельным взводом или в ГУЛАГе, он тем не менее в полной мере вкусил все ужасы сталинизма.

Но это не убедило его отказаться от своих идеалов, в чем большую роль, очевидно, сыграла юношеская влюбленность в Россию. Вне зависимости от того, признавал он ее или нет.

Следующая личность, о которой я хочу рассказать, клерикальный фанатик. Речь идет о Янезе Евангелисте Калане, родившемся в 1868 г. в Шкофье Локе. По окончании обучения богословию и после посвящения в сан священника он далее исполнял обязанности капеллана (помощника приходского священника. – прим. пер.), викария и священника, но позже отказался от этой службы и посвятил себя «особым формам» пастырской деятельности. Сначала он был духовным вождем обществ св. Марии, затем словенских эмигрантов в Македонии, Рейнской области и Вестфалии. В Германии он познакомился с движением, целью которого было обновление католицизма и побуждение католиков к активному выполнению апостольской миссии. Папа Пий XI в 1925 г. ввел праздник Христа Царя с целью призвать верующих к борьбе против безбожия. Калан был воодушевлен призывом и на конгрессе Христа Царя в Берлине в 1932 г. выступил с докладом, в котором марксистский лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» заменил лозунгом «Католики всех стран, объединяйтесь!»

В начале тридцатых годов он опубликовал манифест на немецком языке, так сказать программную книгу под названием „Die Welt für Kristus“ («Мир во имя Христа») или в словенском переводе „Kristus kralj!“ («Христос, царствуй!»). В ней он идентифицировал трех врагов: атеизм марксистского толка, гитлеровский национализм и еврейский капитализм. В убеждении, что верующие христиане всего света должны объединиться по примеру коммунистов, он писал, что нужно «использовать все средства, всю команду вызвать на палубу, всех христиан поднять на ноги. Да, завоевать мир для Христа! Это и никак не меньше! Большеизм хочет завоевать весь мир для царства Сатаны. Сеем ли мы желать меньшего для нашего божьего Христа? Нет! Весь мир! С этой целью следует начать за Христа, нашего Царя, великую борьбу – крестовый поход»³. Калан не удовлетворялся этой пропагандой. А именно, он был убежден, что подобное движение должно выступить против большевистского атеизма и его международной организации – Коминтерна. Сначала он надеялся, что сможет воплотить в жизнь этот призыв в самом Риме, где, предполагалось, будет резиденция «Католического центра против Коминтерна», но осуществить это ему не удалось. Хотя в 1934 г. папа Пий XI и принял его на аудиенции и похвально отозвался о его деятельности, но недоверия ватиканских кругов к идеям Калана преодолеть не удалось.

Он получил поддержку у люблянского епископа Рожмана, лелеявшего мысль о том, чтобы Любляна стала очагом «христианского возрождения» и всемирным центром католического интернационала. Он поддержал замысел Калана организовать в словенской столице Конгресс Христа Царя и пригласил на него всех католических епископов. Приглашение не получило существенных откликов, в конгрессе, который проходил 25–29 июля

1939 г., не принял участие даже председатель Югославской епископской конференции загребский архиепископ Алоизий Степинац. Во всяком случае манифестация – последнее международное религиозное торжество в Европе перед началом Второй мировой войны – ясно доказала радикализм католической церкви в люблянском епископстве и определила ее враждебную позицию по отношению к коммунизму, а вместе с тем и по отношению к сопротивлению в период народно-освободительной борьбы⁴.

Совершенно отличным от идей Калана и епископа Рожмана мнения придерживался перед началом Второй мировой войны один из виднейших словенских интеллектуалов, литературный критик Йосип Видмар. Он родился в 1895 г., в начале Первой мировой войны был мобилизован и в августе 1915 г. послан на фронт в Галицию, откуда уже через месяц перебежал на сторону русских. В ноябре 1918 г. он вернулся домой, став отличным знатоком русского языка, что и использовал с толком, вскоре получив известность своими переводами Л.Н. Андреева, Л.Н. Толстого, Д.С. Мережковского. По своему мировоззрению он был либералом, что, впрочем, не означает, что он выступал за югославянскую интеграцию, которую в большинстве своем поддерживали «прогрессивные» словенские интеллигенты. В тридцатые годы его отношение к белградскому режиму становилось все более критическим, особенно тогда, когда после убийства короля Александра при правительстве Стоядиновича к власти в Любляне вернулись клерикалы. Непосредственно перед началом Второй мировой войны угроза для словенцев со стороны Гитлера и Муссолини убедила его в том, что спасение – только в поиске защиты у могущественного русского народа. Поэтому в начале 1940 г. он поддержал предложение Бориса Кидрича, одного из наиболее широкообразованных словенских коммунистов, и стал одним из инициаторов создания Общества друзей Советского Союза, в которое вступили пользующиеся авторитетом словенские интеллигенты, начиная со старого неослави́ста Ивана Хрибара.

Теперь было нужно еще легализовать Общество и добиться, чтобы оно завоевало как можно большую популярность среди широких народных масс. С этой целью была организована акция по сбору подписей, прошедшая успешно, так что в скором времени, несмотря на преследования, в Общество вступило около 24 000 человек. Возникла мысль отвезти заявления о вступлении в Общество в советское посольство в Белграде в дар Сталину. Их поместили в особый ларец, проект которого разработал архитектор Боян Ступица, и все вместе тайно переправили в столицу, где посол в обстановке величайшей секретности, но с явным удовольствием принял упомянутый дар. Так родилась та коалиция между коммунистами, членами организации «Сокол», христианскими социалистами и деятелями культуры, которая через год после нападения государств Оси на Югославию переросла в Освободительный фронт словенского народа.

При этом необходимо сказать, что словенские интеллигенты из либерального и католического кругов не закрывали глаза на ужасы сталинского

режима, и их не оставил равнодушными пакт Риббентропа – Молотова, в то же время они не были готовы полностью поддаться клерикальной пропаганде против Советского Союза. Они не одобряли Финской войны, так же как и раздела Польши, однако, по словам Видмара, «все эти довольно страшные вещи мы пытались разумно объяснить, понять их и оправдать, что, конечно, было нелегко, если вообще не невозможно. И сверх этого нас беспокоило будущее, в котором мы определенно ожидали нападения Гитлера на нас и на Советский Союз, и это несмотря на пакт, казавшийся нам лишь временной, необходимой передышкой перед решительной схваткой. /.../ Естественно, что, вопреки всему, Советский Союз был нашей единственной реальной надеждой, и мы должны были оправдать его в своем сознании и верить в его нерушимую революционность. Потому что Запад рухнул, англичане не были готовы, Америка точно так же, и, кроме того, она была далеко и ее еще нужно было вовлечь в большую игру. /.../ Очевидно (было) /.../, что нынешнее преобразование мира для словенцев является последней, к тому же в высшей степени благоприятной возможностью добиться полного объединения всей словенской территории и населения в единый национальный организм и в единую государственность, которая имела бы действительную свободу и твердо гарантированную неприкосновенность. Эта возможность была и будет в опоре на СССР и союзе с ним, в решении им национальных вопросов, в его беспримерной военной мощи и в его общественном строе»⁵.

От этих иллюзий интеллектуала, которые нельзя счесть несерьезными, ведь без веры в Советский Союз словенцы не смогли бы организовать такого сопротивления, какое организовали, и без поддержки Сталина на мирной конференции в Париже они не добились бы границ, какие имеют, перейдем теперь к агенту Коминтерна. Его имя Йосип Копинич и сейчас он несправедливо почти забыт, хотя жизнь его была очень оживленной и бурной. Родом он был из Белой Краины и в конце двадцатых годов служил мичманом в королевском морском флоте Югославии. Там он стал членом КПЮ и будто бы создал тринадцать партийных ячеек. Когда до него дошел слух, что его собираются арестовать за эту деятельность, он в 1934 г. сбежал в Москву, где стал сотрудником советских информационных служб. На испанской гражданской войне, в которой он участвовал как один из пяти иностранцев, первыми пришедших на помощь республике, он затем прославился как героический боец. Он стал капитаном фрегата, и его назначили членом испанской военной миссии в Париже. Там он в 1938 г. встретился с Йосипом Брозом, с которым они были знакомы еще с Москвы и на помощь которому он пришел в один из решающих для его партийной карьеры моментов. Поскольку в то время в КПЮ было безвластие, так как советские власти приговорили к смерти и ликвидировали прежнего генерального секретаря Милана Горкича, встал вопрос о наследстве. Йосип Броз имел многочисленных противников как в самой партии, так и в Коминтерне, где ширились слухи, что он троцкист. Если бы не Копинич, за-

ступившийся за него перед Георгием Димитровым, то еще вопрос, получили бы Броз в начале 1939 г. задание реорганизовать партию как ее новый генеральный секретарь, или нет.

В 1940 г. Копинич вместе с Тито вернулся из Москвы и с женой Стелой организовал в Загребе нелегальную радиостанцию, использовавшуюся Коминтерном для отслеживания событий, происходивших не только в Югославии, но и на Балканах, в Италии и Центральной Европе. Несмотря на то, что Йосип и Стела Копинич работали в очень трудных условиях, эта радиостанция функционировала до самого конца войны. Из-за тренировок, начавшихся у Копинича еще в 1941 г. с хорватскими, а позже и со словенскими коммунистами, после победы его не наградили так, как можно было ожидать. В качестве общего югославско-советского агента его послали в Турцию. А там началась его метаморфоза. Хотя известно, что он не без критики воспринимал белградский режим, но также известно и то, что он завязал контакты с одним из влиятельнейших британских сотрудников Интеллидженс Сервис полковником Биллом Бэйли, который, между прочим, уже в конце 1947 г. предупредил его, что о Тито в Москве плохо пишут. Поскольку эту новость Копинич узнал также от одного советского генерала, своего бывшего товарища по Испании, и поскольку до него, вероятно, дошел слух, что Молотов требует отозвать его из Анкары, он не мешкал, а в числе первых, если не первым, сообщил Тито об акции, которую готовил против него Сталин. Сначала Тито не хотел ему верить, однако, когда он убедился, что Копинич прав, позвал его в Белград, где в дальнейшем назначил на должность помощника секретаря в министерстве внешней торговли, а позднее доверял ему ведущие должности в разных важных промышленных предприятиях. Любопытно, что Копинич из агента Сталина во второй половине своей жизни превратился в делового человека, который во многом ориентировался на капиталистические модели и, между прочим, нашел образец для себя в итальянском крупном промышленнике Гинни Агнелли. Оставался ли он и после 1943 г. на русской службе, является вопросом. Однако известно, что во время торжественного обеда, устроенного в мае 1955 г. в Пуле в честь Никиты Сергеевича Хрущева, он сидел по правую руку от него⁶.

В заключение поговорим еще об Эдварде Карделе. Он приехал в Москву в декабре 1934 г., спасаясь от надвигающегося полицейского террора. Там он сотрудничал с Тито в Балканском секретариате Коминтерна, посещал Международную ленинскую школу и по окончании сокращенного курса обучения преподавал историю рабочего движения во всем мире и в Югославии в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. Кроме того, он также посещал занятия в школе «Дзержинского» и, в чем упрекал его Тито, связался с московскими разведывательными службами, не известив об этом Политбюро КППЮ⁷. Этот упрек не был полностью справедлив, поскольку и Тито работал на НКВД. Как сказал Йосип Копинич: «Такая была ситуация. Либо тебя убьют, либо станешь сотрудничать с ними»⁸.

О своем двухлетнем московском опыте Кардель позднее говорил, что ощущал себя как в пустыне. «Боялся НКВД, сидел за книгами. Единственный человек, к которому я ходил, чтобы высказать свое недовольство, (был Тито). Мне было ясно, что и он думает так же»⁹. Он оказался в вихре сталинских чисток, грозивших и его затянуть в свой водоворот. «В СССР меня трижды ставили перед Контрольной комиссией, – вспоминал Кардель, – и трижды я спас свою голову, выступив с самокритикой. Труднее всего начать, потом это идет легко»¹⁰. Эта констатация, которой он остался верен всю жизнь, – что внутри партии лучше прогнуться, чем сломаться, – сильно повлияла на его политическую деятельность в последующие десятилетия. Для него стало удачей, когда уже в октябре 1936 г. ЦК КПЮ обратился к Коминтерну с просьбой послать его на родину, где начались внутренние раздоры в словенской коммунистической секции¹¹.

Несмотря на то, что он вернулся из Москвы глубоко разочарованным советской действительностью и даже через много лет задавался вопросом, как Тито и ему удалось «спасти голову», он не потерял веры в революцию и коммунизм. Как Кардель рассказывал, он и его товарищи «видели негативные явления, но утешали себя тем, что у нас будет совсем по-другому. Объясняли их тем, что это последствие революционной работы в отсталой стране, окруженной капиталистическим миром. Они не утратили веры в идею, не усомнились в достоверности руководящих деятелей».¹² Прежде всего Сталина. В него Кардель, по крайней мере декларативно, верил не только во время народно-освободительной борьбы, но и после ее окончания, о чем свидетельствует хвалебный гимн, который он написал «хозяину» в первые послевоенные годы.

Однако, когда в конце 1947 г. и в начале 1948 г. Сталин принял решение убрать в Югославии все руководство во главе с Тито и заменить его более послушными людьми, немедленно всплыло на поверхность скептическое отношение Карделя к советскому режиму. С самого начала он поддерживал Тито в его сопротивлении и в последующие годы утвердился в качестве одного из самых решительных критиков сталинизма. Как министр иностранных дел, он в 1949 г. мужественно разоблачил советскую гегемонию на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций, а как идеолог в то же самое время начал искать новый путь к социализму, который не был бы обусловлен русским опытом, а опирался бы на западноевропейскую социалистическую традицию. В этом смысле он решающим образом воздействовал на осуществление самоуправленческого эксперимента в Югославии. В своих размышлениях он зашел очень далеко, о чем свидетельствует его речь в Осло под названием «Социалистическая демократия в югославской практике», которую он произнес в октябре 1954 г. во время поездки по Скандинавии. В норвежской столице он заявил, что можно найти зачатки социализма и в капиталистических государствах, и при этом приводил в пример Швецию, а в социалистических – элементы капитализма. Теория, согласно которой консервативный и прогрессивный лаге-

ря якобы совпадали с границами блоков, по его мнению, не выдерживала критики.

Это отрицание черно-белого деления мира на «лагерь» социализма и «лагерь» капитализма, а еще более утверждение, что социализма без демократии нет, в высшей степени беспокоило Советы. Их главный идеолог М.А. Суслов, оценивая вышеупомянутую речь, записал, что Кардель «по всем своим политическим воззрениям /.../ не коммунист, не марксист-ленинец, а социал-демократ»¹³. Поскольку и после поездки Хрущева в Белград в мае 1955 г., и после визита Тито в Россию в следующем году Кардель упорно настаивал на этих идеях и продолжал их дальнейшую разработку, в Москве его воспринимали как наиболее враждебного югославского политика, и на протяжении десятилетий он был объектом ожесточенной критики и требований пересмотреть свои взгляды.¹⁴ Конечно, он не сделал этого, ведь он до самой смерти относился к Советскому Союзу с подозрением. Последнее сообщение, которое он в 1979 г. передал Тито через Стане Доланца, было следующим: вопрос о том, как защититься от советской опасности, будет труднейшей задачей не только для настоящего момента, но и для будущих поколений¹⁵.

Все произошло по-другому. Когда Тито умирал, страх перед Советским Союзом, в том числе и из-за его интервенции в Афганистане, достиг своего пика. В марте или апреле 1980 г. Стане Доланц на встрече членов правительства с врачами Тито рассказал, что в те дни несколько колонн советских танков в Болгарии двинулось по направлению к югославской границе, что интерпретировали как зловещее предзнаменование. «Также поэтому, — говорил Доланц, — важен не только каждый день, но и каждый час жизни президента, учитывая огромную работу, которую необходимо сделать»¹⁶. После смерти Тито, однако, выяснилось, что страхи перед возможной советской интервенцией были необоснованны, прежде всего потому, что сам Советский Союз оказался в состоянии кризиса, результатом которого стал его распад. Ясно, что без его распада не было бы ни распада Югославии, ни теперешней словенской независимости. Из-за этих драматических событий, преобразовавших мир, после 1991 г. отношение словенцев к России снова изменилось. Не скажу, что мы вернулись к влюбленности XIX столетия. В новых условиях мы сформировали позицию по отношению к России, которая более не обусловлена мессианской и в то же время тоталитарной идеологией, как это было в 1917–1989 гг., но она основывается на притягательности, которую имеет для нас Россия благодаря близости языка и этнического происхождения, благодаря своему культурному наследию и благодаря возможности экономического сотрудничества, которое мы уже установили и на дальнейшее развитие которого рассчитываем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Rozman Franc*. Brošura Dragutina Gustinčiča o Trstu iz leta 1915. // *Prispevki za novejšo zgodovino*. Zbornik Milice Kacin Wohinz. L. XI. Št. 2. Ljubljana, 2000. S. 68–75.

² *Pirjevec Jože*. «Trst je naš!». *Boj Slovencev za morje (1848–1954)* // *Nova Revija*. Ljubljana, 2007. S. 128–131.

³ *Kalan Janez Ev*. *Kristus kraljuj!* Grosuplje, 1937. S. 10.

⁴ *Pirjevec Jože*. Vatikanski arhivi. // *Problemi demokracije na Slovenskem v letih 1918–1941*. Zbornik SAZU. Ljubljana, 2007. S. 311–315.

⁵ *Vidmar Josip*. *Moj obraz*. Tiskopis. S. 64–68.

⁶ *Pirjevec Jože*. *Tito in tovariši*. Cankarjeva založba. Ljubljana, 2011. *passim*.

⁷ *Cenčić Vjekoslav*. *Titova poslednja ispovijest*. Grafos, Oefelin, Cetinje, Beograd, 2001. S. 74, 152.

⁸ Arhiv Slovenije. Ljubljana, (AS). *Dedijer*, t. e. 7, Intervju s Kardeljem; Adamič Louis. *Orel in korenine*. Državna založba Slovenije. Ljubljana, 1981. S. 412, 413.

⁹ *Dedijer V*. *Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita*. III. Beograd, 1984. S. 316; Adamič L. *Op. cit.* S. 422, 423.

¹⁰ AS, *Dedijer*. t. e. 188, Stane Kavčič, Mart 1962, Proširena sednica Izvršnog komiteta.

¹¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Москва. (РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 300. С. 76; *Dedijer V*. *Novi prilozi*. I. Zagreb, 1980. S. 221; III. *Op. cit.* S. 316.

¹² Arhiv Jugoslavije, Beograd, KPR, IV-5-b, K 49, Zabeleška J. Vilfana na vreme provedeno u SSSR. 21. 12. 1953.

¹³ *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 354.

¹⁴ *Vlahović Veljko*. *Strogo pov. 1955–1958*. Neobjavljeni rukopis. Beograd, 1998. S. 42, 49; *Dedijer V*. *Novi prilozi*. III. *Op. cit.* S. 585, 586; AS, *Dedijer*, t. e. 111. Tiskopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 144; Dr. Vladimir Dedijer – Umag. Kardelj. S. 3; *Kardelj E*. *Spomini*. S. 146.

¹⁵ AS, *Dedijer*, t. e. 111. Tiskopis za IV. zvezek Titove biografije. S. 148; t. e. 220. O strategiji Titove spoljne politike 1955–1980; t. e. 244. V. Mićunović: *Prilog*. S. 31/C; *Jedan razgovor s Veljkom Mićunovićem o sovjetskoj politici prema Jugoslaviji*. S. 2, 3.

¹⁶ *Lalević Predrag*. S Titom po svetu. // JP Službeni glasnik. Beograd, 2011. S. 169, 170.

Культурная жизнь в приходе Шент Томаж от начала XX в. до немецкой оккупации

Предания, которые как устная история передаются из уст в уста, становятся более достоверными, если их можно подкрепить письменными источниками, т.е. архивными и литературными записями. В представленной статье я буду опираться на устные рассказы, подтверждая их документами из своего личного архива, из архива Кршского епископства и Каринтийского провинциального архива в Целовце. Я начну с устных преданий, а затем воспроизведу рассказы своего деда Франца Штурма (1859, Скрбинье – 20.08.1941, Свинча вас), отца Андрея Штурма (11.07.1895, Свинча вас – 28.02.1978, Свинча вас) и его сестры, моей тети, Катарины Польцер, урожденной Штурм (25.04.1903, Свинча вас – 06.06.1985, Сподни Винарьи), подкрепив их имеющимися документами. Эти рассказы шли из сердец, глубоко уязвленных немецким национализмом. Эти люди развивали культуру и вели просветительскую работу, так как были убеждены в большом значении культурных ценностей. Помимо того, что они занимались тяжелым крестьянским трудом, они бескорыстно служили культурной жизни своего прихода, общины и широкой округи.

Франц Штурм родился в Кочнаре у Скрбини над Грабштайном в горной деревушке, которая была полностью отрезана от мира, до нее можно было добраться только после многочасовой ходьбы по горам. Там, наверху, в изоляции и отдалении от «цивилизованной» жизни сохранились многие предметы и обычаи древней славянской языческой культуры. Мой дед их хорошо знал, понимал природу и ее явления, был с ними связан мистически, по полям и лугам ступал с глубоким почтением к земле, которая для него являлась священным существом. Даже в 81 год он возглавлял группу из двенадцати косцов, определяя ритм и скорость косьбы. Дед произносил «золотые» языческие молитвы и заключал их молитвой «Отче наш». Из-за своей мистической связи с природой и почитания земли он вплоть до самой смерти не разрешал пользоваться химическими удобрениями. В те времена скромный надел (кметия) в Скрбинье не мог обеспечить большие семьи. Вместе со своим братом-близнецом Андреем дед пошел искать счастья в долину. Он изготавливал деревянные башмаки, носил их продавать на рынок в Целовец, а Андрей стал владельцем надела Морича в Свинче васи. Когда он женился на дочери Форлака в приходе Шент Петра у Грабштайна, он продал свой надел моему деду.

У хозяйки соседнего владения Томавина Терезии Фукс управляющей работала Мария Штурм². Так как у Терезии не было наследников, она

в старости продала свое владение общине Целовец. Она приобрела также водные права на реке Крка, которыми раньше пользовалось владение Томавина, чтобы построить электростанцию. Владение же купил Франц Штурм, который таким образом и стал крупным собственником Томавины. Надел Морича он позднее в 1926 г. передал сыну Михаэлу, когда тот женился на Катарине Ледерваш из Покрч. Так как старший сын Блаж Штурм не вернулся из России (погиб уже в августе 1914 г., но власти, пропагандируя военные успехи начала войны, родителям об этом не сообщили), владение Томавину дед передал моему отцу Андрею Штурму. Дед умер в августе 1941 г. во время фашистского правления. В могилу Томановых, находящуюся на почетном месте у церковной ограды под крестом св. Кристофора, соседи-нацисты захоронить деда не разрешили. Вырытую там яму дважды засыпали землей, и мой отец Андрей Штурм был вынужден уступить насилью и похоронить отца на другом конце кладбища. Только после окончания войны ему смогли поставить памятник, на котором написано: «Когда минует время терпения, / пусть холодный крест украсит могилу, / объявит день восстания из мертвых, / укажет путь в рай над звездами».

В культурной жизни жителей прихода главную роль играл настоятель Иван Брабенец (21.08.1871 – 1940), крестьянский сын, родом из Хералец в округе Хумполец в Чехии. Он окончил гимназию в Хавличковом Броде. Как студент богословия в 1891 г. он пришел в Целовецкую богословскую семинарию в Каринтии, где епископ Кан посвятил его в сан священника. Сначала он был капелланом в Железной Капле, а в 1896 г. стал провизором в приходе Шент Томаж³ у Чилберка, где с 1900 г. стал приходским священником. После тридцатитрехлетнего служения там он в октябре 1929 г. переселился в Подкрнос уже в качестве пробста*. Там он 22 июля 1934 г. отпраздновал сорокалетие принятия сана священника. Все время своей службы он добросовестно записывал события и вел переписку с администрацией в защиту словенского языка в церкви и школе, все это он переписывал в «Хронику прихода» («Liber Memorabilium»).

Приход Шент Томаж у Чилберка имел два отделения: Шент Лоренц при Жильях и Шент Марьето над Трдно вас, а, кроме того, еще особую часовню на Партовце. Согласно записи в «Хронике», к приходу Шент Томаж принадлежали: «Шент Томаж, Домачна вас, Чилберг, Гундршка вас, Горичица, Партовца, Рогарья вас/Рогарьовца, Шент Лоренц, Жилие/на Жилиях, Ямница/на Ямнице, Брезовье, Свинча вас, Шмарьета, Трдна вас, Боровље, Дельна вас» (Ян Брабенец, настоятель, дня 07.07.1909).

В сохранившейся «Хронике прихода» велись записи в 1864–1975 гг. Но именно в то время, которое я описываю, содержание жизни прихода было особенно бурным, прежде всего в сфере борьбы за словенский язык и культуру. Приход и община Шент Томаж издавна находились под силь-

* Словен. «prošt» – настоятель (прим. ред.).

ным немецким давлением как пограничные с немецкой территорией и поэтому подлежащие германизации в качестве первого объекта. Настоятель Брабенец боролся за сохранение в школе изучения Закона Божьего на словенском языке, что также приносило пользу широкой словенской общности в Каринтии. Из «Хроники» видно, с помощью каких острых аргументов председатель школьного совета Хайн пытался заставить епископство приказывать, чтобы Закон Божий во втором и третьем классах преподавался на немецком языке, а словенский язык использовался бы только в качестве вспомогательного. Это старались провести в школах Шент Томажа и Тименицы. Настоятель Брабенец в подробном письме епископской администрации доказывал с юридической и политической точек зрения, что превращение шенттомажской школы в немецкую является, прежде всего, политическим решением и имеет своей целью германизацию, ибо из 84 детей только девять говорят по-немецки. В конце своего письма он указывал: «Вот почему почтительно подписавшийся учитель Закона Божьего пользуется словенским языком не в качестве вспомогательного, так как он является родным языком детей. Если бы учитель Закона Божьего обучал словенских детей (а это почти всех) на немецком языке, он не добился бы никакого успеха, но способствовал бы германизации, чего бы очень хотелось некоторым депутатам провинциального совета. Если провинциальный совет или провинциальный школьный совет так заботится о нескольких немецких детях в словенских областях, то почему они не так благожелательны по отношению к словенским детям и не желают, чтобы они также имели Закон Божий на родном языке, слушали и изучали его на родном языке; для того, чтобы им было легче учиться, надо позаботиться, чтобы они научились читать и писать по-словенски. Из всего этого следует: почтительно подписавшийся не может следовать предписаниям с.к. провинциального школьного совета, так как он должен был бы действовать: 1) против своей совести; 2) против детей; 3) против здравой педагогики. На основании этого почтительно подписавшийся просит уважаемый с.к. Ординариат, чтобы он защитил в этом деле справедливую позицию церкви.

Администрация настоятельства Шент Томаж у Чилберка
Настоятель и катехет Янез Брабенец»⁴.

Настоятель Брабенец с помощью своей аргументации сумел убедить епископский ординариат, который написал и разослал окружное послание под названием «Unterrichtssprache / Regionsunterrichte / An den sogenannten / Utraquistischen Schulen. Klagenfurt / Am 11. Juli. 1910», в котором подтвердил то, что Брабенец решительно защищал, и отверг вмешательство провинциального школьного совета в вопрос о языке обучения при преподавании Закона Божьего⁵.

Другой эпизод борьбы Брабенеца с местными властями за словенский язык описан в «Хронике прихода» под названием «Дела Матицы». Как

член Матицы настоятель должен был посылать донесения о прививке оспы местному врачу в Госпе Свете. Поскольку тот не умел читать словенский текст, он возвратил донесение окружному начальству, которое потребовало от настоятеля, чтобы он это донесение перевел. Брабенец это требование решительно отклонил, предоставив серьезную аргументацию. Тогда окружное начальство послало настоятелю счет за сделанный перевод. 29 июля 1910 г. он отправил протест окружному начальству, который был отклонен. Настоятель послал протест министерству внутренних дел, ссылаясь на законные права, которые имеют также и словенцы. Министерство не ответило, и настоятель под документами написал: «Et facta est tranquillitas magna. Mat. 8/26 / Все тихо, никакого ответа». Об этом случае рассказала газета «Мир» в № 32.

Вышеописанные примеры гонений против словенцев со стороны каринтийской администрации точно согласуются с рассказами моего деда, который был причетником в отделении прихода Шент Томаж – Шент Лоренц. Он рассказывал, как вместе с настоятелем Брабенецом в 1910 г. он принял участие в собрании служителей церкви в Шент Виде на Глине. Там высокий церковный сановник в своем выступлении провозгласил: «Мы должны стремиться как можно скорее германизировать земли вплоть до Крки». Настоятель и Штурм были очень возмущены и по пути домой размышляли о способах противодействия этому. Плодом их размышлений стало создание словенского просветительского общества «Единость» и Ссудно-сберегательного кооператива в Шент Томаже. Это произошло в 1910 г. Это событие настоятель кратко описал 09.05.1911 г. на С. 38 и 39 в «Хронике прихода», где привел также и имена первых членов комитета указанных обществ. «Общество: католическое словенское просветительское общество Шент Томажа и округа (Kath. Slov.Bildungsverein) учреждено в Вербное воскресенье 1910 г. на принципах христианства. Основа организации: «За веру, отечество и императора». Сберегательная касса. Ссудно-сберегательный кооператив в Шент Томаже у Целовца. Основан по постановлению провинциального суда в Клагенфурте (Firm. 741. Gen.IV. 115/1 – 7 июля 1910). Первый комитет (правление): Иван Брабенец, настоятель, глава; члены комитета: Юрий Вальдхаузер, Йожап из Шент Томажа; Балтазар Когельник, управляющий из Гундршского замка; Густав Пиппин Йорг из Горичицы; Йозеф Кухер, сын Руша в Шент Лоренце; Йозеф Миклауц Раат из Запуж. Шент Томаж дня 9.5.1911. Иоганн Барбенец, настоятель».

В сохранившейся протокольной записи первого заседания общества 20 марта 1910 г. можно прочитать, что настоятель Брабенец собрал вокруг себя, прежде всего, молодежь. Председателем первого комитета был собственник надела (кметии), ревизорами также избрали двух собственников, в то же время другие члены комитета являлись сыновьями крестьян-собственников, то есть младшим поколением. На это указывает дословная выписка из протокола: «Протокол заседания. Секретарь: год 1910. Франц Ровередо.

1. заседание 20.03.1910. На учредительном собрании комитет постановил избрать

I. председателем г[осподина] Юрия Вальдхаузера из Шент Томажа; II. (вице) председателем Юрия Розегера, Укежева сына из Трњи васи. Секретарем: г[осподина] Франца Ровередо, причетника в Шент Томаже; II: г[осподина] Франца Кухера, Рушева сына из Шент Лоренца; казначеем: I. [господина] Андрея Куса, сына Смречника из Рогарье васи; II. г[осподина] Блажа Штурма, сына Томанова из Свинче васи (Zinsdorf); г[осподина] настоятеля Брабенеца из Шент Томажа библиотекарем; г[осподина] Балт[азара] Когелника, управляющего в Гундершке васи и Винц. Куле из Гундершки васи, обоих контролерами счетов. Заключение. Франц Ровередо. Секретарь».

В первые годы перед началом Первой мировой войны общество развивалось очень успешно и имело обширную просветительскую и культурную программу. Интересной личностью и видной фигурой в культурной деятельности являлся секретарь Франц Ровередо, причетник и органист в Шент Томаже⁶. С установлением просветительского общества он стал обучать молодежь музыке и основал общество тамбуристов. Тамбуры купил на свои деньги настоятель Брабенец, общество возвращало ему долг частями. Первую часть в 50 к[рон] ему вернули 10 марта 1912 г., оставшуюся часть долга – 30 к[рон] уже 26 мая 1912 г. Общество платило Ровередо за обучение и руководство тамбуристами. Кто желал и был способен к этому, мог обучаться игре на других инструментах, хоровому дирижированию. Моя тетя Катарина Пельцер, урожденная Штурм, кроме органа, играла также на скрипке. Моего отца Ровередо выучил не только на органиста, но и на хормейстера. Вообще общество начало действовать с энтузиазмом и большим успехом в различных областях. Кроме решения о создании оркестра тамбуристов на втором заседании общества 17 апреля 1919 г. было решено: «Установить а) вспомогательный комитет для музыкантов: г[осподин] [настоятель] Брабенец, Кус Андрей, Кусс Валентин; а) Штурм Андрей, Йожеф Розегер, Йожеф Хольцер, Мехи Новак; б) для музыкантш – г[осподин] н[настоятель] Брабенец, Андрей Кус, Алоизия Нусбаумер, Мария Крамер, Штурм Нежа.

4. Комитет постановил проводить обучение пению юношей в 1-е и 3-е воскресенья, девушек – во 2-е и 4-е воскресенья месяца.

5. Комитет решил попытаться пригласить 24 апреля учителя физкультуры из Целовца.

На этом заседание окончилось. Франц Ровередо. Секретарь». Особенно интересным кажется факт приглашения учителя физкультуры в такой полностью крестьянский район, что было, по всей вероятности, связано с движением «Сокол»*. Уже на следующем заседании 4 сентября 1910 г. настоятель Брабенец предложил организовать курсы стенографии, кото-

рые по данным протокола начали действовать 25 марта 1912 г. В том же 1912 г. стали работать курсы счетоводов (бухгалтеров). В 1911 г. зафиксировано только одно заседание общества. На первом заседании 1912 г. шел разговор о газетах, которые выпишут в пользование членов общества. Речь шла о газетах: «Злата доба» Словенской стражи, «Словенец», «Домолуб», «Мир» и «Кметовалец». Настоятель Брабенец, который сам был образованным человеком и имел большую личную библиотеку, основал библиотеку общества, в которой работал библиотекарем, и благодаря своим знаниям мог заботиться о приобретении хороших книг для нее. Мой отец Андрей Штурм мне рассказывал, что члены общества «прилежно, прилежно читали все-все, и ни одна книга дома не оставалась без внимания». Была собрана богатая библиотека общества, которая во время Второй мировой войны погибла. Др. Павле Заблатник в свое время нашел несколько книг у одной женщины, члена общества, проживавшей в Гундрешском замке, которая спасла часть библиотеки.

Театральные представления – «игры» – стали основой деятельности общества, которая выходила далеко за пределы прихода. Представление «Св. Алеш», например, смотрели даже в Глобаснице; представления давали в Тименице, Личьи васи, у Крайцера, даже в Долине и в других местах. И, конечно, в разных местах прихода: при Кропфе в Шент Лоренце, при Кропфе в Рогарьи васи, в Хрибернике или Локвирте в Трњи васи и, конечно, в Шент Томаже в помещении общества и Ссудно-сберегательного кооператива. Мало-помалу появилась потребность в соответствующем зале. В 1912 г. общество насчитывало уже 120 членов. Поэтому на заседании 3 марта 1912 г. постановили договориться со строительным подрядчиком из Целовца Малеем о строительстве отдельного помещения для общества. После подготовки проекта 11 мая 1913 г. подали властям прошение о разрешении построить помещение. 9 ноября 1913 г. помещение по желанию общины приспособили для игры в нем зимой. До националистического террора в этом помещении размещались общество «Единость» и Ссудно-сберегательный кооператив Шент Томажа. Надпись на здании пережила Вторую мировую войну, ее уничтожили только в период Второй Австрийской республики после 1955 г., когда уже действовал параграф 7 конституционного закона о национальных меньшинствах в Австрии.

Театральная деятельность, тамбуристы, хор являлись основой общественной и религиозной жизни в приходе и за его пределами. Деятельность общества очень хорошо принималась населением. На объявленных представлениях выступали тамбуристы, пели, играли пьесы. Собрания, на которых читались лекции, называли «говорники», и они тоже носили просветительский характер. Из протоколов видно, что в качестве докладчиков (говорников) несколько раз приглашали г-на Криглна и г-на Миклавца из Целовца. На общем хозяйственном собрании, которое 29 июня 1912 г. организовали в помещении хозяина гостиницы Кропфа в Рогарьи васи, докладчиком выступал настоятель Полянец. Между войнами, по воспомина-

ниям моего отца, в качестве «говорников» выступали др. Ламберт Эрлих, др. Арнец, др. Рожман и другие. Общество в то время насчитывало 150 человек. На заседании 11 мая 1913 г. 18-летний Андрей Штурм был избран казначеем общества. С тех пор началась его многолетняя деятельность в словенских учреждениях: он был словенским представителем в провинциальном культурном совете, членом комитета общины Шент Томаж, многолетним председателем Ссудно-сберегательного кооператива в Шент Томаже, органистом и руководителем хора в обществе и в церкви. Общество устраивало также однодневные курсы, например, социальные и хозяйственные, или же оповещало своих членов о возможных льготах в области хозяйства, как, например, о поддержке, которую предлагал хозяевам провинциальный культурный совет (предшественник нынешней крестьянской палаты).

Для артистов театральной труппы по решению общества после выступлений устраивали угощение с питьем и едой. Обычно приглашалось приблизительно 40 человек, которые активно участвовали в представлении. Предлагаемые пьесы были очень разнообразны. Как видно из протоколов заседаний общества до 1914 г., когда разразилась Первая мировая война, играли следующие пьесы: «Св. Алеш», «Три сестры», «Вечная молодость и вечная красота», юмореска «Кмет Херод», «Трактирщик у Кривого рога» и «Не в Америку». Как видно из протокола от 10 октября 1937 г., в 1938 г. предполагали поставить пьесу «Миклова зала». Со временем общество собирало много театральных костюмов для различных ролей. Во всяком случае, крестьянская молодежь наряду со своим тяжким трудом много времени уделяла своему образованию, если еще принять во внимание, что им приходилось в большинстве случаев ходить пешком. Члены общества сами должны были организовывать перевозку и установку сцены, реквизита и т.д.

Как я уже отмечала, Первая мировая война парализовала общественную жизнь. С одной стороны потому, что много молодых людей было призвано в армию, но особенно потому, что внутри монархии началась война против славян. Венский писатель и юрист Вальтер Роде 8 августа 1924 г. писал в «Арбайтерцайтунг Виен», что «старая Австрия, втянутая в войну почти со всеми народами мира, сочла целесообразным в таких сложных военных условиях объявить войну своим собственным народам, тем народам, из которых она состояла». Кроме внешнего фронта она открыла второй фронт внутри государства и бросилась воевать со своими собственными гражданами, а именно со славянами, и этим она себе больше всего навредила. Вальтер Роде тогда был судьей в Люблянском замке, который австрийцы превратили в тюрьму для «антиавстрийских элементов». Он описывает, как в замок привели группу индусов, моряков на английском военном корабле; почти все они были заключены в холодные сводчатые камеры и умерли от легочных болезней, или, как однажды привезли целый класс девочек из Горицы, которые якобы высказывались в антиавстрий-

ском духе. Именно в этих сводчатых коридорах и камерах был в заключении также и Иван Цанкар. Эти помещения он увековечил в своей книге «Видения».

Такая же судьба ожидала секретаря Франца Ровереду и его мать, которая была венецианской словенкой и гражданкой Италии, – их также интернировали. Настоятель Брабенец поехал на почтовом поезде в Целовец, чтобы просить о своем освобождении от должности, поскольку приходом с тремя отделениями тяжело управлять без причетника и органиста. По дороге в Целовец он разговорился с человеком, который у дороги заготавливал корм для скота. Попутчица донесла на него, что он якобы кричал «Вива, итальянцы!», ибо тогда Италия как раз вступила в войну против Австрии. Настоятеля арестовали и осудили на шесть месяцев каторжной тюрьмы, что для больного Брабенеца означало несомненную смерть. После шести недель его амнистировали. Брабенец сам это описывает в «Хронике прихода» (С. 39–40), этот случай опубликован также в очень интересном сборнике документов о преследованиях, которыми подвергались словенские священники в Каринтии во время Первой мировой войны и после нее со стороны официальной Австрии и со стороны науськанной против словенцев толпы².

Несмотря на все увеличивавшийся раскол между жителями прихода со словенским самосознанием и жителями, осознающими себя немцами, общество и в дальнейшем переживало свой расцвет. Факты, о которых я знаю из личных свидетельств, больше всего подтверждают записи в «Хронике прихода», документы из архива Кршского епископства в Целовце⁸ и документация Ссудно-сберегательного кооператива в Шент Томаже. Ссудно-сберегательный кооператив действовал наиболее активно: в него вступали люди из всей округи. 7 июня 1942 г. его насильно вместе со всеми членами включили в состав немецкого Райффайзен в Шкофьем дворе. После победы над фашистами он был на основании закона о восстановлении словенских кооперативов в Каринтии – BGBl 57/49 от 9 февраля 1949 г. и на основании судебного решения от 6 июля 1949 г. Gen 4-114 – восстановлен. На чрезвычайном общем собрании 8 июня 1949 г., которое состоялось в Свинче васи, его председателем снова был избран Андрей Штурм из Свинче васи, его заместителем Миха Штурм из Свинче васи 9, в управляющий комитет Блаж Ледерваш из Покрч, Томаж Васте из Грабштана 29, и Янко Греблахер, чиновник в Целовце, Великовска цеста. В контрольный комитет были избраны Петер Васте, чиновник из Целовца, Мариенгасе 2, Миха Новак, причетник в Шент Томаже и Йозеф Штурм, сын Морича в Свинче васи 9. Андрей Штурм оставался председателем Ссудно-сберегательного кооператива до своей смерти 28 февраля 1978 г.

Ссудно-сберегательный кооператив в Шент Томаже вычеркнули из регистра 15 марта 1984 г., так как он являлся символом существования словенцев в этих краях в течение 74 лет. Андрей Штурм, который в 1913 г. стал казначеем общества «Единость», во время Первой мировой войны был

избран казначеем Ссудно-сберегательного кооператива, а на общем собрании 9 мая 1926 г. – его председателем. Тогда из управляющего комитета вышли настоятель Янез Брабенец, Йозеф Милавец, собственник в Запужах, собственник Балтазар Когельник в Гундершкой васе и Стефан Крамер, собственник в Трдни васе. Вместо них новыми членами управляющего комитета стали Андрей Штурм из Свинче васи, Мартин Суетте из Вирне васи, Томаж Васте из Доманче васи и Миха Штурм Морич из Свинче васи. Из старых членов управляющего комитета остались Юрий Вальдхаузер, собственник в Шент Томаже, Густав Пиппан из Горичицы и Йозеф Кухер, собственник в Шент Лоренце. В контрольный комитет были избраны Себастьян Кордаш из Тименицы, Винценц Куле из Гундершки васи, Йохан Кау из Партовца, Янез Брабенец, настоятель в Шент Томаже, и Валентин Вендл из Гундершке васи.

Ссудно-сберегательный кооператив в Шент Томаже у Целовца был, следовательно, основан по инициативе настоятеля Янеза Брабенеца вместе с обществом. Его быстрое развитие прослеживается по сохранившимся документам, то есть по книге ссуд и книге сберегательных вкладов. Все записи в них велись на словенском языке. Между ними находится интересный документ, который, с одной стороны, показывает пределы распространения его деятельности, а с другой – дает названия личных имен и местных названий домов, их записывали так, как они произносились на местном наречии и с местными вариантами, редко когда названия писались по-немецки или с немецкими вариантами. Интересен также социальный состав Ссудно-сберегательного кооператива в Шент Томаже: членами его были мужчины и женщины из всех социальных слоев словенского населения – собственники, служащие, кайжары (наемные работники, имевшие свой дом), прислуга, рабочие, ремесленники, чиновники и др. Были люди из соседних приходов и общин (общины по составу до 1972 г.): Шент Томаж, Тименица, Покрче, Шент Якоб у дороги, Грабштань, Госпа Света, Медгорье, Жрелец, Отманье, Рожек и даже из Целовца.

Для меня, конечно, наиболее интересны те члены кооператива, которые были из прихода Шент Томаж, потому что я знаю лично их потомков. Мне сочувствуют те, кто еще помнят, что их предки активно участвовали в деятельности словенского общества или словенского Ссудно-сберегательного кооператива. Одни с удовольствием говорят со мною по-словенски, другие не желают этого и говорят по-немецки, хотя и понимают словенский язык. Мне кажется, что они чувствуют себя неудобно. Я должна сказать, что в последнее время я снова встречаю среди представителей третьего поколения тех, кто жалеет, что не знает больше языка своих дедов и ощущает это как свой недостаток.

Когда немецкий Райффайзен в Шкофьем дворе поглотил Ссудно-сберегательный кооператив в Шент Томаже, он принял в качестве членов из нее только 58 человек, остальных вычеркнул. После Второй мировой войны Союз словенских задруг после долгой юридической волокиты по-

лучил назад свои Ссудно-сберегательные кооперативы, однако шентто-мажский кооператив не смог получить место в своем бывшем здании. Здание, которое он вместе с обществом «Единость» при поддержке настоятеля Брабенца построил, являлось собственностью церкви. Пронемецки настроенный настоятель Вальтер Кеберл этого не позволил. Место пребывания Ссудно-сберегательный кооператив получил в помещении Союза словенских задруг в Целовце. Мой отец Андрей Штурм, оставаясь его председателем до самой смерти, ходил туда на заседания. Вспоминаю, что на день св. Томажа (Томановино) приходили к нему разные люди и просили ссуды, говоря по-словенски. Помню крестьянку с сыном из Покрч у Целовца, они оба хорошо говорили по-словенски, чему я тогда очень удивлялась.

Деятельность общества «Единость» и Ссудно-сберегательного кооператива из Шент Томажа в период между войнами была успешной. Общество, по воспоминаниям моего отца, насчитывало уже 150 членов. Они продолжали культурную деятельность, т.е. устраивали представления, играли на тамбурах, слушали доклады так называемых «говорников», обучали своих членов на разных курсах в Целовце и Любляне. Протоколы заседаний того времени, к сожалению, не сохранились. Имеется только протокол от 10.10.1937 г., когда председателем общества был Михаэл Штурм (28.09.1892–24.01.1970) из Свинче васи, брат отца. Секретарем общества была Мария Штурм (1893-1960), сестра отца, которая вела этот протокол, ее почерк узнала именно я. С самого начала она была членом общества, активная актриса и член театральной труппы. Интересно, как оптимистично в то время планировали дальнейшую работу общества, что доказывает запись в протоколе общества: «1. заседание 10.10.1937. Решено созвать собрание общества в ноябре этого года, / дальше решено подготовить пьесу «Миклюва зала» на будущий год. / Далее послать двух членов общества на курсы проводников, которые пройдут 7 и 8 ноября этого года. Заключение: Миха Штурм, Юрий Вальдхаузер, М.Штурм (секретарь), Мар. Новак (библиотекарь)».

Воодушевление осознающих себя словенцами жителей прихода и общины до Второй мировой войны доказывает следующая заметка путешественника по Каринтии, копию которой мне предоставил Янез Стергар:

«Проф.др. Фран Цвиттер:

Сообщение из Каринтии / апрель 1935 г. (Arhiv Inv. F. 146. ov. 6)

3. На границе в Шпилах полиция у меня отобрала «Ютро», поскольку его нельзя ввозить в Австрию. То же самое будет и с еженедельником «Словенец»?

Монсеньер Подгорц был бы рад узнать, почему «Словенец» не печатает его, как говорят, очень актуальных статей. Г. Зупанец просит, чтобы мы спросили об этом.

Штурм. Шент Томаж: этот наш кусок Каринтии, величиной более, чем 70 га прекрасной земли на Крке, особенно гордится своим Ссудно-сберегательным кооперативом, который 20 лет назад установил прошт Брабенец

для общин Тименица, Госпа Света, Шент Томаж, Шент Якоб и Покрче с центром в Шент Томаже. По уверению Штурма, сейчас это наиболее основательный словенский Ссудно-сберегательный кооператив. Один из теперешних членов комитета словенский крестьянин из Госпы Светы (к сожалению, по своей давней неисправимой привычке его имя я случайно позабыл), откуда он регулярно приходит на заседания, [сообщил – И.Ч.], что 23.04. Ссудно-сберегательный кооператив будет праздновать 25-летний юбилей и там вручат почетный диплом прошту Брабенецу. Дед Штурма, который воспитывает (вместе с бабушкой) внучку Верицу, говорит с несокрушимой верой, что пройдет немного времени, и вся Каринтия станет словенской! Откуда у этих людей такая вера и такой оптимизм здесь, на последней границе нашей словенской земли?! Настоятель Яколич является несчастьем для этого края: в этом Штурму признался сам епископ Рорахер».

Относительно упомянутого члена комитета я нашла в книге ссуд несколько собственников из Госпы Светы, – член кооператива был из деревни Арндорф. Старый отец Штурма, уже упомянутый Франц Штурм, его жена, моя бабушка была Мария Штурм, урожденная Адамич из Загорья (мы дома говорили – Жагарье), умерла в 1943 г. у своей дочери Катарины Польцер в Споднях Винарьях и похоронена в Шент Виде в Подюне. Когда ее внук Марьян Штурм (теперешний председатель Союза словенских организаций), который родился в 1951 г., следовательно, спустя несколько лет после ее смерти, в 1970-е годы, еще учеником, участвовал в борьбе за словенские надписи в австрийской Каринтии, науськанные немецко-ориентированные сограждане осквернили ее могилу. Верица, которую она вынянчила, моя сестра Вероника Штурм, рождения 04.02.1934 г., была убита лагерным врачом на руках у матери с помощью инъекции. И никто за это не ответил. О настоятеле Яколиче я напишу позднее.

В действительности после плебисцита в приходе Шент Томаж, как и повсюду в словенских землях Каринтии, началось жестокое преследование словенского населения и в том числе настоятеля Брабенеца. Это можно понять в рамках общего настроения мстительности немецко-говорящего населения Габсбургской монархии, которое теперь должно было довольствоваться «маленькой» Республикой Австрией. Немецко-говорящие граждане монархии, которые в ней пользовались всеми привилегиями господствующей нации, не могли простить другим народам, что они сбросили немецкую гегемонию и создали свои собственные национальные государства, таким образом, разрушив «образцовое многонациональное государство» (отчасти этот миф жив и до сих пор). Пауль Парин, швейцарский этнопсихоаналитик и писатель, пишет, что Габсбургская монархия являлась колониальной державой, в которой славяне были угнетаемым народом. Немецко-австрийские государственные деятели не желали признавать, что они сами виноваты в том, что они гегемонистски эксплуатировали и не желали признавать культурные особенности и свободу развития

славянских народов. Габсбургская монархия не являлась неким прообразом Объединенной Европы, ведь в ней отсутствовал главный фактор, а именно признание равноправия и равной полезности также и славянских наций, их языков и культур. Семь миллионов немцев господствовали над 20 миллионами представителей других наций, отказывая им в праве на развитие собственной культуры и языка. П.Г. Троппер в своей вышеупомянутой книге приводит документы, из которых видно, как немецкое руководство в стране отказывалось от всякого компромисса, с чем епископство не всегда соглашалось⁹. Антисловенская деятельность провинциальных властей приводила к тому, что науськанная толпа не стыдилась грабить церковное имущество и имущество настоятелей.

В документе, опубликованном в книге П.Г. Троппера (С. 153–156), прошт Рандл из Добрли васи сообщает епископскому ординариату, как в его проште ограбили все приходы, кроме прихода Езерско: из хлевов вывели коров, забили свиней и съели их, осквернили церковные вещи и выбросили их на дорогу и т.д. Власти арестовывали священников и угрожали, что их убьют, некоторые из них вынуждены были бежать. Такая обстановка в словенских землях накануне плебисцита посеяла страх у населения. Поэтому понятно, что Общество св. Мохора как словенское учреждение стремилось спасти типографские машины от вандализма натравленных немецких грабителей. Словенская учительница и активистка в Покрчах госпожа Мария Эйншпиллер (1885–1968), в замужестве Инзко, мать покойного советника, политика, историка и педагога Валентина Инзко (22.01.1923–06.11.2002), организовала спасительную акцию. Так как владение Томаново в длину простиралось на полтора километра по границе с долиной Крки, которая в то время являлась демаркационной линией с зоной В, и так как все Томановы хорошо знали все дороги до Целовца и обратно, не удивительно, что она просила их о помощи. Так, мой отец с удовольствием рассказывал, как он перевозил печатные станки типографии Общества св. Мохора окружными путями из Целовца в Свинчу вас. В доме находились жандармы, которые разнюхивали и шпионили, но мой дед Франц Штурм задержал их, угощая вином и закуской, а в это время Андрей Штурм ускользнул с машинами, переправился с ними через Крку на станцию в Грабштань, откуда их отправили в Превалье, где типография Общества св. Мохора работала до тех пор, пока ее не переместили в 1927 г. в Целье.

После плебисцита, несмотря на обещанный мир, повсюду в Каринтии, и также в приходе Шент Томажа, начались страшные гонения против всего словенского. Но словенцы во главе с настоятелем Брабенецом сохранили мужество и, защищая словенскую культуру, развили бурную деятельность. Общество наряду со своей светской работой: постановкой пьес, игрой тамбуристов, просвещением – во многом способствовало и оживлению религиозной церковной жизни. На большие церковные мероприятия, например, на храмовые праздники члены общества украшали божественную мессу музыкой и пением, так что люди приходили на торжественную службу как

на концерт. Так, в «Хронике прихода» записано, что органист Штурм, заботясь о музыкальном сопровождении, просил свою сестру, чтобы она пришла издалека и помогла бы ему играть на органе при торжественной мессе. Речь шла о Катарине Польцер, урожденной Штурм, моей тете, сестре моего отца, вышедшей замуж в Лазаре в Подьюне. Когда я навещала ее в больнице в Целовце, она, будучи уже весьма пожилой, рассказывала, что как-то во время обучения игре на органе, некий пронемецки настроенный прихожанин подошел к ней сзади и ударил по стулу так, что она упала на спину. «Это была борьба, это была борьба», – вздыхала она пятьдесят лет спустя. Этот случай отмечен в «Liber Memorabilium» на стр. 59. В сообщении о народной мессе в приходе в 1933 г. указывается: «...из-за раздела прихода на три церкви и два языка» проповеди читались по-словенски и по-немецки, между тем, пели только по-словенски.

Другой рассказ о торжественной мессе, которую словенцы сопровождали музыкой, относится к 1938 г. и связан с храмовым праздником в отделе Шмарьетта. Словенский хор, которым тогда руководил мой отец, особенно готовился к этому событию. Чтобы хор звучал еще мощнее, пригласили певцов из Рожа. Их пришло много, а перед этим все они у Томана в Свинче васи все вместе репетировали. Некоторые хористы спали в сарае, так как в доме для всех не хватило места. Перед богослужением все собрались на хорах и ожидали начала мессы. Тогда настоятель позвал руководителя хора в ризницу. Там его ожидали Стефан и Йозеф Таушитц из Трњи васи, которые требовали от настоятеля, чтобы он не допускал словенского пения. Они также заявили Андрею Штурму, что словенского пения быть не должно. Штурм на это ответил, дескать, знал бы он раньше, а теперь, когда на подготовку к пению они потратили много сил, долго репетировали, они не допустят, чтобы их прогнали. Так как Таушитцы по-прежнему настаивали на своем, Штурм обратился прямо к Йозефу Таушитцу, который был дипломированным инженером, а позднее и австрийским депутатом: «Разве в университете вас учили такой культуре и просвещению?» После этого Стефан сказал своему брату: «Пепа, тихо, Пепа, тихо!». Хор пел при торжественном богослужении, и после него люди не хотели уходить из церкви и еще целый час слушали словенские песни. Скорее всего, они раздавались в этой церкви последний раз.

Нарушение спокойствия и провокации со стороны немецких националистов после плебисцита происходили во всех краях при любой возможности. Это доказывает запись настоятеля Брабенеца, сделанная им в 1923 г. в «Хронике прихода» на стр. 49: «Памятник погибшим в войне торжественно открыли в Шент Лоренце 30 сентября 1923 г. (в воскресенье). В 10 часов настоятель Ян Брабенец прочел на словенском языке проповедь о значении памятника павшим во время войны. Почти все плакали, когда он описывал терпение, смелость и героическую смерть сражавшихся за родину. В конце проповеди он призвал любить родину, призвал к согласию, прилежной работе и бережливости на обновленной родине. После мессы

под открытым небом музыканты величественно сыграли мессу Гайдна, а затем был открыт памятник (обелиск в 4,6 м высотой с сидящим на нем орлом). Мужской хор под руководством господина Симона Олипа запел песню «Сегодня день Господа». Потом директор сельскохозяйственной школы в Целовце произнес краткую речь на словенском языке в немецком националистическом духе. «Оставайтесь немцами, сохраняйте немецкий дух, защищайте родину от внешних и внутренних врагов!». Свою речь он закончил призывом к объединению с Германией. Брамбовцы громко кричали «Хайль!» и этим испортили праздник и сами себя опозорили. Из-за этой провокации люди были огорчены. До этой «торжественной речи» все было хорошо, и люди потом говорили, что оратор все испортил. Или не могли найти лучшего оратора? Я говорю – нет, так как именно такого они и хотели иметь» (23.10.1923. Ян Брабенец).

Первый вал агрессивной германизации после плебисцита достиг пика в 1923–1924 гг., когда науськанные немецкими националистами прихожане требовали использовать в церкви исключительно немецкий язык. Это им сделать не удалось, поскольку словенское население этому воспротивилось, а епископский ординариат приказал, чтобы проповеди читались по-словенски и по-немецки¹⁰. Большое количество прошений и решений в архиве Кршского епископства говорит об упомянутой борьбе за сохранение словенской идентичности. Жалобы в письме к епископу Адаму Хефтеру от 12.05.1924 г. указывают, насколько пронемецки настроенным прихожанам мешало просветительское общество и как они ненавидели настоятеля Брабенеца, поскольку он поддерживал словенскую культуру и язык.

Привожу несколько наиболее выразительных мест из этого письма: «Господин настоятель из Шент Томажа до войны с некоторыми переселенцами с гор и другими жителями основал Славянское пчеловодческое общество, хотя у нас имеется здесь полностью неполитическое пчеловодческое общество с немецким письменным языком, а также Сберегательный кооператив, хотя в общине работает неполитическое общество «Райффайзен» и славянское общество («Единость»). В помещении церкви, которое, вероятно, должно было объединять всех прихожан, это пристрастное общество устраивало театральные представления... На стене кладбищенской церкви Шент Лоренц настоятель самовольно поместил славянскую надпись, в которой имеются совершенно непонятные слова¹¹. Несмотря на выборы, настоятель назначает причетниками славян, если это только возможно, хотя один не умеет ни писать, ни читать... Господин настоятель во время плебисцита передал из словенского театра через своего сторонника костюмы в зону А, чтобы там велась пропаганда против тех, кто миролюбив и верен родине... Миролюбивые прихожане, подписавшиеся здесь, хотят, чтобы дела велись по-немецки, так как среди них имеются и чистокровные немцы, во всяком случае их больше, чем тех, кто не понимает немецкого языка»¹². Письмо без подписи датировано 5 июня, в нем отклоняется требование епископа, чтобы они поговорили с настоятелем; заклю-

чительное предложение очень грубое, будто бы это последняя просьба и последний шаг на пути к примирению. 10 июня пришел ответ епископского ординариата, в котором резко осуждается дерзкий тон письма и выносятся решение, о том, что совместная комиссия должна обсудить вопрос на месте.

Комиссия собралась 22 июня 1924 г. В сохранившемся протоколе приводятся разные предложения. Письмо словенских прихожан в епископскую администрацию, датированное 29 июня, выражает протест против того, что на заседании комиссии Таушитц провозгласил себя их представителем и потребовал, чтобы проповеди в Шмарьете происходили только на немецком языке. Словенские прихожане не признавали его своим представителем. «Жители, которые почти все словенцы, возмущены предложением Таушитца и протестуют против него. Они требуют вернуться к старому обычаю и каждое воскресенье слушать божье слово на родном языке». Под письмом было большое количество подписей. В письме от 28 июля 1924 г., посланном в приход, епископская администрация указывает, чтобы при церковных обрядах использовались оба языка.

Второе наступление агрессивной германизации церкви датируется началом 1930-х годов. В 1929 г. настоятель Брабенец ушел на пенсию и стал проштом в Подкрносе. Хотя его наследник Йозеф Яколич был словенцем из Краня, он рос в Целовце, куда переселились его родители. Он встал на сторону пронемецки ориентированных прихожан, из-за чего возникло много острых споров. Из «Хроники прихода» я привожу здесь его запись, из которой можно ясно понять сложившееся в то время положение: «1932 г. Борьба за язык – спор из-за языка. Уже годы в этом приходе – как типичное, достойное сожаления, но неизбежное явление в смешанном в языковом отношении приходе – шла более или менее оживленная борьба и спор из-за языка во время религиозных действий и богослужения. Провизор Яколич больше сочувствовал проведению богослужения на немецком языке. Причиной этого, с одной стороны, являлось сокращение обучения словенскому языку с детского возраста, а с другой – в сознании того, что преобладающая часть населения требует и желает проведения богослужения на немецком языке, и за исключением отдельных случаев – все прихожане хорошо понимают немецкий язык. Летом этого года господин Андрей Штурм, один из самых богатых и влиятельных собственников прихода, передал в архиепископский ординариат обширную письменную жалобу, в которой он с горечью обвинял приходского провизора и писал, что боится полного исчезновения религиозной жизни в приходе. Жалобу уважаемый архиепископский ординариат передал провизору, чтобы он объяснил свои действия и ответил на аргументацию. Тогда провизор в большом письме объяснил свою точку зрения архиепископскому ординариату. От провизора ожидалось новое решение относительно использования обоих языков при богослужении, но оно не пришло, и провизор и позднее был озабочен тем, что его несомненно односторонний и недальновидный личный неправильный

подход не являлся удачным решением. Но, как говорят, осознание этого пришло к провизору много позднее» (перевод автора с немецкого).

Как отдельные лица боролись за права родного языка, показывает рукопись епископа Рорахера из Архива Кршского епископства, которая гласит: «Шент Томаж/Чилберг. Г-н Штурм Михаэл пришел ко мне и просил, чтобы позаботились о том, чтобы его дети Мария (2 класс) и Йозеф (1 класс) изучали Закон Божий на словенском языке. Приходского провизора он об этом просил дважды, но безрезультатно. Целовец 1.XII. 34. Рорахер. Также он просит, чтобы в Шент Томаже и особенно в его отделениях (Шент Лоренц и Шмарьета) чаще проповедовали на словенском языке» (перевод автора с немецкого). Уже 03.12.1934 г. письмо было отослано в канцелярию прихода, в нем были повторены все требования Штурма и объявлен указ епископской администрации о том, что преподавание Закона Божьего должно происходить на родном языке.

Церковная жизнь была тесно связана с обществом «Единост»: хор общества пел во время мессы и других церковных торжеств. Во многих случаях к нему присоединялись также тамбуристы. В уже упомянутой книге о тамбуристах в Каринтии Власта Локар Лавренчич и Ханци Габриел описывают общество «Единост» (С. 104 и 105). Там в конце отмечено: «Последнее выступление тамбуристы провели в начале июня 1914 г., потом, к сожалению, эта культурная отрасль угасла из-за войны». Однако после 1920 г. кружки тамбуристов вновь стали действовать, только споры с пронемецки настроенным населением у них обострились. Также и театральная деятельность словенского общества была для них как кость в горле, ведь люди ее горячо поддерживали. В приведенной книге Власты Локар Лавренчич и Ханци Габриела на стр. 153 цитируется сообщение из «Корешкега словенца» (05.05.1937. № 18. С.3), которое гласит: «Шент Томаж у Клагенфурта – Шент Томаж у Целовца. В последнее воскресенье в апреле в помещении Ссудно-сберегательного кооператива происходило общее собрание «Единости» с пением смешанного хора из Покрч, игрой целовецких тамбуристов «Бисерница» и выступлением союзного депутата. Затем были выборы. Участие в таком собрании являлось добровольным. Исходя из этого собрания, а также из представлений честного г-на Андрея Штурма можно поверить, что «Единост» понемногу снова наберет силу и превратится в крепость верности Богу, народу и государству».

Настоятель Иван Брабенец во все время своей деятельности пастыря в приходе Шент Томаж постоянно боролся за словенский язык и культуру и старался, чтобы крестьянская молодежь, которая имела обычно двухклассное образование в утраквистичной (смешанной словенско-немецкой) народной школе, получила дополнительное образование. Его стараниями сохранялся словенский дух и прежде всего живая словенская культура в общине и в приходе вплоть до того, как власть захватило националистическое террористическое правительство. Его деятельность принесла плоды и в других краях. Так, недавно госпожа Милица Меркач, урожденная

Стикер, из Целовеца рассказывала, что Валентин Лесьяк (26.11.1897 – 12.05.1945) из Брега у Рожека в молодости вместе с матерью жил в Шент Томаже. Как писал Ворниг, он был незаконным ребенком до тех пор, пока его биологический отец не признал его и не взял к себе как своего наследника. Госпожа Меркач мне рассказала, что Валентин Лесьяк, который был отчимом ее матери Людмилы Стикер¹³, всегда утверждал, что он должен быть благодарен настоятелю Брабенецу, что остался верным словенцем и что «в обществе Шент Томажа многому научился». В 1933 г. он в Рожеке создал и руководил группой тамбуристов, как в своей книге пишут на стр. 155 Локар Лавренчич и Габриел. Из документов Ссудно-сберегательного кооператива в Шент Томаже ясно, что Валентин Лесьяк сначала был его членом. Также со своими товарищами из общества он оставался в дружеских отношениях, в 1934 г. он вместе с Андреем Штурмом был свидетелем на свадьбе Катарины Штурм.

Несмотря на все трудности, словенцы оставались верными своему языку и культуре вплоть до прихода к власти национал-социалистов и фашистов. Немецкий фашизм агрессивно отвергал все культурные достижения еврейско-христианской культуры, отрицал и втоптывал в грязь ее самые заветные заповеди: «не убий» и «не укради». Только благодаря этой радикальной античеловеческой идеологии и ее победе в Австрии завершились многолетние усилия немецких националистов. Так, в 1942 г. 300 крестьянских семей из Каринтии были депортированы, а их имущество разграблено. Также и в общине Шент Томаж такая судьба выпала трем наиболее активным в культурном отношении словенским семьям. Когда в 1945 г. запуганные семьи вернулись домой, они нашли только пустые дома. Также было запугано местное население, которое обуял такой страх, что люди уже не хотели возвращаться к запрещенному словенскому языку. Когда я сама в 1970-е годы попросила крестьянина из соседней деревни, чьи отец и мать были активными членами общества «Единост», чтобы он для моих диалектических исследований сказал на магнитофон что-нибудь на своем словенском наречии, он отказал, поскольку психологически не мог этого сделать. Он боялся, что когда-нибудь может повториться то, что произошло с нашими семьями во время Второй мировой войны, когда мы были депортированы и ограблены.

Вторая Австрийская республика действовала в том же направлении, более тихо, но неукоснительно, сейчас это становится все более очевидным. В приходе Шент Томаж словенское слово более не вернулось в церковь. Заглохла деятельность общества «Единост», Ссудно-сберегательный кооператив должен был перебраться в помещение Союза задруг в Целовец. Несмотря на все это, в приходе и в бывшей общине Шент Томаж еще есть словенцы. Так, из этого края каждый год в открытую словенскую гимназию записываются новые поколения учеников, что является наилучшим доказательством того, что еще имеются сознательные словенские семьи и что жертвенная деятельность поколения начала XX в. приносит свои

плоды. Когда целовецкое отделение союзной администрации в конце 1970-х годов при поддержке тогдашнего настоятеля прихода Тименицы, который управлял и приходом Шент Томаж, хотела в церкви Шент Лоренц в рамках реставрационных работ уничтожить фреску фуранского художника Якопа Бролла¹⁴ со словенской надписью, этому воспротивились словенские прихожане, и власти должны были отказаться от своих намерений. Таким образом, фреска с надписью на словенском языке «Через три дня за мной приди» была спасена и ограждена от варварского уничтожения и до сих пор еще находится на своем месте. Газета «Наш тедник» 17 января 1980 г. (XII – №3) сообщила об этом событии на первой странице.

Мой отец Андрей Штурм погребен в Шент Лоренце, ему и его жене¹⁵ Милка Хартман посвятила стихи, которые украшают их надгробный памятник.¹⁶ Эта надпись гласит: «Из могилы зовет отец мать, // та нам хочет дать совет: // поднимите к кресту десницу, // боритесь за справедливость, // исповедуйте все правду – // богу рода идет верность // через все трудности до могилы. М.Х.»

Перевод И.В. Чуркиной

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Др. Станислава-Катарина (Катя) Штурм-Шнабль родилась в 1936 г. В 1942 г. вместе со всей семьей она была отправлена в нацистский лагерь, откуда вернулась в июле 1945 г. Окончила немецкую гуманитарную гимназию в Целовце, в Вене в рамках факультета славистики изучала как главный предмет русский и словенский языки, а как дополнительные предметы – историю искусства, а позднее – византиноведение. В качестве докторской диссертации она представила исследование о каринтийском диалекте. В 1993 г. Катя Штурм-Шнабль стала профессором Венского университета по кафедре истории словенской литературы с обзором общественно-политической роли научной словенистики и ее взаимодействия с южнославянской филологией. Большое внимание она уделяет женской литературе, прежде всего забытым словенским писательницам. Но главной темой ее исследований является славянская филология и деятельность Франа Миклошича. Все эти годы она старалась воспитать специалистов по словенистике. Среди ее дипломников и докторов: магистр Матей Кушей, магистр Мартина Пико, др. Андрей Лебен, др. Эрвин Кестлер, др. Михаел Райхмайр, магистр Уши Серайник, др. Элизабета Енко. Другая область деятельности К. Штурм-Шнабль – словенистика в Венском университете, которая сейчас согласно закону 1978 г. является самостоятельным предметом, но которая до сих пор еще не имеет постоянных профессорских и ассистентских мест. Место ассистента сейчас занимает Андрей Лебен, оно было выделено только 4 года назад. Др. К. Штурм-Шнабль является также руководителем гранта «Энциклопедия словенского языка и литературы в Каринтии от возникновения до 1938 г.», т.1, который финансирует Научно-исследовательский центр Австрии (FWF). Результаты проекта выйдут в свет на немецком языке в виде книги и в электронном виде. Таким образом, и люди, говорящие на немецком языке, узнают основные данные о словенской культуре в Каринтии. К. Штурм-Шнабль живет в Вене и Свинче васи.

² Я не нашла о ней сведений.

³ Павел Здовц в своей книге «Die slovenischen Ortsnamen in Kärnten», которая вышла в 1993 г. в Вене, для местных названий, в которых ранее писалось «Санкт» стал писать «Шент» – Шент Томаж у Целовца. Я в представленной статье тоже употребляю Шент Томаж еще и потому, что во всех просмотренных мною документах встречала исключительно название Шент Томаж.

⁴ *Feinig Tatjana*. Slovenščina v šoli. Zgodovina pouka slovenščini na Koroškem / Slovenisch in der Schule. Die Geschichte des slowenischunterrichts in Kärnten. Celovec / Klagenfurt. Strokovo pedagoško združenje in Založba Drava. 2008. В этой очень интересной книге автор на основании документов и источников доказывает, что каринтийские школьные власти отказали словенцам в праве исполнять 19 статью государственного закона от 1867 г., которая говорит о равноправии всех народов монархии, на основании того, будто они «племя без культуры и литературного языка», т.е. не народ, не словенцы. Только в 1911 г. административный суд в Вене на основании повторных прошений словенцев определил, что 19 статья закона имеет отношение и к ним. То, что провинциальная власть в Каринтии не уважала общегосударственных законов и, следовательно, государственную юрисдикцию, для Каринтии не являлось новостью.

⁵ *Wakounig Marija*. Zur Ambivalenz einer Beziehung. Die Diözese Gurk und die Kärntner Slowenen (1848-1900). V Werner Drobiesch, Reinhard Stauber in Peter Tropper (ur.) Mensch, Staat und Kirche zwischen Alpen in Adria 1848-1938. (Celovec-Ljubljana-Dunaj. Mohorjeva založba. 2007). S. 151-161 Автор в своей статье показывает взаимозависимость и взаимодействие между церковью и каринтийскими словенцами, так как словенцы, как правило, не сочувствовали либерально-антиклерикальной идеологии, которую проповедовали немцы. Поэтому церковь *volens volens* должна была принимать их как союзников.

⁶ *Lokar Lavrenčič Vlasta*. Gabriel Hanci Po sledeh tamburaštva na Koroškem. Ljubljana-Celovec-Dunaj. Kršćanska kulturna zveza in Mohorjeva založba. 2005. Биографических данных о Повередо не имеется.

⁷ *Tropper Peter*. Nationalitätenkonflikt-Kulturkampf-Heimatkrieg. Dokumente zur Situation des slowenisch Klerus in Kärnten von 1914 bis 1921. Klagenfurt-Celovec. Verlag des Kärntner Landesarchiv. 2002. Kärntner Landesarchiv. 28.

⁸ Здесь я выражаю особую благодарность за благожелательность д-ру Петру Тропперу, директору архива Кршке епархии в Целовце.

⁹ См. примечание 7.

¹⁰ См. примечание 5.

¹¹ Надпись гласила «Дай им Бог вечный мир и покой». Во время фашистского правления надпись замазали, после войны краска облезла, и надпись снова показалась. Прихожане после объявления австрийского государственного указа 1955 г. с разрешения тогдашнего настоятеля ее уничтожили.

¹² Немецкий язык, на котором написано письмо, безграмотный. Перевела автор.

¹³ Семья Стикер в честь 85-летия матери Людмилы издала книгу «Pišem na list svoje srčne občutke: Utrinki iz življenja naše mame Ljudmile Sticker. Pisma, dokumenti in fotografije, zbrane ob njeni petinosemdesetletnici. Šentpeter, 1999.

¹⁴ Якопо Бролло (19.09.1843-19.01.1918) на территории Альпы – Адриатика был известным фуранским церковным живописцем. В словенской Каринтии он в конце 1880-х гг. написал три церкви в Шент Томаже и еще церковь св. Мартина на Шкофьем дворе. Особенно интересна роспись церкви св. Мартина, где в притворе перед входом с левой и правой стороны он написал монументальные изображения св. Кирилла и св. Мефодия.

¹⁵ Зоя Штурм, урожденная Грил (08.05.1905-03.03.1978), умерла утром на следующий день после похорон мужа.

¹⁶ На всех четырех кладбищах прихода Шент Томаж можно найти словенские надгробные надписи.

Взгляды Изидора Цанкара на Советский Союз

Изидор Цанкар, историк искусства, писатель, литературный критик, политик и дипломат, хотя и не так известен, как его прославленный двоюродный брат Иван, однако в истории словенского народа он также сыграл значительную роль¹. В этой статье будут рассмотрены его представления о Советском Союзе во время Второй мировой войны, когда в переломный период перехода от королевской Югославии к социалистической он был дипломатом в Буэнос-Айресе и Оттаве, а летом 1944 г. также являлся министром югославского правительства.

Изидор Цанкар родился 22 апреля 1886 г. в Шиде (ныне Республика Сербия), он стал первым из семерых детей Андрея и Марии Цанкар, урожденной Хубер². Отец Изидора Андрей происходил из семьи портных в Врхнике. В 1878 г. он был командиром в 7-ом полку горных стрелков и принимал участие в оккупации Боснии и Герцеговины. Возвращаясь в Крайну, он задержался в Шиде, где познакомился с немкой из Срема Марией Хубер и женился на ней. У нее было большое приданое, поскольку происходила она из богатой семьи мясника, торговца и землевладельца Андрея Хубера. В Шиде Андрей, в согласии с семейной традицией, в 1885 г. открыл швейную мастерскую и магазин готовой одежды. В воспоминаниях брата Изидора Франца мы читаем, что отец стал картежником, как и его тесть, и проиграл большую часть имущества. Когда в 1893 г. он обанкротился, приходской священник в Шиде из жалости взял его на службу сторожем русинской церкви.

Изидор провел свои детские годы у сестры матери Каролины, в замужестве Хофбек. У нее он рос в лучших условиях, чем если бы остался с родителями. Он общался в кругу состоятельных семей сремских немцев, что сильно повлияло на его дальнейший стиль жизни. В тетиним доме говорили только по-немецки и по-хорватски, поэтому Изидор научился словенскому языку лишь по приезду в 1897 г. в Любляну, выбраться туда ему помогли двоюродные братья Карло и Иван. Первый год они жили вместе у хозяйки, сдававшей комнаты учащимся, затем Изидор переселился к тете Марии, вдове своего дяди из Шабаца. В январе 1898 г. он сдал приемный экзамен и поступил во II государственную гимназию в Любляне. Хотя уже во втором классе он ощущал себя словенцем, но тогда все еще называл своим родным языком хорватский; начиная с шестого класса он называл родным языком уже словенский. В четвертом классе его как отличника приняли в Алоизий и он перешел в I государственную гимназию. Восьми-

классником он был принят в Мариян³, где его взял под свое крыло влиятельный каноник, позднее прелат Андрей Калан, который оказывал большое влияние на принимавшиеся им в молодости решения и затем в течение полутора десятков лет оставался главным союзником Цанкара при его продвижении в рамках словенского католического движения.

Как писал Франц Коблар, Цанкар уже в гимназии был «сам по себе, он рано стал ощущать свое превосходство над другими и не думал о них, и не искал ничьего общества»⁴. Эти черты его характера сохранились и в зрелые годы, когда он часто принимал решения, из-за которых у него появлялись все новые и новые противники. Еще в заявлении на сдачу выпускного экзамена в 1905 г. о будущей профессии он написал: «не определился». Он решил стать священником. Двоюродный брат Карло, преподававший Закон Божий в Сараево и впоследствии ставший секретарем верхнебоснийского архиепископа Йосипа Штадлера, однако, пытался отговорить его от этого шага. Решающими стали желание тети Каролины и уговоры его защитника из Марияна Калана. Последний, по рассказам брата Франца, видел в Изидоре возможного наследника Янеза Евангелиста Крека, одного из крупнейших деятелей Словенской народной партии, которая тогда начинала свою борьбу за власть в словенском политическом пространстве. Несмотря на возражения ведущего католического идеолога др. Алеша Ушеничника, Калан направил своего питомца из Шида на стезю священника.

Как констатирует Коблар, сразу же после этого судьбоносного решения в молодом Изидоре стала проявляться «двойственность: он был человеком, склонным к искусству и стремящимся к радостям жизни, и одновременно человеком, который испытывает внутренние проблемы из-за изучения богословия и мучается беспокойством по поводу стези священника». То, что он еще тогда не бросил богословия, было заслугой Крека, быстро вовлекшего его в свой христианско-социальный круг, органом которого была газета «Наша сила» («Naša moč»). 18 июля 1907 г. он, по настоянию тети Каролины, отслужил новую мессу в Гибараце у Шида, но предварительно заручившись договоренностью, что впредь он не будет заниматься пасторскими делами и сможет целиком посвятить себя изучению истории искусств. При поддержке Калана Цанкар отправился в католический университет в бельгийском Лойвене на годичный курс эстетики, посетил также Лондон и Париж. Напоследок, в конце 1913 г., он получил диплом Венского университета по истории искусств.

Начиная с 1911 г. Цанкар обращал на себя внимание широкой общественности серией статей «В гостях» («Obiski») в журнале «Дом и мир» («Dom in svet»), в которых печатались интервью со многими известными творческими личностями, принадлежавшими к миру литературы и искусства. В том же журнале с 1913 г. он публиковал с продолжениями «поучительный роман» «С дороги» («S poti»), который считается первым словенским романом-эссэ. Именно под его редакторством «Дом и мир» в 1914–1918 гг. превратился в современный литературно-художественный журнал.

Хотя его и мобилизовали в армию на должность полкового священника, по просьбе архиепископа др. Антона Бонавентуры-Еглича он смог вернуться на место редактора. Конец Первой мировой войны он встретил редактором газеты «Словенец» («Slovenec»), главного органа Словенской народной партии.

Переломный период перехода из Габсбургской монархии в королевскую Югославию побудил и Цанкара активно включиться в политическую жизнь. Двери для него были широко открыты, и он вступил в нее бок о бок с лидером словенской политики – др. Антоном Корошецем. При этом Цанкар выказал изрядную решительность, когда дело дошло до расчетов с «про-австрийцами», которые остались верны главе провинции Крайны др. Ивану Шуштершичу. Возвращение Корошеца из Женевы, где он в ноябре 1918 г. начал переговоры с сербским премьер-министром Николой Пашичем, из-за интриг сербской дипломатии сильно затянулось. В этих обстоятельствах Цанкар (вместе с др. Янко Брейцем) стал одним из двух представителей Словенской народной партии, участвовавших в принятии Перводекабрьского акта образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС) в Белграде.

В переломный период положение Цанкара в иерархии словенского католического движения сильно укрепилось. Корошец в то время доверял ему больше всех, о чем свидетельствуют и письма, которые он посылал Цанкару из-за границы, когда вел переговоры о будущем устройстве нового государства. Желание Андрея Калана, чтобы Цанкар стал наследником умершего в 1917 г. Крека, однако, не осуществилось, поскольку главой партии стал Корошец. Но, несмотря на это, все указывало на то, что его ждет в политике многообещающее будущее. Однако Цанкар решил иначе – он ушел из политики и поступил на работу в только что открытый Люблянский университет. В 1920 г. Цанкар стал доцентом по истории западноевропейского искусства и оставался в университете вплоть до 1936 г. Когда однажды его ученик Мариян Маролт спросил его, «как он смог так сразу совсем оставить политику», Цанкар ответил, «что в политике больше нет дела или интереса, поскольку уже прошли те времена, какие были в период декларационного движения и в первые месяцы нового государства». При этом добавил: «Может снова случиться, что такие времена наступят, но еще не сейчас»⁵. Лишь события, происходившие во время Второй мировой войны, побудили Цанкара включиться в политику – когда на повестку дня вновь встали вопросы государственного устройства и словенских границ.

В 1926 г. Цанкар принял, вероятно, самое трудное решение в своей жизни: он решился на брак с Ничей Хрибар. Он был отлучен от католической церкви, в отсутствие архиепископа декрет о его отлучении должен был подписать его благодетель Калан. В отличие от либерального органа «Утро» («Jutro»), раздувавшего проблему из решения Цанкара, конкурирующий «Словенец» о его «отступничестве» помалкивал. Это молчание некоторые связывали с посредничеством Корошеца. Ясно, что даже же-

нитьба не уничтожила взаимного уважения. Об этом написал ученик Цанкара Мариян Маролт: «О себе (Цанкар) никогда не говорил, но кое-что о нем рассказывал др. Корошец, который его очень уважал. Также Цанкар отзывался о Корошеце с большим уважением и позднее, когда они уже не были политическими соратниками, а встречались как друзья». Несмотря на отход от церкви, в «лекциях и сочинениях (Цанкара) этого времени не было и тени какой-либо антицерковной направленности». В католических кругах преобладала надежда, «что Изидор Цанкар снова найдет путь к Богу». Среди католической молодежи он продолжал пользоваться большим почетом, хотя и не был политически активен.

Когда молодой интеллигент-католик Руда Юрчец в 1934 г. опубликовал статью, комментировавшую присоединение Советского Союза к «Договору об определении агрессора», где скептически высказался о благотворности возвращения Советов в международную политику, Цанкар одобрил эту статью. Юрчец прокомментировал это, написав, что для него «признание Цанкара имеет такую же ценность, как диплом Парижского университета»⁶. Несмотря на то, что ему явно нравилась трактовка Юрцецом тезиса Меттерниха «*La paix – elle n'existe pas avec une révolution*» («Мир не сосуществует с революцией»), которую молодой публицист дал в упомянутой статье о Советском Союзе, во время войны Цанкар пришел к выводу, что будущее словенского народа и Югославии на самом деле тесно связано с империей Сталина.

Королевство СХС, входившее в Малую Антанту, членами которой были также Чехословакия и Румыния, являлось составной частью союзнической системы, созданной победившей Францией после Первой мировой войны в Восточной и Юго-Восточной Европе. Кроме того, югославское государство поддерживало образцовые отношения также с традиционным британским союзником — Грецией. Отношения с другими соседями, требовавшими ревизии Версальской системы, — Италией, Венгрией и Болгарией — в годы после Первой мировой войны были если не конфликтными, то по меньшей мере холодными. Югославия вплоть до июня 1940 г. отказывалась от установления дипломатических отношений с коммунистическим правительством в России и гордилась статусом союзника Великобритании и Франции⁷.

Внешняя политика, впрочем, относилась к сфере компетенции сербских политических магнатов из династии Карагеоргиевичей. Дипломатический аппарат был в руках сербов, так же, как и командование армией. Словенские дипломаты были малочисленны и все почти, как правило, являлись выходцами из рядов «заслуженных» политиков, отличившихся в процессе формирования югославского государства. Таков был др. Отокар Рибарж, бывший депутат от Триеста в венском парламенте и член югославянской делегации на Парижской мирной конференции, который, помимо прочего, работал в Брюсселе и Тиране. За исключением Праги, где в межвоенный период сменили друг друга целых три посла словенского происхождения

(Иван Хрибар, Богумил Вошняк и Альберт Крамер), в остальных европейских столицах не было заметно широкого представительства словенцев в дипломатическом аппарате королевской Югославии. Однако, любопытно, что должность посла в Вашингтоне получил словенский юрист Леонид Питамец. Среди крупнейших дипломатов следует упомянуть еще Антона Новачана, являвшегося в годы, предшествовавшие аннексии нацистами Австрии, генеральным консулом в Целовце. Эта должность, с точки зрения словенской перспективы, была важна из-за наличия словенского меньшинства в Австрии. Благодаря сообществу словенских эмигрантов для словенцев представлял интерес также Буэнос-Айрес, где первым послом словенского происхождения был Иван Швель, бывший австро-венгерский консул в США и Канаде и один из немногих королевских дипломатов, обучившихся искусству дипломатии еще в прежнем государстве.

Влияние словенских и хорватских политиков на внешнюю политику было незначительным, особенно учитывая тот факт, что то одни, то другие по много лет находились в оппозиции. Депутаты партии Корошеца по большей части поддерживали действия югославской дипломатии, однако предлагали и иные решения некоторых проблем. Их расхождение с господствовавшей внешнеполитической стратегией двора и сербских политических верхов проявилось, например, в вопросе о сотрудничестве с коммунистической Россией. В скупщине часто выражали сожаление по поводу ухода России из «концерта» великих держав.

7 февраля 1924 г. главный секретарь Словенской народной партии Фран Куловец выразил в скупщине сожаление, что Белград не признает Советского Союза, ведь «его политическая сила в международной жизни растет и становится все более влиятельной». По мнению Куловца, югославская дипломатия не должна была «малодушно избегать связей с Россией», ей следовало бы «считаться с тем, что это славянское государство существует, и хотя оно сейчас несчастно, однако развивается и старается выйти из кровавого мятежа, в который его ввергла революция, обновленным, экономически и политически укрепившимся». Воздействие «Красного Октября» Куловец сравнил с Французской революцией: «На развалинах революционной России зародится новая жизнь, распространятся и овладеют умами новые идеи, которые окажут воздействие на социальную жизнь всего мира, так же как идеи Французской революции в более или менее чистом виде утвердились во всем мире». С такой позицией соглашался и Корошец, который во время вышеупомянутой речи Куловца высказал ряд циничных замечаний типа: «Она (Россия) пролетарская, а мы большие господа». Замечание Куловца, что Великобритания, известная своей прекрасной дипломатией, Россию уже признала, Корошец сопроводил ироничным замечанием, вызвавшим смех среди депутатов: «Наша дипломатия лучше. Г. (депутата Мирослава) Спалайковича»⁸.

Лидеры Словенской народной партии видели в России также великую державу, которая поможет создать «великую федерацию славянских наро-

дов на Балканах»⁹. В эту федерацию, которая простиралась бы «от Дравы вниз до Черного моря», следовало бы включить и Болгарию¹⁰. Куловец 7 февраля 1924 г. выступил в скупщине за создание балканского союза, аргументируя это тем, что Королевство СХС и другие балканские государства таким способом смогли бы эффективно защититься от империалистических стремлений великих держав: «Мы все время забываем о том, что нам бы нужно жить в дружбе и со славянской Болгарией. Целью нашей политики должно бы стать создание балканского союза на Балканах. Балканский союз стал бы для нас крупной силой, силой, которая бы имела право голоса в международной политической жизни. Сейчас же всякое государство на Балканах — всего лишь игрушка в руках мировых сил, одна часть этих государств присоединяется к одной великой державе, другая — к другой великой державе, а все вместе они являются просто орудием в руках империалистической политики великих держав. Если бы был создан балканский союз, на Балканах появилась бы великая держава»¹¹. Корошеч также был решительным сторонником улучшения отношений между Болгарией и Королевством СХС. Так, например, в июне 1927 г. он посетил Софию. Правда, по его собственным словам, он приехал туда как частное лицо, и его целью якобы было просто изучение болгарских условий. Однако перечень болгарских деятелей, с которыми он встретился, показывает, что целью намного более серьезная игра. То есть, он встретился с руководителями всех наиболее значительных болгарских партий, а его аудиенция у царя Бориса продолжалась целых два часа¹².

При посредничестве Корошеца 13 июля 1936 г. Цанкар был назначен полномочным министром и чрезвычайным послом Королевства СХС в Буэнос-Айресе. Он отправился туда 6 октября. В следующем году, 17 июля, он был аккредитован также послом в Бразилии. В аргентинской столице Цанкар встретил начало Второй мировой войны. Раздел Словении между многочисленными оккупаторами в 1941 г. побудил его, как это случилось и во время Первой мировой войны, активно включиться в деятельность по национальной обороне. Тем более что и лидеры Словенской народной партии, которые во главе с Михой Креком после нападения государств Оси бежали за границу, считали, что опытный и искусный дипломат может быть им очень полезен. Цанкар взял на себя эти функции, хотя критически оценивал некоторые характерные черты руководства Словенской народной партии, которой смерть Корошеца в конце 1940 г. нанесла сильный удар. В письме Алоизию Кухару 7 октября 1941 г. он написал, что партии следовало бы взять за образец политику Корошеца во время предыдущей войны и подчинить свои личные интересы национальным. В письме, написанном им 31 января 1942 г. Францу Сною, Цанкар открыто критиковал также и национальную программу, принятую партиями на родине (за исключением коммунистов), поскольку она показалась ему «состряпанной наспех и поверхностно». Этими замечаниями он ясно дал понять, что хотя и намеревается сотрудничать с руководством партии в деле обеспечения

международной поддержки, но определенно оставляет за собой право на особое мнение. 9 февраля 1942 г. югославское королевское правительство, во время войны нашедшее убежище в Лондоне, назначило его полномочным министром и чрезвычайным послом в Канаде.

В этот период Цанкар все еще отказывался от сотрудничества с коммунистами. В письме сербскому коллеге Саве Косановичу от 26 августа 1942 г. он поддержал позицию эмигрантского правительства в Лондоне по отношению к главнокомандующему королевской армии на родине Драже Михайловичу. Заодно он осудил отношение коммунистов к «национальной армии» на родине, где властвуют «страшная вражда и смертельная борьба». К письму он приложил воззвание Михайловича, в котором последний «занял правильную позицию», и читать его слова будто бы было истинное «наслаждение». Летом 1942 г. Цанкар еще явно не сомневался в том, «какую позицию мы должны занять по отношению к партизанской кампании»¹³.

Вопреки изначально антикоммунистическим взглядам, Цанкар сомневался в разумности искажения новостей с родины в случаях, когда информационное бюро в Нью-Йорке в сообщениях о «партизанах и добровольцах» переименовало первых в «четников». Цанкару такие методы претили: «Этот метод кажется мне непорядочным и нецелесообразным; партизаны объявят нас лжецами. ... Необходимо открыто признать, что мы за рубежом хорошо знаем, что дома борются три группы: четники, добровольцы и партизаны. У них разные мотивы и цели, которые можно уточнить. Поскольку мы недостаточно осведомлены о происходящем на родине, не следует нападать на партизанских бойцов, четникам же и добровольцам нужно предоставить поддержку и вдохновить их. Конечно, не знаю, удастся ли их «вдохновить», когда уже сейчас никто не знает, за какую родину идет борьба, и правительство так упорно не желает сказать свое веское слово, хотя вся страна этого требует. Если бы оно его сказало, надеюсь, дома вокруг него сплотились бы все силы, не являющиеся гитлеровскими и коммунистическими, и последовали бы его указаниям, и коммунисты были бы предоставлены самим себе. Они действовали бы на свой страх и риск, если не подчинятся, а правительство не присваивало бы себе заслуг их героизма, а было бы свободно по отношению к ним, в то время как сейчас не успевает уследить за их самовольными действиями»¹⁴. Вообще же сообщения Михайловича о жертвах среди сербов казались Цанкару преувеличенными: «Разумные люди не поверят, что приведенные Михайловичем сведения верны, поскольку 600.000 убитых — это слишком крупное и требующее длительного времени дело; Гитлер никогда не признавал, что у него было столько погибших на русском фронте»¹⁵.

Косанович при поддержке Цанкара поднял перед министрами в Лондоне вопрос о сотрудничестве с Советским Союзом. 2 октября 1942 г. он послал премьер-министру Слободану Йовановичу резкую телеграмму, в которой обвинил посла в Москве Стано Симича в том, что тот в разгово-

ре с американским коллегой высказался против открытия Второго фронта в Европе. По мнению Симича, было бы выгодно как можно больше ослабить Советы и подождать нападения на них японцев. Косанович потребовал от председателя правительства дать немедленное официальное опровержение «настолько опасной и абсурдной интерпретации нашей позиции и наших интересов»¹⁶.

Цанкар, шифровавший телеграмму, был скептически настроен относительно результатов подобных ходатайств. Точно так же он предвидел, что коллеги в министерстве иностранных дел осудят его за интриги против сослуживца. Но все равно он решительно поддержал Косановича: «Поскольку я достаточно большой трус, чтобы бояться, что Вы сочтете меня трусом, я сразу же зашифровал и послал текст. Если Ваша информация точна, позиция нашего посла в Москве, неумная сама по себе, очень вредит нам. ... Москва сейчас для нас важнее Лондона или Вашингтона, все же если и после протеста члена правительства наши отношения с Советами будут и дальше ухудшаться, также будет дальше ухудшаться и наше будущее. Для меня слабым утешением является сознание того, что я спас свою душу, однако ныне, очевидно, всем нам ничего другого и не остается»¹⁷.

Хотя в то время на правительственных заседаниях велось много дискуссий о Советском Союзе, отношение большинства министров к его роли оставалось настороженным. При этом особенно раздражал тот факт, что Советский Союз не признавал армию Михайловича армией сопротивления, а поддерживал только партизан под командованием Иосипа Броза Тито¹⁸. Крек, судя по его письмам Цанкару, разделял настороженное отношение большинства сербских коллег: «Вероятно, Советы будут наиболее решительными противниками итальянцев и станут защищать любое расширение Югославии в ущерб итальянцам. С другой стороны, англосаксы будут сильно опасаться, как бы Советский Союз прямо или посредством югославян не обосновался на Средиземном море, и можно опасаться, что они даже поддержат итальянцев, лишь бы не допустить чрезмерного роста мощи Советов в Средиземноморье. Таким образом, все союзники, вместо того, чтобы единодушно защищать наши интересы, начали бы торговать нашим народом»¹⁹.

Цанкар смотрел на сотрудничество с Советским Союзом более прагматично, чем его югославские коллеги-дипломаты. В особенности потому, что как раз в октябре 1942 г. Канада и Советский Союз обменялись послами²⁰. В Оттаву отправился Федор Гусев, которого Цанкар в письме Косановичу описал с изрядной долей иронии: «Наверняка Вам известно, что сюда прибыл первый советский посол. Меня он посетил в черном пальто и полосатых брюках. Тут на него смотрят как на какое-то чудовище, а в Доме правительства очень удивлены, что он не похож на каннибала, а скромный, умный и симпатичный человек. Жена посла точно так же поражена, что принцесса Алиса не людоедка, а «очень добрая» и простиая, этому она не перестает изумляться. Она говорит, что английский язык очень труден, по-

сколько на нем пишут латиницей, оба они не говорят ни на каком языке, кроме русского»²¹.

Гусева позже переместили в Лондон. После года встреч с ним на дипломатических приемах Цанкар в письме послу Боголюбу Евтичу описал своего советского коллегу намного критичнее: «Это довольно молодой человек, едва за 40, очень симпатичный, среднего роста, худой, с типично русским лицом, у него медленные движения и речь, крайне молчалив и осторожен, поэтому никто здесь не смог составить мнение о его уме. Кажется, что он плохо знаком с правилами поведения в обществе, во всяком случае здесь он часто не соблюдал их, что вызвало много сатирических комментариев. Он устраивал невероятно богатые приемы и вечера в известном «русском стиле», что вызывало удивление в местном обществе. Он говорит только по-русски, по-английски лишь настолько, насколько научился тут, поэтому его всегда сопровождал первый секретарь в качестве переводчика; многие в Оттаве думают, что этот переводчик являлся лишь атрибутом обычной советской дипломатической организации, но я убежден, что это необоснованно, поскольку он ему действительно был нужен».

Очевидно, Гусев владел не только искусством дипломатии, так как канадские коллеги рассказывали Цанкару, что он из школы ГПУ, советской тайной службы, переименованного в 1934 г. в НКВД. Гусев якобы был лучшим на своем курсе, поэтому его направили на дипломатическую службу, хотя до отъезда в Канаду он никогда не выезжал со своей родины. Ни с кем из дипломатов он не хотел говорить о политике. Когда Цанкар как-то спросил его, что он думает о Тито и Михайловиче, советский коллега за полчаса беседы не смог сказать ничего, кроме того, что правительства должны действовать «так, как хочет народ». Поскольку он «безусловно был человеком, который говорит и делает только то, что ему велят», вероятно, он особенно подходил Сталину, поэтому его послали в Лондон именно тогда, когда отношения между британцами и Советами обострились. Цанкар его перемещение прокомментировал словами, что теперь в посольстве больше не будет авторитарного Ивана Михайловича Майского, а будет сидеть там сам «Сталин лично, хотя и очень достойный Сталин»²².

Большой интерес Цанкара к советской дипломатии являлся также следствием его стараний, чтобы приморские словенцы, которые со времен Лондонского пакта 1915 г. были отданы на милость и немилость Италии, смогли после войны присоединиться к новой Югославии. При этом ключевую роль играл триестский порт. Наиболее подробно Цанкар написал об этом в письме Сноу от 23 августа 1943 г. В нем он так прокомментировал брошюру о триестском вопросе, принадлежавшую перу влиятельного члена Словенской народной партии Франца Габровшека: «Габровшек в своей брошюре доказал не то, что Триест словенский, а то, что следует снова создать Габсбургскую монархию, чтобы Триест не захирел. В наших руках Триест был бы огромным политическим и экономическим гандикапом, пусть это и звучит так малодушно. Италия о нем не забыла, и Германия,

когда снова вступит в силу, опять будет рваться к нему. Триест в наших руках представляет угрозу не только для своей собственной экономической жизни, но и для существования словенской нации в целом. Мы должны держаться за него, если станем частью великой силы, например, Советской унии или Британской империи, а из этих двух возможностей более реальной в будущем кажется первая».

Цанкар критически воспринимал упрощенные представления о значении Триеста для словенского экономического развития. «Недавно один словенец так обрисовал мне будущее словенского Триеста: Средняя Европа будет ввозить в него и вывозить из него барки и товары, а мы будем сидеть в порту и считать деньги. Но это слишком примитивные расчеты. Словения настолько бедная страна – коммунисты удивятся, если начнут проводить в ней коллективизацию, как мало у них будет работы, – что без капитала, большей предприимчивости и широкого экономического кругозора она не сможет содержать такой большой порт. Для того, чтобы осуществить хотя бы самое важное, она будет вынуждена привлекать в Триест иностранный капитал, и вы хорошо понимаете, что это значит. Иностранный капитал высасывает все, до чего доберется, внешне он подчиняется национальным законам, в то же время разъедавая всю национальную жизнь. Как бы мне этого ни хотелось, но я не могу представить эту картину более светлой в надежде на долгий период мира и таких устойчивых международных отношений, что югославянский Триест был бы в безопасности именно благодаря этой международной стабильности. Также и будущий союз наций, каким бы он ни был, в свое время износится, и опять вступят в действие элементарные законы международной жизни: ты должен иметь силы защищать то, что имеешь, либо самостоятельно, либо в добром союзе с другими»²³.

Как и Цанкар, его словенский коллега-дипломат в посольстве Королевства Югославии советник Владимир Рибарж решительно делал ставку на советскую карту. Поэтому в письмах Цанкару он выражал удивление по поводу настороженного отношения правительства, которое тогда возглавлял Божидар Пурич, к великой славянской державе: «Почему наши не хотят никаких тесных связей с Россией, разве они не видят знамения времени? Неужели им действительно требуется, чтобы ген[ерал] Вильсон предупреждал и критиковал определенные элементы, полагающие, что можно властвовать с помощью реакции? Но однажды мы должны понять, что на подступе новая демократия, если же нет, то всех нас захватит левая диктатура. Впрочем, этого не втолкуешь нашим господам, которые сейчас борются, чтобы удержать уже имеющиеся важнейшие посты, а если им этого не удастся – пусть все идет к черту!»²⁴. Рибарж был очень искренен, обосновывая связь словенских национальных требований с союзом с Россией: «Я верю только в Россию, поскольку верю, что она хочет Югославию, не только для нас, но и прежде всего для себя, и поскольку я верю, что пришла эра славянства. Только русские хотят дать нам Приморье и Триест, ведь

и им будет проще занять его, если он будет в славянской стране, а не останется у иностранца»²⁵.

Министры иностранных дел Великобритании, Советского Союза и США на заседании в Москве во второй половине октября 1943 г. приняли решение обновить Австрию. Когда в октябре Габровшек посетил Цанкара в Оттаве, тот смог лишь снова высказать ему свой скепсис относительно возможности присоединения Триеста и Целовца к послевоенному югославскому государству²⁶. Правда, в отношении Каринтии Цанкар не выдвигал максималистских требований. Однако австрийско-югославская граница, определенная на плебисците 1920 г., все равно казалась ему несправедливой, о чем он написал в одном из писем Сноу: «Относительно Каринтии я точно так же придерживаюсь мнения, что нам не следует стремиться занять слишком много немцев, поскольку мирное сосуществование с нынешним поколением немцев невозможно, ведь мы не можем ни поубивать, ни расселить их, если их чересчур много. Поэтому следует с мужеством, присущим трезвому уму, отвергать требования тех мечтателей дома, которые хотят получить всю Каринтию или надеются, что словенизируют Целовец. Не нужно великодушно принимать границу по Драве, что был готов сделать Янез Е. Крек, когда в начале этого столетия впервые конкретизировал мечту о Югославии, говоря, что при таком грандиозном проекте не имеет значения, будет ли словенцев на 100 000 меньше или больше, но нам нельзя возвращаться в своих требованиях к плебисцитной зоне А»²⁷.

Хотя в министерстве иностранных дел Канады считали, что поддержка союзниками обновления Австрии могла бы укрепить также югославянскую государственную идею, Цанкар был значительно осторожнее в своих оценках: «Мне, напротив, кажется, что сейчас стоило бы только захотеть, и Югославия распалась бы. Если бы хорваты и словенцы поддержали взрывоопасную идею американских сербов, мы могли бы присоединиться к Австрии как федеративные единицы; но это нам никак не подходит: свои земли в Приморье и Каринтии нам проще получить, будучи югославянами; наши экономисты видят для нас больше перспектив на экономически неразвитых Балканах. Мы в партнерстве с австрийцами и венграми политически и экономически вскоре снова станем зависимыми бедняками; поэтому чехи противятся такому политическому образованию; природой нам определено место среди балканских славян. Однако при обновлении Австрии вновь встает вопрос о Триесте, который будет нужен Австрии, если она освободится от Германии, равно как и Чехии, и Венгрии. Это мне кажется еще одним основанием для того, чтобы мы подготовили проект статуса для Триеста, который удовлетворит также наших будущих соседей, с которыми мы непременно должны будем стараться жить в дружеском и экономическом сотрудничестве»²⁸.

Опасения Цанкара касательно возможного влияния московского решения об обновлении Австрии на щекотливые отношения между сербами, хорватами и словенцами разделял в то время и сербский политик в лондон-

ской эмиграции Милан Грол. Последний даже заподозрил, что британцы договорились с Советами о разделении сфер интересов на территории Югославии. Гролу казалось «чудовищным», если бы в этом случае сербам пришлось вернуться к 1914 г., а словенцам и хорватам войти в новую Австро-Венгрию²⁹.

Несмотря на то, что и Цанкар не исключал подобного сценария, в укреплении союзнических отношений между тремя великими державами на Московской конференции он видел больше позитивных, чем негативных результатов. В уже упоминавшемся письме Габровшеку, который явно был настроен более пессимистически, он так кратко сформулировал свою точку зрения по поводу договоренностей между тремя мировыми державами, касающихся Балкан: «Не знаю, почему Вы так пессимистично оцениваете Московскую конференцию, которая на самом деле была очень успешной. Для всего мира важно, что американцы и англичане вернулись, убежденные, что лояльное сотрудничество с Москвой возможно, а для нас, я думаю, особенно важны две вещи. [Советский министр иностранных дел] Молотов сделал там заявление, что Советы не имеют особых интересов (not concerned) на Балканах, – и то, что он действительно так считает, может быть, подтверждает вчерашняя бомбардировка Софии, – и Австрия снова должна стать независимой. Что касается первого, мы можем принять, что Молотов говорил правду, что Советы не намерены предпринимать попыток провести большевизацию Балкан; потому что если у них есть такие намерения, их, скорее всего, никто не сможет остановить, однако одновременно им пришлось бы начать подготовку к новой мировой войне, которой они, конечно, не хотят. Если всеобщая революция действительно больше не выгодна русским, в чем убеждена британская дипломатия после Московской конференции, что из этого следует относительно Югославии? Английские официальные круги не скрывают, что представляют себе будущее Балкан как кратковременную оккупацию войсками союзников, проведение во время нее свободных выборов и затем новый строй, с королем или без него, с федерацией или без нее, как «народ захочет». Если это случится, коммунисты будут выдвигать свои кандидатуры, но не получат большинства, и потом мы пойдем нормальным путем. Однако, если бы коммунисты получили большинство, советизация Балкан могла бы произойти только в советизированной Европе. В данном случае эта сила будет мощнее, чем воля словенцев, народ будет строить свою жизнь на новых основах и жить дальше, чтобы в нужное время снова перестроиться по необходимости. Не надо сожалеть ни о чем, что жизнь больше не приемлет, ни о людях, ни об их учреждениях ... Может быть, сейчас настало время, чтобы также и Болгария присоединилась к Югославии как федеративная часть, и таким образом сформировалась бы центральная сила на Балканах, которая стала бы ядром более крупного союза, однако об этом говорить еще преждевременно; этот союз зависит прежде всего от сербов и болгар. Во всяком случае, сейчас есть Югославия, и она должна

в области внешней политики как можно больше опираться на Россию. Нам совершенно необходимо опереться на великую державу, поскольку Англия, Америка и будущая Франция географически и духовно находятся слишком далеко от нас, чтобы действительно оказать нам помощь против Германии и Италии, и поскольку у нас имеются территориальные требования, осуществления которых мы не достигнем без мощной поддержки одного из великих союзников»³⁰.

Очевидно, и Цанкар почувствовал, что пришло время исполнения старых стремлений покойных лидеров Антона Корошеца и Франа Куловца объединить Югославию и Болгарию в балканскую федерацию. И подобно тому, как лидеры Словенской народной партии еще в 20-е годы XX столетия оценивали, что такую федерацию можно образовать только при поддержке России, Цанкар считал, что опора на Советы – в словенских национальных интересах. Накануне второго заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в Яйце, которое 29 ноября 1943 г. лишило эмигрантское правительство права представлять югославские народы, а королю запретило возвращение на родину³¹, Цанкар считал отношения с Советским Союзом главным приоритетом словенской политики.

25 ноября 1943 г. Цанкара посетил британский верховный комиссар Малколм Макдоналд и ознакомил его с последней точкой зрения официального Лондона. Он довел до его сведения, что Великобритания желает «дружбы с Россией за любую цену, только не в ущерб непосредственной британской безопасности и непосредственных британских интересов, потому что она считает, что лишь таким способом возможно предотвратить серию революций в Европе и новую мировую войну». Впрочем, британцы были «убеждены, что такая дружба возможна, потому что они верят, что России потребуется 50 лет, чтобы внутренне укрепиться и восстановиться, но не исключают возможности, что Советы станут поддерживать локальные коммунистические режимы в Европе, если им хватит сил совмещать это с восстановительной работой на родине». На Балканах британцы будто бы намеревались восстановить «прежние государства», а о позиции русских они якобы еще не знали. Великобритания после войны должна была бы выступать за то, «чтобы в каждой стране осуществилась воля народа, даже если бы он определился за коммунизм», но такой исход будто бы невероятен, если «выборы будут действительно свободными». Именно поэтому британцы якобы были «полны решимости предотвратить после оккупации коммунистическое насилие, обманы и искажение воли народа, чего многие опасаются». Но только, по возможности, «чтобы политически не разойтись с Россией». В отличие от Крека, который считал, что Россия должна оставить Балканы англичанам, Цанкар узнал от верховного комиссара, что сами они «признают приоритет российских интересов на Балканах»³².

У Цанкара было другое мнение о партизанах, что он и подчеркнул в письме Креку от 3 января 1944 г. В этом письме он даже упомянул о сво-

ей возможной отставке: «Пурич совершенно невозможен, и если останется он, во что, опираясь на сообщения английских кругов, я не верю, думаю, что не смогу остаться я. Он яростно нападает на большинство в своей стране, британцев обвиняет в том, что они сумасшедшие и предатели Югославии – все это дословно, пинает Россию и презирует мнение Америки. Он полностью положился на Михайловича и с этим ненадежным оружием хочет бороться против сербских партизан, хорватов, словенцев и против всех великих держав, воюющих с Германией. Разве такое можно понять?» Тогда Цанкар еще надеялся, что хотя бы монарх осознает серьезность положения: «В новомодном поздравлении я пожелал королю всего, что осуждает Пурич: дружбы со всеми великими державами, договора с партизанами, что является единственным способом возвращения династии (которую я считаю нужной). Все хотят Югославию: партизаны, Россия, Англия, Америка, и все признают короля. А кто не хочет Югославии, кто уничтожает короля?» Цанкар призвал Крека полностью отказаться от поддержки домобранцев на родине: «Прежде всего необходима дружба с Россией. Без ее непосредственной помощи мы не сможем осуществить своих национальных чаяний. В этом смысле Белая гвардия в Словении является трагическим бременем нашей национальной политики. Я по-прежнему считаю, что Вам следовало бы открыто отказать этим бесплатным жандармам – прежде итальянским, сейчас немецким, и нужно обойтись без дружбы многих преданных, но непростительно близоруких и ограниченных людей. По всему этому Вы видите, какова для меня вероятность получить место в правительстве. Либо новая внешняя и внутренняя политика, либо пусть кто-нибудь другой пускает миру пыль в глаза, что словенцы соучаствуют в руководстве государством»³³.

Упорную поддержку королем Петром II и кругом его доверенных лиц четнического движения Михайловича Цанкар воспринимал критически, так как оценил, что союзники больше поддерживают Тито. Так что в феврале 1944 г. он заявил королю, что слагает с себя обязанности посла в связи с несогласием с политикой председателя правительства Пурича. В марте он получил приказ короля об отставке. Предложение канадского премьер-министра Вильяма Лайона Макензи Кинга принять канадское гражданство, что обеспечило бы ему должность посла в Европе или в США, Цанкар отклонил. Причины своей отставки он разъяснил премьеру в письме. Главной из них он назвал ухудшение отношений правительства Пурича с союзниками, особенно с Советским Союзом. В то время как Симович по радио передал призыв югославам присоединиться к партизанам, Пурич настаивал на поддержке Михайловича. И когда наконец еще и Черчилль в своей речи в парламенте 22 февраля 1944 г. изложил свое видение ситуации в Югославии, Цанкар принял решение об отставке³⁴. Макензи Кинг в ответном письме выразил сожаление по поводу отставки посла, но в то же время подчеркнул, что понимает его мотивы, и выразил надежду на то, что несчастиям, выпавшим на долю Югославии, скоро придет конец³⁵.

Более подробно мотивы своей отставки Цанкар описал в письме бывшему коллеге в посольстве в Буэнос-Айресе Виктору Кьюдру: «Наша внешняя политика находится в остром конфликте с Россией, в полном противоречии с Британией – первый раз я подал в отставку после речи Черчилля, в которой он осудил Михайловича, – и в постоянной вражде с Америкой. Думаю, что при такой политике мы наверняка проиграем войну, т.е. потеряем все то, из-за чего эта война имела для нас смысл. Мне кажется несомненным, что наши национальные права осуществляются в Приморье только с помощью России и что наверняка невозможно успешно сопротивляться воле русских, особенно если против нас еще и Британия, которая ради мира в Средиземноморье всегда будет стараться не испортить своих отношений с Италией. Для Пурича, который является неумным, пустым и напыщенным человеком, конечно, это не причина, чтобы искать дружбы с Россией; для него и его клики направление нашей внешней политики решают наши внутривластные отношения. Внутривластная программа этого правительства – сразу после освобождения Балкан занять армией Михайловича то, что считается в Югославии сербским, а это, помимо Боснии, Герцеговины и южной Далмации, также Хорватия до Шишака, а уже после этого разговаривать с хорватами; какой бы потом стала эта федерация, все равно, они были бы готовы дать хорватам «carte blanche». Эта программа возникла после того, как стало ясно, что невозможно создать независимую великую Сербию, поскольку, помимо народа на родине, Югославию хочет и весь международный мир. Я думал, что не должен стать орудием в руках таких махинаторов, в особенности потому, что никому на родине я не смог бы растолковать, что остался на службе не из финансовых соображений, а по каким-либо другим причинам. Прежде чем уйти в отставку, я, конечно, посоветовался со всеми нашими зарубежными друзьями и действовал согласно договоренности с ними. Я уверен, что будущее также докажет мою правоту, хотя в настоящий момент, разумеется, довольно тяжело переносить все, что творится слева и справа»³⁶.

После заключения договора между маршалом Тито и хорватским баном Иваном Шубашичем на Висе в новое правительство предложили войти и Цанкару. 7 июля 1944 г. он был назначен министром просвещения, почты и телеграфа в королевском правительстве под председательством Шубашича, и в том же месяце переехал из Оттавы в Лондон. 18 августа 1944 г. Цанкар встретился на Висе с Тито, который убедил его в том, что ни он, ни русские не хотят ввести в Югославию коммунизм. Самонадеянное выступление Тито произвело на Цанкара большое впечатление и усилило его сомнения в том, имеет ли смысл оставаться в правительстве Шубашича. Впрочем, на следующий день Тито предложил ему в нем остаться, но под конец предложил ему продолжить дипломатическую карьеру. Под впечатлением разговора с Тито Цанкар послал письмо люблянскому епископу Григорию Рожману, призывая его с помощью своего авторитета добиться включения домобранских отрядов в партизанские. За такой шаг он выска-

зался и в заявлении, которое подал как «бывший член руководства Словенской народной партии», ответственный за газету «Словенский обозреватель» («Slovenski poročevalec») ³⁷.

29 сентября 1944 г. Цанкар осуществил свое намерение, о котором сообщил еще Тито на Висе, и ушел с поста министра. В письме Шубашичу в качестве причины он назвал известие агентства «Рейтер», что Красная Армия получила разрешение АВНОЮ на временное вступление в Югославию под условием, что управление земель будет передано АВНОЮ. Впрочем, Цанкар высказал убеждение, что югославский народ без сомнения будет приветствовать приход Красной Армии «как братской русской армии». Однако с правительством Шубашича не проконсультировались и даже не уведомили его о предполагаемом шаге Советов, «который означает исторический поворот в нашей национальной жизни». Своим уходом Цанкар хотел обратить внимание на необходимость «полного согласия со всеми великими союзниками», для чего было бы нужно сформировать в духе договоренности между Шубашичем и Тито новое правительство, «с которым Советский Союз мог бы гармонично сотрудничать» ³⁸.

Кухар в письме Сною 11 октября 1944 г. защищал позицию Цанкара: «Изидор же придерживается мнения, опирающегося, как он говорит, на веские основания, – что словенские национальные стремления в Приморье и Каринтии невозможно будет реализовать без помощи русских. Обе другие великие державы этого намерения не имеют. Только Россия может этого добиться. А то, что Россия собирается этого добиться, доказывают весьма определенные заявления Тито. ... То есть Ц[анкар] стопроцентно поставил на русскую карту. Если уж так, то лучше идти до конца, чем смалодушничать. Ц[анкар] хотел таким образом предоставить Ш[убашичу] благоприятную возможность пойти к западным союзникам и обратить их внимание на имеющиеся у него проблемы, и что может случиться, что весь наш народ повернется к русским уже просто из-за того, что ему не останется других способов осуществить свои национальные чаяния, что для нас, словенцев, действительно является вопросом, от которого зависит выживание нашей нации». Отставка Цанкара имела также внутривнутриполитическую подоплеку. Поскольку он понял, что «в действительности не представляет никакой политической группы», то хлопотал о том, чтобы Словенская народная партия все же ввела в правительство кого-нибудь из тех, кто во время войны остался на родине. Сной поддерживал такую точку зрения: «Таким образом, хотя бы какую-то часть нашей группы можно было бы спасти для новой эпохи. Возможно, «группа» – неверное слово. Лучше было бы сказать – кого-то из консерв[ативных] элементов» ³⁹.

Из-за ухода в отставку Цанкар навлек на себя массу критики со стороны печати словенского контрреволюционного лагеря. Помимо прочего, его называли «первой крысой», которая «уже сбежала с лондонской барки Тито», ведь «аристократическому ценителю красоты и других благ старого строя» явно «не хочется ехать с Шубашичем в Белград». А именно там ему пришлось бы лицом к лицу столкнуться с результатами коммунистическо-

го режима, который представлен «разочарованными мстителями и пистолетами ГПУ». Ему и его единомышленникам, которые отреклись от официального направления партии, «коммунизм понравился бы только в том случае, если они могли бы наслаждаться им на расстоянии в несколько тысяч километров и в прежней буржуйской роскоши»⁴⁰.

Но эта критика, конечно, не могла помешать Цанкару снова вернуться в дипломатию новой Югославии. 11 мая 1945 г. он был назначен полномочным министром и чрезвычайным послом в Афинах. После того, как он разошелся с руководством Словенской народной партии в эмиграции, он нашел союзников в кругу Эдварда Коцбека. Вместе с ним Цанкар поставил перед собой задачу «принять общественные, экономические и политические основы нового строя и в рамках этого строя постараться привить ценности, которых ему не хватает». Но вскоре он осознал, что его ценности несовместимы с «новым строем». В разговоре с Коцбеком 4 декабря 1946 г. он пришел к следующему заключению: «Чем больше опыта я приобретаю, тем лучше осознаю, что коммунизм не является новой человеческой религией. В нем нет тех величественных религиозных черт, какие после христианства привнес и имел ислам. Я в самом деле не вижу психологических, духовных различий между нацизмом и коммунизмом. Оба ведут к дегенерации человека, обесценивают его личность, наполняют демонизмом, осуждают на темные страсти, вражду. Окончательное разложение разума»⁴¹. Через три месяца после этого разговора Цанкара отправили на пенсию. Триест, который, как он надеялся, Югославия получит с помощью советской дипломатии, остался итальянским.

Перевод Л.А. Кирилиной

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В последнее время заметно вырос интерес к жизни и работе Изидора Цанкара, о чем свидетельствуют прежде всего две монографии: *Rahten Andrej. Izidor Cankar – diplomat dveh Jugoslavij. Ljubljana-Mengeš, 2009; Dimitrov Ljudmil in Malinova-Dimitrova Ljudmila. Bagrjana in Slovenija. Ob dvajsetletnici smrti Elisavete Bagrjane in dvajsetletnici slovenske neodvisnosti. Ljubljana, 2011*. Общие биографические сведения, приведенные в данной статье, основываются главным образом на упомянутых трудах.

² О происхождении семьи Изидора подробнее см.: *Cankar Franc. Žlahta. Družinska kronika. Maribor, 1971*.

³ Алоизий (Collegium Aloisianum) и Мариян (Collegium Marianum) – католические учебные заведения

⁴ Cankar Izidor. *Leposlovje – eseji – kritika*. Изд. France Koblar, I-II. Ljubljana, 1968–1969. Ту I, 318.

⁵ Zbirka člankov Marijana Marolta. Arhiv Simona Lukman.

⁶ *Jurčec Ruda. Skozi luči in sence (1914–1958)*. I-III. Buenos Aires, 1964–1969. Ту II. S. 452–453.

⁷ Подробно о югославской внешней политике см.: *Krizman Bogdan. Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941*. Zagreb, 1975.

⁸ *Stenografske beleške Narodne skupštine Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca [dalje: SBNSKSHS]. Redni sklic 1923–1924. XXV. Redni sastanak (7.2.1924)*. S. 558–559.

- ⁹ SBNSKSHS. Redni sklic 1923–1924. XII. Redni sestanek (15.12.1923). S. 228.
- ¹⁰ SBNSKSHS. Izredni sklic 1923. XIV. Redni sestanek (18.6.1923). S. 625.
- ¹¹ SBNSKSHS. Redni sklic 1923–1924. XXV. Redni sestanek (7.2.1924). S. 558.
- ¹² Slovenec, 18.6., 19.6., 23.6.1927 г.
- ¹³ Письмо Цанкара Косановичу 26.8.1942 г. // Arhiv Republike Slovenije. Sektor za varstvo arhivskega gradiva II. svetovne vojne. Osebna zbirka Izidorja Cankarja [dalje: ARS, OZIC]. Fascikel 6.
- ¹⁴ Письмо Цанкара Креку 6.8.1942 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ¹⁵ Письмо Цанкара Сною, 31.8.1942 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ¹⁶ *Krizman Bogdan*. Jugoslavenske vlade u izbeglištvu 1941–1943. Dokumenti. Изд. Krizman Bogdan. Zagreb, 1981. S. 410.
- ¹⁷ Письмо Цанкара Косановичу 5.11.1942 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ¹⁸ *Grol Milan*. Londonski dnevnik 1941–1945. Beograd, 1990. S. 199.
- ¹⁹ Письмо Крека Цанкару 24.8.1942 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁰ *Black Joseph Laurence*. Canada in the Soviet Mirror. Ideology and Perception in Soviet Foreign Affairs, 1917–1991. Carleton, 1991. S. 132.
- ²¹ Письмо Цанкара Косановичу 5.11.1942 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²² Письмо Цанкара Евтичу 5.10.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²³ Письмо Цанкара Сною 23.8.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁴ Письмо Рибаржа Цанкару 9.11.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁵ Письмо Рибаржа Цанкару 23.2.1944 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁶ *Gabrovškov dnevnik* – Msgr. Gabrovšeks Diary 1941–1945. Изд. Janez Arnež. Ljubljana-Washington, 1997. S. 50.
- ²⁷ Письмо Цанкара Сною 23.8.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁸ Письмо Цанкара Габровшеку 15.11.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ²⁹ *Grol M.* Op. cit. S. 491.
- ³⁰ Письмо Цанкара Габровшеку 15.11.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ³¹ *Petranović Branko*. Jugoslavenske vlade u izbeglištvu 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1981. S. 22.
- ³² Письмо Цанкара Габровшеку 26.11.1943 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ³³ Письмо Цанкара Креку 3.1.1944 г. // Arhiv Studia Slovenica. Fond SS1. Zbirka gradiva politikov Slovenske ljudske stranke. Škatla 51.
- ³⁴ Письмо Цанкара Макензи Кингу 6.3.1944 г. // National Archives Canada. William Lyon Mackenzie King Fonds. Reference Number MG 26 J1. Vol. 336.
- ³⁵ Письмо Макензи Кинга Цанкару 7.3.1944 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ³⁶ Письмо Цанкара Кьюдру 30.4.1944 г. // ARS, OZIC. Fascikel 6.
- ³⁷ *Cankar Izidor*. Londonski dnevnik 1944–1945. Изд. Gostiša Lojze. Ljubljana, 1985. S. 71–73.
- ³⁸ Цанкар – Шубашичу. Заявление об отставке 29.9.1944 г. // Arhiv Studia Slovenica. Fond ASS1. Zbirka Alojzija Kuharja [dalje: ASS1, ZAK]. Škatla 16.
- ³⁹ Письмо Кухара Сною 11.10.1944 г. // ASS1, ZAK. Škatla 16.
- ⁴⁰ *Rahten Andrej*. Izidor Cankar. // Nova slovenska biografija. Ljubljana, 2009. S. 51–60. Tu 59.
- ⁴¹ *Kocbek Edvard*. Dnevnik 1946. I–II. Изд. Pavček Tone, Zlobec Jaša L. Ljubljana, 1991. II. S. 173.

Россия на Адриатике. Славянская взаимность, восприятие России и деятельность русского кружка в Триесте перед Первой мировой войной

Побережье верхней Адриатики – это территория, где «славянство», по крайней мере в южной части Европы, больше всего приблизилось к Западу. Здесь жили преимущественно словенцы и хорваты, которые, несмотря на отсутствие своих национальных государств и существование бок о бок с другими народами (прежде всего итальянцами, имевшими здесь политическую монополию), в XIX в. начинают играть более существенную роль сначала в сфере культуры, а затем в экономическом и отчасти политическом отношении.

Катализатором этого процесса в регионе стал стремительно развивавшийся с первой половины XVIII в. город Триест. В 1717 г. Карл VI разрешил свободное судоходство по Адриатическому морю, что усилило роль Светлейшей Республики Венеция и по-новому расставило силы. Габсбургская монархия видела себя в качестве государства, играющего важную роль на экономической международной арене, и выбрала Триест как город, где она могла осуществлять мировую торговлю. Поэтому в 1719 г. Карл VI объявил Триест, а также Риеку свободными портами. Благодаря экономическому развитию Триест в последующие 10 лет превратился в важный центр Габсбургской империи¹. Триестский порт стал для города источником развития и благополучия, несмотря на многочисленные противоречия, вызванные нежеланием Вены мириться с возрастающим значением Триеста. Карл Людвиг фон Брюк, который на протяжении 10 лет был министром торговли при баховском абсолютизме, а затем стал министром финансов (1854–1860), благодаря своим идеям об экономическом экспансионизме в средиземноморском регионе способствовал быстрому развитию триестской экономики, особенно в области транзита товаров².

14 мая 1859 г. Франц Иосиф I заложил первый камень в основу триестской железной дороги, и через семь лет дорога между Любляной и Триестом была построена. В 1857 г. железная дорога соединила Вену и Триест, что связало имперское «окно в мир» и провинцию. Однако экономический кризис во второй половине XIX в. коснулся и Триеста. Работы, связанные со строительством железной дороги, протекали медленно, и часть товаров, ранее проходивших через триестские порты, перенаправилась в северные

немецкие порты (особенно Гамбург), имевшие больше связей с австрийскими землями. Да и после открытия железной дороги связь Триеста с провинциальной глубиной не была достаточной, а придунайская экономика модернизировалась слишком медленно, чтобы конкурировать с немецкой и западноевропейской. При этом железнодорожные тарифы на триестской линии были значительно выше, чем, например, на линии, проходящей через Гамбург или Штеттин (совр. Щецин, Польша)³.

Около 1850 г. инфраструктура Триеста все еще была устаревшей, и строительство нового триестского порта, при котором был задействован также капитал Ротшильда, закончилось лишь к 1883 г. с десятилетним опозданием. Поэтому Триест не мог использовать те возможности, которые ему предоставляло открытие Суэцкого канала в 1869 г., хотя вице-председателем компании «Универсале ду Канал де Суэц» («Compagnie universelle du Canal de Suez») был уважаемый житель Триеста барон Револьтелла⁴. Кроме того, триестская предпринимательская элита осталась верна традиционным способам торговли и не сумела своевременно приспособиться к веяниям времени. Триест стал современным транзитным и индустриальным центром лишь после того, как в 1887 г. его включили в пограничные земли Австро-Венгерской монархии, и в 1891 г. он перестал быть свободным портом. В последующие годы шла реализация крупных проектов в области инфраструктуры. Был основан Триестский Ллойд, заложен фундамент Арсенала, были открыты судостроительная верфь св. Марка и станкостроительный завод; рыночный капитал перерос в финансовый в области страхования и банковские дела крупных европейских страховых компаний «Генерали ин Рьонионе Адриатика ди Сикурита» («Generali in Riunione Adriatica di Sicurtà» – «RAS»). Таким образом, Триест стал самым крупным портом верхней Адриатики, одним из наиболее важных в Средиземноморье и крупнейших в Габсбургской монархии⁵. Русский офицер Владимир Бронеvский, в 1810 г. описавший свое путешествие из Триеста в Санкт-Петербург, утверждал, что «улицы в Триесте не хуже улиц в нашем Санкт-Петербурге», что говорит о быстром развитии этого адриатического города⁶.

Рост Триеста привлекал людей отовсюду – из других частей монархии и других стран. Численность населения стремительно росла. Город второго-третьего значения вырос в космополитический центр европейского масштаба. Приезжали итальянцы, немцы, венгры, сербы, черногорцы, швейцарцы, египтяне, французы, англичане, чехи, поляки, армяне, турки, русские и многие другие. Демографическому росту способствовали прежде всего словенцы и хорваты из близлежащих и более дальних районов, которые в развитии урбанизации видели возможность для экономического и социального роста. Многочисленность и экономическая жизнестойкость словенского, хорватского и вообще славянского городского населения соединялись с различными политическими идеями. Как и в других центрах, в Триесте также появились идеи славянской взаимности и идеализированного славянского братства. Они имели место уже в середине XIX в., когда

в революционном 1848 году местное славянское городское население образовало «Славянское общество» или собрание. Как и во многих других городах Европы, 1848 год способствовал процессу постепенной политизации местного общества⁷.

До начала 1849 г. в «Славянское общество» вступило около 500 членов. Оно располагалось в самом центре города в престижном здании Тергестео на Биржевой площади. При численном перевесе словенцев членами общества были также хорваты, сербы, черногорцы, чехи и поляки. Оно издавало свою газету «Славянски родолюб» (Slavjanski rodoljub – «Славянский патриот»), которая позже стала называться «Ядрански Славян» (Jadranski Slavjan – «Славянин на Адриатике»)». Организация проработала всего несколько месяцев и в следующем же году распалась. Кроме политики абсолютизма венских властей распаду «Славянского общества» способствовали также непонимание и разногласия между его членами.

Однако, когда позволили обстоятельства, последовала новая попытка – в 1861 г. была организована «Славянская читальня». Ее учредили 29 января 1861 г. под официальным названием «Славянская народная читальня»⁹. Словенский средний слой в сотрудничестве с остальным славянским населением образовал в городе свое общество, ставшее местом встреч для всех славян. В люблянских «Новицах» сообщение из Триеста знакомило широкую общественность с руководством читальни и национальным составом ее членов, которых тогда было около 230¹⁰. Из газетной хроники можно также узнать, что на различные организованные «беседы» (встречи) широко приглашались гости из славянского мира, так, например, в середине мая 1862 г. был приглашен русский скрипач Свечин¹¹.

О связях с другими славянскими народами и новых национальных чувствах «Кметийске ин рокодельске новице» (Kmetijske in rokodelske novice) писали: «Национальность славянская начала развиваться с тех пор, как соседние языки, т.е. немецкий, венгерский и итальянский заняли правящие места, а славянам бросали лишь обглоданные кости, чтобы те довольствовались объедками; или, выражаясь яснее, с того времени, как в Австрии при императоре Иосифе I была начата централизация и немецкий язык провозгласили государственным. До этого не было никаких опасений ни за одну национальность, так как власть не вмешивалась в дела общин, не было такого количества учреждений, сколько существует сейчас, а также редкие школы имели очевидную антинациональную цель насаждения всего немецкого, венгерского и лашского (итальянского. – Б.К.). До тех пор, пока человек не знает об опасности, не видит врага, он может спать спокойно; когда же ему становится ясно, что у него есть противник, он должен быть настороже»¹².

Однако широкая политическая ангажированность и постепенное вовлечение масс в общественно-политическую жизнь Габсбургской монархии потребовали от отдельных лидеров (в том числе в Триесте) иного подхода. Словенцы Триеста создали политическое общество «Единство» (Edinost)¹³.

Существовали также многочисленные читальни на всех территориях, где проживали словенцы. В 1864 г. по образцу чешской была учреждена Словенская Матица, в 1885 г. – общество Кирилла и Мефодия, созданное по примеру чешской Устредни Матицы, образованной в 1880 г. В 1879 г. триестским «народнякам» удалось учредить славянское рабочее общество взаимопомощи, в 1882 г. – спортивное общество «Триестский сокол», в 1890 г. – славянское певческое общество¹⁴. Триестские славяне, учредив Триестскую кредитно-сберегательную компанию, обеспечили своей общественной деятельности надежный экономический фундамент. Во второй половине XIX в. славянское городское население (прежде всего словенцы и хорваты) все более уверенно чувствовало себя в общественной жизни, конкурируя с немецкими и, конечно, итальянскими жителями, представители которых отстаивали свою монополию в городе. Благодаря своей общественной деятельности, в основе которой было учреждение политических обществ, организация политических собраний, издательство газет, славянство Триеста начало экономически осваиваться и становилось все более независимым от итальянского и немецкого капитала.

Новой главой в жизни триестских словенцев, без сомнения, стало учреждение в 1904 г. Народного дома, который стал символом словенства в городе, часть его помещений было отведено под общеславянские нужды. Многофункциональное здание Народного дома начали возводить в 1900 г. при поддержке словенских «народняков», создавших специальный общественный комитет. Финансовую сторону строительства обеспечила Триестская кредитно-сберегательная компания, план строительства подготовил известный архитектор из Горицы Макс Фабинани. Здание было завершено в 1904 г., но особого торжества при открытии не было. По мере необходимости были открыты отдельные части дома; сначала в него вселились некоторые общества, затем был открыт отель с кафе и рестораном, потом залы славянской читальни и большие залы¹⁵. В церемонии открытия приняли участие и русские. 15 декабря на концерте в честь открытия выступила известная певица Надина Славянская со своим русским хором. В ежедневной газетной хронике написали, что тогда в зале Народного дома собралось огромное количество людей, многие вынуждены были вернуться домой, так как все входные билеты уже были распроданы. Из-за такого ажиотажа концерт повторили на следующий день¹⁶.

Народный дом стал настоящим местом встреч славян, ведь здесь собирались все славянские общины города. Помимо «Славянской читальни», куда приходили не только словенцы, но и многие другие славяне Триеста, участники физкультурного общества «Триестский сокол», членами которого были многие чехи и хорваты, славяне по мере увеличения численности начали создавать свои общества. В 1900 г. появилось «Далматинское собрание» (Dalmatinski skup), затем «Сербская читальня» (Srbska čitaonica), хорватское общество «Штроссмайер» (Strossmayer), «Чешское слово» и др. При этом словенцы, будучи автохтонной нацией и к тому же наиболее мно-

гочисленным славянским народом в городе, в общественной жизни играли ведущую роль. Но и после появления этих национальных обществ наднациональный, общеславянский элемент сохранил свое значение, ведь упомянутые общества часто сотрудничали, организовывали совместные мероприятия. В Народном доме у них были свои помещения, в его театральном зале проводились получавшие резонанс мероприятия, например, концерт, состоявшийся весной 1910 г. и привлечший интерес горожан. Афиша, написанная на четырех языках, сообщала о выступлении Лили Нордгарт-овой, примадонны словенского театра в Любляне, маэстро Франа Ондричка, композитора Эмиля Адамича и капельмейстера Тепли с оркестром 97-го пехотного полка из Триеста. В программу, кроме популярных тогда Сметаны и Дворжака, были включены также произведения Бетховена, Вебера, Грига, Енко, Лисински и Лауба. Концерты и театральные спектакли укрепляли национальную славянскую идею. Персонажи национальной истории, реальные или вымышленные, воплощенные в мифологизированных образах, становились героями, главными действующими лицами театральных и музыкальных представлений¹⁷.

Несмотря на то, что в то время среди словенцев и других славян в Триесте существовало много концепций идеи славянской взаимности, различавшихся отношением к России как к крупнейшей и сильнейшей славянской стране, к самой идее относились с большим уважением. Из-за несогласия с центральной венской властью, которая после поражений в войне с соседней Пруссией решила пойти на копромисс с венграми, и из-за давления соседней Италии, которая в 1866 г. присоединила территорию Венеции, словенцы смотрели на Россию с благосклонностью. «Люблянские новицы» эти стремления описали как «желание, чтобы народность славянская развивалась, просвещалась, сохранялась с помощью других славян, чтобы мы, словенцы, привлекали внимание к словенскому языку, развивали его и защищали свою нацию от германизации, итальянизации, мадьяризации по примеру других славян»¹⁸. Идея панславизма, которую Пирьевец более точно называет «гей-славянское воодушевление», указывает на то, что «на периферии словенского этнического пространства ... наши люди в борьбе за свою национальную самобытность за неимением другого использовали сознание того, что они – часть большого славянского мира»¹⁹.

Воодушевление часто было лишь видимым, без истинной основы или конкретных стратегий, порой односторонним. Несмотря на рвение и давление русских славянофильских кругов, петербургская власть не выказывала особого внимания к осуществлению панславистских планов. В этом контексте словенцы не могли иметь особой роли, ведь, как пишет политик из Горицы Генрик Тума в своих воспоминаниях, после разговора с двумя русскими профессорами, они на его вопрос о словенцах ответили довольно негативно: «В вас, словенцах, нет больше даже крупинки славянского. Интеллигенция говорит на каком-то смешении языков, которое трудно понять, очевидно, что она полностью онемечена». Поэтому они сделали вы-

вод, что «словенцы вообще потеряны для славянства»²⁰. С другой стороны, видный словенский поэт и писатель Антон Ашкерц, который в частности стоял во главе люблянского городского архива, несмотря на все свое славянское воодушевление, скептически отзывался о русских, которые «не осознают своего славянства в такой мере как, например, чехи».

В то же время после своего путешествия в Санкт-Петербург и Москву в 1902 и 1903 гг. он писал: «В Италию и в Швейцарию я ехал как человек, в Россию – прежде всего как словенец, как славянин. И Россия – славянская страна»²¹. Поэтому Ашкерц подчеркнул, что, «когда путешествуешь по России, чувствуешь себя как дома. Само сознание того, что в России приказы отдают только славяне, наполняло скромного словенца гордостью. Как славянин чувствуешь с русскими общность родства». Как и другие словенские интеллектуалы, Ашкерц приписывал большое значение близости языков и поэтому в своих записках продолжал: «Повсюду слышишь красивый, благозвучный, родной и похожий на наш русский язык, на котором говорят более 85 миллионов наших братьев! На территории этого языка ты, словенец, чувствуешь себя как дома. Это наш братский язык, который господствует на огромных пространствах от Вислы до Тихого океана, от Ледовитого океана до Индии! Сила и власть этого братского языка, в волшебном кругу которого оказываешься, едва пересечешь русскую границу, – вот что в первую очередь может привлечь любого словенца, когда он путешествует среди русских братьев»²².

Подобных примеров было много, особенно после 1878 г., когда русские войска победили османскую армию в русско-турецкой войне и тем самым способствовали появлению новых государственных образований на Балканах. В то время и среди словенцев Россия получала все больше обожателей, так как после русской победы над турками сильно возрос интерес ко всему русскому: от истории до политики, от литературы до языка. Известный издатель из Горицы Андрей Габршчек в 1901 г. издал книгу под названием «Русская антология в словенских переводах», которую собрал Иван Весел, декан Иллирской Бистрицы и один из первых переводчиков с русского языка на словенский. В книге во введении уже упомянутый Ашкерц отметил, что «русская литература – и наша литература, русские поэты – и наши поэты тоже!». Поэтому «каждый образованный словенец должен потрудиться, чтобы уметь читать русских писателей на языке оригинала»²³. Именно язык в этом контексте играл особую роль, многие образованные словенцы действительно захотели учить русский язык.

Фран Подгорник, журналист и публицист из Горицы, издававший «Словански свет» (Slovanski svet, выходил 2 раза в месяц с 1891 по 1895 гг. в Триесте, ранее в Любляне, затем в Вене), даже выступал в поддержку единого общеславянского языка, которым мог стать русский язык и который приняли бы все славяне как язык высокой культуры и науки. Он также предлагал западным славянам перейти на кириллицу и церковнославянское богослужение, что стало причиной его конфликта с архиепископией Горицы.

Благоприятному отношению словенцев к России способствовал также успешный визит в Россию императора Франца Иосифа весной 1897 г., в ходе которого русский царь Николай II оказал ему достойный прием²⁴. Это приветствовали не только словенские либералы во главе с люблянским мэром Иваном Хрибаром, но и представители других политических сил. Например, глава словенских христианских социалистов Янез Евангелист Крек выступал за политические контакты Австрии и России. Тем самым, по его мнению, Австрия отдалась бы от союза с Германией и Италией и сблизилась с Россией, что могло благотворно повлиять на австрийскую внутреннюю политику, влияние австрийских славян вытеснило бы немецкое.

В связи с Триестом интересна также фигура Антея Якича, хорвата по происхождению, который издавал в городе газету «Славенска мисао» (Slavenska misao). Она выходила ранее под названием «Ла Пенси Слав» («La Pensee Slave») и «Иль Пенсьеро Славо» («Pensiero slavo»). Якич завязал тесные контакты с русскими. В своей газете, с подзаголовком «Независимая и беспристрастная газета всех славян», он многократно публиковал новости о России; русские газеты, в свою очередь, получали от него сведения о жизни славян в Австрии, в особенности в австрийском Приморье. Так, например, он напечатал, что петербургские «Ведомости» с искренней заинтересованностью писали о национальной борьбе словенцев и хорватов против итальянского ирредентизма, приветствуя интерес русских к событиям в Триесте²⁵. В то же время со страниц своего издания он жаловался на отсутствие заинтересованности со стороны России ситуацией в Триесте, что явствовало из плохого состояния и слабой работы русского консульства в городе. Он требовал, чтобы Россия через своего дипломатического представителя в Триесте взяла под свою защиту славян Триеста так, как это делают итальянский и немецкий консулы по отношению к своим землякам. Якич видел в России защитницу интересов габсбургских славян и открыто призывал ее к более смелой внешней политике по отношению к верхней Адриатике²⁶. Свою приверженность России он выразил тем, что построил в Барковлях, где зажиточные горожане имели виллы у моря, роскошную резиденцию. Триестцы называют ее «Вилла делле Сиполле» (Villa delle Cipolle) из-за куполов, украшающих здание по русскому образцу. Некоторые утверждают, что Якич был русским агентом и средства на роскошную виллу ему дал сам русский царь Николай II²⁷.

Желание ближе познакомиться со всем русским привело к образованию в 1899 г. первого русского кружка в Любляне²⁸. После люблянского кружка появились также аналогичные общества в Целье, Мариборе, Горице и Триесте. Интерес к России среди словенцев и других образованных славян Триеста был довольно большим, около пятнадцати человек, посещавших «Славянскую читальню», собрались вокруг Франа Подгорника и организовали занятия русским языком²⁹. Так, среди многочисленных организаций, целью которых было объединение славян Триеста, появилось

и общество «Русский кружок» («Russkij kružok»). Первые попытки его создания на уровне государственных структур имели место осенью 1900 г.; общество официально начало свою деятельность в январе 1902 г., когда в «Славянской читальне» (которая находилась тогда на улице Сан-Франческо) состоялось общее учредительное собрание³⁰.

27 января 1902 г. первым председателем «Русского кружка» был избран др. Эдвард Славик, триестский адвокат и один из важнейших руководителей словенского политического общества «Единство». Вице-председателем стала госпожа Людмила Манкочева, секретарем – адвокат Фран Принчич, кассиром и доверенным лицом – др. Йосип Вилфан, архивариусом – журналист Драготин Година, госпожа Эма Бартельева была членом комитета. Об этом 30 января уведомили властей, которые подтвердили статус организации. По ошибке в комитет был избран также один из крупных политических деятелей, представитель общества «Единство» Антон (Анте) Мандич, который не мог принять мандат. Такими были основатели и лидеры общества «Русский кружок» в Триесте. Его создание многое говорит о тех, кто его образовал, а также о характере триестского общества. Его учредители по своим взглядам были очень близки членам политического общества «Единство», либеральной организации, которая представляла собой политико-национальную основу словенского городского населения Триеста. Об этом говорит тот факт, что последующие председатели тоже были видными местными политиками. Например, Йосип Вилфан был председателем общества «Единство», членом городского совета Триеста, а после войны и присоединения Триеста к Италии был избран в римский парламент³¹.

Общество было создано с целью расширить знание русского и других славянских языков. Были организованы языковые курсы, проводились литературные встречи, создана библиотека с многочисленными журналами и книгами на разных славянских языках. Руководство общества решило, что языковые занятия будут проводиться два раза в неделю, по понедельникам и четвергам с 8:30 до 10:00 часов вечера в помещении «Славянской читальни». Первым преподавателем русского языка была Ольга Николаевна из Киева (фамилия неизвестна), которая в то время работала в русском консульстве в Триесте. После отъезда Ольги Николаевны ее заменила Зорка Будало из Дубровника, которая была учительницей в сербской школе Триеста. Русский она выучила в Цетинье и в Петербурге, ее знания, по воспоминаниям Марицы Бартоловой, были «превосходными». О следующем и последнем преподавателе, которого Бартолова упоминает (имя его не сохранилось), у нее было также очень хорошее впечатление – он был «молодым, интеллигентным человеком, который превозносил особую русскую весну до небес»³².

Первое общее собрание состоялось 2 октября того же 1902 г., когда члены комитета представили свою работу и затем выбрали его новый состав. Встреча проходила в помещении «Славянской читальни» на улице

Сан-Франческо, д. 2, там же, где проходили обычные собрания, хотя иногда они проходили в офисе триестского либерального политика, д-ра Оттокара Рыбарша на улице Сан-Спиридионе, д. 7, на втором этаже, как написала Марица Бартолова в объявлении для местных властей в октябре 1904 г.³³ Тогда председателем был избран Живко Лапайне, по профессии «врач, специалист по хирургическим заболеваниям», проживавший в Триесте на улице Сан-Спиридионе, д. 10. Марица Бартолова стала секретарем, кассиром была госпожа Милка Манкочева, членами комитета – господа Погорелец и Цвиттер. Ясно, что социальный состав общества мало изменился с момента его образования.

Место председателя занимали разные люди, в 1908 г. – уже упоминавшийся др. Йосип Вилфан. При нем в комитете были Янко Погорелец, Антон Грмек, Звонимир Масле и три женщины: Людмила Манкочева, Марица Бартолова и Йосипина Фурлани, которые и были (в особенности первые две) движущей силой кружка³⁴. Из документов понятно, как именно Манкочева и Бартолова занимались организационными делами общества, что говорит об очень важной роли, которую играли женщины в словенском обществе Триеста в последние десятилетия XIX в. и позже. Женщины стали активным элементом в расширении словенского национального сознания, особенно среди низших слоев, поддерживали развитие словенских школ в городе и его окрестностях. Они организовывали сбор средств для неимущих детей и молодежи, культурные и благотворительные мероприятия, на которых дарили детям бедняков подарки, привлекали внимание горожан к словенскому языку³⁵.

В последующие годы состав комитета изменился. 6 февраля 1909 г. при председателе Вилфане были избраны в комитет Владимир Борштник, Винко Шкоф, Фран Ванечек и Ива Сабадин, присоединившиеся к «столпам» Манкочевой и Бартоловой. И когда комитет снова изменил состав в октябре того же года и председателем был избран Эгон Старе, а Вилфан стал вице-председателем, Манкочева и Бартолова остались на своих местах. Когда в 1911 г. Бартолова ушла с места секретаря, став простым членом комитета, ее вновь заменила женщина, Павла Хочева, которая быстро переняла рвение предшественницы и много времени посвящала общественным делам. Присутствие женщин было весьма существенным и после общего собрания 15 декабря 1911 г., ведь в комитет вошли Драгица Година и Катица Суботич (до этого заведовала библиотекой кружка)³⁶. Многочисленные женщины-члены комитета были, как правило, активны и в других «народняцких» организациях: Сабадинова была членом общества учителей и, как пишет Хочева, в своих воспоминаниях, была одной из наиболее активных учительниц Триеста и его окрестностей. Сама Хочева являлась также секретарем «Славянской читальни», где помимо прочего следила за организацией языковых занятий, которые сама же и посещала³⁷.

После открытия Народного дома в 1904 г. общие собрания стали проводиться в нем, как правило, в ресторане отеля «Балканы» (как, например,

10 октября 1905 г.) или в помещении рабочего общества взаимопомощи на третьем этаже. Там также проводились и другие мероприятия, такие как выступления русских хоров или музыкальных ансамблей, культурные встречи, вечера памяти, как это было после смерти Льва Толстого³⁸. Иногда собрания общества проводились в помещении школы Кирилла и Мефодия на Акведотту д. 20 на четвертом этаже, – таким образом, с помощью помещений общества можно набросать карту словенской общественной жизни в Триесте³⁹.

В Государственном архиве Триеста в фонде «Русского кружка» данные о его работе достаточно скудны. По большей части в них сказано, что власти знали об общих собраниях и о том, кто входил в состав комитета. Согласно этим документам, общество официально работало до 1912 г., до начала Балканских войн, послуживших увертюрой к Первой мировой войне, когда чувство славянской взаимности уступило место лояльности по отношению к стране и императору, который 28 июля 1914 г. объявил войну сербским, а впоследствии и русским «славянским братьям».

Перевод Н.Н. Стариковой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Finzi R.* Trieste perché. // *Finzi R. Loredana Panariti, Giovanni Panjek.* Storia economica e sociale di Trieste. I. La città dei gruppi 1719–1918. Trieste, 2001. S. 13–66.

² *Apih E.* Trieste. Bari. Laterza, 1988. S. 41.

³ *Panjek G.* Una «commercial officina» fra vie di mare e di terra. // *Finzi R. Loredana Panariti; Panjek G.* Storia economica e sociale di Trieste. I. La città dei gruppi 1719–1918. Trieste, 2001. S. 297.

⁴ *Lo Giudice G.* Trieste, l'Austria ed il canale di Suez. Catania, 1979. S. 179.

⁵ *Apih E.* Trieste. Op. cit. S. 69.

⁶ *Čurkina I.* Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995. S. 12.

⁷ *Cattaruzza M.* Il primato dell'economia: l'egemonia politica del ceto mercantile (1814–1860). In: *R. Finzi, C. Magris, G. Miccoli.* Storia d'Italia. Le regioni dall'Unità a oggi. Il Friuli – Venezia Giulia. I. Torino. Einaudi, 2002. S. 170.

⁸ *Pahor M.* Slavjanska sloga. Slovenci in Hrvati v Trstu. Od avstroogrške monarhije do italijanske republike. Trst, 2004. S. 16.

⁹ *Čermelj L.* Slavjanska čitalnica v Trstu v letih 1865–1876. Trst, 1959; *Pahor S.* Skupščina živega domoljubja. Pred 130 leti je bila v Locandi grande v Trstu ustanovljena Slovanska čitalnica. Primorski dnevnik. XLVII. 27. 1. 1991. S. 15; *Pahor M.* Slavjanska sloga. Op.cit. S. 17.

¹⁰ Novice. 24. 4. 1861.

¹¹ Novice. 28. 5. 1862.

¹² Novice. 1861. № 8. S. 60–61.

¹³ *Marušič B.* Primorski čas pretekli. Koper, 1985. S. 122–128.

¹⁴ *Pahor M.* Slavjanska sloga. S. 13–61.

¹⁵ Razčlenjeni opis Narodnega doma je v publikaciji Narodni dom v Trstu 1904–1920. Trst, 1995.

¹⁶ *Volk S.* Življenjski utrip Narodnega doma v dnevni kroniki. V: *Pozzetto M.* Narodni dom v Trstu 1904–1920. Devin-Trst, 1995. S. 84–85.

¹⁷ *Thiesse A.M.* La creazione delle identità nazionali in Europa. Bologna, Il Mulino, 2001. S. 135.

¹⁸ Novice. 1861. № 8. S. 61.

- ¹⁹ Pirjevec J. M. F. Raevskij in slovenski rusofili. // Jezik in slovstvo. № 1. 1977. S. 23–26.
- ²⁰ Tuma H. Iz mojega življenja. Ljubljana, 1997. S. 124–125.
- ²¹ Aškerc A. Med Turki in Rusi. Celje, 2006. S. 77.
- ²² Ibidem. S. 77–78.
- ²³ Vesel I. Ruska antologija v slovenskih prevodih. Gorica, 1901. S. 463.
- ²⁴ Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana, 1994. S. 15.
- ²⁵ Slavenska misao. 10. siečnja (januarja). 1903. S. 4.
- ²⁶ Slavenska misao. 24. siečnja (januarja). 1903. S. 1.
- ²⁷ Valentinčič E. Il periodico «Il Pensiero Slavo» di Ante Jakić. // Murković D. I Croati a Trieste. Trst, 2007. S. 315.
- ²⁸ Čurkina I. Op.cit. S. 205.
- ²⁹ Nadliškova-Bartolova M. Iz mojega življenja. Trst, 1948. III/8. S. 370–371.
- ³⁰ Archivio di Stato di Trieste (Državni arhiv v Trstu, v nadaljevanju AST). Fond Direzione di Polizia – Società. Fascikel št. 204.
- ³¹ О деятельности Йосипа Вилфана и ее значении см.: Bajc G. Vilfan J. Življenje in delo primorskega pravnika, narodnjaka in poslanca v rimskem parlamentu. Koper, 2005.
- ³² Nadliškova-Bartolova M. Op.cit. S. 371.
- ³³ AST. Fond Direzione di Polizia – Società. Fascikel št. 204.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Verginella M. Ženska obrobja. Ljubljana, 2006. S. 161.
- ³⁶ AST. Fond Direzione di Polizia – Società. Fascikel št. 204.
- ³⁷ Hočevar P. Pot se vije. Spomini. Založništvo tržaškega tiska. Trst, 1969. S. 84.
- ³⁸ Edinost. 15. 12. 1910. S. 4.
- ³⁹ AST. Fond Direzione di Polizia – Società. Fascikel št. 204.

Словенские и англо-американские источники о сотрудничестве в области военной разведки в Словении и на югославско-итальянской границе в 1944–1945 гг.

Статья посвящена словенско-российскому сотрудничеству в области военной разведки на словенской и смешанной словенско-итальянской территории Приморья (в то время это была область югославско-итальянской границы – Юлийская Крайна) в 1944–1945 гг. В работе рассматриваются формы сотрудничества словенского партизанского движения с советскими представителями военных миссий, а также уделяется внимание взаимодействию партизан с отдельными представителями советских разведывательных служб в Словении. Кроме того, даются оценки этого сотрудничества службой разведки партизан и представителями англо-американских миссий.

В работе использовались наиболее важные и, вместе с тем, мало известные данные о российско-словенском взаимодействии во время войны. Мы не будем говорить о таких формах словенско-российских отношений во время Второй мировой войны, как, например, сотрудничество в области культуры, политики, пропаганды и т.д. (подобная деятельность имела место как в Словении, так и в Советском Союзе), которые, несомненно, представляют интерес; ни об участии советских граждан в словенском партизанском движении, в русском батальоне Базовишкой бригады и Первой русской бригаде. В партизанском движении Словении участвовали выходцы из СССР – первые представители бежали из концлагерей в Северной Италии сразу после итальянской капитуляции 8 сентября 1943 г. Советские люди вступали в партизанское движение и позже. Статистика говорит о 800 представителей СССР¹. В последние годы войны их численность увеличилась. Среди словенских партизан было около 4–5 тыс. человек других национальностей. Преимущественно это были итальянцы, вторыми по численности были граждане СССР.

До настоящего времени деятельность советских миссий и разведчиков, действовавших на территории Словении и Юлийской Краины, была мало освещена в литературе. Исключением является неопубликованная дипломная работа, которую 10 лет назад на основе исследования люблянских архивов написал Паоло Танзе². Некоторые данные также можно найти в исследованиях доктора Душана Бибера³ и в монографии о словенской воен-

ной разведывательной службе – Организации в защиту народа (OZNA), автором которой является Люба Дорник-Шубель⁴. В других публикациях содержатся лишь отдельные факты. В данной статье использованы документы из Любляны, Лондона и Вашингтона. Надеемся, что в будущем исследователями будут использованы также материалы из российских архивов.

Во время Второй мировой войны в Словении и, в особенности, в Юлийской Крайне работало много союзнических миссий. Некоторые из них были официальными военными миссиями, другие – разведывательными. Часть из них являлась так называемыми «подмиссиями», выполнявшими определенные операции, и в большинстве своем они тоже считались миссиями. Если сравнить их количество с числом миссий на других территориях, охваченных пламенем войны, то можно сказать, что здесь их число было значительным. Больше всего было представителей британских разведывательных служб, что явилось следствием договоренности с американцами о том, что Италия и Югославия (а также Юлийская Крайна) переходят в сферу влияния Великобритании. Британское управление по особым операциям (Operations Executive – SOE) и тайная британская военная разведывательная служба (Services Liaison Department – ISLD), а именно «МИ 6» (Intelligence 6 или Secret Intelligence Service – MI6-SIS) сплели и развили широкую сеть разведывательной деятельности и направили наибольшее число миссий. Американская разведывательная служба (Office of Strategic Services – OSS) тем временем также не сидела сложа руки; кроме того здесь присутствовали чешские и, конечно, советские разведчики⁵.

Правильно оценить роль и значение разведывательных миссий в Словении и Юлийской Крайне невозможно без учета сложившейся международной ситуации, а именно глобальных планов союзников по разгрому сил оси в Северной Африке в конце 1942 г., а также советских контратак в начале весны следующего года и, наконец, удара союзнических сил в центре Европы. Балканы и Италия имели для союзников важное стратегическое значение, так как здесь проходили немецкие железнодорожные коммуникации, которые они стремились вывести из строя⁶. С весны 1944 г. особую актуальность приобрел вопрос о послевоенном переделе мира, и Юлийская Крайна стала одним из тех регионов, в котором сильнее чем где-либо ощущалось дыхание предстоящей холодной войны. Нельзя забывать также о проблемах, возникших при установлении послевоенных границ между Югославией, Италией и Австрией.

Деятельность советских разведчиков и миссий в Словении и Юлийской Крайне следует рассматривать в контексте советской деятельности на всей территории Югославии, где первая советская группа появилась 18 сентября 1943 г. Некоторые считают, что это была не официальная миссия, а просто группа советских разведчиков и партийных функционеров. К концу месяца прибыла новая миссия, аналогичная по составу, которая была отправлена в Италию. Что касается первой официальной военной миссии, то она появилась в Югославии в конце февраля 1944 г. в боснийском Петроваце, откуда была переправлена в Главный партизанский штаб в г. Двар.

Именно тогда началось непосредственное сотрудничество Красной Армии и югославских партизан; связь между ними осуществлялась через Коминтерн⁷.

Хотя у «МИ 6» были данные о том, что СССР начал свою разведывательную деятельность в начале февраля 1944 г.⁸, но все же оставалось неясным, где и на чьей стороне: партизан или четников. Видимо, это был первый разведывательный отряд первой военной миссии. На словенских землях первая группа разведчиков появилась при поддержке Главного партизанского штаба во второй половине марта 1944 г. Одни писали, что она прибыла 16 марта и была лишь частью военной миссии Красной Армии на Балканах⁹; другие же — что она прибыла 18 марта и была отдельной самостоятельной миссией¹⁰.

В послевоенной документации OZNA (управления государственной безопасности UDV или UDBA) можно найти многочисленные данные о советских миссиях (между прочим, также и о личных контактах некоторых членов миссии). В основном это реконструкции, которые были составлены уже после ссоры Тито и Сталина в 1948 г., поэтому их следует рассматривать критически. По этим данным получается¹¹, что в группу входили: командир полковник Николай Кириллович Патрахальцев (Петрахальцев), подполковник Борис Николаевич Богомолов, капитан Георгий Леонидович Любов (Борис Лихов), Петр Корниюков, югославка радиотелеграфистка Душанка Перович, подполковник Иван Петрович Рыбаченко и Сергей Михайлович Леонидов. Вскоре после этого недалеко от Драгутиша было организовано место дислокации, куда подоспела вторая группа советских офицеров в поддержку первой. В нее входили офицер и врач Николай (Коля) Наумов, майор Жаворонков, майор Саша (или Сергей) Сорокоумов, майор Виктор Березин, Таня Силович, некоторые младшие офицеры и две медсестры, помогавшие Наумову. Спустя два месяца к ним присоединился капитан (впоследствии майор) Федор Молосковский (Луганов, Луговский, Луговской, Федя).

Названные разведчики составляли разные советские миссии на территории Словении. По прибытии в июле 1944 г. все они находились недалеко от Петровой деревни, рядом со словенским Главным штабом. Впоследствии отдельные миссии переместились на другие территории.

Одна группа и позже работала при Главном штабе. Руководил ею полковник Патрахальцев, замещал его подполковник Богомолов, которого в начале мая 1944 г. перевели в Штирию, где он возглавил советскую миссию во второй оперативной зоне. В декабре 1944 г. он вернулся в Главный штаб и заменил Патрахальцева, который до этого момента стоял во главе всех советских миссий на территории Словении. В Главном штабе также работали капитан Любов, который отвечал за коммуникации, и Петр Корниюков, занимавшийся шифровкой и дешифровкой радиопередач. Миссия расширила свою сеть информаторов до Триеста и дальше, вплоть до Милана, а в каринтийском регионе до Вены.

В гражданскую миссию входили: Виктор Березин, офицер Таня Силович, радиотелеграфисты и младшие офицеры Толя, Саша, Ваня и Ивана, которая занималась шифровкой. С июля 1944 г. миссия находилась в Петровой деревне недалеко от Чрномеля. После отъезда Березина в марте 1945 г. она переместилась в Кочевье. Миссия была совершенно секретной. В словенских архивах есть данные, что она не ограничивалась кругом перечисленных лиц. Связь между всеми миссиями осуществляла Таня Силович. В контрразведывательную миссию входили майоры Жаворонков и Сорокоумов, других данных о ней нет. В санитарной миссии был врач Наумов и две медсестры, помогал им словенский врач Павел Луначек.

Больше всего данных в словенских источниках касается деятельности капитана Молосковского и подполковника Рыбаченко, задачей которого была слежка за офицерами в среде партизан, и, кроме того, он осуществлял контроль над секторами Горица, Триест и Северная Италия. С радиотелеграфистом Леонидовым в конце апреля Рыбаченко перебрался в IV корпус. Перед этим они остановились в Локвах, где располагался Главный штаб IX корпуса. В первой половине июля 1944 г. к ним присоединился капитан Молосковский в сопровождении курьера этого корпуса и группы из четырех французов, прибывших из Советского Союза, которые через два месяца были переправлены во Францию. Сначала офицером связи был назначен украинец Александр Комарницкий, которого заменил словенец Ловро Кляйндист, занимавший эту должность до конца войны. С августа 1944 г. до конца Второй мировой войны с советской миссией сотрудничал один из лучших радиотелеграфистов Сречко Кокаль¹².

16 ноября 1944 г. Молосковский передислоцировался в северную область Видема к итальянским партизанам-коммунистам – гарибальдистам. Месяц он прожил в бригаде Пицелли. Альдо Моретти (глава другой группы итальянских партизан антикоммунистической направленности – озовцев)¹³, автор многочисленных статей о сопротивлении в Юлийской Крайне, утверждает¹⁴, что роль Молосковского была наблюдательной и не имела большого значения. В то же время словенские источники свидетельствуют, что Молосковский играл активную роль. Он часто общался с гарибальдистами – Марио Фантини, Джованни Падоан, Албином Марвином, Марио Ронзани, Владимиром Кендо¹⁵. Во время войны с Молосковским также имели контакт Марио Лиццери и Лино Зокки, которые после войны оказались под контролем UDBA. В UDBA подозревали, что Зокки – агент Востока (из Информбюро), а Лиццери, по их мнению, действительно был агентом Информбюро, подтверждением чему служили убедительные доказательства¹⁶.

Молосковский контактировал также с представителями SOE, с некоторыми участниками британских миссий, особенно с подполковником Петром Муром. По данным словенских источников, Молосковский стремился получить в обучение как можно большее количество групп. В конце лета и осенью 1944 г. он отправил некоторые из них с разведывательными за-

даниями в Италию. Рыбаченко также занимался преподаванием основ разведывательного дела.

Весной 1945 г. Молосковский подготовил новые группы, оснащенные радиопередатчиками. В их числе были четыре гарибальдиста: Оресте Де Квел, некий Оттилио или Аттилио, некий Джанни и четвертый, неидентифицированный; четыре приморских словенца: Марьян Битежник, Мервик, Прион Отокар и четвертый неидентифицированный; Албин Лапанье (Янез) и Грегор Светичич (Марко), которые в августе 1944 г. пришли в IX корпус; Сава Кершеван и неидентифицированный словенец; Станко Вандал (после войны Молосковский послал его в Триест); некий Витторио и его дочь, которые были скорее всего посланы сначала в Италию; группа из четырех французов из Советского Союза; четыре испанца также из СССР. Однако о своих заданиях они так и не узнали, в первую очередь из-за отсутствия необходимого количества радиопередатчиков. Из-за этого Главный штаб словенских партизан послал в IX корпус Любова, чтобы тот доставил передатчики. Но это задание ему осуществить не удалось¹⁷.

Рыбаченко в конце войны, 1 апреля 1945 г., в крае Войско был ранен. Сведения об этом противоречивы: по одним данным, он перенес тяжелое ранение, по другим¹⁸ – легкое. Молосковский же продолжил начатое дело. Он был по-прежнему подчинен Богомолу, находящемуся в Любляне. Сразу после войны вместе с командованием IX корпуса Рыбаченко переместился в Триест, через несколько дней прошел дальше, в Солкан, затем в Горицу, где задержался на 3 недели. Во время своего пребывания в Горице Рыбаченко посетил Рим. По пути он также останавливался в Венеции, Милане и других городах северной Италии. После войны, будучи в Горице, Рыбаченко неоднократно бывал в Триесте, несколько раз в Местре, Болонье, Флоренции, Пизе и Ливорно¹⁹. После войны в триестский регион прибыли также некоторые члены советской миссии²⁰ и самые надежные озовцы, перед этим несколько месяцев обучавшиеся в Советском Союзе в академии им. Дзержинского. Руководитель Богомол тогда же стал инструктором в OZNA в IV югославской армии²¹. Открытым остается вопрос, какое влияние эти миссии оказали на послевоенные переговоры²².

Помимо всего прочего существуют некоторые данные об отдельной группе радиотелеграфистов. В конце 1944 г. и в начале 1945 г., во время наступления Красной Армии, в Венгрии были захвачены в плен несколько венгерских радиотелеграфистов, среди которых оказались и югославы. Красная Армия организовала для них в Темишваре специальный учебный центр, в который отобрала несколько радиотелеграфистов; добровольцев допрашивал некий майор НКВД. После взятия Вены было решено, что югославские радиотелеграфисты будут направлены в Загреб и Любляну, но этим планам не суждено было сбыться из-за окончания войны. Можно с уверенностью сказать, что среди них были и такие профессионалы разведывательного дела, которые могли бы остаться (и, возможно, остались) в Вене и после войны²³.

Отношения словенских партизан и представителей англо-американских миссий были достаточно напряженными и полными недоверия. Со стороны партизан подозрения появились уже после высадки первых парашютистов, отправленных британскими спецслужбами в марте 1943 г.²⁴. Отношения заметно ухудшились летом 1944 г. и позже, когда из-за страха партизанского руководства над деятельностью англо-американских офицеров из военных миссий был установлен контроль; особо проявил себя второй отдел OZNA Словении, одной из задач которого было осуществление контрразведывательных операций на освобожденных и пока не освобожденных территориях, и третий отдел OZNA по Словении, непосредственной задачей которого была контрразведка²⁵.

Англо-американские офицеры-связисты в большинстве своем жаловались, что контактировать со словенскими партизанами труднее, чем с хорватскими; иначе дело обстояло с советскими разведчиками, которые кое-где вели себя по отношению к словенским партизанам пренебрежительно. Контроль за деятельностью англо-американских миссий был строже, чем за деятельностью советских.

Не у всех англо-американских офицеров была одинаковая оценка ситуации на местности, и не все одинаково относились к советским офицерам. Почти все они заявляли, что словенские партизаны, движимые национальными чувствами, надеются в большей степени на помощь со стороны Советского Союза, точнее (как они почти всегда писали) России, которая для них – естественный союзник, и в то же время боятся, что англо-американцы хотят сохранить довоенные границы²⁶. В конце войны англо-американские офицеры заметили, что привязанность словенских партизан к России еще больше возросла, особенно после вступления Красной Армии на словенские территории в Прекомурье²⁷.

Один из представителей SOE подчеркнул, что именно словенские партизаны препятствуют вступлению союзнических агентов в непосредственный контакт с их разведывательными источниками²⁸. Другой член SOE общал начальству, что с усилением советского влияния на Балканах возрастает и влияние миссии при IX корпусе. Рыбаченко может свободно передвигаться по территории, в то время как британские миссии получают только новости, имеющие формальный характер²⁹. Словенские источники подтверждают, что у Рыбаченко в IX корпусе был абсолютно свободный доступ ко всей закрытой информации³⁰.

По некоторым данным, советским разведчикам развязал руки сам шеф словенского OZNA Иван Мачек-Матия. Таким образом, советские представители установили в Словении очень широкую и эффективную разведывательную сеть. У них везде были свои люди и работали они в том числе и против англо-американцев³¹. Сам Мачек, однако, в своих воспоминаниях описывал положение дел иначе: разведчики словенского партизанского движения так и не узнали, на кого именно работали Сорокоумов, Жаворонков и Березин, не доверяли им, и по сути словенцы были разочарованы русскими «коллегами»³².

С другой стороны, в Штирии представитель ISLD (MI6-SIS) в сентябре 1944 г. писал руководству, что состоит в приятельских отношениях с Богомоловым, описывая его так: «Ничего не делает, учит немецкий». У Богомолова тоже был свой штаб и свой радиоприемник, но не очень мощный, он легко связывался с Главным штабом, но не с Москвой. Он надеялся как можно скорее разрешить эту проблему³³. С Богомоловым у миссии OSS семь месяцев (с июня 1944 г. и далее) были хорошие отношения. Глава американской миссии Франклин Лидси писал, что Богомолов не влиял на события³⁴, но имел больше возможностей, в том числе получал больше информации³⁵.

Джон Блатник, представитель американской OSS, подробно анализировал отношения с партизанами как в Хорватии, так и в Словении. Он пришел к выводу, что партизаны больше симпатизировали русским, однако не отмечал существенного коммунистического влияния. Любовь к России была следствием традиционной симпатии к России-матушке, ее силе, постепенно сминавшей немцев. В отличие от британцев и американцев, у русских было более высокое положение и ряд преимуществ. Им были предоставлены в пользование машина и шофер; кроме того, открыт неограниченный доступ к данным разведки. Блатник отмечает, что отношение партизан к американцам улучшилось в апреле 1945 г., когда стало известно, что американцы и русские большие друзья; теперь они могли свободнее передвигаться, навещать местных жителей и родственников. Русских Блатник описал как холодных, высокомерных и сдержанных. Чаще всего он пересекался с ними по официальным поводам. Контактам американцев с русскими препятствовали партизаны, они требовали посредничества при любой попытке завязывания связей. В конце концов, после нескольких посещений лед был растоплен, установились дружественные отношения. Блатник также записал, что русские очень уважали американцев, а по отношению к Великобритании сохраняли негативное отношение³⁶.

Из сообщений миссий SOE, действовавших в Юлийской Крайне, известно о многочисленных примерах проявления недоверия со стороны словенских партизан и некоторых гарибальдистов к западным союзникам. Еще больше разногласий было в руководстве IX корпуса. Простые люди были более открыты по отношению к союзническим офицерам и ко всем союзникам вообще, в то время как партизанское руководство относилось к ним недоверчиво и стремилось контролировать все их действия. Когда в октябре 1944 г. среди словенских партизан усилилась советская пропаганда, отношение к Западу стало более прохладным, поскольку в нем видели потенциального врага на пути достижения национальных свобод³⁷.

Англо-американцы по большей части были готовы к тому, что советские представители поддерживают словенские, точнее югославские, территориальные требования, особенно это касалось границы с Италией. Некоторые, как, например, начальник отдела по особым операциям союзнического Главного штаба по Средиземноморью (G-3) Даниэль Ноче, счи-

тали, что советская миссия даже стимулирует деятельность югославских партизан в Приморье³⁸.

В то же время на территории Юлийской Краины среди населения проявлялись и другие настроения относительно Запада, Великобритании и США. Люди ожидали от Запада улучшения экономического положения, имел место и определенный страх перед коммунизмом, Россией и т.д.³⁹.

Некоторые представители SOE также зафиксировали, что советские офицеры связи влияли на переход гарибальдистов к словенским партизанам; осенью 1944 г. часть итальянских партизан-коммунистов присоединилась к движению против Запада. Другие сообщали, что в конце 1944 г. сами руководители гарибальдистов спрашивали у главы IX корпуса о советском офицере связи. Они боялись тогда, что западные союзники их разоружат⁴⁰. Англо-американские миссии подозревали, что коммунистически настроенные гарибальдисты хотят сохранить оружие для послевоенного времени, что они готовятся взять контроль над полицией с целью отстранить противников и нелегально проводят коммунистических агентов в общественную администрацию, чтобы позже саботировать союзническое управление, и т.д. Некоторые говорили, что для сбора информации они располагали крупными денежными суммами⁴¹.

Наиболее настороженно к возможным последствиям «славянской экспансии», которая привела бы к утверждению советского влияния в Италии, относились два агента OSS итальянского происхождения. В конце августа 1944 г. они после подробного изучения положения в этом регионе представили главе отдела сообщение о ситуации в Юлийской Краине, в которой было отмечено, что «если Триест и Юлийская Краина будут отданы Югославии, то славянское и, возможно, коммунистическое влияние распространится до Падуанской долины. Это привело бы к упрочению русского влияния в Италии. Таким образом, Юлийская Краина потеряла бы свою функцию природной географической границы между двумя мирами». Если такое случится, продолжали агенты, то последствия могут быть весьма негативными. Итальянцы и так эмоционально сильно привязаны к Триесту. Не в последнюю очередь ради этой территории Италия вступила в Первую мировую войну. Ее потеря спровоцировала бы возобновление территориальных притязаний и подняла бы новую волну национализма, что имело бы невиданные последствия в таком сложном регионе как Юлийская Краина⁴².

Таким образом, итальянцы весьма опасались, что в конце войны Тито и его партизаны или даже русские придут в Триест. В последние дни войны этим были озабочены и ведущие американские разведслужбы швейцарского центра в Берне, который был одним из наиболее информированных в период Второй мировой войны. Его руководитель, Аллен Даллес (послевоенный директор CIA), пристально следил за советской экспансией на Запад⁴³. Вопрос заключается в том, были ли подобные страхи обоснованы. Без сомнения, югославские партизаны намеревались освободить, а затем и занять как можно больше итальянских и австрийских территорий, но

хотела ли Красная Армия дойти до Юлийской Крайны и действительно ли итальянские коммунисты стремились обосноваться в Италии (с помощью словенских и югославских товарищей или советских миссий). С одной стороны, данные говорят о том, что ведущие итальянские партии не собирались устраивать революцию, с другой стороны, есть сведения, что Москва все же дала согласие на то, чтобы в конце апреля 1945 г. итальянские коммунисты заняли север страны; британским разведчикам удалось расшифровать некоторые сообщения, указывающие на это⁴⁴. К концу войны британцы из иных – антикоммунистических – источников узнали, что итальянские коммунисты хорошо организованы в регионе от Юлийской Крайны до Пьемонта⁴⁵.

Англо-американцы, таким образом, были готовы к тому, что Советы и их миссии поддержат территориальные требования Югославии по отношению к Италии. Мы можем себе представить, что если союзникам такая поддержка казалась естественной, то в реальности это выглядело не так радужно. Один из руководителей словенского партизанского движения, Миха Маринко, например, в своих воспоминаниях упомянул⁴⁶, что Рыбаченко работал ненавязчиво и старался понять требования словенских партизан, в то время как капитан (Маринко не помнит имени, по всей вероятности это был Молосковский) вел себя совсем иначе. Руководство IX корпуса узнало, что он плетет интриги и подогревает антиславянские, точнее антиюгославские настроения среди итальянских антифашистов. Очевидно, что отношения между представителями советских миссий и словенскими партизанами не были гладкими, но мы располагаем небольшим количеством данных. Как уже говорилось, англо-американцы заметили, что иногда русские миссии вели себя высокомерно. Подводя итоги, можно отметить, что Главный штаб словенских партизан сознавал, что Богомоллов не следует правилу, запрещавшему всем членам миссий прямые контакты с населением⁴⁷.

Перевод Е.В. Шатъко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem 1941–1945. Ljubljana, 1976. S. 939–940.

² Tanze P. Il controspionaggio in Slovenia e le missioni militari straniere durante la seconda guerra mondiale e nel primo periodo postbellico. Trieste, 1996–1997.

³ Biber D. Zavezniške in sovjetske misije ter obveščevalne službe v NOB. Borec. XLIII. Št. 1–3.. Ljubljana, 1991. S. 77–138.

⁴ Dornik Šubelj L. Oddelek za zaščito naroda za Slovenijo. Ljubljana, 1999.

⁵ См. подробнее: Bajc G. Iz nevidnega na plan, Slovenski primorski liberalni narodnjaki v emigraciji med drugo svetovno vojno in ozadje britanskih misij v Sloveniji. Koper, 2002; Bajc G. Operacija Julijska krajina, Severovzhodna meja Italije in zavezniške obveščevalne službe (1943–1945). Koper, 2006.

⁶ Об англо-американских планах саботажа в Словении подробнее см.: Bajc G. Načrti: Special Operations Executive za sabotaže proti nemškim železniškim komunikacijam na Slovenskem od pomladi 1943 do poletja 1944.// Prispevki za novejšo zgodovino. 2006. 46. Št. 1. S. 341–349;

Bajc G. Anglo-Američani in sabotaže slovenskih partizanov na južni železnici. // *Acta Histriae*. 2008. 16. Št. 3. S. 343–357.

⁷ *Biber D.* Op.cit. S. 92, 129.

⁸ The National Archives. Kew-London (TNA). HS 8/197, zapisnik seje komiteja FO-SOE, 15. 2. 1944.

⁹ *Klanjšček Z.* Deveti korpus slovenske narodnoosvobodilne vojske 1943–1945. Ljubljana, 1999. S. 162.

¹⁰ *Šnuderl M.* Dnevnik 1941–1945, II v partizanih. Maribor, 1994. S. 191, 213. Opombi 348 in 380 urednika Zdenka Čepiča.

¹¹ Arhiv Republike Slovenije (далее - AS). AS 1931, 301-87/ZA, I–20, 25–31, 37–41; AS 1931, 301-87; AS 1931, 402-1, 423–432. Sovjetske vojne misije kod GŠ Slovenije; 433–435. Veze pojedinih članov sovjetske misije kod GŠS i analiza njihovog privatnog života.

¹² AS 1931, 301-87/ZA, 25–31; AS 1931, 402-1, 428.

¹³ О гарibaldiстах и озовцах есть много публикаций. См.: *Bajc G.* Operacija Julijska krajina. S. 43–49.

¹⁴ *Moretti A.* Le missioni militari alleate e italiane nel periodo della resistenza in Friuli, Storia contemporanea in Friuli. III. Št. 4. 1973. Udine. S. 103.

¹⁵ AS 1931, 301-87/ZA, 28–31.

¹⁶ AS 1931, OD-119, Lizzero Mario; AS 1931, OD-8528, Zocchi Lino.

¹⁷ AS 1931, 301-87/ZA, 27.

¹⁸ *Earle J.* The Price of Patriotism, SOE and MI6 in the Italian-Slovenian Borderlands During World War II., Sussex, 2005. S. 145; *Klanjšček Z.* Deveti korpus. S. 164. В его рядах был также ранен британский капитан Дж. С. Ламбие.

¹⁹ AS 1931, 301-87/ZA, 32–36.

²⁰ AS 1931, 301-87/ZA, 21–22.

²¹ *Svetina A.* Od osvobodilnega boja do banditizma. Ljubljana, 2004. S. 162–165.

²² *Pirjavec J.* «Trst je naš!». Boj Slovencev za morje (1848–1954). Ljubljana, 2008. S. 303.

²³ *Tanze P.* Op.cit. S. 82–84.

²⁴ *Bajc G.* Iz nevidnega na plan; *Bajc G., Torkar B.* Ivan Rudolf in padalci / Ivan Rudolf e i paracadutisti / Ivan Rudolf and parachutists. Maribor, 2009.

²⁵ *Šubelj D.* Organizacija. S. 106–117; Iz arhivov slovenske politične policije, UDBA, OZNA, VOS. Ljubljana, 1996. S. 27, 56–83; *Biber D.* Zavezniške in sovjetske misije. S. 94–95, 97–98, 105–117; *Lindsay F.* Ognji v noči, Z OSS in Titovimi partizani v medvojni Jugoslaviji. Ljubljana, 1998 S. 212–232; *Starič J.V.* Prevzem oblasti 1944–1946. Ljubljana, 1992. S. 114–123; *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945. Occupation and Collaboration. Stanford, California, 2001. S. 128–129.

²⁶ TNA WO 202/520, Memorandum on the Revolt in Slovenia, by Wilkinson, 27. 4. 1944 (TNA WO 202/520, Memorandum, 27. 4. 1944; TNA CAB 121/532, 417; TNA FO 371/44255 R 7125/8/92); Memorandum o vstaji v Sloveniji (Biber D.). Borec. XXXV, Št. 11–12. Ljubljana, 1983. S. 727–728, 744. TNA WO 202/309, Franklin A. Lindsay, 15. 1. 1945 (TNA FO 371/48811 R 5715/6/92); Poročilo Franklina Lindsaya o misiji na Štajerskem 1944, leta (Ferenc T., Biber D.). Borec. XXXV, Št. 2. Ljubljana, 1983, S. 93–94. NARA RG 226, E 190, B 168, F 1217, za Scamporino: Yugoslavia, 14. 11. 1945, S. 2.

²⁷ TNA WO 178/35, Pears-Flotsam za Rear HQ 37 MM (Ref: W/17): Relations, 10. 4. 1945; NARA, RG 226, E 154, B 25, F 332, Blatnik za Cox: Intelligence Report, 18. 4. 1945.

²⁸ TNA WO 202/520, Memorandum, 27. 4. 1944.

²⁹ TNA WO 202/316, Gibb-37 MM: Politics and Partisan Newspapers, 10. 12. 1944 (TNA WO 202/276; TNA WO 202/520).

³⁰ AS 1931, 301-87/ZA, 26.

³¹ *Svetina A.* Od osvobodilnega boja do banditizma. S. 160–163.

³² *Meček I.M.* Spomini. Zagreb, 1981. S. 227–228.

³³ TNA WO 204/7311, 109–125, Poročilo 13. 9. 1944. Poročilo o delovanju jugslovenskih partizanov na ozemlju velikega Reicha. XXXIX. Št. 2-3, 1987. S. 100.

³⁴ TNA WO 202/309, Franklin A. Lindsay, 15. 1. 1945;

³⁵ *Lindsay A. Ognji v noči*. S. 222–224, 250.

³⁶ National Archives and Records Administration, College Park-Maryland-Washington D.C. (далее - NARA), RG 226, E 154, B 25, F 348, Report of captain John A. Blatnik on his tour of duty in Yugoslavia (Croatia and Slovenia), During the period August-September 1944 and November 1944 – May 1945. Poročilo o službovanju v Jugoslaviji (na Hrvaškem in v Sloveniji) od avgusta do septembra 1944 in od novembra 1944 do maja 1945, Borec. XL. Št. 2. 1988. S. 204–210; NARA, RG 226, E 154, B 21, F 292, Orman Suker (Chief Y Section SI)-HQ Co. B 2267th Regiment OSS (Prov) APO 534 US Amry per Robert P. Joyce, 26. 10. 1944; Kirk Jr. Ford: OSS and the Yugoslav Resistance, 1943–1945, College Station, Texas A&M University Press, 1992, S. 139–141.

³⁷ TNA HS 6/853, Vincent. Report on Coolant mission – jun. to nov. 1944, Appendix A: Political Side of Partisan Life in the Area controlled by the Garibaldi Osoppo Division of North East Italy, 13. 11. 1944 (TNA FO 371/43878 R 19744/155/22; TNA FO 371/43879 R 21359, R 21910/155/22; TNA FO 371/49796 ZM 77/8/22; TNA WO 208/4554; TNA WO 202/316; TNA WO 106/3929), S. 9–10.

³⁸ TNA WO 204/1866, Noce-AGHQ G-3 za COS: JANL Activities in N.E. Italy, 13. 1. 1945 (TNA WO 204/1993; TNA WO 204/2000; TNA WO 204/2001); Biber D. Zavezniške misije v Slovenskem primorju. XXXV. Št. 8–9. 1983. S. 508.

³⁹ TNA HS 6/851, Taylor, Godwin: Sermon II, nedatirano, približno februarja 1945. S. 7, 9–10.

⁴⁰ TNA HS 6/851, Report by Major Tucker (Vincent) of Coolant Mission (Area North East of Udine), 23. 10. 1944. S. 1–2; TNA HS 6/801, Italian-Slovene Relations (J/CIRC/83). 30. 12. 1944 (tudi v: TNA FO 371/49797 ZM 844/8/22; TNA FO 371/49798 ZM 1042/8/22; TNA WO 202/316). S. 4–6; TNA HS 6/849, Roworth: Report on zone of operation "Bergenfield" between 24 Oct 44 and 24 Feb 45, 12. 3. 1945 (TNA WO 204/7301). S. 6; TNA WO 204/7287, Number 1 Special Force Daily Situation Reports, 1. 11. in 15. 12. 1944; TNA WO 202/276, Gibb-37 MM: IX Corps JNLA, 26. 2. 1945 (WO 202/520); Earle: The Price of Patriotism. S. 132.

⁴¹ TNA HS 6/853, Macpherson: Report on Mission, julija 1945. S. 20–22, 25, 49.

⁴² NARA, RG 226, E 190, B 168, F 1217, Clemente in Uberti za Chief It. OSS/SI: Political situation and outlook in the Venezia Giulia region, 29. 8. 1944. S. 1.

⁴³ Telegrami št. 8787 iz Berna, 17. 4. 1945 in št. 710 za Caserto, 18. 4. 1945, objavil Neal H. Petersen (ur.): From Hitler's Doorstep, The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945, Pennsylvania, The Pennsylvania State University Press/University Park, 1996. S. 501–502; prim. Allen Dulles: The Secret Surrender. New York, 1966. S. 147, 162, 236; Agarossi E. Bradley F. Operation Sunrise, La resa tedesca in Italia 2 maggio 1945. Milano, 2005. S. 103–104; Corvo M. O.S.S. in Italy 1942–1945, A Personal Memoir. New York, 2005. S. 250.

⁴⁴ *Pirjevec J.* «Trst je naš!». S. 297.

⁴⁵ *Ibidem*.

⁴⁶ *Marinko M.* Moji spomini. Ljubljana, 1974. S. 346–348.

⁴⁷ *Mikuž M.* Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji. IV knjiga. Ljubljana, 1973. S. 609.

Триестский вопрос в комиссии Литвинова (осень 1943 г. – весна 1945 г.)

После того, как Советский Союз, подвергшись 22 июня 1941 г. нацистскому нападению, стал участником войны против «оси» в Европе и выступил в качестве одной из основных держав антигитлеровской коалиции, руководство СССР начало разработку планов международного порядка, который был бы установлен в результате будущей победы коалиции. Это в большой мере касалось, прежде всего, послевоенных границ на европейском континенте. И в том числе границ Югославии, когда будет восстановлена ее независимость. В данной связи в Кремле обратились, среди прочего, к вопросу о послевоенном разграничении между Югославией и Италией. Причем центральное место при рассмотрении этого вопроса стала занимать проблема Триеста, Истрии и всего комплекса территорий, известных как Юлийская Крайна или Венеция-Джулия. В тогдашней советской политике, особенно ближе к концу войны и затем в первые послевоенные годы, понятие «триестский вопрос» нередко даже распространялось в той или иной степени вообще на совокупность итало-югославских территориальных коллизий. Подобная терминология была в известной мере воспринята и в нашей послевоенной историографии.

Политика, которую СССР в годы войны проводил в триестском вопросе, будь то в упомянутом столь широком смысле, будь то в более узком толковании, т.е. применительно к судьбе самого Триеста и его округа, долгое время так или иначе затрагивалась исследователями почти без использования необходимых советских документов. Положение стало меняться лишь в последние два десятилетия, когда начала появляться возможность более или менее существенного доступа к материалам бывших советских архивов, а также к соответствующей документации, отложившейся в архивах бывшей Югославии. На основе изучения этих источников появился как в отечественной, так и в зарубежной историографии ряд работ, касавшихся различных аспектов указанной темы¹. В некоторых из них уже частично возникала речь и о рассмотрении триестского вопроса в учрежденной осенью 1943 г. комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, во главе которой был поставлен замнаркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов. Данная статья специально посвящена этой теме, исследуемой на основе архивных источников.

* * *

Вопрос о послевоенном разграничении между Югославией и Италией был поднят советским руководством уже в середине декабря 1941 г. Тогда И.В. Сталин в переговорах с британским министром иностранных дел А. Иденом, посетившим Москву, выдвинул целый план «реорганизации европейских границ после войны». Один из пунктов плана предусматривал, что Югославия должна быть не только «восстановлена в своих старых границах», но и «несколько расширена за счет Италии». При этом Сталин указал на «Триест, Фиуме (т.е. Риеку. – Л.Г.), острова в Адриатическом море и т.д.»². Речь шла о территориях, которые после Первой мировой войны и краха Австро-Венгрии оказались в составе Италии, но имели смешанное по национальному составу население. Наряду с той или иной долей итальянцев, главным образом среди обитателей некоторых городов, на этих землях в значительной либо вообще преобладающей мере жили в одних районах словенцы, в других – хорваты.

В советских документах, как ныне опубликованных, так и ставших доступными в российских архивах, нет сведений о том, как выработывалась советская позиция по поводу упомянутых территорий, изложенная Идену, и из каких соображений исходил при этом Сталин. Но обращает на себя внимание тот факт, что свой проект весьма серьезной ревизии югославо-итальянского разграничения руководство СССР выдвинуло в середине декабря 1941 г., т.е. задолго до того, как в Москве стали видеть перспективу возможного прихода югославских коммунистов, возглавлявшихся Й. Брозом-Тито, к власти. А это наводит на мысль, что причина предложения Сталина не была связана с перспективой подобного рода. Вероятнее всего, советский правитель исходил тогда лишь из стремления к тому, чтобы Италия, главный союзник Гитлера в Европе, была наказана и ослаблена.

Между тем в ходе переговоров, проведенных в Москве в декабре 1941 г., британская сторона лишь приняла к сведению сталинский план изменения европейских границ, но не дала никакого ответа. А после визита Идена обсуждение между правительством СССР и его западными партнерами было продолжено только по поводу советско-польской границы, в то время как все остальные пункты упомянутого плана не стали предметом аналогичного рассмотрения, в том числе и проблема послевоенной югославо-итальянской границы. Судя по архивным источникам, доступным для исследования, эта проблема вплоть до осени 1943 г. больше не привлекала какого-то особого внимания в Москве. В частности, она не получила отражения и в сугубо рабочих аналитических материалах советского внешнеполитического аппарата. В том числе это касается материалов созданной в конце января 1942 г. при Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР комиссии во главе с наркомом В.М. Молотовым, на которую было возложено изучение проектов послевоенного устройства мира, выдвигавшихся за рубежом, прежде всего в странах-партнерах СССР по антигитле-

ровской коалиции. Характерным примером может служить, в частности, подготовленная для этой комиссии записка «Балканы и нынешняя война» от 1 июля 1942 г., один из наиболее обширных документов такого рода: в нем совсем не был затронут вопрос югославо-итальянской границы, так же как ни других югославских границ после окончания войны, ни вообще послевоенного будущего Югославии. Хотя часть, посвященная Югославии, занимала больше трети данного документа, все внимание в нем было сосредоточено только на анализе сиюминутной ситуации в оккупированной и расчлененной стране³.

Между тем на рубеже лета – осени 1943 г. для советской внешней политики начинается фаза актуализации вопроса о послевоенной югославо-итальянской границе, включая проблему Триеста. Это было обусловлено прежде всего общим поворотом международной ситуации, причиной которого стали катастрофическое для нацистской Германии и других европейских участников «оси» поражение, нанесенное советскими войсками под Сталинградом и Курском, а также успешная высадка западных союзников в Италии и капитуляция последней. Все более очевидное приближение победы антигитлеровской коалиции выдвигало вопросы послевоенного устройства в Европе, включая и решение о границах, непосредственно в повестку дня политики каждой из трех союзных держав – СССР, Великобритании и США. Как раз поэтому в августе – начале сентября 1943 г. путем переписки Сталина с британским премьером У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом была достигнута договоренность о проведении совещания трех министров иностранных дел для рассмотрения наиболее важных проблем, связанных как с успешным завершением войны, так и с подготовкой решений о послевоенном развитии⁴.

В этой ситуации руководство СССР предприняло шаги, призванные активизировать и лучше организовать разработку советских внешнеполитических планов и предложений по решению политических, территориальных, экономических и других проблем в мире, прежде всего в Европе, в ходе предстоявшего окончательного слома «оси» и затем при послевоенном урегулировании. Одним из особенно значительных таких шагов стало, по решению Политбюро ЦК ВКП (б), создание при НКВД, вместо упомянутой выше комиссии, учрежденной в январе 1942 г. и возглавленной Молотовым, трех новых комиссий. Первая из них должна была готовить предложения по разработке мирных договоров с побежденными странами и по поводу послевоенного устройства, вторая – по заключению перемирий, третья – по определению репараций.

Первая из этих комиссий, которая была образована решением от 4 сентября 1943 г. и во главе которой, как уже упоминалось в начале статьи, был поставлен замнаркома иностранных дел Литвинов⁵, с самого своего создания сразу уделила большое внимание, помимо прочего, вопросу послевоенных границ. И в обширную программу работы комиссии, составленную в виде перечня проблем, предназначенных для рассмотрения, который

9 сентября 1943 г. Литвинов послал на утверждение Сталину и Молотову, был, наряду с остальным, включен также пункт: «Югославско-итальянская граница (Далмация, Триест, Фиуме)»⁶.

Актуализация этого вопроса для советской внешней политики усиливалась еще одним важным обстоятельством: позициями, которые по поводу территориального разграничения между Югославией и Италией были выдвинуты в конце 1943 г. и затем в начале 1944 г., с одной стороны, югославскими, с другой – итальянскими коммунистами.

Что касалось Коммунистической партии Югославии (КПЮ), безраздельно руководившей мощным военно-политическим – так называемым Народно-освободительным – движением, то ее позиция получила выражение в решениях, декларированных как региональными словенскими и хорватскими, так и общегославскими органами этого движения и конституированной им революционной государственности, которая нередко стала тогда обозначаться понятием новая Югославия. Это были заявления Верховного пленума Освободительного фронта словенского народа от 16 сентября, Антифашистского вече народного освобождения Хорватии от 20 сентября и постановление Президиума Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) от 30 ноября 1943 г. Ими провозглашалось присоединение к новой Югославии – или, как формулировалось, к Словении и Хорватии в ее составе – упомянутых выше территорий со словенским и хорватским населением, еще задолго до Второй мировой войны оказавшихся у Италии⁷. С обнародованием данных решений выраженные в них территориальные претензии становились одним из реальных международно-политических факторов, в условиях действия которых предстояло определить послевоенную границу между Югославией и Италией.

Позиция же Итальянской коммунистической партии (ИКП) выразилась прежде всего в ее реакции на указанные выше шаги КПЮ и новой Югославии. 24 сентября 1943 г. находившийся в СССР генеральный секретарь ИКП П. Тольятти написал Г. Димитрову, что решение о присоединении «Триеста и Истрии», принятое Освободительным фронтом Словении, является «преждевременным», ибо может быть использовано итальянскими фашистами для противопоставления итальянского населения на этой территории югославскому Народно-освободительному движению. Тольятти выразил мнение, что проблему определения итало-югославской границы не следует вообще поднимать, пока не будет достигнута победа над фашизмом⁸. Обращением к Димитрову, который после формального роспуска Коминтерна и его реорганизации в Отдел международной информации ЦК ВКП (б) стал заместителем заведующего, а затем заведующим этим отделом, лидер ИКП фактически поставил вопрос о необходимости советского воздействия на югославское коммунистическое руководство, чтобы то заморозило территориальные требования к Италии по крайней мере до указанного выше срока.

Ввиду противоречия между позициями КПЮ и ИКП последовало и обращение в Москву деятелей обеих компартий как из Словении, так и непосредственно из спорной области, центром которой был Триест (Юлийская Крайна или Венеция-Джулия). Ряд итальянских коммунистов, действовавших в упомянутой области, в том числе У. Массола-Квинто, который был там представителем руководства ИКП в Северной Италии, посчитали, что территориальные решения, декларированные новой Югославией осенью 1943 г., носят односторонний характер и нарушают право итальянского населения на самоопределение в тех местах, где оно преобладает, как, например, в Триесте. Между тем руководители КПЮ и функционировавших в ее составе компартий Словении и Хорватии расценили подобную позицию товарищей из ИКП резко отрицательно. Она характеризовалась как игнорирование авангардной роли новой Югославии, «оппортунизм», уступка «бадольевщине», т.е. курсу правительства Бадольо, пришедшего в Италии к власти в результате свержения режима Муссолини⁹. Поскольку для обеих споривших сторон Москва была высшей инстанцией, они в середине марта 1944 г. совместно направили Димитрову радиogramму с информацией о своих разногласиях. Радиogramма была подписана Массолой-Квинто и Э. Карделем, выступавшим под псевдонимом Бирк, вторым по рангу человеком в руководстве КПЮ, который находился тогда в Словении и непосредственно курировал деятельность тамошней компартии и возглавлявшегося ею движения¹⁰.

В Москве, однако, не были готовы к определенному ответу на подобного рода обращение. Несмотря на предложенное Идену в декабре 1941 г. территориальное расширение Югославии за счет Италии, в складывавшихся теперь новых международных условиях советская сторона предпочитала вновь вернуться к продумыванию того, какой линии ей целесообразно придерживаться в вопросе об итало-югославской границе. Включение данного вопроса в программу работы комиссии Литвинова было, как можно понять, одобрено Кремлем. Ибо в конце 1943 г. в комиссии были предприняты практические шаги, направленные на изучение данной темы. 23 декабря Литвинов дал поручение работавшим в Москве деятелям КПЮ В. Влаховичу и Б. Масларичу составить справку о перспективах восстановления и развития Югославии. И при этом среди проблем, которые необходимо осветить в справке, указал, в частности, пункт о югославо-итальянском территориальном споре: «Далмация, Истрия, Триест»¹¹. Между тем до рассмотрения этого пункта даже на уровне самой комиссии было в марте 1944 г., при получении запроса от Карделя и Массолы-Квинто, еще далеко – обсуждение в комиссии произошло лишь почти полгода спустя.

Пока же, как видно из одного подготовительного материала, составленного в Отделе международной информации ЦК ВКП (б) немного позже, в середине апреля 1944 г., в Москве были склонны считать «преждевременной постановку вопроса о Триесте», тем более публичную, со стороны новой Югославии. В том числе исходили и из опасения отрицательной

реакции западных союзников и правительства Бадольо¹². Хотя в материале шла речь лишь о том, сколь важно для самой новой Югославии не допустить такой реакции, однако не меньше, если не еще больше, Кремль, конечно, не могло не заботить, как бы форсирование территориальных претензий его югославскими подопечными не повлекло осложнений в отношениях западных союзников и Италии с СССР как с патроном Тито. Не говоря уж о нежелательности осложнений с основными партнерами по антигитлеровской коалиции, Сталину были нежелательны сложности и с правительством Бадольо, с которым Москва, исходя из своих замыслов противопоставления Италии англичанам на Средиземноморье, как раз в то время установила непосредственные отношения. Сталин даже продиктовал Тольятти, вернувшемуся тогда из СССР на родину, тактику так называемого «поворота в Салерно», в результате чего ИКП вошла в это правительство¹³.

Противоречия по проблеме послевоенной итало-югославской границы, возникшие между компартиями обеих стран, что в частности продемонстрировала упомянутая выше радиограмма, поступившая в Москву от Карделя-Бирка и Массолы-Квинто, лишь усиливали склонность советской стороны к выжидательной тактике в вопросе о территориальных претензиях новой Югославии к Италии. И 27 марта 1944 г. Димитров направил Карделю и Массоле ответную радиограмму с указанием, что «политически неправильно», пока идет борьба против общего врага, обострять взаимоотношения между итальянскими и словенскими партизанами территориальными спорами. Эти споры должны быть разрешены после разгрома врага¹⁴. Подобная позиция совпадала с той, которую предложил Тольятти в сентябре 1943 г.

Правда, становившаяся теперь все более вероятной перспектива того, что КПЮ займет в итоге войны доминирующие позиции во власти у себя в стране, усиливала для Москвы желательность решения, как можно более благоприятного для Югославии. И это в известной мере сказывалось на соображениях, выдвигавшихся некоторыми ответственными функционерами советского внешнеполитического аппарата. Возможно, проявлением подобной тенденции объяснялось, например, предложение, содержавшееся в служебной записке заместителя наркома иностранных дел СССР И.М. Майского «О желательных основах будущего мира». В записке, которая 11 января 1944 г. была представлена Молотову, а затем Сталину, говорилось о необходимости того, чтобы у Италии были изъяты «все ее прежние владения на Балканах»¹⁵. Подобной формулировкой охватывались в основном как раз территории, на которые претендовала новая Югославия. Но вместе с тем прямо об их передаче Югославии в записке не говорилось. Речь шла лишь о том, что «Югославия может быть восстановлена в своих прежних границах, если потребуются, с теми или иными частичными модификациями»¹⁶. О том, какие модификации имеются в виду, никак не уточнялось. И остается только строить предположения, подразумева-

лось ли именно расширение Югославии за счет изъятия упомянутых территорий у Италии. К тому же, хотя в некоторых исторических работах недавних лет проявлялась склонность толковать записку Майского чуть ли не как выражение тогдашней позиции «Москвы», Кремля¹⁷, на самом деле этот документ – лишь одно из рабочих предложений, подававшихся советскому руководству на рассмотрение¹⁸. Окончательный же выбор в пользу какого-то определенного варианта того, как решать югославо-итальянскую территориальную проблему, Кремлю еще предстояло сделать.

Основным первичным звеном, в котором должны были быть выработаны предложения для советского руководства, являлась как раз комиссия Литвинова. Материалы по поводу югославо-итальянской границы стали там вырабатываться уже с конца 1943 – начала 1944 гг. Давая Влаховичу и Масларичу 23 декабря 1943 г. упомянутое выше задание о составлении справки относительно перспектив восстановления и развития Югославии, Литвинов обозначил весьма сжатый срок для подготовки документа – 15–20 дней. Причем проблематика «спорных территориальных вопросов» со всеми государствами-соседями Югославии, в том числе и с Италией, фигурировала в его задании на первом месте. И указывалось на необходимость дать «краткую характеристику спорных территорий в стратегическом и экономическом отношениях»¹⁹.

В документах, которыми мы располагали, нет сведений о том, что было сделано Влаховичем и Масларичем в отведенный им Литвиновым срок. Но из самой справки, один из машинописных экземпляров которой оказался доступен нам в белградском архиве в бумагах Тито²⁰, и из некоторых сопутствующих материалов видно, что ее составление растянулось в итоге на гораздо более длительный период. Насколько можно судить по имеющимся данным, в конечном счете тот ее текст, экземпляр которого затем поступил и к Тито и который состоял из сложенных вместе нескольких частей, довольно различных по характеру и явно писавшихся в разное время, Литвинов получил только в августе 1944 г.²¹ Но не исключено, что до того Литвинову, возможно, представлялись какие-то промежуточные варианты, затем дорабатывавшиеся и дополнявшиеся Влаховичем и Масларичем²².

В изученном нами варианте справки, который, предположительно, являлся окончательным, говорилось о различии между двумя категориями («частями») территорий с югославянским населением, попавших под итальянскую власть: одни из этих территорий были захвачены фашистской Италией вследствие агрессии против Югославии в ходе Второй мировой войны, в то время как другие были включены в состав Италии после Первой мировой войны. В данной связи Влахович и Масларич отмечали, что области, относящиеся к первой из указанных категорий, при победе антигитлеровской коалиции должны быть, бесспорно, возвращены Югославии, согласно общей для ведущих союзных держав позиции непризнания территориальных захватов, произведенных государствами «оси». Спорными

же, как следовало из справки, являются области, относящиеся ко второй из названных категорий. И именно о них, подчеркивалось в документе, идет речь в принятых движении, руководимым КПЮ, осенью 1943 г. решениях о присоединении к Югославии земель со словенским и хорватским населением, находившихся под итальянским господством²³.

Указывая на эти решения, уже упоминавшиеся нами выше, авторы справки обосновывали их. В качестве обоснования Влахович и Масларич приводили те же аргументы, которые выдвигались коммунистическим руководством новой Югославии. Аргументы сводились к четырем основным пунктам. В качестве первого в справке говорилось о том, что «большая часть» территории, на которую претендует новая Югославия, «уже сейчас находится под контролем частей Народно-освободительной армии Югославии»²⁴. Иными словами, использовалась апелляция к ситуации «совершившегося факта». В качестве второго аргумента, что было главным, говорилось об этническом преобладании там словенцев и хорватов. Правда, отмечались анклав с итальянским большинством – в Триесте, Гориции (Горице), Пуле, Риеке и некоторых других городах. Но в целом в качестве этнической границы, отделявшей от территории, собственно итальянской по национальному составу жителей, зону с преимущественно югославянским населением, в справке указывалась линия по реке Соча (Изонцо) от устья до Гориции (Горицы), а далее еще немного западнее – до Кормонс и Джемоны и затем на север до австрийской границы. Все к востоку от этой линии рассматривалось как районы, которые должны отойти к Югославии на основе этнического принципа²⁵. Третьим аргументом в пользу такого решения было обозначено то, о чем югославские коммунистические лидеры, естественно, не заявляли публично. Но этот аргумент являлся весьма важным с точки зрения перспективы расширения «сферы социализма», в которой новая Югославия должна была стать одним из существенных звеньев. В справке шла речь о военно-стратегическом значении упомянутой территории. С одной стороны, указывалось, что она представляет собой «ворота в Италию» с востока и северо-востока, т.е. из Югославии. А с другой стороны, отмечалось, что новая граница по Соче была бы выгодна для безопасности Югославии с запада, поскольку «опирается на горные массивы, которые запирают вход в Словению»²⁶. В качестве четвертого аргумента фигурировало то, о чем руководство КПЮ тоже предпочитало публично не распространяться: экономическое значение области, на которую претендовала новая Югославия, как с точки зрения некоторых имевшихся там полезных ископаемых, так и особенно из-за важности порта Триест²⁷.

По большинству аспектов территориальной проблемы, о которой идет речь, справка во многом отражала реальную картину существовавшего положения и выдвигавшихся претензий. В том числе Влахович и Масларич верно указывали, что югославскими требованиями охватывались земли, попавшие под итальянское господство после Первой мировой войны

и прежде находившиеся в составе рухнувшей Австро-Венгрии. Таковыми являлись сравнительно небольшой район в Далмации, центром которого был Задар, и ряд островов у югославского адриатического побережья, а в основном – Истрия, так называемое Словенское Приморье и остальные прилегающие части Юлийской Краины. Однако составители справки не отметили, что, наряду с этими территориями, новая Югославия претендовала и на район, известный как Венецианская Словения (Бенешка Словения), который перешел от Австрийской империи к Италии еще в 1866 г.²⁸ Правда, в кратком описании словенской этнической границы на западе, которое давалось Влаховичем и Масларичем, были упомянуты некоторые пункты, например, Чедад (Чивидале), свидетельствовавшие о включении Венецианской Словении в круг югославских притязаний. Но это составителями справки никак не разъяснялось, как не уточнялось и то, что в данном случае имелась в виду территория, присоединенная к Италии отнюдь не после Первой мировой войны, а на полстолетия раньше.

В августе 1944 г., когда Литвинов получил, наконец, окончательный вариант данной справки, он как раз писал документ «Об обращении с Италией», который должен был рассматриваться возглавлявшейся им комиссией. Документ был готов и представлен в комиссию 31 августа с целью обсуждения²⁹. Насчитывавший 59 машинописных страниц³⁰, он был написан как своего рода концептуальная основа, которая после необходимой доработки и, разумеется, в случае одобрения ее руководством НКВД СССР и затем Кремлем служила бы ориентиром для последующей выработки советских предложений при составлении мирного договора государств антигитлеровской коалиции с Италией. При подготовке в нем специального раздела о будущей итало-югославской границе Литвинов в очень значительной мере использовал то, что в связи с вопросом о территориальных требованиях Югославии к Италии излагалось Влаховичем и Масларичем. Это очевидно из сопоставительного анализа соответствующего раздела справки, составленной двумя упомянутыми деятелями КПЮ, и аналогичного по тематике раздела документа, написанного Литвиновым³¹. Вместе с тем Литвинов пользовался и некоторыми другими материалами, имевшимися у возглавляемой им комиссии, как и вообще в распоряжении НКВД.

Из составленного им документа очевидно, что он, так же как авторы названной справки, руководствовался тем соображением, что все территории, приобретенные фашистской Италией вследствие агрессии против Югославии в ходе Второй мировой войны, автоматически подлежат возвращению в состав югославского государства при его восстановлении. А территориальные требования новой Югославии в отношении Италии, нуждающиеся в решении при послевоенном мирном урегулировании, касаются лишь областей, которые оказались под итальянской властью до упомянутой войны. И подобно справке Влаховича и Масларича, в документе Литвинова проводилась линия, в основном направленная на удовлетворение этих требований. Главным обоснованием позиции в пользу их

удовлетворения служил характерный в целом для спорных областей этнический состав «преобладающей части населения, состоявшей из словен (т.е. словенцев. – Л.Г.) и хорватов»³². Наряду с этим, в качестве аргументов говорилось о захватническом характере итальянской политики в отношении названных территорий и о том, что, как формулировал Литвинов, «Италия, в особенности с приходом к власти фашизма, всячески угнетала славянское население вновь приобретенных ею провинций»³³. Фигурировали также аргументы, что захват этих земель был обусловлен стремлением Италии «к максимальному господству в Адриатическом море» и к тому, чтобы «создать угрозу югославскому государству»³⁴. Все перечисленные доводы, в большой мере отражавшие историческую реальность, были призваны создать убедительную правовую и моральную опору для будущих советских предложений, которые намечалось выдвинуть в пользу притязаний новой Югославии при послевоенной выработке мирного договора с Италией.

Вместе с тем, из документа, составленного Литвиновым, были достаточно хорошо видны на самом деле чисто политические соображения, лежавшие в основе советского подхода к решению территориальных проблем между Италией и Югославией. Литвинов прямо оговаривал, что за удовлетворение югославских требований следует выступить «при уверенности в укреплении нашего влияния в Югославии»³⁵. Под «нашим», т.е. советским, влиянием имелось, конечно, в виду установление в Югославии режима с коммунистическим господством. А поскольку такая перспектива к концу лета 1944 г., когда произошла значительная и успешная активизация вооруженных сил Тито и одновременно советские войска подошли к восточным югославским рубежам, стала во все большей мере превращаться в реальность, планы поддержки со стороны СССР территориальных устремлений новой Югославии в отношении Италии значительно актуализировались. И это ощутимо отразилось в документе, составленном Литвиновым.

В отношении довоенных итальянских владений в Далмации, т.е. Задара и ряда островов, в этом документе намечалось целиком передать их Югославии³⁶. А в качестве наиболее крупного удовлетворения югославских требований речь шла о том, чтобы к Югославии отошли, во-первых, Истрия, в восточной части которой большинство населения составляли хорваты, а в западной части – словенцы, и, во-вторых, находившаяся к северо-западу от Триеста Гориция (Горица). Причем, второе, как видно из документа, подразумевало не только город под этим названием, расположенный на Изонцо (Соче), но и всю прилегающую одноименную область, рассматривавшуюся, таким образом, как западный рубеж территории со словенским населением³⁷.

Однако, в отличие от справки Влаховича и Масларича, в документе Литвинова говорилось по поводу Истрии, что «в крайнем случае», т.е., очевидно, при возникновении очень больших сложностей на пути названного

выше решения, можно было бы оставить за Италией «узкую полосу на западном побережье Истрийского полуострова, охватывающую города с итальянским населением»³⁸. Сложностей относительно городов Истрии с итальянским большинством Литвинов, скорее всего, ожидал не столько от Италии, которая оказывалась в положении побежденной страны, сколько от западных партнеров СССР по антигитлеровской коалиции. И действительно, при происходившем уже после войны межсоюзническом обсуждении триестского вопроса, западные союзники выступали против передачи этого района Югославии. Но по поводу Риеки Литвинов в своем документе обозначил более жесткую позицию: независимо от того, будет или не будет изменена в пользу Югославии итало-югославская граница, Риека должна быть передана Югославии³⁹.

Что же касалось непосредственно Триеста как города с преимущественно итальянским населением и порта, важного для ряда центрально-европейских государств, то Литвинов сформулировал иное предложение, чем постулировалось в справке Влаховича и Масларича, которые целиком следовали за требованиями новой Югославии. В документе Литвинова говорилось о необходимости Триест «интернационализировать под администрацией международной комиссии, включающей представителей трех великих держав (т.е. СССР, Англии и США. – Л.Г.), Италии и Югославии, с тем, чтобы порт мог быть использован главным образом европейскими странами, не имеющими выхода к морю, а именно Чехословакией, Австрией, а в будущем также Венгрией и, конечно, Италией и Югославией»⁴⁰.

Весь документ «Об обращении с Италией» был обсужден на заседании комиссии, возглавлявшейся Литвиновым, 4 сентября 1944 г. Как видно из стенограммы обсуждения, проблема территориальных претензий новой Югославии к Италии заняла там одно из главных мест. Большинство предложений по поводу этой проблемы, содержащихся в документе, было поддержано членами комиссии⁴¹.

При этом, однако, почти общее возражение встретило допускавшееся Литвиновым «в крайнем случае» сохранение за Италией узкой полосы на западном побережье Истрии, где находились города с преимущественно итальянским населением⁴². В данной связи, помимо высказывавшихся участниками обсуждения доводов, что полная ликвидация итальянских владений на Балканах, включая целиком Истрию, необходима в интересах наказания Италии и проведения линии в поддержку Югославии, член комиссии, известный советский дипломат Я.З. Суриц выдвинул и соображение иного порядка. Он высказался за то, чтобы при решении вопроса об Истрии учесть другую, более сложную территориальную проблему на Балканах – проблему Македонии. По мнению Сурица, возвращение к довоенному положению, когда Македония являлась разделенной между балканскими государствами, в том числе Югославией и Болгарией, «послужило бы источником вечных трений и столкновений» между названными двумя странами. А поскольку, подчеркивал Суриц, советская сторона заинтересо-

вана в болгаро-югославском сближении, то, на его взгляд, решение македонского вопроса должно быть найдено либо путем образования самостоятельной Македонии, либо путем образования федерации Болгарии, Югославии и Македонии. «Но так или иначе, – прогнозировал он, – Югославии, по всей вероятности, придется поступиться своим суверенитетом над Македонией (имелась в виду Вардарская Македония. – Л.Г.), с чем она примирится лишь тогда, если получит достаточную компенсацию в другом месте. Такой компенсацией может быть отход к Югославии всей Истрии»⁴³.

Что же касалось Триеста, тот же Суриц выступил за то, чтобы при безусловном изъятии у Италии Триеста не нацеливаться жестко на его интернационализацию, как было сделано Литвиновым, а предусмотреть возможность альтернативных вариантов решения, одним из которых была бы интернационализация, а другим – передача Триеста Югославии. Сам Суриц, судя по стенограмме, склонялся скорее ко второму варианту, который он обосновывал тем, что в этническом отношении Триест нельзя «рассматривать как сплошь итальянский город», поскольку наряду с итальянским большинством там имеется очень значительное славянское население, а в экономическом отношении триестский порт прежде всего «обслуживает не долину По, населенную итальянцами, а бассейн Савы и Дравы, населенный славянами», и потому «является больше портом славянским, чем итальянским»⁴⁴. Еще более жесткую позицию занял являвшийся членом комиссии замнаркома иностранных дел С.А. Лозовский, прямо возражавший Литвинову, что «нужно Триест передать Югославии, а не превращать его в интернациональный город»⁴⁵.

В ответ Литвинов по поводу полосы с этнически итальянскими городами на западном побережье Истрии, со своей стороны, в качестве контраргумента вновь подчеркивал, что возможность оставления названной территории у Италии предложена им лишь как вариант на крайний случай. И еще добавлял, что хотел бы «избавить Югославию от итальянской ирреденты», которая, по его мысли, могла бы возникнуть, если эти города будут отданы под югославскую власть⁴⁶. А относительно самого Триеста он перед лицом возражений не отвергал возможности того, что «при некоторых особых отношениях наших с Югославией мы предпочтем передать ей и Триест». Но тут же выдвигал аргументы в пользу интернационализации: «Мне кажется, однако, что нам неплохо было бы иметь свой наблюдательный пункт в Адриатике, каковой мы получим, если будем участвовать в международной администрации Триеста. Мировое общественное мнение, вероятно, также возражало бы против передачи Югославии города, населенного преимущественно итальянцами». А к тому же «Триест как порт не нужен ни Италии, ни Югославии, если последняя получит Фиуме и Зару» (т.е. Риеку и Задар). Правильно, полагал Литвинов, «предоставить Триест в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к южным морям, – Австрии, Чехословакии»⁴⁷.

В итоге позиция большинства членов комиссии заставила Литвинова согласиться с тем, чтобы по поводу Истрии в окончательном варианте записки предлагалась только передача Югославии всего полуострова, без какого-либо исключения⁴⁸. Но относительно Триеста предложение об интернационализации осталось в записке. С этими положениями по поводу решения территориальных проблем между Югославией и Италией весь документ «Об обращении с Италией» был несколько дней спустя в окончательном виде направлен Литвиновым Молотову⁴⁹.

Те различия, которые проявились между членами комиссии Литвинова в подходе к некоторым из указанных выше вопросов, касавшихся итало-югославского разграничения, прежде всего в связи с определением позиции по поводу будущей судьбы самого Триеста, были в немалой степени обусловлены не совсем одинаковыми представлениями об общем направлении советской внешнеполитической стратегии и тактики в Европе и, в частности, в средиземноморской зоне. Сам Литвинов и в той или иной степени некоторые другие члены комиссии исходили из того, что при послевоенном урегулировании необходимо проводить дифференцированную, более мягкую линию в отношении Италии, чем в отношении Германии, имея в виду желательность поощрения потенциальной роли Италии как противовеса, по их мнению, стремлению Англии к гегемонии на Средиземноморье. Отсюда – склонность не к простому отторжению Триеста от Италии в пользу Югославии, а к более умеренному варианту решения, каковым, например, представлялась Литвинову интернационализация. Тот же фактор, видимо, влиял на позицию Литвинова и относительно западного побережья Истрии. Между тем Лозовский выступал на заседании 4 сентября главным оппонентом Литвинова как по названным территориальным проблемам, так и по общему подходу к политике в вопросе об Италии. Говоря, что не отрицает возможности подвергнуть Италию более мягкой «экзекуции», чем Германию, он, однако, полагал необходимым при послевоенном урегулировании проведение единообразной жесткой линии в отношении не только Германии, но и ее бывших союзников, чтобы не создавать опасности прецедента, который мог бы быть использован затем Англией как часть антисоветской политики в Германии. И соответственно, выступал против смягчений для Италии, переходящих, по его мнению, необходимую грань, а вопрос о Триесте оказывался здесь одним из частных случаев⁵⁰.

Первая из названных точек зрения была ближе той уже отмечавшейся выше акции, которую в начале 1944 г. предпринял Сталин, установив отношения СССР с правительством Бадольо и продиктовав ИКП тактику «поворота в Салерно». Однако в том, что касалось итало-югославского разграничения и прежде всего вопроса о самом Триесте, вторая точка зрения серьезно подкреплялась все большими успехами движения, руководимого КПЮ, и все ощутимее обозначавшейся перспективой утверждения

коммунистического режима в Югославии. Это осложняло для советского руководства выбор будущего решения относительно Триеста. Во всяком случае, в течение 1944 – первых месяцев 1945 гг. советская сторона упорно предпочитала не выступать со своей позицией ни в отношении послевоенной принадлежности города и прилегающего района, ни по поводу оккупационного управления там после предстоявшего освобождения от гитлеровских войск. Такой позиции Москва придерживалась как в отношениях с западными союзниками, так и с коммунистическими партнерами и подопечными Кремля – новой Югославией и ИКП, которые стремились выяснить ее позицию по этому вопросу⁵¹.

Между тем 9 февраля 1945 г. Димитров получил по данному поводу письмо Тольятти, которое лидер ИКП прислал через советское посольство в Риме. В письме выражалась серьезная озабоченность ситуацией, которая складывалась на внутриитальянской политической сцене вокруг вопроса о Триесте.

Еще в середине октября 1944 г. на встрече с посетившими Италию Карделем и другим ближайшим к Тито членом югославского коммунистического руководства М. Джиласом генеральный секретарь ИКП согласился с необходимостью того, чтобы в противоположность перспективе оккупации Венеции-Джулии войсками западных союзников и восстановления там «реакционной итальянской администрации» эта область была бы в ходе борьбы против немцев и итальянских фашистов занята «войсками маршала Тито» и чтобы там была установлена «народная власть», в организации которой в сотрудничестве с югославами участвовала бы и ИКП. В соответствии с этим Тольятти направил директивы организации ИКП в Венеции-Джулии, указав, что такая линия касается и Триеста, населенного в большинстве итальянцами. В переговорах с Карделем и Джиласом он не возражал, чтобы Триест принадлежал Югославии, при условии проведения там национальной политики, которая бы удовлетворяла итальянских жителей⁵².

Однако Тольятти не учел того, какие сложности для ИКП может породить эта проблема. И в его письме, полученном Димитровым 9 февраля 1945 г., говорилось, что «вопрос о городе Триесте и его будущий статус начинает интересовать общественное мнение» в Италии и что «им злоупотребляют наши враги для того, чтобы создать националистическое движение и изолировать коммунистическую партию». Имелось в виду то обстоятельство, что притязания югославского коммунистического режима на Триест, а тем более примиренческая позиция со стороны итальянских коммунистов по отношению к подобной перспективе оказывались фактором, который мог активно использоваться оппонентами компартии на внутриитальянской политической сцене для антикоммунистической агитации и дискредитации ИКП среди значительной части итальянского общества. Тольятти отмечал трудность положения, обусловленную тем, что, как он писал, «большинство итальянцев рассматривают Триест как итальянский

город», тем более что «триестское население является действительно в большинстве итальянским». В связи с этим Тольятти, подчеркивая, что ИКП стоит на позиции совместных действий с Тито по освобождению Триеста от немцев и итальянских фашистов и по организации здесь «народной власти», указывал тем не менее на необходимость для ИКП выработки более конкретного решения о будущем Триеста. В послании высказывалась мысль предложить для него статус свободного города, но говорилось, что против этого резко выступили бы другие партии в Италии, возможно, даже социалисты, тесно сотрудничавшие с ИКП, и выражалась неуверенность в том, что такое предложение было бы принято Югославией. Тольятти просил у Димитрова совет, «чтобы ориентировать наши будущие действия» по триестскому вопросу, который, как он писал, «может превратиться в один из наиболее важных вопросов итальянской политики»⁵³.

Послание свидетельствовало о том, что, столкнувшись с перспективой неблагоприятной для ИКП реакции общественного мнения Италии на передачу Триеста Югославии, Тольятти фактически пытался отступить от той позиции, которую он занял на встрече с югославами в октябре 1944 г. Однако в предвидении острого отпора со стороны югославского руководства он старался заручиться поддержкой Москвы, формально как бы спрашивая у нее совета, а по сути внушая мысль, что линия на отказ от Триеста в пользу Югославии грозит ИКП опасной изоляцией в итальянском обществе и что поэтому необходим компромисс: получение Триестом статуса свободного города как максимальная уступка югославам. В случае, если бы советскую сторону удалось склонить к такому решению, Тольятти мог рассчитывать на то, что югославское коммунистическое руководство будет вынуждено с этим согласиться.

21 февраля Димитров обратился к Молотову за инструкциями по поводу того, каким должен быть ответ, который следует послать Тольятти⁵⁴. Как видно из документов, получив запрос Димитрова, Молотов подготовку соответствующего материала поручил Литвинову, и тот 1 марта направил наркому короткую, на одной машинописной странице, справку «О Триесте». В ней излагались предложения по триестскому вопросу, включая интернационализацию самого этого города и порта, содержащиеся в рассматривавшемся нами выше документе «Об обращении с Италией». При этом в справке Литвинова говорилось, что «затруднения тов. Эрколи (псевдоним Тольятти. – Л.Г.) понятны», ибо «как представителю итальянской партии ему трудно публично соглашаться на отход от Италии Триеста, населенного преимущественно итальянцами». И потому, считал Литвинов, «по тактическим соображениям Эрколи мог бы, продолжая выступать за дружественное соглашение с Югославией, все же пока отстаивать права Италии на Триест», но «не слишком ангажируясь в этом вопросе, с тем чтобы можно было впоследствии несколько отступить от этой линии»⁵⁵. Молотов одобрил такое предложение, распорядившись 2 марта

ознакомить Димитрова и его заместителя А.С. Панюшкина со справкой Литвинова⁵⁶.

Это, казалось бы, должно было означать, что на руководящем советском уровне одобрили позицию по триестскому вопросу, выработанную в комиссии Литвинова. На основе справки Литвинова, полученной из НКВД 3 марта, Димитров и его сотрудники составили проект ответной телеграммы в адрес Тольятти⁵⁷. Проект, датированный 6 марта и направленный Димитровым 7 марта на утверждение Молотову, повторял, по сути, рекомендацию Литвинова. В нем говорилось: «Вопрос о Триесте еще не обсуждался. Имеются различные варианты, в том числе предложение интернационализировать его в международный порт под контролем международной комиссии. При таком положении Вам можно было бы, не заявляя сейчас об отказе от Триеста, не слишком ангажироваться в этом вопросе, учитывая возможные в будущем уступки в отношении Триеста»⁵⁸.

Тем не менее, ответ руководителю итальянских коммунистов, очевидно, не был утвержден, и телеграмма, проект которой Димитров направил Молотову, осталась неотправленной. Об этом можно судить на основании того, что во второй половине апреля и затем в середине мая в Москве были получены еще два обращения Тольятти к Димитрову по поводу Триеста, в которых лидер ИКП ссылался на свое первое обращение, но ни словом не упоминал о каком-либо советском ответе⁵⁹. Очевидно, уже в марте 1945 г., рассматривая составленный Димитровым проект ответа на первый запрос Тольятти, то ли сам же Молотов, посылавший Димитрову в качестве указания предложение Литвинова, то ли, не исключено, Сталин, которому Молотов, возможно, в свою очередь посчитал необходимым представить проект для утверждения, все-таки не пришли к окончательному решению по поводу проекта, выработанного комиссией Литвинова. И предпочли воздержаться пока от любого выражения советской позиции и продолжили затем эту тактику.

Лишь на третий, майский, запрос Тольятти был, наконец, дан ответ, свидетельствовавший, что в итоге советское руководство, в отличие от предложения Литвинова, склонилось к передаче Триеста Югославии⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, см.: *Gibjanskij L.* L'Unione Sovietica, la Jugoslavia e Trieste // *La crisi di Trieste. Maggio – giugno 1945: Una revisione storiografica* / A cura di G. Valdevit. Trieste, 1995; *Gibjanskij L.* La questione di Trieste tra i comunisti italiani e jugoslavi // *L'altra faccia della luna: I rapporti tra PCI, PCF e Unione Sovietica* / A cura di E. Aga-Rossi e G. Quagliariello. Bologna, 1997; *Гибианский Л.Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // *Сталин и холодная война* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1997; *Aga-Rossi E., Zaslavsky V.* Togliatti e Stalin: Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Bologna, 1997; *Gibjanskij L.* Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943-1948) // *Dagli Archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943-1951)* / A cura di F. Gori e S. Pons. Roma, 1998; *Pons S.* L'impossibile egemonia: L'URSS, il PCI e le origini della guerra fredda (1943-1948). Roma, 1999; *Гибианский Л.Я.* Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944-1945) // *Славяно-*

ведение. 2001. № 3, 4; *Gibianski L. The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // Vojna in mir na Primorskem: od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954 / Zbrali in uredili J. Pirjevec, G. Bajc, B. Klabjan. Koper, 2005.*

² Документы внешней политики. Т. XXIV: 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М., 2000. Док. 328. С. 502 (советская запись беседы Сталина с Иденом 16 декабря 1941 г.). В предложенном одновременно Идену проекте секретного протокола к предполагаемому советско-британскому союзническому договору пункт о расширении территории Югославии за счет Италии предусматривал, что такое расширение следует произвести «по побережью Адриатического моря и путем присоединения прилегающих островов». См.: СССР и германский вопрос. 1941-1949: Документы из архива внешней политики Российской Федерации. Т. I: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. / Сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 1996. Док. 13. С. 137.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 12. Д. 14. Л. 3-106.

⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976. Т. I. Док. № 170. С. 170-171; Док. № 173. С. 177-178; Док. № 175. С. 179-180; Док. № 183. С. 187-188; Док. № 185. С. 189; Док. № 190. С. 193; Док. № 193. С. 195; Т. 2. Док. № 103. С. 83-84; Док. № 105. С. 86; Док. № 109. С. 90-91; Док. № 114. С. 94-95; Док. № 115. С. 96. Это совещание, известное как Московская конференция министров иностранных дел, состоялось во второй половине октября 1943 г. и открыло путь первой встрече «большой тройки» в Тегеране.

⁵ См.: «Заняться Подготовкой Будущего Мира» // Источник. 1995. № 4 (17). Док. № 3. С. 118.

⁶ Там же. Док. № 4. С. 122; СССР и германский вопрос. Т. I. Док. 55. С. 245.

⁷ См.: Dokumenti o spolnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije 1941-1945 (далее – DSP SFRJ 1941-1945). Т. I. Beograd, 1988. Dok. 244. S. 379-380; Dok. 245. S. 380-381; Т. II. Beograd, 1989. Dok. 10. S. 24-25.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 256. Л. 50-50 об.; см. также: Dagli Archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943-1951) / A cura di F. Gori e S. Pons. Roma, 1998. Doc. 3. P. 226.

⁹ Например, см.: Izvori za istoriju SKJ. Serija A. Т. II. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941-1945) (далее – DCO KPJ). Knj. 15. Beograd, 1986. Dok. 13. S. 86-88; Knj. 16. Beograd, 1986. Dok. 112. S. 348-349.

¹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 259. Л. 16.

¹¹ Архив Югославии (Белград). Фонд 836: Канцеларија Маршала Југославије. КМЈ I-3-с/3. Л. 2-3. Влахович до официального роспуска Коминтерна, декларативно произошедшего в июне 1943 г., работал в аппарате Исполкома Коминтерна (ИККИ), возглавляя редакцию радиовещания на Югославию (передачи так называемой радиостанции «Свободная Югославия»). После роспуска Коминтерна продолжал руководить той же радиоредакцией, которая была включена в состав Института № 205 – одного из подразделений реорганизованного аппарата ИККИ, ставшего действовать в рамках структуры созданного Отдела международной информации ЦК ВКП (б). Масларич являлся заместителем председателя Всеславянского комитета – формально международного общественного органа, который на самом деле был создан и работал как часть советского аппарата внешнеполитической пропаганды.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 41.

¹³ Подробнее см., в частности: *Наринский М.М.* Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржещевский. М., 1995. С. 123-132.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 259. Л. 16-17. Прежде чем послать Карделю и Массоле-Квинто ответную радиogramму, составленную в Отделе международной информации ЦК ВКП (б), Димитров, в соответствии с тогдашней практикой, 17 марта направил ее подготовленный текст на утверждение Молотова. При этом в сопроводительной записке Димитров оговорил, что, если от Молотова «не последует другое указание», то радиogramма будет отправлена упомянутым деятелям КПЮ и ИКП «18-го марта ночью» (Там же. Л. 16). Однако

с поступившим от Димитрова текстом радиограммы Молотов, из-за недостаточной оперативности своего аппарата, ознакомился лишь 19 марта (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 98). Тем не менее, до его ознакомления радиограмма не была отослана Карделю и Массоле. Она вообще была отправлена лишь в ночь с 27 на 28 марта (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 259. Л. 17; DCO KPJ. Knj. 16. Dok. 144. S. 459), когда, видимо, Димитров только и получил санкцию на ее передачу в эфир.

¹⁵ «Заняться подготовкой будущего мира». Док. № 5. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 131.

¹⁷ Например: *Волокитина Т.В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // *Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999. С. 11; *Носкова А.Ф.* Сталин и создание Польского комитета национального освобождения: вынужденный шаг в нужном направлении // *Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв.* Памяти Т.М. Исламова / Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 367 (при этом Носкова ошибочно обозначила Майского как якобы «руководившего Комиссией НКВД СССР по вопросам послевоенного устройства»).

¹⁸ Об этом, в частности, см.: *Гибианский Л.Я.* Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // *Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию чл.-корр. Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова*. М., 2000. С. 384–388; *Он же.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей* / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 122–123.

¹⁹ Архив Југославије. Ф. 836. КМЈ I-3-с/3. Л. 2–3.

²⁰ Там же. Л. 4–43. Этот экземпляр справки был послан в адрес Тито в конце сентября 1944 г. одним из видных деятелей КПЮ и новой Югославии М. Пьяде, который некоторое время находился в Москве, выполняя функции своего рода политического представителя югославского коммунистического руководства. См.: Там же. Л. 1.

²¹ Пьяде, прилетевший в Москву в конце августа 1944 г., информировал Тито о том, что Влахович и Масларич представили Литвинову окончательный текст справки незадолго до его, Пьяде, прибытия в советскую столицу (Архив Југославије. Ф. 836. КМЈ I-3-с/3. Л. 1).

²² Ввиду порядков, практикующихся в АВП РФ, нам не удалось ознакомиться с несомненно имеющимися там оригиналом справки и какими-либо связанными с ней материалами. В силу чего трудно с уверенностью судить как о том, является ли экземпляр справки, хранящийся в белградском архиве, окончательным, так и о том, насколько он полон. Но исходя из того, что белградский экземпляр был, очевидно, получен Пьяде от самих Влаховича и Масларича и что это произошло уже после того, как они сдали подготовленный ими документ Литвинову, кажется более вероятным, что данный текст, который от Пьяде поступил к Тито, представлял собой окончательный и полный вариант справки.

²³ Архив Југославије. Ф. 836. КМЈ I-3-с/3. Л. 35–36.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Там же. Л. 37–38.

²⁶ Там же. Л. 38, 39.

²⁷ Там же. Л. 38–39.

²⁸ «Бенешка Словения» прямо упоминалась в постановлении Президиума АВНОУ от 30 ноября 1943 г. См.: DSP SFRJ 1941–1945. Т. II. Dok. 10. S. 24.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 20. Д. 148. Л. 1, 1а, 1б.

³⁰ Он занимал все архивное дело, указанное в предыдущем примечании.

³¹ В документе «Об обращении с Италией» раздел, посвященный территориальной проблеме между Югославией и Италией, см.: АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 20. Д. 148. Л. 43–46; заключение по этой проблеме в разделе «Резюме и выводы»: Л. 56.

³² Там же. Л. 43.

³³ Там же. Л. 44, 45.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 56.

³⁶ Там же. Л. 45–46, 56.

³⁷ Там же. Л. 43–44, 56.

³⁸ Там же. Л. 56, см. также: Л. 45.

³⁹ Там же. Л. 45, 56.

⁴⁰ Там же. Л. 56, см. также: Л. 44–45.

⁴¹ Стенографический протокол этого заседания комиссии см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 66–87. Обсуждение вопросов, касающихся изменения югославо-итальянской границы и положения Триеста, см.: Там же. Л. 69–72, 74–75, 79, 80–82, 87.

⁴² Там же. Л. 70–71, 75, 87.

⁴³ Там же. Л. 71.

⁴⁴ Там же. Л. 71–72.

⁴⁵ Там же. Л. 74–75.

⁴⁶ Там же. Л. 81, 87.

⁴⁷ Там же. Л. 81–82.

⁴⁸ Там же. Л. 87.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 874. Л. 5. Приходится отметить, что имевшаяся до сих пор и, кажется, чуть ли не единственная в российской историографии очень краткая характеристика того, как рассматривался триестский вопрос в документе, обсужденном в комиссии Литвинова (*Агафонова Г.А.* Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // *Сталин и холодная война* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1998. С. 64), неадекватна подлинному содержанию документа. То, о чем в нем говорилось по поводу проблемы Триеста, Агафонова почему-то свела исключительно к фиксированию позиции, высказанной Сурицем. К сожалению, не будучи еще знаком с соответствующими материалами комиссии Литвинова и доверившись статье Агафоновой, я – со ссылкой на эту статью – повторил данную в ней характеристику в одной из моих предыдущих работ: *Гибианский Л.Я.* Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // *Славяноведение*. 2001. № 3. С. 16–17.

⁵⁰ Изложение позиций участников, прежде всего Литвинова и Лозовского, и их дискуссию по поводу общего подхода к обращению с Италией см. в той же стенограмме обсуждения: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 141. Л. 66–67, 72–84, 87. Анализ этой дискуссии см. также: *Pons S.* In the Aftermath of the Age of Wars: the Impact of World War II on Soviet Security Policy // *Russia in the Age of Wars, 1914–1945* / Ed. S. Pons, A. Romano (Fondazione Giangiacomo Feltrinelli: Annali. Anno Trentaquattresimo. 1998). Milano, 2000. P. 290–291.

⁵¹ Подробнее это рассматривалось, в частности, в моих работах, указанных в примеч. 1.

⁵² DCO KPJ. Knj. 20. Beograd, 1987. Dok. 63. S. 344; Nap. 373. S. 456–457; Aga-Rossi E., Zaslavsky V. L'URSS, il PCI e l'Italia: 1944–1948 // *Storia Contemporanea* (Roma). 1994. N 6. P. 957–958.

⁵³ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 465. См. также: Централен държавен архив – София. Ф. 146 б. Оп. 2. А.е. 15. Л. 20–21.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 1.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 874. Л. 5.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 799. Л. 2, 4.

⁵⁸ Там же. Л. 3.

⁵⁹ Там же. Д. 42. Л. 10; Д. 716. Л. 45–47.

⁶⁰ Там же. Д. 716. Л. 45–48.

Словения: 20 лет независимости

В январе 1990 г. состоялся XIV съезд Союза коммунистов Югославии. Делегации Словении и Хорватии сочли неуместным свое участие в съезде и покинули его. С этого момента Словения начинает открытую борьбу за свою независимость, первым шагом к которой стало проведение многопартийных выборов, состоявшихся в апреле 1990 г. Всего в них приняло участие 34 партии. Победу одержал оппозиционный блок Демократическая оппозиция Словении или ДЕМОС. Он получил 55% голосов и большинство мест в парламенте. Оставшиеся 114 мест поделили между собой Партия демократического обновления (бывший Союз коммунистов Словении), Либерально-демократическая и Социалистическая партии. Что касается программных положений партий, то они не отличались оригинальностью. Каждая из них строилась на готовности защищать интересы Словении, главным из которых была независимость.

Программа Партии демократического обновления не явилась исключением. Лозунг «За европейское качество жизни» стал ее визитной карточкой. Своим избирателям руководство партии обещало разработку новой конституции, «за которую не стыдно было бы ни одному европейскому государству»¹. Что касается будущего устройства Словении, то Партия демократического обновления не отрицала возможности участия республики в создании конфедеративной Югославии с рыночной экономикой, демократией и всеми правами человека, но только если она будет «содружеством добровольно объединившихся и равноправных народов, на основе их прав на самоопределение и отделение»².

В своей речи на первой сессии Скупщины Республики Словения 9 мая 1990 г. лидер Партии демократического обновления и председатель Президиума Словении М. Кучан говорил о решении провести парламентские выборы, как о свершившемся факте. Апеллируя к истории социалистической Югославии, он отметил, что Словения не должна помнить обиды и ущемления прав югославского периода. Она должна начать строить новое общество. В частности он сказал: «Цель примирения..., которое является нашим долгом перед культурой и цивилизацией, состоит в том, чтобы положить конец нашей болезненной одержимости прошлым, ведь мы должны жить дальше; народ, который излишне отягощает себя прошлым, угрожает своему настоящему и отказывается от своего будущего. Те, кого переполняет ненависть, не могут достичь примирения. Мы сможем его достичь только в том случае, если откажемся от разжигания новой вражды на старых пепелищах»³.

Это был призыв, обращенный не столько к словенскому народу, сколько к народам Югославии и в большей степени к Сербии. Это было своего рода упреждение от развязывания вооруженного конфликта, к которому могло привести провозглашение независимости. Далее в своем выступлении Кучан указал на причины, толкавшие Словению к столь решительному шагу. Он отметил: «Мы можем с большой степенью уверенности сказать, что нам после стольких лет пребывания в едином югославянском государстве с другими народами совершенно ясно, что невозможна Югославия, основанная на гегемонии одного народа, ни Югославия, которая основывалась на гегемонии одной политической партии»⁴. Председатель Президиума Словении заметил, что главной причиной кризиса, в который скатилась страна за последнее десятилетие, является централизм и гегемония. Словения выдвинула ряд предложений по преобразованию СФРЮ. В частности, было предложено создание так называемой «асимметричной федерации», т.е. государства, в котором необязательно, чтобы все республики имели во всем одинаковый статус. В своей речи на первой сессии Скупщины Республики Словения М.Кучан также подчеркнул, что «речь идет не о возобновлении ложного, предписанного или даже насильственного единства, а о естественной, этнически обоснованной необходимости».

Стремление Словении выйти из состава СФРЮ объяснялось его руководством в основном тремя причинами: отсутствием в стране демократии (наличие всего одной партии), навязыванием Сербией своей воли (централизм) и нежеланием республики бросать деньги на ветер (подразумевалась помощь отсталым республикам и краям). Руководство Словении осознавало, что как только республика официально заявит о своем выходе из состава СФРЮ, она окажется лицом к лицу с Югославской народной армией. Поэтому воспользовавшись обострившимся национальным кризисом, словенская политическая элита попыталась углубить его еще больше, сочтя момент как нельзя более подходящим. Стремясь облегчить и обезопасить свой выход из состава Югославии, ее представители подогревали эти же стремления у других республик, взывая к их национальным чувствам. Кучан говорил, что «равные права, которых мы добиваемся для себя, мы признаем за всеми другими народами Югославии. Будущее Югославии, по нашему мнению, может быть основано только на свободном взаимодействии»⁵. Главным союзником Словении стала Хорватия. Остальные республики сначала не проявляли особого желания стать независимыми, предпочитая решить накопившиеся проблемы, не прибегая к крайним мерам.

Но руководство Словении уже не могло остановиться, оно взяло курс на создание собственного государства. 2 июля 1990 г. новоизбранная Скупщина Словении приняла Декларацию о государственном суверенитете. В Декларации отмечалось, что Словения исходит из права словенского народа на самоопределение. Республика соглашалась выполнять союзные законы и другие союзные нормативные акты на своей территории только в том случае, если они не противоречили Конституции и законам Респу-

блики Словения. Планировалось в течение одного года подготовить текст новой Конституции, в котором особо были бы определены союзные законы неприемлемые для Словении⁶.

К осени 1990 г. ситуация в стране обострилась. Уже стало очевидным, что, скорее всего, Югославии не избежать распада, если в срочном порядке не будут приняты меры по изменению структуры союзного государства. В руководящих органах страны началась разработка проектов по реформированию государственного устройства. Было представлено два наиболее приемлемых варианта. Первый предусматривал создание конфедерации. Это должен был быть союз независимых государств, где республики сами бы решали, в какой степени позволять центру вмешиваться в их внутренние дела. Согласно второму плану Югославия должна была остаться федерацией, претерпевшей некоторые изменения. При этом центр был бы наделен еще более широкими полномочиями. Приверженцами конфедерации были Словения и Хорватия. Самыми яркими поборниками федерализма являлись Сербия и Черногория. Остальные республики склонялись к некоему третьему компромиссному варианту разрешения кризиса.

Для того, чтобы прийти к какому-либо соглашению, в октябре 1990 г. Президиум СФРЮ направил Скупщине СФРЮ два проекта возможного устройства Югославии. Но сделано это было слишком поздно: Хорватия и Словения уже были слишком далеки от идеи сохранения единого государства. Складывается впечатление, что эти республики использовали время, затраченное на разработку и рассмотрение реформы государственного устройства Югославии для укрепления своих позиций и для подготовки своей армии, на случай если центр не захочет добровольно предоставить им независимость.

В ноябре 1990 г. состоялось заседание всех трех палат Скупщины Республики Словения. На нем обсуждался предложенный конституционной комиссией проект о проведении референдума по вопросу независимости. Исполнительное вече поддержало предложение. Решение Исполнительного вече о провозглашении независимости базировалось на конституционных поправках к Конституции Словении, принятых осенью 1989 г. Причиной отделения Словении от Югославии провозглашалось значительное различие в экономическом развитии между Словенией и другими субъектами союзного государства. «По основным показателям экономического развития, – говорилось в решении о провозглашении независимости, – Югославия далека от развитой Европы, в то время как Словения к ней значительно ближе»⁷. Далее отмечалось, что разрыв в экономическом развитии регионов СФРЮ является препятствием для проведения системных преобразований и обновления экономики республики. В решении также отмечалось, что главной целью независимой Словении станет экономическая и политическая интеграция с западноевропейским пространством.

Исполнительным советом к тому времени была разработана программа сближения Республики Словения с Европой, получившая название «Бе-

лая книга». В решении Исполнительного веча отмечалось, что «Словения не может смириться с тем, что Югославия упустила исторический шанс – первой из *бывших* социалистических стран включиться в европейское пространство; с тем, что она занимает последнее место среди стран, которые ожидают своей очереди, чтобы присоединиться к Европе»⁸. Однако, при всем этом, при неразвитости югославской экономики, неэффективности экономического сотрудничества с другими менее развитыми республиками, Словения не планировала окончательного с ними разрыва. Предполагалось, что республика предпримет все возможные действия для того, чтобы избежать последствий одностороннего разрыва связей с Югославией, поскольку это привело бы к утрате имущества в других частях Югославии, к сокращению рынка, к завышенным расходам на создание собственной экономической системы и институтов экономики⁹. Руководство Словении не могло не понимать, что разрыв с Югославией приведет к колоссальным убыткам, поскольку главными потребителями словенской продукции являлись именно республики СФРЮ.

6 декабря 1990 г. был принят Закон о референдуме по вопросу о самостоятельности Республики Словении. Гражданам предлагалось ответить всего на один вопрос: «Должна ли Республика Словения стать самостоятельным и независимым государством?». Вариантов ответа была два: «да» или «нет»¹⁰. 23 декабря в Словении прошел плебисцит. В нем приняли участие 89% граждан, имеющих право голоса¹¹. Согласно официальным данным за независимость высказалось 1 289 369 избирателей (88,5%), против проголосовало 57 800 избирателей (4%)¹². 26 декабря 1990 г. председатель Скупщины на совместном заседании обеих палат провозгласил независимость республики.

Но не все видели и хотели видеть реальное положение дел. Поэтому в январе – феврале 1991 г. состоялось три заседания Президиума СФРЮ с целью принятия соглашений, предусматривавших сохранение единого югославского государства; на них присутствовали представители всех республик. Хорватия и Словения не собирались сдавать своих позиций. Для них вопрос представлялся уже решенным. Единственным условием, при котором они были согласны остаться в составе Югославии, являлось создание конфедерации, которая представляла бы собой добровольный союз суверенных государств, объединенных единой границей и общими экономическими интересами. Власть должна была быть представлена парламентом, наделенным совещательными полномочиями, Конфедеративным судом, Исполнительной комиссией и Советом министров. Все субъекты конфедерации получили бы право на создание собственной валюты, армии и дипломатических представительств в других странах¹³. Выдвигая все новые и новые практически не осуществимые в данный момент предложения по обустройству Югославии, Словения подтверждала свое нежелание находиться в ее составе. Даже если бы было принято некое компромиссное решение, то, вероятнее всего, словенская политическая верхушка, уже по-

чувствовавшая вкус свободы, его бы не приняла. По свидетельству министра иностранных дел Рупела, «Словения уже в апреле 1991 г. погребла надежды на создание конфедерации, хотя хорваты этого еще не сделали, но из-за обремененности сербским национальным меньшинством, это было оправдано»¹⁴. Словения стремилась к европейской интеграции, и обуза в виде конфедеративного или федеративного государства только мешала осуществлению ее планов. Тем более что у словенского руководства уже были результаты референдума о независимости, которые могли быть использованы в любой момент. Поэтому все поступающие предложения других республик воспринимались им в штыки.

В конце февраля 1991 г. Словения выступила с резолюцией, в которой уже недвусмысленно заявляла о своем намерении выйти из состава союзного государства. Как один из возможных вариантов она предложила разъединить СФРЮ на два или больше суверенных или независимых государств. Подразумевалось, что Словения при таком раскладе станет независимой. В резолюции особо подчеркивалось, что Словения уведомляет Скупшину СФРЮ о начале процедуры разъединения. Стремясь обеспечить мирный раздел федерации, республика предлагала идти путем соблюдения принципов международного права. Сразу же оговаривались и границы. Они должны были остаться такими, какими были при Югославии, т.е. границы СФРЮ с Республикой Австрией, Республикой Италией и Республикой Венгрией и граница между Республикой Словенией и Республикой Хорватией в рамках бывшей СФРЮ¹⁵ сохранялись без изменений.

Залогом успешного отделения Словении от Югославии был союз с Хорватией, которая могла бы послужить буфером для югославской армии в случае начала военных действий. Кроме того, Словения с Хорватией представляли некую весомую силу — останься Словения без хорватской поддержки, ее выход из состава Югославии оказался бы весьма затруднительным. Словения понимала, что вероятность вооруженного столкновения велика. Для того, чтобы суметь подготовиться к противостоянию армии центра, необходимо было еще как минимум полгода. Хорватия несколько отставала в процессе провозглашения независимости, а без нее начинать большую игру было довольно рискованно.

Для того, чтобы заручиться официальной поддержкой и помощью мирового сообщества, руководство Словении прибегло к ставшим традиционными в то время для всех новоявленных государств бывшего социалистического лагеря приемам: признание неэффективности социализма и обвинение коммунистической партии в диктатуре, восхищение западными ценностями и, главное, неоднократно озвученное желание присоединиться к европейскому свободному демократическому обществу. Помимо всего этого необходимо было создать образ врага, что и было сделано. Им стала Сербия. В этом Словению поддержала Хорватия. Сербия обвинялась в антиконституционной и незаконной политике, разрушении экономической системы Югославии и сталкивании страны в бездну экономического

кризиса¹⁶. В Меморандуме Исполнительного веча Республики Словении по урегулированию Экономических отношений в Югославии говорилось, что Словения «не исключает для Республики Сербия самостоятельного пути решения экономического кризиса..., но выступает против спасения Сербии путем обворовывания других, что в современном мире не находит аналогов»¹⁷.

Словения всеми своими помыслами была уже в Европе. Об этом лучше всего говорит Программа действий по выполнению задач, поставленных референдумом. Одним из ее пунктов, помимо экономических и конституционных вопросов, был план о начале деятельности по включению Республики Словении в международные организации. Словения планировала в кратчайшие сроки вступить в такие ведущие организации как ООН, Совет Европы, ЕАСТ и др.¹⁸ Европа еще открыто не одобряла, но и не развивала ее чаяний.

В Белграде понимали, к чему идет развитие ситуации. И для того, чтобы как-то притормозить становившийся необратимым процесс, было заявлено о возможном мирном исходе кризиса, однако отмечалось, что при необходимости может быть применено и оружие для защиты сербов, проживающих в союзных республиках. Но Словении это касалось мало. Скорее эта угроза несла опасность для Хорватии, где был значительный процент сербского населения. Поэтому заявление было проигнорировано. Тогда Сербия прибегла к экономическому давлению (хотя и оно оказалось малоэффективным), дав оппонентам лишнюю возможность обернуть ситуацию против нее же самой.

Положение особенно обострилось в мае 1991 г., когда истекли полномочия председателя Президиума СФРЮ. На этот пост претендовал представитель Хорватии С. Месич. Однако его кандидатура вызывала нарекания, поскольку были опасения, что он, как ярый поборник отделения Хорватии, будет способствовать дальнейшему развалу страны. Против его кандидатуры выступили представители Сербии, Черногории, Косова и Воеводины. Месич сумел раздуть вокруг этого скандал с привлечением международной общественности. Он обвинил Сербию в ущемлении прав хорватов и стремлении создать Великую Сербию. По мнению Месича, единственное, что могло помешать «захватническим планам» Сербии, был раздел страны. Главная цель была достигнута. Сербия снова предстала в роли диктатора, а скандал отвлек внимание от главного процесса, происходившего в Хорватии и Словении, а именно от подготовки к провозглашению независимости. В итоге под давлением международного сообщества Президиум проголосовал за Месича. 30 июня 1991 г. он стал главой государства. Однако это уже не имело никакого значения, так как и Словения, и Хорватия уже заявили о своем выходе из Югославии.

Осознавая, к чему семимильными шагами идет Словения, Союзное исполнительное вече выступило с предложением по урегулированию отношений в югославском содружестве. В нем, в частности, говорилось, что

Союзное исполнительное вече, исходя из права наций на самоопределение, считает, что осуществление этого права является демократическим процессом, а не односторонним шагом и должно осуществляться только путем совместного договора. «Отделение как односторонний акт означало бы насильственное изменение существующих отношений, т.е. отрицание демократии...»¹⁹, – говорилось в Предложении. В нем также отмечалось: «Союзное исполнительное вече считает, что какой-либо и чей-либо договор или одностороннее решение об изменении внешних или внутренних границ страны противоречит мирному и демократическому разрешению кризиса и что таковые должны считаться незаконными... Для такого решения необходим договор всех республик и народов Югославии»²⁰. Но ни это, ни другие предложения не могли уже остановить Словению, которая взяла курс на независимость, почувствовав поддержку Запада и особенно Германии, без чего осуществление ее планов было бы маловероятным.

Государственная самостоятельность Республики Словения и ее отделение от СФРЮ были провозглашены 25 июня 1991 г. В Хартии о самостоятельности и независимости говорилось, что Словения получила право считаться независимым государством согласно проведенному в декабре 1990 г. плебисцита о независимости. Особо отмечалось, что «Республика Словения и ранее по своему конституционному устройству являлась государством и только часть своих суверенных прав осуществляла в СФРЮ»²¹. Югославия обвинялась в серьезных нарушениях прав человека, национальных прав и прав республик и автономных краев. «Это в свою очередь, – говорилось далее, – не обеспечило разрешения политического кризиса и не дало возможности югославским республикам прийти к соглашению, которое позволило бы им обрести самостоятельность и трансформировать югославское союзное государство в союз суверенных государств»²². Согласно Закону об исполнении основополагающей конституционной хартии о самостоятельности и независимости Словении, республика прекращала деятельность словенских депутатов в Союзном вече Скупщины СФРЮ, Вече республик. Действующий член Президиума СФРЮ согласно хартии получал полномочия представителя республики. На территории Словении после провозглашения независимости продолжали действовать международные договоры, заключенные Югославией в отношении Словении. После обнародования этого Закона произошло то, чего так надеялось избежать руководство республики, – на территорию Словении были введены войска.

Американский посол в Югославии У. Циммерман писал, что отношения между республиками начали ухудшаться в 1989 г., и самыми плохими они были между Сербией и Словенией, хотя у Словении было много причин быть благодарной Югославии. «После Второй мировой войны югославская армия отвоевала для Словении земли, про которые словенцы говорили, что после Первой мировой войны они несправедливо отошли к Италии. Нынешняя независимая Словения третью своей территории обязана

военным действиям ЮНА против Италии. Югославия для Словении была гарантированным рынком для ее товаров, которые вряд ли бы выдержали конкуренцию на западном рынке. Но поскольку Словения «считала свою республику зародышем западной демократии, она решила напасть на Милошевича, не дожидаясь, что он нападет на них», – писал Циммерман²³.

Словенское руководство понимало, что центр не захочет добровольно отпустить республику, поэтому оно заблаговременно начало готовиться к вооруженному столкновению. Оружие закупалось за границей, создавалась собственная служба разведки. Постепенно словенская армия выходила из-под контроля ЮНА. 25 июня, когда была провозглашена независимость Словении, словенское руководство взяло под свой контроль границы республики, воздушное пространство, порты. На КПП все югославские государственные символы были заменены словенскими. Союзный парламент выступил с осуждением отделения Словении, признав эти действия незаконными, поскольку независимость была провозглашена в одностороннем порядке. Для того, чтобы закрепить акт провозглашения независимости и привлечь внимание международной общественности, президент Словении Кучан оповестил всех руководителей государств и генерального секретаря ООН о том, что Словения провозгласила независимость. Это стало главной причиной срыва назначенной на 27 июня встречи Кучана и премьер-министра СФРЮ А. Марковича, на которой планировалось обсудить возможное разрешение сложившейся ситуации.

Реакция Югославии последовала незамедлительно. Рано утром 27 июня к границам Словении выдвинулись танки ЮНА. Однако тогда осталось непонятным, кто именно отдал приказ о наступлении. В одном из своих интервью Маркович отметил: «Что касается отделения Словении и так называемой войны, у меня сложилось очень ясное мнение. Прежде всего, Словения заняла пограничные пункты суверенного государства Югославии, и поэтому интервенция ЮНА была оправдана. Другое дело, как и каким образом, дошло до интервенции. Думаю даже, что речь шла о договоре между руководством Словении и Сербии об инсценировке нападения... О походе танков ЮНА в Словению я узнал только в четверг, 27 июня 1991 г., около пяти часов утра, когда мне, единственному в Белграде, позвонил по телефону Кучан»²⁴. Сейчас уже можно достоверно утверждать, что приказ взять под контроль аэродром Брник, порт Копер отдавался командованием ЮНА в соответствии с решениями правительства. Для этих целей было выделено 1990 военнослужащих, из которых 400 – из подразделений министерства внутренних дел, и 270 таможенников²⁵. По свидетельству очевидцев, начавшая наступление армия была плохо подготовлена и вооружена. Ряд исследователей считает, что это было сделано намеренно с целью дискредитировать ЮНА.

На заседании правительства, проходившем в ночь с 25 на 26 июня, большинство министров высказались за сохранение единства страны. Однако это могло привести к военным столкновениям, что повлекло бы за

собой нежелательные последствия, главным из которых была негативная реакция международного сообщества. По свидетельству министра иностранных дел СФРЮ Б. Лончара, ему звонили министры иностранных дел Италии и Германии – Джанни де Микелис и Ганс-Дитрих Геншер, которые предупредили, что если дойдет до военных столкновений, то единство югославской федерации больше не будет поддерживаться международным сообществом²⁶.

Такая позиция международного сообщества была обеспечена во многом стараниями министра иностранных дел Словении Д. Рупела, который в преддверии провозглашения независимости посетил многие европейские страны, где вел переговоры со своими коллегами по внешнеполитической линии. В своих воспоминаниях он писал, что «нас очень волновало отношение заграницы к стремлению обрести независимость, но мы видели хороший знак в поведении сенатора Боба Дола, который предложил США поддерживать только демократические республики, т.е. Словению и Хорватию»²⁷. Словения пыталась заручиться поддержкой Венгрии и Австрии, стран Бенилюкса, Бельгии. На всех встречах словенские представители указывали на тот факт, что республика смогла установить демократию сама, без иностранной помощи. Однако именно это, по словам Рупела, настораживало республику, поскольку «западные друзья не чувствовали за Словению той ответственности, которую несли за Восточную Германию, Польшу и Венгрию»²⁸.

Так почему же страх перед вооруженным нападением Сербии не оставил словенские власти и не отсрочил провозглашение независимости? Несомненно, были опасения, что Сербия может пойти ва-банк ради сохранения целостности государства. Однако по свидетельству министра обороны Словении Янеза Янши, «в июне 1991 г., благодаря скрупулезному анализу ситуации в Югославии и благодаря хорошим разведывательным данным, мы были уверены в том, что части ЮНА не смогут осуществить нападение с привлечением большого количества сил в тот момент, когда Словения и Хорватия провозгласят независимость, и что это будет интервенция и давление на ключевые посты, которое впоследствии может быть обострено путем привлечения резервных сил ЮНА»²⁹.

Судя по воспоминаниям министра обороны, Словения не была полностью подготовлена в вооруженном плане к провозглашению независимости. Еще в десятых числах июня у руководства не было уверенности в том, что заказанное им вооружение поступит в срок. Военный заказ состоял из 5 тыс. автоматических винтовок и 5 млн. комплектов боеприпасов, более 1 тыс. противотанковых снарядов, включая несколько ракет для пусковых установок типа Фагот и несколько десятков противоздушных ракет типа Стрела 2М³⁰. Вооружение прибыло 21 июня. «Я до сих пор спрашиваю себя, – пишет Янез Янша, – приняла ли бы служба президента Республики решение о вооруженном сопротивлении 27 июня с чистой совестью, если бы мы не получили вооружения, которое увеличило наши возможности противостояния танковому натиску более чем на 100 %»³¹.

Для обсуждения сложившейся ситуации состоялось совещание Президиума Словении. На нем было принято решение оказать сопротивление югославской армии и довести процесс провозглашения независимости до конца. Все население Словении встало на защиту своей свободы. Причем в некоторых случаях именно словенская сторона первая открывала огонь по ЮНА, которая, судя по всему, не собиралась вести активных боевых действий. С каждым днем становилось все очевиднее, что сохранить целостность страны не удастся. Чтобы избежать настоящей войны, следовало отпустить Словению. Одним из самых напряженных дней стало 2 июля. Вероятность усиления давления военной мощи ЮНА оставалась реальностью, ожидалось, что югославская армия начнет атаку с воздуха. Вернувшись из поездки в Германию, Кучан сообщил, что переговоры с Геншером прошли успешно, последний настаивал на том, чтобы немедленно были прекращены военные действия и начался переговорный процесс с югославской стороной³².

Попытка Сербии вернуть все на круги своя не принесла желаемых результатов. Руководство Словении смогло мобилизовать 35 тыс. добровольцев и силы так называемой «территориальной обороны». В длившихся 10 дней боевых столкновениях погибло 44 военнослужащих ЮНА. Со стороны Словении убитых было трое и 66 раненых. По мнению словенских историков и политиков, эту войну нельзя было считать гражданской, поскольку это не была война одного народа, а интервенция, направленная на подавление стремлений к свободе и демократии.

3 июля стороны заключили перемирие. 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал возвращения всех пленных и прекращения огня. Большую роль в разрешении конфликта сыграла Германия. Выступая по радио 5 июля, Геншер заявил, что «в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА нужно будет поставить вопрос о признании европейским сообществом независимости Словении и Хорватии. При этом он подчеркнул, что необходимо принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить сотрудничество в области финансов³³. 7 июля состоялась встреча министерской тройки Европейского сообщества с членами Президиума СФРЮ во главе с С. Месичем и представителями всех республик кроме Сербии на острове Бриони. Цель встречи заключалась в создании условий для мирных переговоров. В итоге была принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. Стороны согласились, что они должны полностью уважать следующие принципы:

- лишь народы Югославии и только они сами могут принимать решения о собственном будущем,
- немедленно, то есть не позднее 1 августа 1991 г., должны начаться переговоры обо всех аспектах будущего Югославии безо всяких предварительных условий, на основании принципов Хельсинского Заключительного акта СБСЕ и Парижской хартии для новой Европы³⁴.

Все югославские стороны обязались оказывать планируемой миссии наблюдателей поддержку, в том числе обеспечить ее членам полную безопасность и свободу передвижения. В приложении 1 Декларации оговаривались дальнейшие формы реализации и подготовки к переговорам. Контроль над словенскими границами передавался в руки словенской полиции, таможенные сборы оставались союзными доходами и должны были взиматься словенскими таможенниками, полученные средства переводились на совместный счет, находящийся под контролем союзного и республиканского министерств финансов и внешних наблюдателей. Что касается границ, то восстанавливалось состояние, существовавшее до 25 июня 1991 г.³⁵ Кроме того, снималась блокада со всех дорог, расформировывались части Территориальной обороны. Что касается захваченных во время боевых действий пленных, то они должны были быть отпущены в кратчайшие сроки.

С принятием Брионской декларации европейские государства получили уникальную возможность вмешаться во внутренние дела суверенного государства и под предлогом восстановления справедливости и демократии поставить разгоравшийся с молниеносной скоростью пожар югославского кризиса под свой контроль. Изначально наблюдатели посылались только в Словению и Хорватию, однако особо оговаривалась возможность расширения ареала их деятельности. Состав миссии не был однородным, в него могли входить как гражданские, так и военные представители. Планировалось, что все они разместятся в так называемом «Координационном центре», откуда в различные сектора будут посылаться небольшие группы, находящиеся под контролем Руководителя Миссии наблюдателей, который должен предоставлять ежедневный отчет о деятельности Миссии Комитету старших должностных лиц через Секретариат СБСЕ в Праге³⁶.

Скупщина Республики Словения приняла все положения Брионской декларации, выразив благодарность министерской тройке Европейского сообщества за оказанную помощь «в миролюбивом разрешении югославского кризиса» и полное доверие «к добрым намерениям Европейского сообщества»³⁷. 12 июля 1991 г. после предварительно заключенного перемирия Президиум СФРЮ принял решение вывести войска из Словении. Окончательно все войска были выведены 29 июля 1991 г. До 8 октября 1991 г. Словения практически приостановила процесс строительства суверенного государства. Но уже в ноябре был принят закон о денационализации, а в декабре – новая Конституция, которая стала первой Конституцией, где Словения провозглашалась независимым государством. Решение о написании нового главного государственного закона было принято еще в конце июня 1990 г. Тогда была создана специальная конституционная комиссия, состоявшая из различного рода специалистов. Изначально планировалось, что Конституция будет готова к концу 1990 г. Однако процесс значительно замедлился. Первый черновой вариант был подготовлен к октябрю 1990 г. В его основе лежали проекты конституций, предложенные ранее писателями Словении в 1988 г., а также проект, предложенный

оппозиционной коалицией ДЕМОС в марте 1990 г.³⁸ После доработки в этот вариант было внесено более ста поправок. Из-за введенного Брионскими соглашениями трехмесячного моратория, процесс принятия Конституции был приостановлен.

Текст новой Конституции оказался значительно короче текста Конституции 1974 г. Словения провозглашалась демократической парламентской республикой. Главой и Верховным главнокомандующим государства становился президент. Срок его полномочий составляет пять лет. Он может занимать свой пост не более чем два срока подряд. Избирается он гражданами республики. Правительство республики состоит из Председателя и министров. Министры назначаются и смещаются Государственным собранием. Само Государственное собрание состоит из 90 депутатов, избранных гражданами Словении на основе всеобщего, прямого избирательного права на четыре года. В Государственное собрание избирается по одному депутату от итальянского и венгерского национальных меньшинств. Собрание имеет эксклюзивное право принятия законов. Другим органом власти является Государственный совет. Этот орган состоит из представителей различных социальных, экономических, профессиональных слоев, численностью 40 человек, избираемых сроком на пять лет (по четыре представителя от работодателей, наемных работников, крестьян, ремесленников и лиц свободных профессий, шесть представителей непроизводственной сферы и двадцать два представителя местных интересов). В компетенцию Совета входит вынесение законопроектов на рассмотрение Государственного собрания и др.³⁹

В декабре 1992 г. прошли первые независимые выборы президента и депутатов в Государственное собрание и Государственный совет. На пост главы государства претендовало 8 человек, в итоге президентом был избран М. Кучан. Что касается политических партий, то перед выборами они столкнулись с целым рядом проблем. В первую очередь это были противоречия внутри большинства партий, и, во-вторых, осложненная внутриэкономическая ситуация. Так, раскол Словенского демократического союза привел к тому, что правящая коалиция ДЕМОС потеряла большинство мест в Парламенте. Кроме того, возникшие в этот период партии в своих программах в большинстве своем говорили только о суверенитете. Но, столкнувшись с проблемами молодого государства, среди которых были падение производства, рост инфляции, снижение уровня жизни и безработица, многие партии оказались неготовыми к их решению. По итогам выборов в парламент прошло восемь партий. Большинство получили Либерально-демократическая партия (22 депутата), ее глава Янез Дрновшек стал премьер-министром, и Словенские христианские демократы (15 депутатов). Третье место заняла Партия демократического обновления. Однако ЛДП не смогла получить большинства на выборах 1994 г. в местные органы власти. Лидером стала Словенская народная партия, получившая на выборах 1992 г. всего 10 мест в парламенте.

Период перехода к рыночной экономике был довольно болезненным для Словении, особенно в первые три года. Во-первых, был потерян главный потребитель словенской продукции – югославский рынок, а словенский рынок был слишком мал для реализации производимой продукции. Многие словенские товары не выдерживали западной конкуренции. Во-вторых, высокий процент инфляции привел к резкому падению уровня жизни населения страны. Изменения в системе оплаты труда привели к тому, что значительная часть населения оказалась за чертой бедности. По некоторым статистическим данным самые низкие зарплаты в 1992 г. были у рабочих металлургической, строительной и перерабатывающей промышленности. Значительно возросла безработица. В 1990 г. число занятых на предприятиях и в других организациях составляло 786 036 человек, в 1992 г. их число снизилось до 656 966 человек, в 1996 г. – до 581 651 человека⁴⁰. Тяжелым бременем на экономике страны лежала выплата членам Лондонского клуба части долга СФРЮ, который составил 18 %.

Главными задачами, которые ставило перед собой правительство, было обуздание инфляции, сокращение безработицы и выход на мировой рынок. В 1996 г. Словения присоединилась к Среднеевропейскому договору о свободной торговле, а также заключила ряд двусторонних договоров о свободной торговле с Латвией, Македонией, Литвой, Болгарией и Эстонией.

В стране были проведены денационализация, приватизация, банковская реформа. После провозглашения независимости Словения ввела временную денежную единицу, на которую обменивали в банках югославские деньги по курсу 1:1⁴¹. Но уже в октябре 1991 г. Банк Словении ввел государственную постоянную валюту – толар и провозгласил его единственной действующей денежной единицей на территории Словении.

В соответствии с Законом о преобразовании формы собственности предприятий от 11 ноября 1992 г. в целях бесплатного распределения общественного капитала предприятий среди граждан Словении выдавались приватизационные чеки. Чек мог быть использован владельцем для получения акций либо пая на предприятии, где он работал, для приобретения акций предприятий, которые преобразовывали свою форму собственности. При этом стоимость приватизационных чеков была разной и зависела от стажа гражданина, получавшего чек. Самый маленький номинал составлял 200 тыс. толаров, и выдавался лицам, не имевшим стажа, самый высокий номинал составлял 400 тыс. толаров и выдавался тем, кто имел свыше 30 лет трудового стажа⁴².

Закон о денационализации был принят в декабре 1992 г., а начал реализовываться в июне 1992 г. К концу марта 1997 г. было денационализировано более 23 тыс. га крестьянских земель, около 69 тыс. га лесов, 245 тыс. кв. м жилой площади, 312 тыс. кв. м нежилой площади, около 6 млн. кв. м земель, находящихся под застройками⁴³. Кроме того, в процессе денационализации предусматривался возврат имущества физическим лицам, кото-

рое было национализировано в годы существования социалистической Югославии.

В конце 90-х годов правительство Словении начинает активную работу по присоединению к основным европейским экономическим структурам и структурам по обеспечению безопасности. Летом 1996 г. она стала ассоциированным членом Европейского союза. Правительство Словении рассчитывало присоединиться к ЕС в 2003 г. Но для этого необходимо было подогнать экономику страны под евростандарты. Для молодого государства, которое только-только начинало вставать на ноги, это было непростой задачей. Некоторый перелом экономической ситуации произошел в 1994 г. Внутренний валовой продукт вырос более чем на 5%, была несколько снижена инфляция – с 22,9% в 1993 г. до 18,3. А в последнем квартале 1995 г. инфляция впервые не превысила 10 %. Увеличился и экспорт товаров. Объем торговли со странами ЕС достиг 14 млрд. долларов, а в 1995 г. он составил 69% от всей торговли Словении. Более 30% общего объема торговли приходилось на Германию. Серьезными торговыми партнерами Словении стали Италия, Греция, Франция и Австрия⁴⁴.

В 1996 г. в Республике состоялись вторые парламентские выборы. Либерально-демократическая партия получила 27 % голосов и 25 депутатских мест, Словенская народная партия – 19,4 % голосов и 19 мест, Социал-демократическая партия 16,1% голосов и 16 мест, Словенские христианские демократы 9,6% и 10 мест, Объединенный список социал-демократов – 9% и 9 мест⁴⁵. Выборы практически не изменили расстановку политических сил, оставив у власти левоцентристскую коалицию левых партий. В 1997 г. прошли президентские выборы. Президентом Словении был вновь избран Милан Кучан.

Словения начала вести активную политику на международной арене. После провозглашения независимости ее главной целью было признание Республики другими странами. США и Европейский союз признали Словению в 1992 г. В ООН Республика вступила в мае 1992 г. и стала членом Совета Европы в мае 1993 г. Словения также стремилась стать членом Североатлантического альянса. В марте 1994 г. она стала членом организации «Партнерство во имя мира» и являлась постоянным участником учений в рамках этого документа⁴⁶. Что касается России, то она признала независимость Словении одной из первых – 14 февраля 1992 г. и установила с ней дипломатические отношения 25 мая 1992 г. Посольство Российской Федерации в Любляне было открыто 14 октября 1992 г. Правовую основу экономических связей между Словенией и Россией составляет подписанное в 1993 г. правительственное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. В 1994 г. подписано Соглашение о поставках природного газа из РФ в Республику и Конвенция об избежании двойного налогообложения доходов и имущества, которая вступила в силу в январе 1998 г. В 2000 г. было подписано Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. С 2001 г. контакты между Словенией и Россией активизировались. В янва-

ре того же года в Республику с визитом прибыл спикер Государственной Думы РФ Г. Селезнев, а в феврале состоялась встреча премьер-министра Словении Я. Дрновшека с президентом России В.В. Путиным.

В октябре 2000 г. прошли новые, третьи по счету, парламентские выборы. На них убедительную победу одержала Либерально-демократическая партия, получив 27,5 % голосов избирателей и 25 мест в парламенте. Ее бывшие партнеры по коалиции – Словенские христианские демократы и Объединенный список социал-демократов – потерпели неудачу. Словенская народная партия, выступавшая за замедление процесса вступления Словении в ЕС и НАТО, получила 19 мест в парламенте, а Социал-демократическая партия Словении – 16 мест. Правительство возглавил Я. Дрновшек. Он сумел создать коалиционное правительство, большинство членов которого являлись представителями Либерально-демократической партии. Д. Рупел в третий раз занял пост министра иностранных дел. Его однопартиец А. Гризолд возглавил военное ведомство. Представителю объединенных социал-демократов Р. Бохинцу было поручено руководить министерством внутренних дел, а министерство финансов оказалось в руках А. Ропы⁴⁷.

В ноябре 2002 г. в Словении прошли президентские выборы. Во второй круг вышли два кандидата: Я. Дрновшек, получивший 44% голосов, и единственная женщина из девяти претендентов – Б. Брезигар, получившая 31%. Второй тур состоялся 1 декабря. На нем уверенную победу одержал премьер-министр Словении Я. Дрновшек, получивший 55% голосов избирателей. Новым премьер-министром стал представитель Либерально-демократической партии А. Роп, которого в ноябре 2004 г. сменил Я. Янша.

Ощущая себя всегда частью Европы, Словения всеми силами стремилась как можно быстрее вступить в Европейский Союз. В марте 2003 г. состоялся референдум по вопросу о присоединении к ЕС. В референдуме приняли участие более 60 % населения, 89 % из них проголосовало за вступление в ЕС. Договор о присоединении был подписан в Афинах в апреле 2003 г., а в январе 2004 г. ратифицирован Национальной Ассамблеей Республики Словения. 1 мая 2004 г. Словения стала членом ЕС, а в 2007 г. присоединилась к Европейскому монетарному союзу. Для этого Словении было необходимо выполнить ряд требований, с чем она не совсем успешно, но справилась. 21 декабря 2008 г. Словения вошла в Шенгенскую зону свободного передвижения. В первой половине 2008 г. республика возглавила совет Евросоюза.

По исходу нескольких лет можно смело утверждать, что переходный период Словения пережила наиболее благополучно по сравнению с другими странами, менявшими свое государственное, политическое и экономическое устройство. По официальным данным республика стремительно приближается к уровню развития стран Европейского Союза. В 2004 г. этот уровень достиг 79,5% от среднего ВВП на душу населения с учетом покупательной способности. Первое место в экономике занимают промышленность, сфера услуг и бытового обслуживания. При этом роль сель-

ского хозяйства значительно снижается, что является естественным процессом для стран-претендентов и новых членов ЕС. Республика Словения смогла восстановить торговые связи со своими естественными партнерами, бывшими республиками Югославии. Наиболее активное сотрудничество ведется с Хорватией. В 2001 г. возобновлена торговля с Сербией, Македонией, Боснией и Герцеговиной.

Сейчас главной задачей Словении является проведение реформ, направленных на достижение уровня развитых стран Европейского союза. В частности, ей необходимо увеличить количество рабочих мест, укрепить социальную защиту, улучшить состояние окружающей среды, создать более прозрачную налоговую систему и более комфортные условия для притока иностранных инвестиций. В конце 2004 г. число предприятий, в которые были вложены прямые иностранные инвестиции, составило 5,3 % от общего числа всех компаний Словении. Несмотря на то, что их процент слишком мал, на их долю в 2004 г. приходилось 16,3% всего капитала, 18,6% всех активов и 13,4% работающего персонала. Большинство инвестиций поступает в Словению из стран ЕС: из Австрии, Голландии, Франции, Германии, Италии и Бельгии⁴⁸. Из стран, не являющихся членами ЕС, главными партнерами являются Швейцария и Хорватия. Постепенно ведущее место в экономике занимает сфера обслуживания, хотя традиционные отрасли, такие как индустрия и сельское хозяйство, продолжают развиваться⁴⁹. Наиболее крупными фирмами являются «КРКА», «Истрабенз групп», «Телеком Словения», «Лек». Особое развитие получил туризм. Словения пользуется большой популярностью у туристов из Германии, Италии, Австрии. В меньшей степени ее посещают туристы из Великобритании, Хорватии, Венгрии, России. В июне 2005 г. правительство Республики Словения приняло новую экономическую стратегию развития.

Что касается внешней политики, то Словения стремится к сохранению своей национальной индивидуальности, но в то же время провозгласила принцип открытости миру. Главным приоритетом Словении является членство в Организации экономического сотрудничества и развития. Республика поддерживает стабильные отношения с соседними государствами: Австрией, Италией, Венгрией и Хорватией. Наряду с другими странами Европы принимает участие в работе организации «Центрально-европейской инициативы». 29 марта 2004 г. Словения стала членом НАТО. В связи с этим проводится реформа вооруженных сил, главной целью которой является повышение эффективности и прозрачности словенской системы обороны. Кроме того, Словения принимает активное участие в военных акциях НАТО. Так, например, в феврале 2007 г. правительство Республики Словения одобрило участие Словении в миротворческой операции НАТО в Косово. Численность армии сокращена и составляет приблизительно 14 тыс. человек, часть которых является постоянными служащими, часть – в запасе по контракту. К 2008 г. доля расходов на оборону в рамках ВВП возросла с 1,7% до 2%. До 2002 г. армия была призывной. В настоящее время она стала профессиональной с резервом добровольцев.

11 ноября 2007 г. состоялись очередные президентские выборы. На пост главы государства был избран Данило Тюрк. Премьер-министром в 2004–2008 гг. был Янез Янша, с 21 ноября 2008 г. эту должность занял Борут Пахор. В нынешнем правительстве Словении 19 членов. Из них 15 министров, которые возглавляют министерства финансов, экономики, высшего образования, науки и технологий, здравоохранения, внутренних дел, иностранных дел, юстиции, труда, семьи и социальных отношений, транспорта, сельского хозяйства, лесоводства и питания, окружающей среды, культуры, образования и спорта, обороны. Настоящее правительство было сформировано 21 ноября 2008 г. Оно было создано на основе коалиционного соглашения, подписанного 14 ноября 2008 г. между Социал-демократами, «Зарес» – новая политика, либеральными демократами Словении и Демократической партией пенсионеров Словении.

21 сентября 2008 г. состоялись очередные парламентские выборы. Места в парламенте распределились следующим образом: Социал-демократы – 29 мест, Словенская демократическая партия – 28 мест, «Зарес» – новая политика – 9 мест, Демократическая партия словенских пенсионеров – 7 мест, Словенская национальная партия – 5 мест, Словенская народная партия и Молодежная партия Словении – 5 мест, Либеральная демократия Словении – 5 мест, и по одному представителю от итальянского и венгерского национальных меньшинств.

Что касается культуры и науки, то по уровню их развития Словения, имеющая богатые традиции, не уступает другим странам Евросоюза. Крупнейшим научным центром является Словенская академия наук и искусств. С 1994 г. Академия является автономной. В настоящее время это главное национальное учреждение страны. Наиболее активно Словения участвует в международных научно-исследовательских проектах, проводимых ЕС. В частности, в 1999 г. Словения стала ассоциированным членом пятой программы ЕС по глобальному исследованию и развитию «Евроатом». Кроме того, Словения подписала более сорока двусторонних договоров в области научно-технического сотрудничества.

Политика в области культуры разрабатывается министерством культуры. Она строится на стремлении обеспечить условия для развития творческих инициатив, защите уже созданного культурного наследия. Крупнейшими культурными учреждениями в Словении в настоящее время являются: Дом культуры И. Цанкара в Любляне, Национальный театр в Мариборе, Театр оперетты и балета в Любляне, Национальный театр драмы в Любляне, Словенская филармония, Национальная и университетская библиотека в Любляне.

Многие ежегодные культурные мероприятия в разных городах Словении стали традиционными и приобрели международную известность. Среди них – Международное биенале графики. Ежегодный международный музыкальный «Летний фестиваль» в Любляне собирает на своих площадках известных музыкантов со всего мира. Известен и театральный фести-

валь «Борштинковосрещанье» в Мариборе. В 1999 г. известный в Словении и за ее пределами хореограф М. Фарич образовал танцевальный коллектив «Флота» (Flota). Им поставлены такие спектакли как «Терминал» (Terminal), «10° ниже 0» (2000), «Искушение» (Pohujšanje) (2001).

Определенных успехов Словения достигла и в области кинематографии. В 1994 г. был организован Фонд кинематографии, который занимается распределением субсидий. Среди режиссеров, получивших международное признание, И. Штрек, снявший фильм «Любляна», о жизни молодежи, а также представивший в 2008 г. короткометражный фильм «Каждый вздох, который ты делаешь» (Every breath you take) на Венецианском фестивале, в 2009 г. вышел его психологический детектив «9:06». Другой не менее известный режиссер – Я. Бургер. Его авторству принадлежат такие фильмы как «На солнечной стороне Альп» (2007), получивший признание на кинофестивале в Триесте, «На холостом ходу» (Uleru) (1999). Я. Цвиткович, снявший такие фильмы как «Хлеб и молоко» (Kruh in mleko) (2001), «Сердце – кусок мяса» (Srce je kos mesa) (2003), «От могилы к могиле» (Od groba dogroba) (2005), М. Певец «Кармен» (Karmen) (1995), «Под ее окном» (Pod njenim oknom) (2003), «Эстрелита» (Estrelita) (2007), драма «Весенний хит» (Hit poletja) (2008).

В Словении работает около 45 галерей и 800 выставочных залов. Главными являются: Галерея современного искусства в Любляне и Галерея искусств в Мариборе⁵⁰. В словенском современном изобразительном искусстве особое место занимает группа авангардных художников «Ирвин». Своими корнями эта группа уходит в 80-е годы. В то время ее члены пытались найти новые формы искусства, свободные от давления идеологии. Международную известность приобрели и другие словенские художники. Среди них Й. Барши, В. Чосич, Д. Креух.

Таким образом, Словения – это страна, сумевшая преодолеть с наименьшими потерями тяготы и трудности переходного периода, сохранив при этом все положительное, что было приобретено в годы ее пребывания в составе Югославии. При этом Республика открыта для инноваций во всех областях деятельности. Несомненно, членство в ЕС диктует свои правила развития не только экономики, но и других сфер жизни, что не всегда принесит положительные результаты, но в Словении удалось не только сохранить свою самобытность и культуру, но и сделать все для ее преумножения и популяризации в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из предвыборной программы СК Словении – партии демократического обновления // Югославия в огне. М., 1992. С. 41.

² Там же.

³ Речь председателя Президиума Республики Словения Милана Кучана на первой сессии Скупщины Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. М., 2000. С. 149.

⁴ Там же. С. 151.

- ⁵ Там же. С. 152.
- ⁶ Декларация о государственном суверенитете Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. С. 163–165.
- ⁷ Решение Исполнительного веча Республики Словении о провозглашении независимости Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. С. 169.
- ⁸ Там же. С. 172.
- ⁹ Там же. С. 174.
- ¹⁰ Закон о референдуме по вопросу о самостоятельности и независимости Республики Словении // Словения. Путь к самостоятельности. С. 183–185.
- ¹¹ Центрально-европейские страны на рубеже XX–XXI веков. М., 2003. С. 185.
- ¹² Сообщение Республиканской избирательной комиссии о результатах референдума // Словения. Путь к самостоятельности. С. 188–189.
- ¹³ Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 100–101.
- ¹⁴ Rupel D. Srečanja in razhajanja. Ljubljana, 2001. S. 128.
- ¹⁵ Резолюция о предложении согласительного разъединения СФРЮ // Словения. Путь к самостоятельности. С. 203.
- ¹⁶ Меморандум о позиции Исполнительного Веча Республики Словении по урегулированию экономических отношений В Югославии // Словения. Путь к самостоятельности. С. 190.
- ¹⁷ Там же. С. 191.
- ¹⁸ Из оценки Скупщины Республики Словении ситуации после референдума // Словения. Путь к самостоятельности. С. 200.
- ¹⁹ Из предложения союзного Исполнительного веча по решению кризиса и урегулированию отношений в югославском содружестве // Югославия в огне. С. 88–89.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Хартия о самостоятельности и независимости // Словения. Путь к самостоятельности. С. 235–236.
- ²² Там же. С. 236.
- ²³ Zimmerman W. Izvori jedne katastrofe. Zagreb, 1996. S. 312; Цит. по: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). С. 107.
- ²⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). С. 112.
- ²⁵ Там же. С. 113.
- ²⁶ Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). С. 113.
- ²⁷ Rupel D. Op.cit. S. 118.
- ²⁸ Ibidem. S. 128.
- ²⁹ Janša J. The making of the Slovenian state. 1988–1992. Ljubljana, 1994. S. 139.
- ³⁰ Ibidem. S. 142.
- ³¹ Ibidem. S. 142.
- ³² Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). С. 117.
- ³³ Там же. С. 116.
- ³⁴ Брионская декларация // Словения. Путь к самостоятельности. С. 245–247.
- ³⁵ Там же. С. 247.
- ³⁶ Там же. С. 247–248.
- ³⁷ Решение и заявление Скупщины РС по поводу Совместной декларации // Словения. Путь к самостоятельности. С. 251–252.
- ³⁸ Čepič Z. Ustava Republike Slovenije // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 1363.
- ³⁹ Конституция Республики Словения // Словения. Путь к самостоятельности. С. 252–290.
- ⁴⁰ Natek K., Natek M. Op.cit. S. 163.
- ⁴¹ Ibidem. S. 187.
- ⁴² Закон о преобразовании формы собственности предприятий // Словения. Путь к самостоятельности. С. 522–523.
- ⁴³ Natek K., Natek M. Slovenija. Geografska, zgodovinska, pravna, politična, ekonomska in kulturna podoba Slovenije. S. 169–170.

⁴⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). С. 626.

⁴⁵ Центрально-европейские страны на рубеже XX–XXI веков. С. 186.

⁴⁶ Там же. С. 189.

⁴⁷ Там же. С. 187.

⁴⁸ Факты о Словении 2006. Любляна, 2006. С. 65.

⁴⁹ Facts about Slovenija. Ljubljana, 2008. S. 41–53.

⁵⁰ Факты о Словении 2006. С. 108–109.

III. Филология

И.Д. Макарова-Томинец
(Словения)

Изучение истории и диалектологии словенского языка как предмет межславянского научного диалога (XIX в.)

Задачами автора являются обзорное представление и сравнительный анализ вклада российских и некоторых западных славистов (И.И. Срезневский, П.Й. Шафарик, позднее И.А. Бодуэн де Куртенэ) в изучение истории и диалектологии словенского языка.

В истории славистики вообще, а также ее российско-словенского аспекта в частности, обращает на себя внимание тот факт, что словенский язык как объект лингвистического изучения в XIX в. привлек особое внимание ученых-славистов, открыв благодатное поле для полемики как между представителями различных поколений российской славистики, так и шире – в рамках российско-словенского и межславянского научного диалога.

Так, ученые-слависты XIX в. особое внимание уделяли следующей проблематике:

- определение состава славянских языков и наречий, создание их научной классификации, определение места словенского (в российской славистике XIX в. – хорутанского) языка (Й. Добровский, П.Й. Шафарик, И.И. Срезневский);

- чрезвычайное диалектное разнообразие словенского языка, описание и характеристика отдельных словенских наречий и говоров, выделение ключевых диалектных различий, составляющих основу для научной классификации словенских диалектов (И.И. Срезневский – И.А. Бодуэн де Куртенэ);

- вопросы лингвистической географии, т.е. выявления и определения точных географических границ распространения отдельных говоров, в том числе с использованием методов картографии (П.Й. Шафарик, И.И. Срезневский, И.А. Бодуэн де Куртенэ);

– изучение истории словенского языка (в качестве иллюстрации можно привести изучение «Фрейзингенских отрывков», которые стали предметом интенсивной переписки Е. Копитара с Й. Добровским, между тем первое научное издание этого словенского памятника, опередив именитых западных коллег, выполнил российский славист А.Х. Востоков);

– осмысление данных памятников истории словенского языка, давшее повод для широкой межславянской научной полемики о языковой основе старославянского языка (здесь можно упомянуть т.н. паннонскую теорию происхождения старославянского языка, выдвинутую Е. Копитаром и поддержанную Ф. Миклошичем, в противовес болгаро-македонской теории, в пользу которой высказывались В. Облак и В. Ягич).

Важно отметить, что интерес к словенскому языку возник в период национального возрождения славян, что повлияло на характер представления и интерпретацию научных вопросов в славистической периодике и в частной переписке ученых-славистов. Во многих славянских землях Австрии именно в этот период окончательно складываются нормы национального литературного языка, причем полемика ученых-славистов оказывает на этот процесс весьма существенное влияние. Сказанное в полной мере относится к словенской языковой ситуации в середине XIX в.¹

Поскольку объем настоящей статьи не позволяет подробно представить содержание межславянской научной полемики по всем указанным темам, хотелось бы остановиться на том, каким образом решались сложные вопросы изучения диалектного разнообразия, создания научной классификации и определения географических границ различных словенских наречий. Примечательно, что при решении указанных вопросов действительно выдающийся вклад был сделан именно российскими учеными-славистами – И.И. Срезневским и его учеником И.А. Бодуэном де Куртеном.

Началу непосредственного изучения живых славянских языков и наречий российскими учеными способствовало принятие в 1835 г. нового университетского устава об открытии кафедр истории и литературы славянских наречий при четырех российских университетах. Четверо молодых ученых за казенный счет были отправлены за границу для усовершенствования знаний по данному предмету. Среди будущих славистов были - О.М. Бодянский (Московский университет), П.И. Прейс (Петербургский университет), И.И. Срезневский (Харьковский университет), В.И. Григорович (Казанский университет). Следует отметить, что больше всего внимания словенским землям уделил именно И.И. Срезневский.

Подготовка к поездке по славянским провинциям Австрийской монархии была весьма тщательной. Известно, что, согласно инструкции, зимой путешественнику следовало изучать славянские книги и рукописи в городских библиотеках, а летом совершать пешеходные путешествия по славянским землям. По свидетельству А.Н. Пыпина, И.И. Срезневский «сделал столько пешеходных странствий по славянским землям (кроме славян турецких), как никто из самих славян»².

Согласно данным «Путевых заметок», а также архивным материалам³, Срезневский обошел практически все словенские земли – от Штирии до Венецианской Словении⁴. Он посетил Градец Штирийский, Марибор, Птуй и Велику Неделю (февраль–март 1841 г.), затем Метлику, Ново Место, Люблян, Крань, Накло, Целовец (Клагенфурт), Зильскую долину, Резьянскую долину, Горицу и Триест (апрель 1841 г.). Путь по Резии лежал через Венцоне, Джемону, Тарченто, Чивидале до Горицы; из Горицы И.И. Срезневский через Випаву отправился в Триест. В Истрии он посетил Копер, Курт и Св. Ловреч.

Во время своих походов Срезневский собирал народные песни и обычаи, записывая различные словенские говоры. Его спутниками и руководителями были известные словенские просветители и ученые того времени: Е. Копитар, А. Мурко, П. Дайнко, С. Враз, Ф. Метелко, Ф. Прешерн, У. Ярник, М. Маяр и другие. Они знакомили молодого исследователя с результатами собственных филологических и этнографических разысканий.

Итогом экспедиции Срезневского по словенским землям явился ряд работ по словенским диалектам. В исследовании общего плана «О наречиях славянских»⁵ автор одним из первых в европейской славистике дал научную характеристику словенским наречиям. В этой статье, которую без преувеличения можно назвать «программной» для словенской диалектологии, автор выделяет большое количество и необыкновенное разнообразие словенских наречий: «почти каждый приход отличается от другого или выговором некоторых букв, или употреблением слов»⁶. Отмечается специфика словенского языка, заключающаяся в необходимости привлечения диалектного материала для изучения этого языка в целом: «Кто хочет отчетливо понять словенский язык как язык, отличный от других языков, тому остается изучать наречия местные и из их сличения уже выводить заключения о характеристике словенского языка вообще»⁷. Причину такой раздробленности автор видит в недостатке народонаселения и промышленности в словенских землях, в разобщенности различных частей населения. Поэтому язык развивался в разных местах по-своему, «время укрепляло местные отличия и еще не успело, вследствие распространения промышленности и торговли, стереть отличия, а лишь кое-где смешало»⁸. Данные соображения Срезневского были приняты в словенской диалектологии, так что в дальнейшем вокруг этой темы в науке полемики не возникало, а сделанные предположения только дополнялись или уточнялись⁹.

Наряду с этим, в характеристике словенских наречий Срезневский прозорливо отмечает значительное влияние, которое оказывают на словенский язык соседние языки (немецкий, итальянский), что привело к значительному числу заимствований. И.И. Срезневский делает еще одно меткое социолингвистическое наблюдение о том, что словенцы прибегают к заимствованиям, когда желают «красивее выразиться»¹⁰. Разумеется, с точки зрения современной науки указанное положение требует уточнения: использование заимствованного слова в целях эстетического эффекта в линг-

вистике хорошо известно, однако именно в связи с укорененным положением пластов заимствованной лексики в словенском языке говорить о таком явлении можно только при наличии альтернативных языковых средств в идиолекте говорящего, следовательно, и осмысленного выбора той или иной лексической единицы.

К числу важнейших наблюдений Срезневского, безусловно, относится и его положение об отсутствии единого словенского литературного языка, которого в Словении «нет и не было»: «Каждый писатель писал и пишет своим местным наречием. Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматики: Гутсман и Ярник – корушцы, Копитар и Метелко – краинцы, Мурко и Дайнко – штирийцы, это заметно, сколько не желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском местный колорит. Они сходятся между собою более всего в некоторых условиях правописания, но никто из них и не думал выговаривать так, как писал»¹¹.

В указанной статье Срезневский предложил деление всех словенских говоров на 18 наречий: (1) нижнекраинское наречие, которое сам ученый по важности и по числу говорящих считал главным словенским диалектом, (2) верхнекраинское наречие, (3) среднекраинское наречие, которое, не имея оригинальных отличий, представляет собой смешение отдельных признаков ниже- и верхнекраинского наречия, (4) полянское наречие, которое сближается с нижнекраинским, отличаясь употреблением некоторых хорватских слов (još, oret), а также менее резким выговором полугласных; (5) циркницко-рыбницкое наречие, постепенно утрачивающее свой особенный характер в процессе сближения с нижнекраинским и среднекраинским наречием; (6) липавское (чаще используется топоним – випавское) наречие; (7) идрианское наречие, которое Срезневский относил к верхнекраинской диалектной основе; (8) толминское наречие, которое, по мнению Срезневского, отличается от идрианского ударением и следами вторичной – шипящей – палатализации; (9) богинское (чаще используется топоним – бохиньское) наречие; (10) плесское наречие; (11) словинское наречие; (12) резыанское наречие, сохранившее архаичные формы прошедшего времени; (13) зильское наречие; (14) рожневское наречие; (15) забельское наречие (последние 3 выделены на территории Каринтии, все они отличаются медленностью произношения, характером ударения и иными специфическими языковыми особенностями); (16) штирийско-каринтийское наречие; (17) дравско-мурское (собственно штирийское) наречие; (18) угро-штирийское наречие.

Сам перечень выявленных словенских говоров свидетельствует о том, что словенский языковой материал представлял (и представляет собой до сих пор) несомненный научный интерес для исследователя. В связи с этим особенного внимания также заслуживают замечания Срезневского о методологии, используемой им при выделении, обобщении и классификации словенских наречий. Продуктивным и оправданным в данном случае ока-

залось использование сравнительного метода: «что слабо светит, когда рассматриваем местные поднаречия, то будет светить ярко, когда будем рассматривать сравнительно разные главные наречия»¹². В результате исследований формирует ограниченный набор ключевых языковых особенностей, – то, что в современной диалектологии называется идентификационная матрица различительных признаков, – на основании которых предполагается разделение выделенных говоров на подгруппы. Свой принцип ученый поясняет следующим образом: «Соединения красок могут быть до бесконечности разнообразны, но количество самих красок все же остается небольшим: так и здесь. Я не мог и желать заметить все сближения признаков отличий языка, какие можно найти в разных местах у словенцев; тем большее внимание обратил на самые признаки отличий и старался понять характеристику главных наречий»¹³.

Анализ фактического материала, представленного в статье «О наречиях славянских», с позиций современной диалектологии показывает, что исследователю удалось указать репрезентативный набор ключевых языковых отличий, формирующих словенские диалектные изоглоссы.

Так, например, в области фонетики были указаны следующие существенные особенности словенских наречий:

- явление полной/частичной вокальной редукции: **b'la** /bila/, **kol'kor** /kolikor/, **nđč** /nič/, **bos'ga** /bosega/, **bos'mu** /bosemu/¹⁴;

- дифтонгические рефлексy развития фонемы **ě** «ять»: **wesjalje** /veselje/;

- дифтонгические рефлексy развития носовых гласных: **puot** /pot/, **kuot** /kot/, **buodi** /bodi/;

- диалектно ограниченное изменение места образования отдельной гласной фонемы: **u – ü** **kūpiti** /kupiti/;

- диалектное «аканье»: **gawariti** /govoriti/, **sym widu lejpa žena z bouna noga** /sem videl lepo ženo z bolno nogo/;

- диалектное «уканье» (переход циркумфлексированного вокала **o** в **u**): **madrust** /modrost/, **nuč** /noč/;

- различные направления в развитии консонантного сочетания ***stj** в верхнеукраинских и нижнеукраинских говорах, в настоящее время яркая особенность верхнеукраинских говоров **-šč-** // **-š-**: **ščiplem** /šiplem, **iščem** /išem/;

- т.н. «швапанье», т.е. произношение **l** в позиции перед последующим (непередним) гласным звуком как билабиального **w**, например: **je šwa** /je šla/, **kobiwa** /kobila/;

- явление вторичной палатализации: **roče** /roke/, **nože** /noge/.

Отмечены характерные явления в области диалектной морфологии:

- изменения в парадигме двойственного числа;

- маскулинизация именного склонения, например: **bejl win** /belo vino/;

- «приморские» диалектные флексии в глагольном спряжении форм настоящего времени: **delaste** /delate/, **učiste** /učite/, **moliste** /molite/;

– использование в словенских говорах определенного артикля, который и по сей день является характерной особенностью словенской разговорной речи: **ta prvi** /prvi/;

– парадигмы архаичных форм прошедшего времени в глагольном спряжении (в резьянских диалектах): **jas spachom, ty spašeš, on spaše, mydwa spachawa, wydwa spachata, ona spachata; my spachamo, wy spachate, oni spachajo/spachacho;**

– парадигмы архаичных форм условного наклонения (в резьянских диалектах): **besem, besi, bi, besva, besmo, beste, bejo;**

– диалектные особенности в употреблении инфинитивных форм (в резьянских диалектах): **ta tet domu** /iti domov/.

Наибольшее внимание из всех словенских диалектов Срезневский уделил резьянскому, при этом его интересовал не только язык, но и быт, и нравы¹⁵. Резьянская тематика получит дальнейшее развитие в трудах ученика Срезневского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, который подробно описал резьянские и терские диалекты в целом ряде изданий («Опыт фонетики резьянских говоров», 1875; «Резьянский катехизис», 1875; «Резья и резьяне», 1876).

Наряду с прочим, Срезневский приводит ценные замечания о различном инновационном потенциале словенских диалектов, среди которых очагом языковых инноваций являются центральные говоры (верхнекраинский и нижнекраинский), обращает внимание на заметную в истории словенского языка тенденцию к интеграции центральнословенских наречий¹⁶. В статье также содержатся прозорливые наблюдения социолингвистического характера, особенно в отношении различий в языковом обеспечении повседневного общения в городе и в деревне, преобладание в городской среде иностранного языка.

Четыре года спустя, в 1845 г., Срезневский в статье «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских»¹⁷ произвел некоторые обобщения своих исследований словенского диалектного материала, объединив ранее выделенные восемнадцать диалектов в восемь основных групп: (1) верхнекраинская, (2) нижнекраинская, (3) словинская, (4) резьянская, (5) зильская, (6) забельская, (7) штирийская и (8) угро-словенская.

Систематизация словенских диалектов, предложенная Срезневским в 40-е годы XIX столетия, в целом была принята учеными не только в России¹⁸, но и в Словении. В современной диалектологии она подверглась дальнейшей доработке и уточнению.

Современная классификация Ф. Рамовша¹⁹ определяет 46 диалектов и 7 основных групп: каринтийскую, приморскую, ровтарскую, гореньскую, доленьскую, штирийскую, паннонскую диалектные группы, в целом совпадающих с диалектными группами, выделенными Срезневским в 40-е годы XIX в. Ф. Рамовш писал: «Лучше всех понимал разделение словенского языка на наречия И. Срезневский, который охарактеризовал каждый словенский диалект настолько, насколько позволяли материалы того пе-

риода. ... Для словенской диалектологии И.И. Срезневский сделал столько, сколько никто до него и после него»²⁰.

В своем стремлении отметить основные особенности словенских диалектов Срезневский следовал духу времени и задачи, поставленные перед собой, в целом, успешно решил. При этом русский ученый уточнил и откорректировал сведения о славянах Австрии, данные П.И. Шафариком в «Этнографической карте славянского народонаселения»²¹, особенно касательно венецианских словенцев, куда российский ученый внес словинов.

Об отношении научных воззрений Шафарика и Срезневского стоит сказать особо. Павел Йозеф Шафарик отличался широким подходом к пониманию предмета славянской филологии, для освоения которой он считал необходимым, в первую очередь, изучение языка как выразителя «славянского духа», изучение палеославистики, данных современного языкового строя, истории языка и этимологии. Следующим необходимым направлением славянской филологии являлось изучение истории, литературы, фольклора и этнографии славян. Третье направление предполагало обращение к истории и этногенезу славян, к политико-церковной истории и славянской мифологии.

Подобную широту взглядов усвоил и перенял Срезневский, что особенно отразилось в его лекционных курсах и работах 40-х годов. Будучи славистом широкого профиля, он и в отношении к словенскому языковому материалу проявил себя как диалектолог, историк языка, этнограф.

В 1843 г. в связи с выходом в печать русского перевода книги Шафарика «Славянское народописание» («Slovanský národopis») редактор «Журнала Министерства народного просвещения» обратился сначала к П.И. Пре́йсу, затем к Срезневскому с просьбой написать рецензию. Подготовленная Срезневским, она была одобрена Востоковым, а позднее перепечатана В.И. Ламанским в «Живой старине».

В области классификации славянских языков и наречий примечательны расхождения в концепции ведущих европейских славистов: Добровского, Шафарика и Срезневского.

Уже Добровский на основе ряда фонетических, грамматических и лексических признаков выделил две группы славянских языков: юго-восточную и северно-западную. К юго-восточной группе им были отнесены русский, старославянский, сербский, хорватский и словенский, к северо-западной группе – чешский, словацкий, лужицкий и польский. В указанной классификации отсутствуют болгарский и полабский языки, нечетко отражена степень родства между языками.

В «Славянском народописании» Шафарик выделил четыре языковых признака, на основании которых предложил собственную классификацию славянских языков, а именно: сохранение в различных славянских языках праславянских сочетаний *dl, tl, типа midlo/milo; сохранение корневых согласных -d-, -t- в сочетаниях с показателем прошедшего времени -l: *vedl //

vedel // vel; вставка билабиального согласного после губных согласных (1 - epintheticum): ljubiti – ljublju / ljubim; сочетания m и p в начале слова: motriti-smotreti, patriti – spatriti. В итоге Шафарик предложил разделение на две группы языков: юго-восточную и западную, выделил семь славянских речей и четырнадцать наречий: (1) речь русская: великорусская, малорусская и белорусская; (2) речь болгарская: наречия церковнославянское и новоболгарское; (3) речь иллирийская: наречия сербское, хорватское, хорутанское; (4) речь лешская: польское наречие; (5) речь чешская: чешское и словацкое наречия; (6) речь лужицкая: верхнелужицкая и нижнелужицкая; (7) речь полабская: наречие древанское.

Срезневский с учетом историко-географической точки зрения выделил три отдела славянских наречий: юго-западные (старославянский, болгарский, сербский, хорватский, хорутанский со всеми восемью наречиями), северо-западные (полабский, лужицкий, чешский и словацкий) и восточные (великорусский с белорусским поднаречием), малорусский (восточное и западное поднаречия).

Такое деление преимущественно принято (с некоторыми дополнениями) и в современной генеалогической классификации. Кроме того, Срезневскому удалось уточнить также географическое распространение некоторых языков и диалектов.

Из первых университетских славистов именно вклад Срезневского в словенскую диалектологию и лингвогеографию следует признать поистине выдающимся. Он первым осуществил целенаправленный сбор данных по словенским наречиям в целях научного описания и анализа, выделил ключевые языковые особенности словенских диалектов, предоставил научное объяснение их уникального разнообразия (редкое народонаселение, недостаточная развитость промышленности, горный рельеф, влияние разных языков и культур соседних народов), одним из первых предложил научную классификацию словенских наречий, учтенную словенскими диалектологами в XX в. при создании карты словенских наречий.

Следующим крупным русским славистом, изучавшим словенские диалекты, стал И.А. Бодуэн де Куртенэ, издавший в совокупности около 40 работ по словенистике. В свою первую научную командировку в словенские провинции Австро-Венгрии (1872 г.) Бодуэн де Куртенэ отправился по указанию Срезневского. По пути к месту назначения молодой ученый посетил Прагу, Йену, Берлин.

Во время своего пребывания в Словении ученый активно привлекал местных собирателей, которые отправляли ему диалектные материалы со всех концов Словении, со многими переписывался в течение многих лет (в частности, с В. Облаком), в отношении некоторых выступил в полном смысле слова научным наставником.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что Бодуэн де Куртенэ оставлял в стороне проблемы грамматики современного словенского литературного языка, его нормализации, исторической грамматики, в отличие

от своего учителя и предшественника Срезневского, который отличался широким подходом к предмету изучения. Основное внимание Бодуэн де Куртенэ сконцентрировал на резьянских и терских говорах, расположенных на крайнем западе территории распространения словенского языка. Избрание именно Резии объяснил сам Бодуэн де Куртенэ в своей записке от 28 апреля 1886 г. на имя секретаря Академии наук К.С. Веселовского о первом сборнике «Материалов по южнославянской диалектологии и этнографии»: «Хотя резьяне представляют своеобразное славянское племя и хотя, следовательно, мой сборник содержит славянские тексты, то все-таки я полагаю, что обнаружение этих текстов будет важно не столько для славянской филологии, сколько для языковедения вообще. Резьянские говоры принадлежат к числу весьма интересных языковых особей, к числу так называемых смешанных языков. В этих говорах исконный славянский элемент подвергся многосторонним и разновременным иноплеменным влияниям»²². Таким образом, Бодуэн де Куртенэ выбрал пограничные, отчасти оторванные от основной массы словенских диалектов, резьянский и терский говоры, лежащие на границе славянских и романских языковых массивов при ближайшем соседстве германского ареала, подверженные процессу языкового смешения.

В тот период, когда Бодуэн де Куртенэ приступил к изучению резьянских диалектов, в языкознании назревал кризис шлейхеровской школы, свои позиции все более завоевывали младограмматики. Бодуэн де Куртенэ, однако, искал новый, независимый от младограмматиков собственный путь, и ему был необходим новый языковой материал, не обремененный какой бы то ни было традицией описания или изучения, не отягощенный письменностью, нормами литературного языка, грамматической исследовательской традицией. В этом отношении показателен следующий постулат, выдвинутый ученым позже, в 1897 г.: «Для языковедения как науки, всесторонне обобщающей, гораздо важнее исследование живых, т.е. теперь существующих, языков, нежели языков, исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам. ... Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволить себе делать предположения об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших»²³. В то время как ранние младограмматики использовали диалектный материал главным образом как дополнение к историческому материалу, извлеченному из памятников письменности, Бодуэн де Куртенэ подошел к нему с задачей синхронного описания, которое, по его мнению, должно предшествовать диахроническому, с целью проверки на нем общелингвистических положений.

В 1875 г., по результатам поездок в 1872 и 1873 гг. в южнославянские земли, Бодуэн де Куртенэ защищает докторскую диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров», которая явилась первым фонологическим описанием отдельного славянского диалекта. Указанная работа стала первой законченной монографией, посвященной словенским говорам, по пол-

ноте материала, точности и детальности не имеющая себе равных в южнославянской диалектологии того времени.

Вслед за «Опытом...» Бодуэн де Куртенэ издал несколько резьянских рукописных памятников и два тома «Материалов по южнославянской диалектологии и этнографии»²⁴ с записями текстов резьянского и терского наречий. Ученый не делал никаких грамматических описаний, если не считать нескольких мелких наблюдений по вопросам аналогии. Им не был создан «Опыт грамматики» этих говоров, но сам принцип записи материала, составление так называемых глоссариев – больших картотек, где слово давалось в разных морфологических формах и синтаксических структурах, дает возможность восстановить языковую систему резьянских говоров.

Особенностью подхода Бодуэна де Куртенэ, в отличие от Срезневского, явилось изолированное рассмотрение отдельного словенского диалекта, использованного в качестве материала для общезыковедческих выводов, что отчасти можно объяснить полемикой с генеалогическим методом, постепенно сдающим свои позиции в науке того периода.

В итоге в работе «Опыт фонетики резьянских говоров» Бодуэн де Куртенэ приходит к ошибочному выводу о том, что резьянские диалекты – это отдельный славянский язык, возникший в результате смешения славянского и аварского (туранского) этнического элемента²⁵. При этом авторитет российского ученого был настолько велик, что у этой теории нашлись последователи, в том числе и среди словенских исследователей (Д. Трстеняк, Л. Гауптман, Ф. Таппайнер²⁶). В качестве самостоятельного не сербскохорватского, не словенского наречия трактовался и терский говор.

Сама попытка классификации словенских диалектов по принципу изменения задненебных **k, g, h** перед **e, i** на юго-восточные и северо-западные, а также по принципу сохранения предтонической долготы должна быть признана неудачной²⁷. Спорным в плане общей диалектологии было и положение, выдвинутое в качестве первого итога в «Опыте фонетики резьянских говоров»: «Новейшая географическая теория о родственных отношениях между отдельными группами языков не находит себе ни малейшего подтверждения в исследованной мною языковой области Крайны и Горицкой земли. Везде есть возможность определить с полнейшей точностью границы одного говора или же одной группы говоров, в отличие от других говоров или же других групп говоров»²⁸. В вопросе о диалектном членении словенского языка корректнее был подход и классификация словенских диалектов, предложенные Срезневским.

Таким образом, вклад обоих исследователей – Срезневского и Бодуэна де Куртенэ – в словенскую диалектологию и лингвистическую географию следует признать выдающимся. При этом важно отметить, что работы каждого ученого, с учетом их принадлежности к различным поколениям российских славистов, были сделаны в духе времени и в соответствии с уровнем развития славяноведения соответствующего периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, «паннонская» теория происхождения старославянского языка способствовала архаизации норм словенского литературного языка.

² *Пыпин А.Н.* Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. 1893. № 7. С. 285.

³ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Фонд 436. Оп. 1.

⁴ Венецианская Словения (по-словенски *Veneška Slovenija*) – топоним, укоренившийся в словенской периодике после 1848 г., соответствует итальянскому топониму *Schiavonia Veneta*. Используется для обозначения территории проживания словенского этнического меньшинства на крайнем северо-востоке Италии (провинция *Udine* и *Friulia Venezia Giulia*), фактически на всем протяжении современной словенско-итальянской границы.

⁵ ЖМНП (Журнал министерства народного просвещения). 1841. Ч. 31. № 9. С. 1–32.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Крупнейшие словенские филологи Р. Нахтигал и Ф. Рамовш высоко оценили мысли Срезневского о причинах диалектного разнообразия. Р. Нахтигал: «Срезневский прямо по современному рассматривал положение и развитие народной жизни». (*Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo*. Ljubljana, 1949. S. 16). Ф. Рамовш: «Срезневский единственный мог хорошо и точно указать на причины, которые создали (диалектное) разнообразие». (*Ramovš F. Dialektološka karta slovenskega jezika*. Ljubljana, 1931. S. 15).

¹⁰ ЖМНП. 1841. Ч. XXXI. Сентябрь. № 9. Отд. II. С. 134–164.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 139.

¹⁴ В списке примеров мы сохраняем правописание И.И. Срезневского.

¹⁵ См. его *Zprawa o Rezianech. Dopisy I. Srezniewskcho a P.Preisa W. Hankowi*. // *Časopis Českeho Muzeum, ročn. XV. Praha*. 1841. S. 341–346; Словины во Фриуле. // *Денница. Славянское обозрение*. Ч. 2. Варшава, 1843. С. 191–205; Славянские известия. Фриульские славяне (Резьяне и Словины). // *Москвитянин*. Ч. V. № 9. 1844. С. 207–234; Фриульские славяне. // *Сборник ОРЯС*. Т. XXI. СПб., 1881; Фриульские славяне. // Приложение к XXXVIII тому *Записок имп. академии наук*. СПб., 1881. № 4. С. 1–32 (с подстрочными примечаниями Бодуэна де Куртенэ).

¹⁶ Современные исследователи истории словенского языка используют понятие «*osrednjeslovenski pogovorni jezik*» // см.: М. Orožen. *Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19. stoletju*. Ljubljana, 1996.

¹⁷ ЖМНП. 1845. Ч. XLVIII. № 12. 149–186.

¹⁸ Классификация И.И. Срезневского изложена в книге: *Флоринский Т.* Лекции по славянскому языкознанию. Ч. I. Киев, 1895. С. 505–524.

¹⁹ *Ramovš F. Karta slovenskih narečij*. Ljubljana, 1957.

²⁰ Там же S. 11–12.

²¹ Этнографическая карта славянского народонаселения была издана в 1836 г., позже включена в монографию П.И. Шафарика: *Šafarik P.J. Slowanský národopis*. W Praze : Rychlostik Jana Spurného, 1849 (в связи с этим см. Также: *Шафарик П.И.* О резьянах и фриульских словинах. // *Денница*. Варшава, 1842. № 9. С.110), а также работу Йонатана Винклера: *Vinkler J. Pavel Josef Šafařík. Slovanský národopis a slovinská kultura : rigorozní práce*. Praha, 2001.

²² См. *Бодуэн де Куртенэ. И.А.* Материалы по южнославянской диалектологии и этнографии. СПб, 1895. Т. I. С. I–III.

²³ См. Критико-биографический словарь С.А. Венгеров. Т. IV, СПб., 1897. С. 18–45. Здесь Бодуэн де Куртенэ представил основные черты своего лингвистического мировоззрения к концу XIX в.

²⁴ *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Материалы по южнославянской диалектологии и этнографии. СПб, 1895. Т. I. С. I–III.

²⁵ См. *Бодуэн де Куртенэ. И.А.* Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, 1875 / § 296. Впоследствии эта гипотеза была отвергнута самим Бодуэном де Куртенэ.

²⁶ См. *Trstenjak D. Zora*. Maribor, 1876. S. 109; *Hauptmann L.* Mitteilungen des Instituts für österreichische Geshichte. Bd. 36. Wien, 1915. S. 232, 233; *Tappeiner Fr.* Sitzungsberichte der anthropologischen Gesellschaft. Wien, 1895. S. 66.

²⁷ См. критику классификации Бодуэна в монографии Ф. Рамовша (*Ramovš F.* *Historična gramatika slovenskega jezika*. Knj.VII. Dialekti. Ljubljana, 1935. S. XXIII, XXIV, а также S. 31 и 32).

²⁸ *Бодуэн де Куртенэ. И.А.* Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, 1875. С. 145.

Тенденции формирования словенской деловой лексики в XIX в.

С вступлением Словении в ЕС перед переводчиками и юристами встала очень актуальная и трудная задача – перевод 90 000 страниц документов европейского регламента. Естественно, переводчики сталкиваются с проблемой приведения словенской деловой лексики в соответствие с европейской (английской, немецкой, французской).

Эта проблема имеет давнюю историю, она была актуальна уже во второй половине XIX в., когда из-за вне- и внутрилингвистических обстоятельств после событий 1848-49 гг. появилась необходимость создания новой деловой терминологии на национальных языках Австрийской империи. Следует отметить, что раньше эта роль принадлежала немецкому языку как государственному.

Политические перемены в марте 1848 г. повлекли за собой изменение статуса словенского литературного языка (вместе с национально-объединительной и национально-репрезентативной функциями словенский язык получил новые сферы функционирования). М. Маяр-Зильский, священник и народный проповедник, кафедральный капеллан в Клагенфурте (Целовец), в марте 1848 г. подготовил программу Объединенной Словении, в которой записал: «... чтобы быть свободными, чтобы иметь возможность ввести в Словении в школы и в чиновный аппарат, когда хотим и сколько хотим, наш словенский язык,... нужно, чтобы политически разрозненный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии объединился как единый народ в одно королевство под названием Словения и имел свое собрание»¹.

В конце марта 1848 г. программа Объединенной Словении стала фундаментом политической программы словенцев, членов Словенского общества в Вене. В ней содержалось требование объединения словенских областей Крайна, Каринтия, Штирия и Приморье в единое королевство Словения со своим парламентом. Словенский язык стал важным элементом национального объединения.

В новых обстоятельствах, с новым общественным статусом словенский язык должен был осуществлять функции, которые раньше осуществлял немецкий как государственный язык (до этого времени словенский язык не был единым, а был представлен в виде четырех областных языков). Вместе с национально-объединительной и национально-репрезентативными функциями словенский язык получил новые сферы функциониро-

вания: а) образовательную сферу, б) сферу государственно-административного управления.

В сфере образования словенский язык стал обязательным учебным предметом в «*реалках*» – начальных школах и гимназиях. Еще не было создано новых словенских учебников, поэтому на уроках пользовались старыми пособиями: «Химией» (1846) Й. Вртовца, «Упражнениями для счета» (1848) О. Цафа, «Естествознанием и физикой» (1849) К. Робиде, хрестоматией «Цветы словенской поэзии» (1850) И. Мацуна и еще несколькими руководствами по сельскому хозяйству на словенском языке. В 1850–1855 гг. Я. Блейвейс и Я. Клееман создали хрестоматии для начальных классов средних школ, для старших классов несколько позже – Ф. Миклошич.

Наряду с уже действующей профессиональной школой для акушеров в 1848 г. открыли словенскую школу для ветеринаров, во главе которой стоял Блейвейс. Он же написал первые учебники по ветеринарии: «Учение о том, как здоровые и больные копыта подковать и копытные болезни лечить» (1851) и «Учение, как действовать при отеле скота» (1853).

Статьи по вопросам, связанным с внедрением словенского языка в сферу образования и государственно-административного управления, часто появлялись в газете Блейвейса «Новицы»². В статьях указывалось на необходимость реализации новых функций словенского языка, а также на объективные проблемы, сопровождавшие этот процесс (отсутствие учебников на словенском языке стимулировало создание новых, например, лингвиста Ф. Метелко попросили написать сокращенную версию грамматики). Другой большой проблемой была языковая компетенция учителей, являвшихся носителями словенского языка, но профессионально владевших лишь немецким, который они учили в Германии.

В «Новицах» также обсуждали чешскую модель сосуществования языков³. В Чехии, в местах преимущественного проживания чешского населения, обязательным предметом являлся чешский язык, а там, где доминировало немецкое население, – немецкий. С четвертого класса «*нормалки*» – местной начальной школы – чешская и немецкая грамматика и литература становились обязательными учебными предметами и для чехов, и для немцев. К подобной модели стремились и словенцы. Школьные книги начали целенаправленно выпускать только в 60-х годах XIX в. после учреждения Словенской Матицы (1864).

В сфере государственно-административного управления также возникли языковые проблемы. Из-за недостаточного владения словенским языком большинство чиновников не могли составлять официальные документы по-словенски. Поэтому И. Навратил именно для нужд чиновников создал свою грамматику словенского языка на немецком: «*Kurze Sprachlehre mit einer möglichst vollständigen Rechtschreibung der slovenischen Sprache*» (1850).

В 1848 г. в Любляне было основано Словенское общество, главной задачей которого стало культивирование словенского литературного языка. Это общество открывало читальни, книжные лавки, организовывало вы-

пуск популярных приложений к газетам, устные языковые занятия, театральные постановки и выступления с пением и декламацией⁴.

В этом же году начали выходить первая словенская политическая газета «Словения» (в Любляне, два раза в неделю), «Цельская словенская газета» (в Целье, раз в неделю), «Славянский патриот» (в Триесте, раз в месяц), «Словенская церковная газета» (в Любляне, раз в неделю). В 1850 г., когда частично были аннулированы достижения Октроированной конституции, эти издания были закрыты. Остались только «Новицы», которые изменили политическую направленность – стали сельскохозяйственной и ремесленной газетой. «Словенская церковная газета», сменив название на «Згодняя даница» («Ранняя звезда»), ослабила интерес к национальным проблемам словенцев.

Тем не менее, новый общественный статус словенского языка послужил мотивирующим моментом для создания и развития словенской терминологии. Словенская терминология создавалась, прежде всего, на основе иноязычных оригиналов (в основном немецких и латинских). Немецкий язык являлся не только основой иноязычного оригинала, но и самым иноязычным оригиналом, поскольку был официальным государственным языком Австрийской империи. Терминология создавалась двумя основными способами: 1) с помощью сохранения иноязычных названий (выражения, принадлежащие к деловому стилю) *cenzura* – цензура, *apel* – апелляция, *perspektiva* – перспектива, *konstitucija* – устав, *kanton* – область; 2) путем «словенизации» иноязычных выражений, в результате которой «словенизированные» выражения или могут быть внедрены в язык (*apel* – *poziv* – апелляция, *konstitucija* – *ustava* – устав), или остаются лишь попыткой ввести их в употребление (*cenzura* – *tiskarna sodnica* – цензура, *muzej* – *hranišče/hramba* – музей), или сохраниться в языке в другой форме после словообразовательных изменений (*gled-išče*: *gled-a-lišče* – театр).

Словенская деловая лексика во второй половине XIX в. развивалась пропорционально развитию отдельных функциональных стилей: на первом месте в силу состояния периодики была публицистика. При этом процесс расширения публицистической терминологии сопровождался многими трудностями. Читатели газет часто не понимали, о чем пишут авторы, поскольку те в своих статьях использовали непонятные иностранные выражения. Об этом говорит анонимная статья, адресованная редактору «Новиц» Блейвейсу, «Любезный вопрос от (имени) читателей, которые не понимают других языков кроме словенского языка»⁵. Вопрос касался терминологических выражений из политической газеты «Словения», которые в оригинале использовали младословенцы*. Список терминологических выражений, заимствованных из латинского языка и славянских языков, свидетельствовал о том, что даже славянские термины словенские читатели не понимали. В своем ответе Блейвейс проанализировал заимствован-

* Младословенцы – передовое крыло словенских либералов, активно выступавших за национальные и политические права словенцев (прим. ред.).

ные выражения из списка, «словенизировал» их, описал и объяснил. Приведем некоторые примеры:

«1. *Audientia* / «аудиенция» – слово из латинского языка, и, может быть, было бы правильное говорить «допрос».

2. *Čitavnica* / «читальный зал» – от глагола *čitati* (читать), в Крайне говорят «*bravnica*» – от глагола *brati* (читать), обозначает помещение, где хранят книги, газеты и т.п.

3. *Uradniki* / «чиновники являются госслужащими, которые наводят порядок в ваших юридических делах, и было бы лучше, если бы их называли «порядочники» (от слова «порядок»), несмотря на то, что в Каринтии пользуются словом «чиновники».

4. *Blagorečje* / «благоречье» – торжественный и благопристойный разговор, но само слово является хорватизмом, ведь «*reč*» в словенском языке обозначает вещь, а не слово.

5. *Manifest* / «манифест» обозначает государственное разъяснение для оправдания какого-нибудь государственного действия. Манифест может быть императорским или королевским разъяснением.

6. *Politika* / «политика» – греческое слово, которое имеет несколько значений, и прилагательное «политический» может обозначать: государственный, областной или хитрый, умный»⁶.

Из рассуждений Блейвейса следует, что он, во-первых, избегает публицистических иноязычных терминов, ведь простой читатель их не понимает, во-вторых, меняет иностранные выражения на словенские, следуя пуристическим принципам. Его мотивы связаны с его стратегией при решении семантических неясностей в сфере публицистики. Стратегия была следующей:

1. Если заимствовать иноязычные терминологические выражения, то из славянских языков и в следующем порядке: «иллирийцы (т.е. хорваты), сербы, русские, чехи»⁷.

2. Морфологический состав слова, корневые морфемы и аффиксы словенского языка позволяют образовать словенские терминологические слова⁸.

3. Блейвейс ограничивает использование заимствований из латинского и западно-европейских языков, объясняя это тем, что их можно использовать только тогда, когда они общеприняты или когда нет словенских аналогов⁹. Действительно, иноязычные терминологические выражения под влиянием нового общественного статуса словенского языка, который способствовал развитию национальной терминологии, часто подвергались «словенизации».

В 1848 г. в газете «Новицы» были опубликованы словенские тексты, положившие начало деловому стилю. Это были тексты «Конституционного письма Австрийской империи» (приложение к выпуску №16) и «Выписка из порядка выборов первого государственного парламента в Вене» (приложение к выпуску № 22). Переводчик не указан, им, вероятно, был Ф. Малавашич, «которого в газете «Новицы» наняли переводчиком с ино-

странных языков, ведь в то время словенских авторов было недостаточно¹⁰. При рассмотрении этих двух текстов можно выявить следующее:

1. Немецкие терминологические выражения, отражающие новые общественные реалии и явления, подвержены последовательной «словенизации» (рядом с каждым словом в скобках указан соответствующий словенский термин): Staatsbürger – državnik /državljan – гражданин; Nationalität – narodnost – национальность; Tronfolger – vladar – император; Nationalgardist – stražnik – охранник; Beamte – uradnik – чиновник; Kammern – zbornica – палата; Rechtspflege – pravilo/ravnilo – правило; Antrag – naklep 'sklep' – приказ; konstitutionelle Monarchie – ustavna samovlada/samovladstvo – конституционная монархия; Senat – starašinska zbornica/zbornica starašinov – сенат; Burgmeister – mestni poglavar – мэп; Gemeindeverfassung – deželna soseska/deželna srenja – областная община; Landeseingeborene – državni prebivavc – уроженец; Landtag – deželni zbor – областное собрание; Landeshauptmann – deželni poglavar – губернатор; Landeskommission – deželna komisija – областная комиссия; Schwurgerichte – prisežna sodnija – суд присяжных; Nationalgarde – narodna straža – национальная гвардия; Wahldistrikte – volitni okraj – избирательный округ; Montanindustrie – industrijsko obrtništvo – промышленность; Munizipaleinrichtung – srenjska ali soseskina naredba – постановление общины; Bürgeranschluss – mestni odbor – городской комитет; Pressefreiheit – svobodnost natisa – свобода печати; Kammern der Abgeordneten – zbornica poslanikov – палата депутатов; absolute Stimmenmehrheit – en glas/ena štima čez polovico/čezpolovičnica glasov – перевес в один голос.

2. Адаптация ранее использовавшихся немецких заимствований на фонетико-морфологическом уровне; в современном словенском языке немецкие заимствования принадлежат разговорному стилю (к словенским терминам через союз *или* добавлены немецкие термины): pravilo или regel – правило, vodovnica или regelc – предписание, svobodnost/prostost или frajnost – свобода, glas или štima pri volitvi – голос на выборах, kazni или štrafinga – штраф, župan или rihtar – мэп, hiša deželnih stanov или lantovž – областное собрание, vladati или regirati – господствовать, plačevati desetino/davke или odrajtovati – платить налоги. Далее в текстах эти синонимы больше не повторяются, они или заменяются соответствующим словенским термином (glas pri volitvi – голос на выборах, vladati – господствовать, plačevati davke – платить налоги, župan – мэп), или используется термин славянского происхождения (*чеш.* pisárna – *слов.* pisarnica/pisarnina – офис/контора, *чеш.* pravidlo – *слов.* pravilo – правило, *чеш.* svoboda – *слов.* svobodnost/prostost – свобода).

3. Немецкие фонетико-морфологически адаптированные слова используются без соответствующих словенских синонимов: žlahtnik – родственник, rihtar – мэп, grunt – земля/владение, gruntna gosposka – дворянская земля, gruntne bukve – хозяйственные книги, mala/velika fara – церковный приход, mestna kasa – городской фонд, patrolirati – патрулировать, bankrot –

банкрот. Речь идет о таких терминологических выражениях, которые использовались при повседневном общении с самого начала создания деловой и судебной лексики (Горные книги, 1582 г.).

4. В данных текстах редко встречаются иноязычные слова: *bandera* – флаг, *senzura* – цензура, *kanton* – кантон/область, *komisar* – комиссар, *komisija* – комиссия, *kresija* – управление округа, *protokol* – протокол.

В двух вышеуказанных текстах встречаются следующие слова и словосочетания:

1. Слова

а) **существительные** *deležnik* / *delničar* – акционер; *državljan* – гражданин; *desetina* – 1/10 налога; *dninar/delavec za plačilo na dan ali na teden* – поденщик; *dohodek* – доход; *dovolitev* – разрешение; *dovoljenje* – позволение; *glas/štima 'volilni glas'* – голос на выборах; *grofijstvo/grofija* – графство; *hudodelstvo* / *zločin* – преступление; *izvoljenec* / *kandidat za poslanca* – кандидат в депутаты; *kraljevstvo* – королевство; *narodnost* – национальность; *nasvetovanje / nasvet* – совет; *oklic 'razglas'* – объявление; *opomin* – напоминание; *oskerbnik* – управляющий; *pisar* – писарь; *podložni* – подчиненный; *podložnik* – подданный; *pomenek 'sestane'* – встреча; *pooblastnik* – доверенное лицо; *poslanec* – депутат; *poročnik* 'poslanec' – депутат; *pravda* 'pravda, spor' – тяжба; *pravilo/ravnilo* 'pravilnik' – регламент; *poterjenje* 'potrdilo' – подтверждение; *pregrešenje* 'prestopok' – преступление; *prisega* – клятва; *prošnja* – просьба; *protokol* – протокол; *protokolnik* – человек, ведущий протокол; *prid* 'korist' – польза; *razsodek* – рассудок; *rihtar* 'župan' – мэр; *srenjčan* 'prebivalec srenje' – житель общины; *sosed* 'prebivalec soseske' – сосед; *sprava/pogodba* – соглашение/контракт; *strošek* – расходы; *štrafenga* – штраф; *ukazilo* 'ukaz' – приказ; *ustava* – конституция; *vživavec* 'rentnik' – рантье; *vladar* – император; *vodilo* 'pravilnik' – регламент; *vojvodstvo* – герцогство; *vožnina/voznina* – расходы на транспорт; *zborišče* 'prostor za zborovanje' – помещение для собрания; *zbornica* 'državni zbor' – государственное собрание; *živitev* 'preživnina' – деньги на содержание;

б) **глаголы**: *voliti* – голосовать; *izvoliti* – выбрать; *privoliti* 'soglašati' – согласиться; *pripustiti* 'dovoliti' – разрешать; *skleniti* 'odločiti' – принять решение; *priseči* – присягнуть; *prisegati* – присягать; *zapovedati* – приказывать; *zapovedovati* – приказывать; *prepovedati* – запретить; *prestaviti* – перенести; *prestavljati* – переносить; *predlagati* – предлагать; *predložiti* – предложить; *zaslišati* – допросить; *soditi* – судить; *razsoditi* – рассудить; *skupej poklicati* 'sklicati' – собрать всех; *nazaj postaviti* 'znižati službeno stopnjo, položaj' – понизить в звании; *stopiti skupaj* – быть единомышленниками; *skupaj se zbrati* – собраться вместе.

2. Словосочетания:

а) существительное с определением, в роли морфологизованного определения выступает имя прилагательное, которое согласуется с определяемым словом в падеже и числе: *besedna volitev/volitev z besedo* – выборы речевым голосованием; *državni prebivalec* 'državljan' – гражданин; *držav-*

na pravica 'državljanstvo' – гражданство; deželni zbor – областное собрание; deželna soseska ali srenja – областная община; gorska sodnija – земельный суд; gosposkina pisarnica – государственная канцелярия; gotovi dohodek 'stalni redni dohodek' – постоянный доход; gruntna dolžnost 'davek' – налог на имение/ налог на землю; gruntni posestnik – владелец имения; gruntno posestvo – имение; hišna preiskava/preiskovanje – обыск; komisijski protokol – протокол комиссии; kaznovano sodništvo – уголовный суд; mestna kasa – городской фонд; milošna naredba – приказ о помиловании; očitna volitev 'javna volitev' – открытые выборы; očitni deželni zbor 'javni deželni zbor' – открытое областное собрание; očitno dovoljenje – публичное разрешение; očitni oglas 'razglas' – публичное объявление; očitni pomenek – публичная встреча; očitno sodništvo – публичный суд; odgovorljiv minister – ответственный министр; osebna svobodnost – личная свобода; poglavitni okraj 'Hauptstadt' – главный округ; podložna duša/podložni/duša 'podložnik' – подданный; policijski pregrešek – полицейский проступок; postavna ravnila – государственные правила; prejemni list 'vabilo' – приглашение; skrivni pomenek – конфиденциальная встреча; ustavni minister – конституционный министр; ustavno pismo – конституционное письмо; volitna komisija – избирательная комиссия; volitna lista – список кандидатов на выборах.

б) существительное с несогласованным определением, которое связано с поясняемым словом беспредложным и предложным управлением или примыканием: čezpolovičnica glasov/en glas (ena štima) čez polovico – перевес в один голос; minister denarstva (Finanzminister) – министр финансов; minister vojaštva (Kriegsminister) – министр обороны; minister pravice (Rechtsminister) – министр юстиции; minister uka – министр образования; pobera davkov – сбор налогов; poklic Cesarja 'razglas' – приказ императора; spisek volitve 'protokol' – протокол; svobodnost natisa – свобода печати; svobodnost govorjenja – свобода слова; veljavnost volitve – действительные выборы; zakon nasledstva – наследственный закон; zbornica poslanikov – собрание депутатов; minister vnanjih oprav (Minister der auswärtigen Angelegenheiten) – министр иностранных дел; pomenek deželnega zbora – сессия областного собрания; razdelek ustavnega pisma 'člen ustave' – параграф конституции; vodila ustavnega pisma – конституционные правила; prid za deželo (Landesinteresse) – благо для страны; plačilo na dan (Taglohn) – ежедневная оплата труда; plačilo na teden (Wochenlohn) – еженедельная оплата труда; plačilo za pot (Wagengeld) – оплата транспортных расходов; glas ali štima pri volitvi – голос на выборах; potrjenje za pobero davkov – подтверждение для сбора налогов; volitev z besedo – выборы речевым голосованием; volitev z zapisam/ z zapisanjem imen – выборы с записью имен.

в) глагол с дополнением, поясняющим действие, предмет или признак и обозначающий объект действия или проявления признака: razpustiti državni zbor – распустить государственное собрание; poklicati državni zbor 'sklicati' – собрать государственное собрание; deliti časti/rede – награждать

орденами; *predložiti postavo* – предлагать служебную должность; *poterditi volitve* – подтвердить выборы; *poterditi prejemni list 'vabilo'* – подтвердить приглашение; *poterditi pogodbo* – подтвердить соглашение/контракт; *zagotoviti svobodnost* – гарантировать/обеспечить свободу; *izgovoriti dohodek/delšino/živitev* – добиться дохода/доли наследства/денег на содержание; *odbrati volivce* – выбрать избирателей; *pridobiti državno pravico 'državljanstvo'* – получить гражданство; *dopolniti ustavno pismo* – дополнить конституционное письмо; *odrajtovati cesarski davek* – отработать императорские налоги; *napraviti volitno komisijo* – создать избирательную комиссию; *napraviti narodno stražo* – создать национальную гвардию; *skleniti mir* – заключить мир; *skleniti spravo* – заключить примирение; *postaviti za volitniga komisarja/rihtarja* – назначить комиссара по выборам; *oddati na skrivnim* – передать секретно; *posvetovati se na skrivnim* – провести конфиденциальные консультации; *spolnevati v imenu* – действовать от имени; *dovoliti po postavah* – разрешить согласно закону; *kaznovati po postavi* – оштрафовать согласно закону; *izvoliti po postavi* – выбрать согласно закону; *zapreti po postavnih ravnilih* – посадить согласно статьям закона; *napisati s svojo roko* – написать своей рукой; *določiti po posebni postavi* – определить согласно особому закону; *narediti po posebnih postavah* – приказать по особому закону.

Из анализа «Конституционного письма...» и «Выписки...» следует, что словенская терминология по происхождению является как собственно словенской, так и иноязычной, и адаптированной. Немецкие термины, отражающие новые общественные реалии и явления, подвержены последовательной «словенизации». Если учитывать временной критерий, можно выделить два типа терминов: первые указывают на словенскую историческую и языковую традицию (*tlaka* – принудительная работа, *pravda* – тяжба, *postava* – закон, *naredba* – постановление, *desetina -1/10* налога и т.д.), вторые (новые) являются требованием времени и обусловлены общественным контекстом (*ustava* – устав, конституция, *državljan* – гражданин, *deželni zbor* – областное собрание, *volitna (pravica, komisija, soseska)* – избирательное право/избирательная комиссия/избирательная община и т.д.).

Деловая лексика, появляющаяся в газетной публицистике и юридических документах после марта 1848 г., доказывает, с одной стороны, повышение уровня развития словенского литературного языка, его многофункциональности, с другой – несет на себе печать времени.

Политические перемены в марте 1848 г. в Австрийской империи повлекли за собой изменение статуса словенского литературного языка – вместе с национально-объединительной и национально-репрезентативной функциями он обрел новые сферы функционирования. Словенская терминология во второй половине XIX в. неуклонно расширяется пропорционально развитию отдельных функциональных стилей, начиная с газетной публицистики, постепенно проникая в сферы государственно-административного управления и образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Novice. Leto 1848, № 137.

² Ibidem. №№ 98, 107, 114, 118, 133.

³ Ibidem. № 118.

⁴ Ibidem. № 30.

⁵ Ibidem. № 124.

⁶ Ibidem. № 137.

⁷ Ibidem. № 132.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. №№ 122, 123.

¹⁰ *Lokar J.* Bleiweis in Novičarji v borbi za slovenski jezik in domače slovstvo. // Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909. S. 23.

Некоторые аспекты словенского языка прекмурских венгров

Интерес отечественных славистов к словенистической проблематике имеет давнюю традицию. Достаточно упомянуть И.И. Срезневского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, которые явились первопроходцами в научном изучении отдельных аспектов словенского языка (подробнее см. статью И. Макаровой-Томинец в данном сборнике). В современной словенистике существует ряд малоисследованных или совсем не исследованных тем, которые привлекают внимание славистов из России. Одной из них является изучение особенностей словенской речи прекмурских венгров, развивающееся в русле исследования второязычной речи билингвов. Явление двуязычия – комплексное, часто бывает трудно определить, какой язык у билингва является первым, а какой – вторым. В рамках указанного направления вопрос решается так: в качестве целевой группы для исследования выбирается национальное меньшинство, члены которого в разной степени владеют языком того административного образования, в котором они проживают¹; таким образом, первым признается этнический язык определенной национальной группы, вторым – язык большинства.

Следует отметить, что исследование воздействия словенского языка на венгерскую речь прекмурских венгров проводится весьма активно². Так, в венгерском языке на всех языковых уровнях отмечаются процессы интерференции из словенского языка; эти процессы особенно активизировались в 50-60-е годы XX в.³: лексические заимствования из словенского языка (kártya (karta) – menetjegy; tájnica (tajnica) – titkárnő, prikolica (prikolica) – utánfutó) и др.), калькирование конструкций (elesik a vizsgán (pasti na izpitu) – megbukik, előlát (predvideva) – tervez, előirányoz, meghatároz); употребление множественного числа вместо единственного в соответствии с ситуацией в словенском языке (некоторые примеры проникают в венгероязычные печатные издания, выходящие в Лендаве) (a csapadékok_{pl} mennyisége évenként különböző вм. a csapadék_{sing} mennyisége)⁴; более частое употребление пассива вместо активной конструкции (ez így íródik вм. ezt így írják); выражение предположно-падежных отношений (Lendvában (v Lendavai) élnek вм. Lendván); перенос ударения на второй и последующий слоги (Rakicsán вм. Ra'kicsán); исчезновение различительных фонологических признаков, например: долгота-краткость (meggy «вишня» совпадает по звучанию с megy «идти»)⁵ и т.д. Обратный процесс интерференции – влияние венгерского языка на словенскую речь прекмурских венгров – практически не изучен. Можно отметить, что словенская составляющая

венгерско-словенских языковых контактов выступает на первый план, когда речь идет о порабских словенцах на территории Венгрии. Однако если результаты данного языкового взаимодействия в чем-то схожи с процессами в словенском языке прекмурских венгров, то социолингвистическая ситуация порабцев коренным образом отличается от положения венгерско-меньшинства в Словении, не говоря уже о том, что словенский язык для порабцев является первым, а для прекмурских венгров – вторым.

Венгры в соответствии с конституцией Словении относятся к «автохтонным» национальным меньшинствам наряду с итальянцами. Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Словения и Республикой Венгрия также определяет положение венгерского и словенского меньшинства в этих странах⁶. Венгерский язык объявлен официальным языком в трех общинах: Лендава, Ходош, Добровник. Всего в Словении во время переписи 2002 г. насчитывалось 6243 венгров⁷, для 7713 чел. венгерский язык является родным⁸. Небольшое число венгров определяет и витальность самой общины. В школах вышеупомянутых двуязычных общин процесс обучения происходит одновременно на двух языках: венгерском и словенском, причем по мере продвижения по ступеням образования доля словенского языка увеличивается: если в первые шесть лет обучения в основной школе соотношение венгерского и словенского языков 50:50, то в последующие три года основной школы и в период обучения в средней школе это соотношение меняется в пользу словенского языка и составляет 70:30⁹. Следует сказать, что двуязычных школ в историческом регионе Прекмуре немного – четыре основных школы (в Лендаве, Гентеровцах, Добровнике, Просеняковцах) и одна средняя школа в Лендаве¹⁰.

В январе 2010 г. нами было проведено анкетирование 95 учащихся венгерской национальности в Лендаве. Из двуязычной средней школы в исследовании приняли участие 47 информантов (возраст 15–20 лет), из двуязычной основной школы (старшие классы) – 48 информантов (13–15 лет). Исследование проводилось в рамках проекта по изучению второязычной речи венгров в сопредельных с Венгрией славянских странах¹¹. Информанты в первой части заполняли анкету-вопросник, в которой выяснялись социолингвистические характеристики повседневного общения, отношение к языкам. Во второй части информанты должны были письменно изложить содержание предоставленного им венгерского текста на словенском языке, а также написать небольшое эссе (сочинение) о своем городе, деревне, школе, любимом литературном произведении и т.д.

В настоящей статье предполагается проследить, какие изменения в области порядка слов происходят в словенском языке прекмурских венгров, и определить, с чем связаны эти изменения. Весь корпус ошибок в данной области был разделен на отклонения при определении местоположения глагольных клитик и отклонения при определении местоположения членов предложения (объекта, сказуемого). Примеры учащихся дополняются примерами из прекмурского литературного языка XVIII – начала XX вв.,

испытывавшего сильное влияние венгерского языка, а также образцами речи порабских словенцев, учащихся основной школы «Йожеф Кошич» в Фельшесёльнёке (словен. Горни Сеник).

В первой части анкеты информанты указывали, в том числе, какие затруднения существуют для них в словенском языке, а также, какие ошибки они замечают (если замечают) в словенской речи других венгров. Среди ответов упоминается порядок слов в словенском предложении. Это наблюдение информантов подтверждается и в собранном нами материале.

В словенском языке в зависимом предложении клитики следуют сразу после союза¹² (*Ko se je stemnilo, smo prižgali luč*), в простом предложении они стремятся занять второе место после ударной группы (*To bi bilo nekaj tudi zate*)¹³. В венгерском языке клитики вовсе отсутствуют, информанту часто незнакома правила распределения клитик в словенском предложении. Так, в предложениях *Menijo, da zaradi globalnega segrevanja Zemlje bo vedno več takih pojavov*¹⁴; *Tamkajšni biolog je ugotovil da zaradi temperature so netopirji izleteli* безударная форма глагола *biti* (в первом предложении выражающая будущее время, во втором выступающая как вспомогательный глагол в перфекте) не располагается сразу после союза в придаточном предложении. В примере *Vsem danes je pomembno znanje angleškega jezika* глагол-связка в независимом предложении не занимает второе место.

Много отклонений отмечено при определении местоположения прямого объекта, а также в постановке глагола. Венгерскому языку свойственен следующий порядок слов в простом предложении. Объект обычно предшествует глаголу, если это бесприставочный глагол: *A fiú_{subj} levelet_{obj} ír_{verb}*¹⁵. Следовательно, предложение имеет структуру субъект – объект – предикат (SOV). Такой порядок слов считается нейтральным. Однако венгерскому языку не чужд порядок слов SVO, в частности, когда употребляется приставочный глагол и прямой объект с артиклем: *János_{subj} megírja_{verb} a levelet_{obj}*. Порядок слов в простом предложении в словенском языке иной: субъект – предикат – объект (SVO) – *Andreja_{subj} čaka_{verb} Simono_{obj}*¹⁶. Постановка объекта перед предикатом возможна только с целью логического выделения. Различный порядок слов в венгерском и словенском языках является источником многочисленных интерферентных явлений.

Формально правильность высказывания в приводимых ниже примерах не нарушена, однако контекст высказывания не позволяет говорить о том, что информанты используют логическое выделение объекта. Приведем примеры¹⁷: *V Novi Zelandiji glečerji več leda in snega so izgubili*; *Sonce vedno manjkrat vidimo*; *Tam še veliko stadionov majo*; *Film govori o 2. svetovni vojni, ko so Žide ubijali in so jih nesli v koncentracijsko taborišče, kjer so jih uničili in nato ubili*; *Spole zamenjujejo*; *Ledeniki se zelo hitro topijo*. *Veliko snega in leda izgubijo*; *Izavimo še o tem, da so lahko pole pobrali iz interneta in da zaradi tega profesorji zahtevajo ponovno mature*; *Meksikanski otok je ime dobil po Jacques Cousteau* и др.

Нами также подобраны примеры из произведений прекмурских авторов XVIII – начала XX вв.¹⁸. В проанализированных текстах достаточно

часто встречается предшествование объекта глаголу (SOV): *Življenje ščem pisati*; Tak je pravo sceti Hieronim, gda je *zgodbo* edne imenitne osebe *opisal*; Pred 125 letami *so* prvi sombotelski pušpek Szily János ali *dobre knjige* vu slovenskom jeziki *izložiti dali*; Tudi svoje med Múrov i Rábov stanúvajoče *Slovene obiskati*; V enom leti *edno korono ne bi mogao aldúvati* za svojo dūšo; Nekada je slovensko lústvo *močno slovstvo melo* и др. Прекмуре на протяжении многих столетий входило в состав Венгерского королевства, поэтому влияние венгерского языка ощущается в речи образованных прекмурцев. Кроме того, исследование, проведенное нами среди порабских словенцев, дает основание заключить, что и в их словенской речи распространен порядок слов субъект – объект – предикат (SOV): *Dosta se učim in dosta ocena imam*; *Naša šola je narodnostna zato tedensko pet ur slovenščino imamo*. Таким образом, влияние венгерского порядка слов в плане распределения объекта и смыслового глагола проявляется не только во второязычной речи венгерского национального меньшинства в Словении, но и было распространено в речи прекмурских авторов XVIII – начала XX вв., а также до сих пор присутствует в родном языке словенцев Порабья (причем младшего поколения).

Среди основных ошибок в области порядка слов была выделена также финальная позиция глагола в предложении без прямого объекта. Отмечается, что особенностью венгерского языка является тяготение глагола к концу предложения в нейтральном по смыслу высказывании (*Holnap Budapestre utazom_{verb}*)¹⁹. Такой порядок слов отличается от ситуации в словенском языке, в котором глагол не имеет тенденции тяготеть к концу предложения, поскольку он не может быть слишком удален от субъекта²⁰. В приводимых ниже примерах словенской речи прекмурских венгров отчетливо проявляется тенденция постановки объекта перед предикатом в нейтральных по смыслу высказываниях, что, несомненно, является влиянием венгерского языка²¹: *Mama mi vedno pripoveduje o tem kak sem se rodila in zakaj je hotela, da bi se v tamkajšni bolnišnici rodila*; *Čeprav je Lendava tako lepa, pa nikoli ne bi v mestu živel*; *Rodila sem se v Razičani, kjer samo slovensko govorijo*; *Madžarsko starejši babice in dedki govorijo, in ne govorijo po slovensko, samo razumejo nekaj*; *Ta dan mi je najbolj všeč bil*. В словенском языке порабских словенцев также прослеживается аналогичная тенденция: *Mi smo na Gornjem Seniku živeli, ampak v Monoštru smo se odselili*; *Zdaj v 8. razred hodim*; *Na Gornjem Seniku živim*. В дополнение к высказываниям информантов можно привести ряд примеров из текстов прекмурских авторов, иллюстрирующих повсеместное распространение данного порядка слов под влиянием венгерского языка: *Lastivnosti, iz šterih se veliki lúdje spoznati dajo*; *Kak smo vam že pri življenji sv. Pavla puščavnika popisali, so že vu trétjem stoletji vnogi bili, ki so ga za volo v puščavo odšli*; *To kaže, da od severa smo prišli*; *Drügi pa do Tise pretirani bili*; *Veliko jih je zavolo med njimi nastanjene nesložnosti v Atelkuzu na pržianske mejé odšlo*; *Pismo Stároga i Nouvéga zákona na svojega národa lastivni jezik obrnoli* и др. Влияние венгерского и немецкого язы-

ков на порядок слов (тяготение глагола к концу предложения) в кайкавском литературном языке, который тесно связан с прекмурским литературным языком, как с точки зрения их развития, так и с точки зрения социолингвистических условий их функционирования, предполагает также А.Д. Дуличенко: «Оба языка (немецкий, венгерский) отразились не только в лексике, но и в грамматике, и в словообразовании, напр., освоение кайкавщиной такой яркой черты указанных языков, как постановка сказуемого в конце предложения...»²². Собственно о прекмурском языке ученый говорит следующее: «Язык пересыпан как заимствованиями, так и кальками с венгерского»²³. Таким образом, и в этой области наблюдаются схождения в типологически разных высказываниях.

В ходе анализа словенской речи прекмурских венгров нами был привлечен материал прекмурской литературы XVIII – начала XX вв., а также образцы словенской речи словенцев из Порабья. Удалось установить однотипные схождения в области местоположения глагольных клитик и местоположения объекта и глагола в предложении. Венгерский язык как родной язык информантов из Прекмурья влияет на высказывания на словенском языке, функционально – втором языке учащихся. С другой стороны, венгерский язык в прошлом оказывал заметное влияние на формирование прекмурского литературного языка. Кроме того, и в настоящее время словенцы, проживающие на территории Венгрии, испытывают значительное воздействие венгерского языка²⁴. Таким образом, интерферентное воздействие венгерского языка (при рассмотрении указанного выше аспекта синтаксического уровня) проявляется в словенской речи независимо от социолингвистических условий функционирования языков и первоочередности усвоения словенского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В частности, можно упомянуть следующие работы: *Burzan M.* Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti. Novi Sad, 1984; *Хеймер Х.И.* Особенности взаимодействия русского и эстонского языков в области лексики и семантики // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия (Проблемы лексики). М., 1985; *Pandžić M.* Interferenzen im Deutschen und im Serbokroatischen der Kinder Jugoslawischer Arbeitnehmer in der Bundesrepublik Deutschland. Fehleranalyse und didaktische Übungen. München, 1992; *Stuart W.* Receptive and productive vocabulary sizes of L2 learners // *Studies in Second Language Acquisition*. 2008. № 30; *Jackson C.N., Dussias P.N.* Cross-linguistic differences and their impact on L2 sentence processing // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. № 12 (1); и др.

² См. работы: *Göncz L.* Analizáló és szintetizáló nyelvi megoldások Kárpát-medencei magyar beszélőközösségek nyelvhasználatában // *Forum Társadalomtudományi Szemle*. 2000. № 3; *Bernjak E.* Slovenščina in madžarščina v stiku. Maribor. 2004; *Kolláth A.* Magyarul a Muravidéken. Maribor, 2005; *Hungarian Language Contact Outside Hungary: Studies of Hungarian as a minority language.* Amsterdam – Philadelphia, 2005; *Guttmann M.* Anyanyelv, dialektus, kétnyelvűség, oktatás. *Cikkek, tanulmányok.* Szombathely. 2005; *Bartha Cs.* Kétnyelvűség a Muravidéken. A magyar nyelv megőrzésének lehetőségei és korlátai egy szociolingvisztikai vizsgálat tükrében // *Muratáj*. 2006. 1–2. 79–113 о. и др.

³ Kolláth A. Magyarul a Muravidéken. Maribor, 2005.

http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/kulhoni_magyarsag/2010/slo/nyelviseg_es_magyarsag_a_muravideken/pages/004_a_magyar_nyelv_allapota_allaga_a_muravideken.htm

⁴ Там же.

⁵ Bernjak E. Slovenščina in madžarščina v stiku. Maribor, 2004. S. 52–55.

⁶ Varstvo manjšin. Uvodna pojasnila & dokumenti. Ljubljana, 2002. S. 107–108.

⁷ Statistični urad Republike Slovenije. Prebivalci, ki so se po narodni pripadnosti opredelili za Madžare, občine, Slovenija, 2002

http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=OBC&st=4

⁸ Statistični urad Republike Slovenije. Prebivalstvo po maternem jeziku, občine, Slovenija, popis 2002 http://www.stat.si/popis2002/si/rezultati/rezultati_red.asp?ter=OBC&st=7

⁹ Kolláth A. Jezikovna izbira, dvojezični pouk in prestiž madžarskega jezika v Prekmurju (Vplivi detrianonizacije na kontaktne različice madžarskega jezika) // Vloga meje. Slovenski slavistični kongres, Lendava 2005. Ljubljana, 2005. S. 55.

¹⁰ Bernjak E. Op.cit. S. 66.

¹¹ В марте 2009 г. было проведено исследование в автономном крае Воеводина (Сербия). Результаты представлены в наших работах: Пилипенко Г.П. Особенности усвоения сербского языка воеводинскими венграми // Славяноведение. 2010. № 5. С. 73–81; он же. К вопросу о венгерско-сербском билингвизме // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010. С. 380–392.

¹² Клитики выделены курсивом.

¹³ Piper P. Skladnja. Slovenski jezik // Јужнословенски језици: граматичке структуре и функције. Београд, 2009. С. 368–369.

¹⁴ Примеры приведены в оригинальной орфографии информантов.

¹⁵ Burzan M. Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti. Novi Sad, 1984. S. 138; Dezső L. Tipološka analiza hrvatskosrpske sintakse i njena usporodba sa sintaksom mađarskog jezika. Budimpešta, 1986. S. 132.

¹⁶ Piper P. Op.cit. S. 366–367.

¹⁷ Объект выделен жирным шрифтом, глагол – курсивом.

¹⁸ Были проанализированы тексты из сборника: Novak V. Izbor prekmurskega slovstva. Ljubljana. 1976.

¹⁹ A mai magyar nyelv rendszere. Leíró nyelvtan. I. Mondattan. Budapest, 1970. 487 o.

²⁰ Piper P. Op.cit. S. 366–367.

²¹ Предикат выделен курсивом.

²² Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. М., 1981. С. 84.

²³ Там же. С. 56–57.

²⁴ Словенский язык в Порабье не имеет того статуса, которым наделен венгерский язык в Прекмуре, поэтому на всех уровнях он используется sporadически. Об этом, в частности, можно судить по тому, что в Венгрии не существует ни одного среднего учебного заведения со словенским языком обучения. // См.: Bernjak E. Slovenščina in madžarščina v stiku. Maribor, 2004. S. 66.

Проблема циклизации малой прозы в творчестве И. Цанкара

Циклизация – весьма характерное явление для художественной литературы конца XX – начала XXI вв., для поэзии и прозы, и даже для драмы¹. Под ней в современном российском литературоведении принято понимать продуктивную тенденцию, направленную на создание особых целостных единиц – циклов. При этом цикл понимается как совокупность самостоятельных произведений, объединенных на основе их соотносительности друг с другом, а специфика такой соотносительности усматривается в том, что во всех случаях она ведет к возникновению некоторых добавочных смыслов, не выраженных по отдельности в произведениях, составляющих цикл.

Эта общая формулировка, выделяющая два главных признака циклизации: 1) целостность и самостоятельность каждого из составляющих цикл произведений и 2) целостность цикла, возникающая как результат взаимодействия между собой произведений, составляющих цикл, имеет, скорее, не литературный, а общеэстетический характер. Действительно, циклы произведений, аналогичные литературным и удовлетворяющие выделенным признакам, существуют и в других видах искусства: в музыке, живописи, кино, на телевидении.

Вместе с тем, при стремлении осмыслить цикл как самостоятельное историко-литературное явление, а также и его жанрообразующую роль в творчестве того или иного автора такой общей формулировки оказывается недостаточно.

При обращении к изучению конкретных произведений цикловой природы (определенного периода или автора) исследователи обычно стремятся так или иначе типологизировать проявления циклизации в ориентации на решение своей проблемы.

Таких типологий – а значит, возможных проблемных ракурсов цикловедческого изучения – достаточно много. Мы будем опираться на классификацию литературных циклов, предложенную Л.Е. Ляпиной (хотя, несомненно, и здесь могут возникнуть определенные дополнения или уточнения):

- 1) по степени авторского участия (авторские, не авторские);
- 2) по истории создания (априорно задуманные как циклы, сложившиеся после создания составляющих цикл произведений);
- 3) по особенностям речевой структуры (стихотворные, прозаические);
- 4) по текстовой специфике (цикл, раздел, книга);
- 5) по жанру (элегические, очерковые и т. д.);

6) по родовой принадлежности (лирические, эпические, драматические)².

Первый из выделенных классификационных признаков учитывает степень авторского участия, то есть сознательной целенаправленности в собирании и компоновке материала. Этот критерий позволяет, в свою очередь, рассмотреть проблему цикла в аспекте отношений между автором и читателем (реципиентом): прямого или опосредованного. Он, несомненно, оказывается значимым в случае с так называемыми «читательскими» циклами, т. е. циклами, которые, не имея собственной текстуально закреплённой композиции, обретают цельность именно благодаря системе ассоциативных связей между произведениями и получают развитие как явление жанрового порядка.

С другой стороны, нередко актуальной оказывается ситуация «двойного авторства», когда композиционная структура цикла формируется не автором, а другим лицом, и здесь могут возникнуть интересные проблемы, связанные с историей публикации. Речь идет о циклах, скомпонованных в целое человеком, не являющимся непосредственным автором каждого из произведений. В литературе типовыми примерами таких циклов являются редакторские, издательские циклы; сравнительно более редки случаи, когда циклизация произведений разных авторов осуществляется одним писателем (например, «Круг чтения», составленный Л.Н. Толстым). Примерами циклов двойного авторства в других искусствах могут служить современные музыкальные альбомы, составленные продюсерами; сценарий эстрадного спектакля концертного типа; телешоу и др.

Вторым критерием выделенной выше классификации выступает генезис, история создания, так или иначе проявляющаяся в цикловой структуре.

Здесь можно разграничивать циклы априорные, с самого начала задуманные автором как целое, и составленные постфактум, из уже написанных, независимо созданных произведений³, или, согласно терминологии, предложенной в книге М.Н. Дарвина и В.И. Тюпы, «первичные» и «вторичные» циклы⁴. Однако следует отметить, что некоторые исследователи отмечают необходимость выделения третьего, смешанного типа, соединяющего первый и второй принципы создания, который представляется наиболее продуктивным в отношении малой прозы XX в.⁵ Необходимость такого ряда классификации выявляется, когда возникает проблема, связанная с творческой эволюцией автора, его художественного метода. В этом случае возможно включение дополнительной содержательно-тематической (сюжетной) и композиционной составляющей. Циклы создаются и постепенно разрастаются по мере развития творческой мысли автора, развития его мировоззрения. Таков, например, цикл «Записки охотника», который позволяет рассматривать, помимо прочих, развитие идей и метода И.С. Тургенева на протяжении двух десятилетий. То же самое демонстрирует анализ цикла литературно-критических статей В.Г. Белинского о творчестве А.С. Пушкина⁶. (Забегая вперед, можно отметить в качестве примера тако-

го цикла произведения И. Цанкара разных лет, посвященные памяти матери (как часть автобиографической прозы писателя).

Вышеприведенные критерии классификации циклов – по авторству и по генезису – носят, так сказать, универсальный характер: они актуальны не только в отношении литературы, но и других видов искусств.

Параметры следующих критериев типологизации соответствуют уже формальным уровням организации художественного целого. Здесь идет разделение по особенностям речевой структуры цикла (стихотворные и прозаические), по характеру его текстовой организации, по жанру. Они гораздо более специфичны, поскольку определяются эстетическими особенностями конкретного материала.

В центре нашего исследования – малая проза известного словенского писателя Ивана Цанкара (1876–1918) и особенности процесса циклообразования, который можно проследить на разных этапах его творческого развития⁷. Поэтому за рамками нашей работы остается деление циклов на стихотворные и прозаические, а также по родовой принадлежности.

В отношении избранного нами художественного материала актуальными, как представляется, оказываются следующие принципы классификации: принцип текстовой специфики циклов, а также классификация по жанру. В первом случае важен вопрос о степени и характере внутренней завершенности цикла, т. е. соотношения целого и составляющих его произведений. С этим принципом связана и такая важная, присущая циклизации черта, как иерархичность, на основании которой уже отдельные циклы, или микроциклы, способны соединяться в большие объемы. С одной стороны, это может привести к созданию эффекта «цикл в цикле» (явление, характерное для поэзии вообще и творчества, например, символистов, в частности), с другой – происходит соединение отдельных циклов в книгу, сборник, его раздел и т. д. А это, в свою очередь, ставит вопрос о жанровой эволюции циклизации.

На рубеже XIX–XX вв. цикл и родственные ему прозаические единства играли важную роль в творчестве многих писателей, как русских, так и представителей других национальных традиций. Это, по мысли О.Г. Егоровой, «позволяет воспринимать тенденцию к циклизации текстов как объективную реальность литературной эпохи, как попытку найти новый тип художественного единства, соответствующего запросам времени и воплощающего в себе поиски целостности при неизбежной фрагментарности и хаосности художественного мира»⁸.

В словенской литературе конца XIX – начала XX вв. пример подобных поисков вызревания циклообразующих тенденций, а также процессов, связанных с их развитием, дает творчество И. Цанкара. Эту проблему можно рассматривать на примере его поэзии, крупной и малой прозы, драматургии, публицистики. Однако ограничительной рамой нашего исследования станет, как уже отмечалось, малая проза словенского классика – от первых циклов до произведений последнего периода его творчества и, в первую очередь, книг «Моя нива» («Moja njiva») и «Видения» («Podobe iz sanj»).

Проблема объединения малой прозы оказывается актуальной для писателя уже с 1899 г., начиная с первого сборника «Виньетки» («Vinjete»), куда вошли короткие рассказы 1896–1899 гг.⁹ Они объединены авторским отношением к созданной им художественной действительности, декларируемой им эстетической программой («Эпилог») и отразили поиски новых художественно-выразительных средств: Цанкар использует возможности импрессионистического стиля для описания глубоких переживаний своих героев и идет по пути разрушения традиционной структуры повествования, вводит символические образы для выделения идеи произведения.

К объединению малой прозы (рассказов, новелл, иногда и повестей) писатель тяготеет и в дальнейшем. Так, в «Книгу для легкомысленных людей», изданную в 1901 г. в издательстве Л. Швентнера, Цанкар включил рассказы и новеллы, которые он создавал уже живя в венском квартале Оттакринг, снимая комнату у швеи Альбины Лоффлер. В них отразились и его воспоминания ранних лет (например, времени влюбленности в сестер Лушиновых – Анну и Минку), и размышления о событиях на родине, пропущенные через фильтр новых увлечений этого времени: философией Ницше, Эмерсона, идеями декаданса, эстетикой символизма в лице Меттерлинка, Бодлера (прежде всего идеей вселенской вечной души). Произведения цикла объединяет выраженный в литературной форме протест против покорности, христианского терпения, против уродования человеческой личности рабскими условиями существования. Этот протест против норм традиционной морали автор выстраивает в русле полемики с философией нищезанятия с его идеей «сверхчеловека».

Опыт объединения краткой прозы у Цанкара реализуется затем в сборниках «На заре» («Ob zori», 1903) и «Мимо жизни» («Mimo življenja», 1903 – вышел в 1920), в которых проявились две ведущие тенденции его творчества: социально-критическая и морально-этическая, а в стилистике произведений усиливаются лирические интонации. Это нашло отражение и в более позднем цикле рассказов «За крестом» («Za križem», 1909), который в историях детей из венского предместья продолжает тему униженных и оскорбленных, а также важную для писателя тему веры. В цикле «Истории из долины св. Флориана» («Zgodbe iz doline šentflorjanske», 1908), объединившем три повести («Разбойник Петер», «Поликарп», «Канцелярист Яреб»), главным становится обобщенный сатирический образ современного ханжеского, самодовольного, но претенциозного словенского общества, который автор помещает в условное символическое пространство, олицетворяющее его горячо любимую родину. В заключительной части («Песня» – «Pesem»), словно подводя итог, он пишет: «И ты не забудешь меня, прекрасная долина св. Флориана. Может, ты, оскорбленная, отвернешься от меня, может, оставишь меня одиноко стоящим у дороги путником; я же лягу в траву и буду смеяться и ждать, потому что знаю, что ты вернешься. Ибо я е тебе, а ты во мне...»¹⁰.

Следует отметить, что принцип циклизации писатель использует и при издании книг, объединяющих психологические, сатирические, полемические статьи, эссе: «Крпанова кобыла» («Krpanova kobila», 1907); «Белая хризантема» (Bela krizantema, 1910), в которых выступает как «самый лучший интерпретатор и защитник своего искусства»¹¹.

Таким образом, у Цанкара все более отчетливо проявляется тенденция к созданию цикла, своего рода «структурного механизма» (Х. Мастэрд), в рамках которого замысел диктует и продуманное расположение его составных частей, и внутреннее движение мысли. Чтобы подчеркнуть это, писатель подчас вводит краткое вступление или заключение (или то и другое, как, например, в цикле «Истории из долины св. Флориана»), создавая тем самым кольцевую композицию. Вместе с тем, некоторые из его циклов обладают открытой структурой, дающей простор для интерпретаций, как, например, в «Книге для легкомысленных людей», намечающей все главные темы будущих произведений писателя¹².

После 1910 г. тенденция к соединению отдельных рассказов и новелл в более крупные формы стала особенно отчетливой. Именно в это время были созданы произведения, которые автор стремился не просто объединить под одной книжной обложкой, но старался придать этому объединению более четкую мотивно-тематическую и смысловую заданность.

В первую очередь, это касается книги под названием «Моя нива», которая увидела свет лишь в 1935 г., через 17 лет после смерти писателя, и появлению которой в авторской редакции мы обязаны его двоюродному брату Изидору Цанкару, а также книга «Видения»¹³ (1917).

Если говорить о названии книги «Моя нива», то оно зародилось гораздо ранее оформления самого текста, и ее основная идея (как, впрочем, и идейная направленность многих других произведений Цанкара 1910-х гг.) формируется уже после выхода в свет книги критических и полемических статей и эссе «Белая хризантема». В эссе под тем же названием с выразительным посвящением («моим рецензентам») Цанкар, отвечая на резкие выпады в свой адрес, вновь, как и в статье «Юбилей» (1906), подводит итоги своей литературной деятельности. Однако в «Белой хризантеме» на смену выдвинутого им ранее символического образа художественной нивы (выделено нами – Т.Ч.), «богато удобренной злобой и отрицанием», приходит иной образ: нивы, которая призвана и готова принести новые благодатные плоды:

«О Кобал, о Ленард, о Терсеглав, о все вы молитвенники в святом храме нашем – слишком рано вы пришли кропить! – Горячие мысли, дерзновенные образы, снова вся моя нива вами орошена – солнце, освети ее своими лучами, чтобы она дала богатый урожай!

Старость, как ты далеко!...»¹⁴.

Так был сделан акцент на подведении итогов творчества и определении перспектив нового жизнеутверждающего искусства, что, как правило, происходит на рубеже периодов жизни и периодов творчества¹⁵. И реализа-

цией этой установки явился замысел книги, который возник у И. Цанкара перед Первой мировой войной, а окончательно сформировался в первой половине 1914 г.¹⁶ Книга не была издана при жизни писателя, как считает Я. Кос¹⁷, не по вине его издателя Л. Швентнера, а потому, что автор сам долгое время не определялся с окончательным вариантом. Но ясно одно: собирая воедино уже созданные и напечатанные к тому времени произведения, Цанкар искал некую идейную доминанту, способную объединить его творения, причем не по принципу хронологии, а благодаря включению в действие иных механизмов. В результате, как явствует из сохранившихся рукописных планов книги, он избрал вариант книги циклов с объединяющим их «Вступлением». Это, по мысли Я. Коса, определило ее новаторство и уникальность: «... "Моя нива" среди его сборников краткой прозы – действительно первое и единственное произведение, в котором ему показалось необходимым расположить рассказы и новеллы не просто по хронологии одно произведение за другим, но так, чтобы создать большие циклы и дать им бережно подобранные, соответствующие их содержанию и одновременно в литературном плане значимые названия»¹⁸. В результате этой работы в книгу вошли 4 цикла: самый обширный «Мгновения» (21 текст), «Наша долина» (8), восходящий к мотивике цикла прозы и драматургии о долине св. Флориана, а также циклы «Из чужой жизни» (7) и «У святой могилы» (11), где второй целиком посвящен воспоминаниям о матери писателя.

Итак, в книге «Моя нива», следуя аутентичному авторскому замыслу¹⁹, работает, прежде всего, тематический принцип объединения, а хронологический принцип включается по большей части внутри каждого из циклов. Последний определяет поступательный ход художественного времени. Вместе с тем, как мы уже отмечали, при составлении цикла из разнородных произведений разных лет может возникнуть еще одна временная динамика: эволюция мировоззрения художника, которая в той или иной степени отражается и в развитии его поэтики.

Произведения первого из вошедших в книгу циклов «Мгновения» и по тематике, и по стилевым особенностям в большинстве своем демонстрируют тесную связь с произведениями венского периода. Тип традиционного рассказа здесь превалирует. Исследователи справедливо отмечают многообразие мотивов и тем, ранее уже нашедших отражение в творчестве Цанкара, начиная со сборника «Виньетки» и «Книги для легкомысленных людей». Объединяющим, циклообразующим началом, позволяющим рассматривать отдельные составляющие цикла как единое целое, становятся именно зарождающееся новое видение пережитых жизненных ситуаций и новый взгляд на хорошо знакомые явления и события. Как пишет Я. Кос, «... в этих текстах уже проявляются измененная оптика восприятия жизни и по-новому выраженная интенсивность чувственных порывов; в них также обнаруживается поиск писателем новых выразительных средств в стиле и композиции, дающих представление об особенностях поздней прозы И. Цанкара»²⁰.

Циклы «Наша долина» и «У святой могилы» отчетливо коррелируют с идеей, выраженной во «Вступлении». В отношении каждого из них можно с уверенностью говорить о двух тенденциях развития цикловой структуры. На уровне цикла объединяющим становится общая для всех составляющих его частей доминирующая тема. Выход же за ограниченные рамки конкретного цикла позволяет установить более масштабный характер соотношенности произведений в пределах всего творчества писателя, а значит – включить эти циклы в мегапостроение, объединенное общим лейтмотивом.

Так, цикл «Наша долина» на основании приема лейтмотивности оказывается в одном ряду с другими произведениями так называемого шент-флорианского цикла (фарс «Соблазн в долине св. Флориана», сборник «Истории из долины св. Флориана», 1908 и др.).

Цикл «У святой могилы» также позволяет выстроить целую цепочку произведений, посвященных матери писателя, начиная с 1902 г., тем самым связав его с более поздними автобиографическими произведениями писателя – «Моя жизнь» (1914) и «Грешник Ленарт» (1915)²¹.

Вместе с тем, циклы, вошедшие в книгу «Моя нива», оказываются не просто линейным развитием определенной темы. В них отчетливы новаторские черты и в отношении жанровых приемов построения короткого рассказа и новеллы, и в отношении художественно-стилевых особенностей повествования. Достаточно рельефно они проявились, на наш взгляд, в произведениях цикла «Из чужой жизни». Рожденный на стыке жизни и искусства и включающий в себя картины дня сегодняшнего и воспоминания автора о своем детстве, этот цикл, как и вся книга, знаменует и определенный рубеж в жизни самого писателя. Венский период жизни сменяется люблянским, когда Цанкар возвращается домой и переселяется в местечко Рожник вблизи Любляны. Именно здесь происходит осознанное подведение итогов, которые в жизни любого художника и мыслителя чреваты неожиданными и открытиями. Как представляется, так случилось и с данным циклом, в жанровых формах и ведущих мотивах которого писатель нашел новые и совершенно неожиданные соединения небольшого рассказа, новеллы с ярко выраженным исповедальным характером и глубинным дидактизмом, восходящим к евангельской притче. Таким оказывается имеющее автобиографический характер повествование о мальчике, с необыяснимой жестокостью убившем кошку и глубоко раскаявшемся в своем злодеянии («Грех»).

Подобное сочетание исповеди и назидания можно обнаружить и в более ранних работах словенского классика, в которых он раскрывает образ человека во взаимоотношениях с другими людьми, его поведение в разных ситуациях социального общежития. В рассказах цикла «Из чужой жизни» Цанкар поднимает иной пласт, рассматривая взаимоотношения человека с миром природы (который олицетворяют самые разные животные), и тем самым показывает человека, своего современника, совершенно с новой

стороны. Своеобразный «бестиарий» Цанкара, его зооперсонажи оказываются не столько предметом изображения, сколько создают неожиданный, непривычный ракурс видения окружающей жизни: в них фауна и человеческий мир представлены на равных. Так, в действие вступает оппозиция природа/культура, которая получает частную реализацию: животное/человек. А измененная оптика художественного видения подводит к глубоким философским размышлениям. В рассказе «Сова» гибель птицы, которую поймали и решили приручить, посадив в клетку, вызывает в душе автора-повествователя глубокие переживания: «Невзначай вторгся человек в неведомую чужую жизнь и стал убийцей»²².

Объединяющим в данном случае оказывается образ главного персонажа. У Цанкара эту роль выполняет автор-повествователь, выступающий во всех произведениях цикла от первого лица как наблюдатель и участник событий. Благодаря его постоянному присутствию происходит постепенное нанизывание сюжетов, а звучащий в конце каждого произведения вывод-поучение (иногда такое поучение выведено уже в начало, как, например, в рассказе «Какаду») ведет к формированию своеобразного циклического возвращения к общей для всех составляющих цикла теме – нравственной ответственности человека за свои деяния и важности стремления понять другого, кем бы он ни был:

«Тебя окружают тысячи жизней, тебе неведомых, в тайны которых ты никогда не сумеешь проникнуть. Только ребенок их чувствует, отсюда и его пугливость. Каждый звук, услышанный тобой, есть звук оттуда... Бейся об соседа, кто бы он ни был, недвижимый камень или мимолетная мысль, дерево, животное или человек, ты разобьешься сам или разобьешь его, но узнать его не узнаешь. Неутолимо и неутоляемо желание познать муху, севшую тебе на плешь, и познать Бога, который качает тебя на ладони; это мука всей твоей жизни от начала до конца, твоя битва, суть и назначение всего твоего существования...»²³.

Следует отметить, что в каждой из частей данного цикла, как и в более ранних циклах Цанкара, ощущается установка на открытость и незавершенность повествования. Так выражается идея круга, являющаяся стержнем любого цикла; круга, воплощающего единство конечного и бесконечного, открытого и замкнутого времени и пространства.

В дальнейшем цикл «Из чужой жизни» становится своеобразным переходом к последнему крупному произведению Цанкара – книге «Видения» («Podobe iz sanj»). В этом произведении проблемы отношения человека и природы, человека и других людей, человека и мира приобретают новую протяженность и новый уровень философских обобщений. В центре внимания писателя, помимо прежних ведущих оппозиций его творчества, оказывается главная философская проблема: человек перед лицом вечного, т. е. они подчиняются оппозиции жизнь/смерть, что особенно ярко проявилось в символично-аллегорических рассказах «Господин капитан», «Чудесный каштан», «Заветная светелка» и др.

Одновременно «Видения» – это и новое жанровое образование, в котором фрагментарность, монтажность особенно зримы. Вместе с тем, несмотря на разнообразие мотивов и сюжетов, различие жанровое (рассказы и повести, символические новеллы и написанные уже в духе экспрессионизма стихотворения в прозе), весь текст читается как единый и воспринимается как цельная структура. Здесь определение «цикл» не может выразить всей специфики подобного единства. Это действительно «книга», как ее определяет А. Слодняк²⁴, нечто среднее между новым, фрагментарным (новеллистическим) романом и циклом.

Подводя итоги, можно отметить, что внимание к малой прозе именно в избранном нами аспекте дает возможность проследить развитие основных направлений процесса циклизации в словенской литературе рубежа XIX–XX вв., а значит, исследовать национальные особенности проявления этого процесса, этой тенденции в контексте общеевропейских литературно-художественных тенденций. Анализ малой прозы конкретного писателя, в нашем случае И. Цанкара, позволяет не только выявить идейные и художественно-стилевые особенности его прозы, но и подводит к выводу об особой значимости циклизации для писателя, поскольку дополняет наше представление о месте этой жанрообразующей тенденции в его творчестве: от первых стихотворных и прозаических опытов вплоть до произведений последних лет жизни. Это, в свою очередь, дает основание говорить о системном характере проявления циклизации у Цанкара.

Сам процесс циклообразования у писателя шел постепенно. Наряду с бытованием внешне традиционного цикла рассказов и очерков (где действуют характерные и для сборника хронологические, тематические или смешанные принципы объединения частей в целое), а также формированием большой формы из «малых» (у Цанкара это проявилось в создании нового типа фрагментарного новеллистического романа²⁵), все более отчетливо, особенно в поздний, люблянский период его творчества, проявляется тенденция к выстраиванию сложных объединений малой прозы. Так, работа над «Моей нивой» позволяет говорить о новом «конструктивном принципе» (Ю. Тынянов) или конструктивном механизме художественной семантизации в творчестве Цанкара. На смену уже традиционным для писателя отдельным циклам рассказов и новелл приходит книга, объединяющая по принципу монтажной композиции несколько циклов. Каждый из них имеет свою собственную цикловую доминанту. Однако помещенные под единой обложкой, они демонстрируют новый уровень соединения: внутренних цикловых связей становится уже недостаточно, и это требует выдвигения на передний план общей объединяющей идейной доминанты. Ею оказывается идея подведения своеобразного творческого итога на рубеже двух периодов творчества: венского и люблянского. Отсюда тематическая перекличка входящих в книгу циклов с более ранними произведениями, а следовательно, выстраивание более масштабных цикловых цепочек. Новая жанровая структура требует от читателя активизации внимания

на уровне установления новых ассоциативных связей. Понимая это, автор пишет «Вступление» («Uvod»), призванный объяснить общий творческий замысел и тем самым направить читательскую мысль в нужное русло.

В дальнейшей работе над циклическими конструкциями у Цанкара сохраняется тяготение к большой объединяющей форме – книге. «Видения» также представляют собой качественно новое явление, для которого определение «цикл» становится уже недостаточным для обозначения новых принципов объединения отдельных произведений краткой прозы. Более емким оказывается определение «книга», нечто среднее между новым, фрагментарным (новеллистическим) романом и циклом. Иными словами, перед нами один из жанровых результатов процесса циклизации в первой половине XX в., феномен, появляющийся в момент, когда циклических связей становится недостаточно, а роман уже не является обязательной установкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В российской науке, начиная с 1980-х годов, появился ряд трудов, авторы которых исследуют проблемы эволюции и смены традиций циклообразования в русской литературе, причем как в лирике, так и в эпике и драме. См.: *Дарвин М.Н.* Проблемы цикла в изучении лирики. Кемерово, 1983; *Дарвин М.Н.* Русский лирический цикл. Красноярск, 1988; *Старыгина Н.Н.* Циклизация в русской литературе XIX в. и творчество Н.С.Лескова // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. Свердловск, 1988; *Ляпина Л.Е.* Циклизация в русской литературе XIX в. СПб., 1999; *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001; *Егорова О.Г.* Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века. Диссертация на соискание уч. ст. д-ра филологических наук. Астрахань, 2004; *Егорова О.* Цикл как жанровое явление в прозе орнаменталистов // Вопросы литературы. 2004. № 4. Рассматривается и проблема циклизации, затрагивающей массовую литературу. – См.: *Ранчин А.* Романы Б. Акунина и классическая традиция // НЛО. 2004. № 67(3). С. 235–266 и др. Своеобразным итогом этих исследований стала составленная М.Н. Дарвиным «Библиография по теме “Циклизация литературных произведений”»: www.nsu.ru/education/vietual/darvin.biblio_cycles.htm (дата обращения – 01.08.2011 г.).

² *Ляпина Л.Е.* Циклизация в русской литературе XIX в. СПб., 1999. С. 28.

³ Типология циклов на этой основе была впервые предложена Мастэрд. – См.: *Mustard H.M.* The Lyric Cycle in German Literature. New York, 1946.

⁴ *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 26

⁵ *Ляпина Л.Е.* Указ. соч. С. 30.

⁶ Об этом см.: *Егоров Б.Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980. С. 91–117.

⁷ Этой проблеме уделяли внимание такие исследователи творчества словенского писателя, как Ф. Берник, Я. Кос и др.; ей было уделено внимание и в рамках работы международного симпозиума, посвященного И. Цанкару (Любляна, 2010). – См.: *Scherber P.* Ciklizacija kot ustvarjalni princip Cankarjeve kratke proze // *Sodobnost*. 2010. Št. 10. S. 1270–1278.

⁸ *Егорова О.Г.* Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века... С. 4.

⁹ Не все созданные в этот период «виньетки» вошли в данный сборник, что свидетельствует о начавшейся работе молодого автора по отбору и объединению произведений в соответствии с собственным творческим замыслом.

¹⁰ *Cankar I.* Zbrano delo. Ljubljana, 1972. XVI zv. S. 212.

¹¹ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ob tisočletnici Brižinskih spomenikov. Ljubljana, 1968. S. 550.*

¹² См. об этом подробнее: *Bodrova A. Kodi branja Cankarja // Cankar I. Knjiga za lahkomišelne ljudi. Ljubljana, 2009. S. 169–189.*

¹³ В этот ряд можно включить также цикл «Моя жизнь» (1914) и повесть «Грешник Леонард» (1915), о циклической природе которых писал Я. Кос. — См.: *Cankar I. Zbrano delo. XXII zv. Opombe. Ljubljana, 1975. S. 275–281.*

¹⁴ *Cankar I. Bela krizantema. Kritični in polemični spisi. Ljubljana, 1966. S. 130.*

¹⁵ В своем исследовании, посвященном творчеству И. Цанкара, Ф. Берник совершенно справедливо подчеркивал пограничный, рубежный характер книги «Белая хризантема», которая «символизирует конец венского и начало нового периода в его творчестве». — См.: *Bernik F. Tipologija Cankarjeve proze. Ljubljana, 1983. S. 406.*

¹⁶ Благодаря скрупулезной работе Я. Коса, исследователя данного периода творчества Цанкара, мы имеем возможность проследить развитие этого замысла и его окончательную реализацию — См.: *Cankar I. Zbrano delo. XXI zv. Opombe. Ljubljana, 1974. S. 285–291.*

¹⁷ *Ibid. S. 308.*

¹⁸ *Ibid. S. 286.*

¹⁹ Влияние редактора, Изидора Цанкара, проявилось, помимо скрупулезной подготовки книги к изданию на основе архивных материалов, лишь в отказе изменить название одного из рассказов («Собаки»). Поэтому говорить о «двойном авторстве» в данном случае не представляется возможным.

²⁰ *Cankar I. Zbrano delo. XXI zv. Opombe. Ljubljana, 1974. S. 287.*

²¹ Произведения этой тематической группы в рамках проблемы автобиографической прозы словенского писателя рассматриваются подробно в работе А.Г. Бодровой «Автобиографическая проза Ивана Цанкара». СПб., 2011. С. 52–89.

²² *Цанкар И. Избранное. Т. I. М., 1981. С. 360.* Эта тема затрагивалась писателем и ранее: в романе 1904 г. «Обитель Марии Заступницы» и позже, в годы войны, в книге «Видения», куда также войдут два рассказа, посвященные животным.

²³ *Цанкар И. Избранное. Т. I. М., 1981. С. 367.*

²⁴ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo... S. 315.*

²⁵ Романы «На крутой дороге» и «Нина» — См.: *Bernik F. Tipologija Cankarjeve proze. Ljubljana, 1983. S. 154–176; Kos J. Cankar in problem slovenskega romana // Cankar I. Hiša Marije Pomočnice. Ljubljana, 1976. S. 5–59; Petre F. Tipologija proze Ivana Cankarja // Slavistična revija. Ljubljana, 1969. Št. 1; см. также: Чепелевская Т.И. Повести и романы Ивана Цанкара 1900–1907 годов // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в. М., 1989. С. 174–183.*

Роман Ивана Цанкара «Обитель Марии Заступницы» в контексте западноевропейского fin de siècle

Роман «Обитель Марии Заступницы», написанный в 1904 г., относится к венскому периоду творчества классика словенской литературы Ивана Цанкара (1876-1918). Родившись в Австро-Венгрии, в местечке Врхника недалеко от Любляны, писатель, как и многие словенцы того времени, решив продолжить образование, переехал в Вену, где прожил около 11 лет. Пребывание в столице, в этом своеобразном плавильном котле различных культур, повлияло на его творческое мировоззрение, а некоторые биографические факты нашли свое преломление в его произведениях.

С конца 1899 г. Цанкар жил в Оттакринге, на рабочей окраине Вены с ее пыльными дорогами, с серыми доходными домами и огромными заводами, в семье швеи чешского происхождения Альбины Лёффлер, где он нашел свой второй дом. Младшая дочь хозяйки Мальчи, к которой писатель относился с необыкновенной симпатией и сочувствием, была неизлечимо больна, поэтому последний год жизни вынуждена была провести в больнице, в Доме милосердия VIII округа Вены. По воспоминаниям современников, Цанкар сам отвез девочку в больницу, где регулярно ее навещал. Реальный опыт посещения больницы-приюта для неизлечимо больных послужил основой для романа. Его героинями становятся обреченные на смерть девочки-подростки. «Тихо закрылись огромные железные ворота...»,¹ – с этих слов начинается роман. Главную героиню Мальчи привозят в Обитель Марии Заступницы и помещают в комнату св. Агнессы, где она знакомится с другими доживающими свои последние дни девочками. «Как тебя зовут? Мальчи... Только одна Мальчи была у нас до сих пор. Три года, как умерла. Вот здесь она лежала, рядом со мной. Ночью умерла, при этом кричала...» (далее в романе будут упоминаться и другие умершие в палате девочки: Ольга, три Анчи, Нежа, Роза)².

Мальчи с первых строк оказывается в особом мире, в замкнутом пространстве, которое Цанкар называет «гробом», «мертвецкой». Автор очень удачно выстраивает композицию и пространственно-временные отношения³. В художественном мире романа можно выделить три пласта, три пространственно-временных измерения. Первый пласт – действие, развивающееся в плане настоящего, в замкнутом пространстве больницы. В нем живут и рано или поздно умирают маленькие страдальцы. Сомнительную,

на первый взгляд, гармонию больничного мира периодически нарушают визиты посетителей (чаще всего это родственники, навещающие девочек по праздникам). Они становятся своеобразными вестниками внешнего мира, обычной жизни, разворачивающейся за окнами больницы. Как правило, встречи с родственниками пробуждают в героинях воспоминания о прежней жизни, до того как они попали в Обитель Марии Заступницы (это второй пласт романа, пространство за стенами больницы, план прошлого). Данный прием позволил Цанкару познакомить читателей по ходу чтения романа с историями многих обитательниц палаты св. Агнессы. Постепенно узнавая истории героинь, читатель начинает понимать неприятие девочками жизни за стенами Обители. Каждая из героинь, вне зависимости от ее социального статуса, происходит из несчастливой семьи. Неблагополучие может быть вызвано или бедностью, или нравственным падением родителей. Так, у Лойзки обеспеченные родители изменяют друг другу, их союз основан на лжи и лицемерии. Девочка становится свидетельницей неверности матери и педофилии отца. Горбунья Бригита происходила из бедной семьи, жившей в подвале одного из предместий большого города. Больная девочка неоднократно с кровати наблюдала за ночными пьяными кутежами родителей и их соседей. Не предназначенные для детских глаз сцены порождали в подростковом возрасте смутные желания. Мальчи воспитывалась бедной матерью-швейей, с трудом сводившей концы с концами. Тина, чьи родители не упоминаются (скорей всего она была сиротой), познала все ужасы нищеты – измученная болезнью и потерявшая крышу над головой, она несколько дней пролежала на навозной куче, пока ее не отвезли в Обитель. Рано потеряв мать, дочь государственного чиновника, слепая Тонча в отчем доме не может чувствовать себя в безопасности – ее сводная сестра склоняет ее к лесбийским отношениям, а знакомый отца насилует ее.

Зарисовки нравов современного общества дают основание многим исследователям отмечать в этом романе Цанкара сильный натуралистический компонент. Так, Я. Кос⁴ и Т. Смоле⁵ называют романы Э. Золя «Западня» (1877) и «Мечта» (1888) претекстами «Обители Марии Заступницы». Однако Цанкар изображает в своем романе нравы жителей большого города только для того, чтобы обосновать бегство своих героинь из жестокого и «грязного» внешнего мира. Девочки бегут от грубой действительности реальной жизни и в Обители Марии Заступницы обретают покой.

Сестра Цецилия (единственный взрослый персонаж, к которому подростки относятся с симпатией) окружает их заботой и любовью. Именно из больничной палаты героини устанавливают связь с еще одним миром, идеальным миром мечтаний и видений, являющимся третьим пространственно-временным измерением романа. К вечеру, когда все посетители уходят, уже ничто не может нарушить больничной гармонии: «Затворились двери за покинувшей комнату жизнью, и тут же показалось, будто настужь распахнулись окна, и в комнате воссиял новый, чистый, ничем не оскверненный свет, будто в открытые ворота ворвался весенний воздух, чтобы прогнать зловонное дыхание жизни. Стены снова стали невинно белыми, и

снова ласковая, сладостная смерть распростерла над улыбающимися детьми свои благословляющие руки. Осмеяна была маскарадная, пестрая жизнь, она бежала посрамленная...»⁶.

В романе Цанкара наблюдается смена парадигм, переход от натурализма к новым литературным течениям – модерну, декадансу, символизму. Некоторые исследователи противопоставляют натурализм с его интересом к обыденной жизни со всеми ее мельчайшими деталями модерну с его бегством в чистое искусство или смерть. Однако, как справедливо считает Н.Ю. Грякалова, уже в натурализме (с его «ультрареальным изображением» и «умышленными крайностями») появились «гиперболизация, усиление и чрезмерность» – «те модусы, в которых будет осмыслять и представлять себя искусство модерна», таким образом, натурализм можно считать «начальным звеном этой инновационной цепи»⁷.

Словенский писатель изображает различные проявления чрезмерностей и вырождения для того, чтобы обосновать, почему его героини ищут спасения в Обители Марии Заступницы, в мире грез, и страстно мечтают о смерти, представляющейся им доброй соседкой или милой старушкой с корзиной со сладостями. В произведении уловимы параллели с популярными в то время идеями Шопенгауэра, понимавшего мир как волю, движение которой причиняет страдания. Вся жизнь за окнами обители переполнена этими страданиями, которые порождены стремлением к обогащению, сексуальным влечением, тщеславием и другими проявлениями безостановочного движения воли. В больных девочках можно различить ту остановку движения воли, отказ от желаний, в которых немецкий философ видел единственный выход из жизненных страданий. По мнению Шопенгауэра, в основах христианства, как и в восточных религиях, содержится идея отказа от желания, то есть отказа от воли, остановка воли⁸. Эту мировоззренческую программу осуществляет и большинство героинь романа Цанкара.

В романе также явственно проступает ницшеанская модель «Христианство как идеология убогих», сформулированная, например, в «Генеалогии морали». Ницше переосмысляет шопенгауэровскую категорию воли как волю к власти. Больные, слабые, нежизнеспособные в своем стремлении к власти создают свою систему ценностей. Такой системой ценностей, созданной слабыми, стало христианство. В романе Цанкара очевидна связь между болезнью, увечьем, слабостью жизненных сил и христианством, однако здесь, в отличие от своих более ранних текстов (например, в рассказе «Недовольство» из «Книги для легкомысленных людей»), Цанкар скорее становится на сторону убогих.

Мотив смерти, мотив ребенка и в частности мотив страданий, болезни и смерти детей или подростков встречается во многих произведениях Цанкара (романы «На крутой дороге» и «Нина», рассказы «Крона», «За лепешками», «За крестом» и др.).

Как известно, мотив смерти детей, присутствующий уже у авторов XIX в., таких как Ч. Диккенс, Г.Х. Андерсен и другие, вызывал особое внимание у писателей и художников fin de siècle. Можно вспомнить картину

«Больная девочка» (1885-1886) Э. Мунка, стихотворение «Терцины о бренности» (1894) Г. фон Гофманстала, пьесы «Пробуждение весны» (1891) Ф. Ведекинда, «Вознесение Ганнеле» (1894) Г. Гауптмана, «Урок гимнастики» (1902) Р. М. Рильке.

Символисты считали, что дети, не утратив гармонии с мирозданием, обладают особым знанием о «вселенской тайне». Так, например, об идее «преэзистенции» писал Гофмансталь⁹. Нежные детские души и тела не выносят грубого мира и покидают его. В «Обители Марии Заступницы» измученные страданиями девочки теряют эмоциональную связь с реальным миром, который кажется им смешным и ненастоящим. Например, девочке Минке родители представляются «смешными маленькими человечками из дерева»: «Нарисованные человечки, нарисованные куколки в пестрых одеждах, серьезные и озабоченные... Почему все они были такие мрачные и почему постоянно плакали?»¹⁰. Так и Мальчи накануне смерти в финале романа не понимает, что ее мать плачет из-за близкой смерти дочери. Девочки живут в волшебном мире фантазий, более прекрасном, чем унылая реальность (здесь проявилось увлечение Цанкара творчеством Метерлинка, в особенности его книгой «Сокровища смиренных», 1896). Сны наяву заполняют пространство, на первый взгляд, пустой и скучной палаты.

Героиням Цанкара является Мать Божья, они общаются с ангелами и ждут смерти-избавительницы. Роман необычайно богат христианской символикой (Голгофа, Христос, рождественский вертеп, месса). Уже в самом начале повествования Мальчи видит изображения святых (Стефана, Агаты и др) и Богородицы на стенах коридора Обители. Весь текст романа пронизан христианской идеей очищения страданиями, что стало одной из интенций этого произведения. Однако при этом современник Цанкара критик Ф. Кобал увидел в тексте «рафинированную, художественно совершенную порнографию»¹¹. В «Обители Марии Заступницы» Цанкар затрагивает тему детской сексуальности, что является отличительной чертой искусства fin de siècle. Именно в это время происходит открытие детской сексуальности, что связано с работами Фрейда. Сексуальные переживания подростков представлены в таких произведениях, как «Под колесами» (1906) Г. Гессе, «Вознесение Ганнеле» (1893) Г. Гауптмана, «Тонио Крегер» (1903) Т. Манна.

Дыхание смерти заставляет героиню быстро повзрослеть, а их лица состариться. В «Обители Марии Заступницы» дважды упоминаются старческие лица детей (мотив ребенка-старика встречается и в других произведениях Цанкара). Родители же в романе девочкам представляются беспомощными детьми. Мальчи замечает у матери «странную, детскую мольбу во взгляде»¹², а перед ее смертью мать, с «лицом как у ребенка, испуганным и заплаканным», и священник представляются ей детьми, желающими подражать взрослым, которые говорят о смерти «уважительно и со страхом, как дети говорят о привидениях»¹³. У Минки, Резики и Катицы возникает желание обращаться с родителями как с маленькими незащитны-

ми детьми – утешать и заботиться о них. Стоит отметить, что Ш. Бодлер в стихотворении «Маленькие старушки» (1857, «Цветы зла» раздел «Парижские картины») тоже сближает противоположности: детство и старость, только, наоборот, сравнивает старух с детьми, в частности взгляд старухи с удивленным взглядом маленькой девочки, или даже гробы старух и детей:

Гроб старушки – наверное, вы замечали –
Чуть побольше, чем детский, и вот отчего
Схожий символ, пронзительный символ печали
Все познавшая смерть опускает в него.

(перевод В. Левика)

Мотив девочки, мечтающей о смерти, становится центральным в пьесе «Вознесение Ганнеле» немецкого драматурга и писателя Герхарда Гауптмана, в творчестве которого также сочетаются черты натурализма с элементами новых течений. Исходя из имеющихся источников, невозможно утверждать о знакомстве Цанкара именно с этим текстом, однако известно, что он читал другие пьесы Гауптмана, также он упоминает его имя в одном из своих критических эссе «Две оригинальные драмы»¹⁴. Поражает множество параллелей между пьесой Гауптмана и романом Цанкара. Наметим лишь некоторые моменты, сближающие эти произведения, поскольку их сопоставление требует отдельного детального исследования. Основное место действия пьесы – убежище для бедных, куда приносят падчерницу каменщика Маттерна, четырнадцатилетнюю Ганнеле, которая пыталась утопиться в пруду; свой поступок она объясняет тем, что из воды ее призвал Господь Иисус Христос, а еще ей очень хотелось «уйти на небо»¹⁵. (Примечательно, что и персонаж Цанкара Тина тоже, осознав, что в реальной жизни ей невозможно достичь счастья, делает попытку отравиться.) Совсем недавно потеряв мать, Ганнеле, как и некоторые героини «Обители Марии Заступницы», совершенно незащищена. Она постоянно подвергается жестокому избиению отчима, требующего от нее денег на выпивку. Как и героини словенского писателя, Ганнеле испытывает панический страх перед жизнью и мечтает о смерти как о единственном для нее выходе. В обоих текстах мир видений существует параллельно с жестоким миром действительности, умершая мать является Ганнеле, как и Катице, во сне и дарит ей прекрасный цветок. Сестра милосердия напоминает Мальчи Богоматерь, а Ганнеле в сестре Марте видит мать, Христос является ей в образе учителя Готтвальда, в которого она влюблена. Сближает эти произведения также мотив путешествия на небо и брака с Христом (христовыми невестами становятся Ганнеле и Мальчи). Ганнеле обращается к Страннику, обнаруживающему черты Христа: «О, возлюбленный, возлюбленный...»¹⁶, а Мальчи в самом финале романа говорит: «Здравствуй, Христос! Жених так преданно любимый, такой долгожданный!»¹⁷.

Таким образом, оригинальность и заслуга Цанкара состоят в создании полисюжетного¹⁸ романа с искусным соединением нескольких простран-

ственно-временных измерений, в сочетании критики нравов в духе натурализма с символистским мироощущением конца века. Роман «Обитель Марии Заступницы» опровергает распространенное мнение, представленное как современниками Цанкара (например, Г. Баром), так и некоторыми современными учеными (например, Н. Хреновым¹⁸), что декаданс, символизм стали преодолением натурализма. Вопреки этому, роман Цанкара объединяет натуралистический подход с символистскими тенденциями и характеристиками fin de siècle: повышенным интересом к смерти, идеей отрицания воли, представлением о христианстве как религии больных, совмещением противоположных начал – смерти и детства, изображением детской сексуальности. Как ни один другой писатель рубежа веков, Цанкар симпатизирует идее отрицания воли, отказа от жизни в духе шопенгауэровского мировоззрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цанкар И. Обитель Марии Заступницы /пер. со словен. М. Рыжовой. М., 2003. С. 5.

² Там же. С. 9.

³ Об этом см.: Bernik F. Ivan Cankar. Maribor, 2006. S. 160–169; Рыжова М. И. Словенская литература // История литератур западных и южных славян. М., 2001. Том III. С. 281–309. С. 302–303; Чепелевская Т. И. Романы и повести Ивана Цанкара 1900–1907 годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики. М., 1990. С. 14–15 и С. 17.

⁴ Kos J. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 1987. S. 169.

⁵ Smolej T. Zolajevi zgledi v Hiši Marije Pomočnice // Slavistična revija. Ljubljana, 1998. Št. 3, julij–september. S. 153.

⁶ Цанкар И. Указ. соч. С. 21.

⁷ Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография – рефлексия – письмо. СПб., 2008. С. 8.

⁸ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. (<http://psylib.org.ua/books/shope01/txt24.htm>.)

⁹ См. об этом: Елисеева А. В. Творчество Гуго фон Гофманстала. СПб., 2008. С. 68–69.

¹⁰ Цанкар И. Указ. соч. С. 30–31.

¹¹ См. примечания Б. Мерхара к: Cankar I. Izbrana dela: V 10 zv. Zv. 3. Ljubljana, 1952. S. 559.

¹² Цанкар И. Указ. соч. С. 8.

¹³ Там же. С. 81 и С. 82.

¹⁴ Pirjevec D. Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana, 1964. S. 135–140.

¹⁵ Гауптман Г. Пьесы. М., 1999. С. 264.

¹⁶ Там же. С. 294.

¹⁷ Цанкар И. Указ. соч. С. 87.

¹⁸ Чепелевская Т. И. Указ. соч. С. 17.

¹⁹ Хренов Н. Рубеж XIX–XX веков: элита возвращает утраченный контакт со сверхчувственным (русские символисты) // Искусство versus литература: Франция-Россия-Германия на рубеже XIX–XX веков. М., 2006. С. 299.

Слово из советской России в журнале «Нови свет» (1946–1952)*

*Дорогой Искре Васильевне Чуркиной,
одному из самых важных, надежных
и добрых моих проводников в словенистику.*

Литературный журнал «Нови свет» («Novi svet» – «Новый мир»¹) начал выходить в Словении в 1946 г. В трудах словенских литературоведов, – в частности, в таких крупных работах, как «Литературная эссеистика и критика» Франца Задравца², вошедшая во второй том труда «Словенская литература 1945–1965» (1967), и главе «Литературные журналы и программы» Мирана Штухеца³ в третьем томе коллективного фундаментального труда «Словенская литература» (1998, 1999, 2001), – подчеркивается роль «Нового света» в развитии национальной периодики после Второй мировой войны как центрального журнала, проводника официальной культурной политики, где до 1948 г. явствовало влияние советской пропаганды.

В первом же номере журнала, в качестве его заключения, редакция поместила обращение «Сотрудникам и читателям»⁴, где на полутора страницах постаралась разъяснить принципы нового периодического издания. Оно объявлялось наследником довоенных передовых, посвященных литературе и культуре журналов, прекративших свою нормальную работу с началом фашистской оккупации Словении в 1941 г.⁵ Таким образом было заявлено о продолжении довоенной литературной традиции. Редакция «Нового света» будто бы оправдывается перед согражданами, когда указывает на некоторое запоздание с выходом такого рода журнала, и своим непосредственным предшественником, заполнившим своеобразную лауну в словенской литературной периодике, называет альманах «Словенский сборник 1945»⁶, хотя при этом и замечает, что в подготовке последнего принимали участие только партизаны и партийные деятели, в новом же журнале – «все работники культуры».

* Исследование выполнено в рамках словенско-российского проекта «Отношения словенцев и южных славян с Российской империей и Советским Союзом в XIX–XX вв.» / «Odnos Slovencev in južnih Slovanov do imperija (ruskega, sovjetskega) v 19. in 20. stoletju» (2010–2011 гг. ИСл РАН совместно с Научно-исследовательским центром Приморского университета, г. Копер. Рук. с рос. стороны – директор Института славяноведения РАН, д.и.н. К.В. Никифоров, рук. со словен. стороны – академик САНИ Й. Пирьевец).

Как особенность первых словенских журналов, посвященных литературе, в отличие от их современных аналогов, можно отметить то, что они никогда не были ограничены исключительно проблемами художественной литературы, то есть узконаправленными. Наряду с публицистикой, с одной стороны, и философией, с другой, являющимися естественными спутниками литературного процесса, в этих журналах появлялись работы и по другим гуманитарным областям, таким как социология, экономика, политика – то есть спектр затрагиваемых вопросов был весьма широк. Тем более, сами издания не были (за редким исключением) декларацией какого-либо одного эстетического направления, ведь это бы сужало и без того небольшой круг читателей. Их объектом была ««история» актуального времени и места»⁷.

Так и «Нови свет» уже в самом начале своего существования открыто заявлял о своем стремлении к тому, чтобы стать настоящим зеркалом нового мира, и, естественно, редакция – по крайней мере, декларативно – никогда не забывала о продолжающейся борьбе за этот мир. Собственно уже само слово «Новый», вынесенное в заголовок, указывает на новые условия, пришедшие с наступлением иных, чем прежде, общественных отношений: реальное «сожительство» с «новой» социалистической властью. Периодике первых послевоенных лет свойственна зауженная идеологическая направленность и декларативность.

Редколлегия заявляла, что в журнале должны выражаться позиции и рабочего класса, и интеллигенции, и крестьянства. Изначально предполагалось, что издание должно занять позиции центрального национально-го журнала, призванного заложить фундамент новой культуры – культуры рабочего народа. Наряду с внутренними достижениями и проблемами словенской культуры, планировалось ознакомление читателей с культурами других славян, объединившихся с южными славянами в единой борьбе. Заявлялось, что в первую очередь будет широко освещаться советская культура и уделяться особое внимание «монументальным трудам творцов социалистического общества». Вместе с тем подчеркивалось, что журнал, возникший на стыке восточного и западного мира, будет изучать – с новых позиций – и западную культуру, что оставалось вполне в рамках национальной традиции (и раньше словенцы во многом, если не сказать еще категоричнее, ориентировались на своих западных соседей).

Возникает закономерный вопрос: в какой же мере присутствовала собственно сама русская – советская литература в этом издании?

В первые послевоенные годы, как известно, югославские политики во многом ориентировались на опыт коллег из Советского Союза. Социалистическая власть – по крайней мере, в начале своего пути – хотела включить словесность в общий комплекс воспитания и перевоспитания. После Второй мировой войны декларировалось, что художественная литература перестала быть областью для избранных, а стала одной из равноправных сфер деятельности человека. Однако назначенная ей узкая идеологическая

задача все-таки в скором времени вызвала чувство протеста в писательской среде и, как следствие, «эстетический» отход от намеченного направления.

В статье «Писатель и ученый новому свету»⁸ главный редактор журнала Юш Козак (1892–1964) пишет о том, что словенский рабочий человек действительный победитель и хозяин своей земли, своей промышленности и своей судьбы. Следовательно, писатель – это, кроме всего прочего, и тот, кто создает в своих произведениях образ победителя в эпоху народно-освободительной борьбы с ее неизбежными жертвами.

Соглашаясь с вышеупомянутым исследователем М. Штухцем, вслед за ним можно сказать, что едва ли этот журнал и целый ряд других периодических изданий подобного толка, выходивших в Словении, действительно кардинально влияли на развитие художественной литературы, но все же подспудно они воздействовали на настроения в обществе.

Таким образом, «Нови свет» приобрел статус центрального журнала, который заботится об идеологической чистоте в области культуры и искусства.

Идеологическим тылом журнала был «научный социализм», в плане этического соответствия на первый план выдвигались жертвы, павшие за родину. Задача же журнала определялась как подготовка пространства «воспитания индивидуума для коллективного ощущения общества». В соответствии с редакционной концепцией осуществлялся выбор сотрудников, публиковались художественные материалы и теоретические статьи. В первом номере была представлена поэзия Матея Бора (1913–1993), Павла Голиа (1887–1959), Тоне Селишкара (1900–1969), проза Цирила Космача (1910–1980), Мишко Кранца (1908–1983) и др.

Как известно, на Первом съезде писателей Югославии, состоявшемся именно в 1946 г., в качестве идеологических установок к художественному творчеству были названы работы М. Горького, А. А. Жданова и А. А. Фадеева. Отражение этих установок нашло место и в центральном журнале.

Так, уже в дебютном, первом номере «Нового света» на более чем 50-ти страницах представлены письма Владимира Ульянова-Ленина к Максиму Горькому⁹, основоположнику литературы социалистического реализма (начиная с 1907 г. и заканчивая 1916 г.)¹⁰, а в первом номере своего второго (1947) года журнал публикует перевод вступительной речи Горького на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писателей, состоявшегося 17 августа 1934 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов, – под заголовком «Советская литература»¹¹.

Знаменитый литературовед и политик Йосип Видмар (1895–1992), знаковая фигура в истории словенской литературы почти всего XX в., на страницах журнала дважды обращается к творчеству советского писателя в 1946 г.¹² и, что особо важно, позже, уже в 1952 г., то есть после политического разрыва Югославии и Советского Союза, когда пишет о социалистическом реализме писателя, подтверждая важность его творчества и для словенской революционной литературы¹³.

Вместе с тем из художественных произведений Горького публикуется лишь рассказ «Миша» в переводе Веры Брнчич – произведение, абсолютно лишенное какого-либо политического или идеологического налета¹⁴.

Несмотря на смену культурно-исторических эпох, и в России творчество Горького до сих пор не потеряло своей значимости, ведь это был действительно великий художник слова, выдающийся публицист и литературный критик. Для словенцев оказались важны его мысли о роли труда, о значении фольклора для национальной культуры, о народности как источнике силы литературы.

Однако в первые послевоенные годы журнал сосредоточился на публикации именно теоретических положений «новой» – социалистической – литературы. Хотя по большому счету самого Горького нельзя считать настоящим теоретиком соцреализма, само его творчество, его идеи об активном гуманизме советской литературы вполне соответствовали исканиям отечественной эстетики 1920 – начала 1930-х гг., завершившихся созданием теоретических основ социалистического реализма. Писатель определял его как «реализм людей, которые <...> перестраивают мир...», и считал главным его признаком способность отражать действительность в революционной перспективе, то есть смотреть на прошлое «с высоты <...> целей будущего» (из статьи «О кочке и точке», 1933). В 1934 г. на писательском съезде Горький заявил:

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он, сообразно непрерывному росту его потребностей, хочет обрабатывать всю, как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью»¹⁵.

Из трудов советских теоретиков в журнале «Нови свет» в течение первых двух лет его существования были опубликованы работы А.А. Фадеева¹⁶: «О социалистическом реализме» (в переводе Душана Пирьевица), «Доклад товарища А. Жданова и наши ближайшие задачи» и «Задачи литературной критики» (оба в переводе Веры Брнчич). Несомненно, что литература социалистического реализма являлась инструментом партийной идеологии. Народность, идейность, конкретность – то есть основные принципы соцреализма – были взяты на вооружение новой идеологии. По существу же, утверждение соцреализма как основного метода властям – сначала в Советах, а затем уже и в Югославии – требовалось для лучшего контроля над творческими личностями и более эффективной пропаганды своей политики.

Что же именно из произведений советской литературы было предложено читателям словенского «Нового света»? В 1946 г., наряду с уже упомянутым рассказом Максима Горького «Миша», публикуются всего лишь два стихотворения Владимира Маяковского (1893–1930) в переводе Франа Альбрехта, а именно: гордые «Стихи о советском паспорте»¹⁷ и борющиеся

ся против бюрократизации общества «Прозаседавшиеся»¹⁸ – знаменитые строчки поэта «взять да и отменить все эти заседания», вероятно, были созвучны и чувствам словенских деятелей.

Собственно в первый издательский год редакция этим и ограничилась, зато в следующем, 1947 г., когда праздновали 30-летний юбилей Октябрьской революции, советская литература в журнале оказалась представлена гораздо шире:

М. В. Исаковский (1900–1973) – «Здесь похоронен красноармеец»¹⁹ (перевел Павел Голия);

В. В. Маяковский в переводе Альбрехта – отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин» («Смерть Ленина» и «Октябрьские дни»²⁰; перевод Ф. Альбрехта);

Н. С. Тихонов (1896–1979) – «Баллада о гвоздях»²¹ (перевод Миле Клопчича);

А. Т. Твардовский (1910–1971) – «Отец и сын»²² (перевод М. Клопчича);

А. С. Серафимович (Попов; 1863–1949) – отрывок из романа «Железный поток»²³ (перевод В. Брнчич и М. Клопчича).

Благодаря журналу впервые на словенском языке были опубликованы переводы ряда произведений из советских национальных литератур:

армянского поэта Геворга Эмина (Карлен Григорьевич Мурадян; 1919–1998) – «Октябрь»²⁴ (с русского перевода В. Звягинцевой на словенский переложил П. Голия);

тувинского²⁵ поэта Сергея Пюрбю (1913–1975) – воспевающее новую жизнь, дружбу народов стихотворение «Родине»²⁶ (перевел П. Голия, используя русский перевод С. Липкина);

украинского писателя Леонида Соломоновича Первомайского (Илья Шлёмович Гуревич; 1908–1973) – стихотворение «Дорога»²⁷ (в переводе Богумила Фатура).

В юбилейный 1947 г. «Нови свет» впервые обращается и к классике русской литературной критики: по соседству с уже упоминавшимися соцреалистическими работами Горького и Фадеева публикуется письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголю, написанное в 1847 г. в связи с выходом знаменитой книги «Избранные места из переписки с друзьями», которую писатель считал самой значительной в своей жизни и которая стала его своеобразным духовным завещанием²⁸.

К 30-летию русской революции в «Новом свете» публикуется целый ряд работ словенских авторов о жизни в Советском Союзе, об экономическом и культурном развитии, об образовании и науке, о социальном положении детей и женщин. Среди них такие, как: «Поездка в новый мир» Фердо Козака²⁹, «Советская женщина» Милоша Пожара³⁰, «Ребенок в Советском Союзе» Богумила Самсы³¹ и многие другие. Целый ряд заметок был объединен в особую рубрику, озаглавленную «Свидетельства о жизни, растущей на фундаменте Октябрьской революции»³².

В 1948 г. «Нови свет» возглавил Фердо Козак (1894–1957), брат предыдущего главного редактора Юша Козака. М. Штухец отмечает, что со сменой главного редактора идеологическая и эстетическая направленность издания не изменилась, но разрыв с Советским Союзом обозначил внешне значительные изменения, в действительности же речь шла лишь о том, что советские образцы заменила югославская социалистическая практика.

Однако именно 1948 издательский год уже явственно свидетельствует о смене ориентиров журнала. Из советской литературы³³ публикуются лишь в первом номере обзорная статья советского литературоведа Иосифа Гринберга «Тридцать лет советской поэзии»³⁴, затем «Скифы» Александра Блока³⁵ в переводе поэта и литературоведа Душана Лудвика и статья Франце Бренка о режиссере, сценаристе, теоретике киноискусства Сергее Эйзенштейне (1898–1948)³⁶.

Зато гораздо большее, чем прежде, внимание уделено классической русской литературе. Публикуются 4 стихотворения М. Ю. Лермонтова («Завещание», «Поэт», «И скучно и грустно...», «Белеет парус одинокий...»)³⁷, «Как океан объемлет шар земной...» Ф. И. Тютчева³⁸, «Внимай ужасам войны...» Н. А. Некрасова³⁹ и 2 произведения из наследия А.С. Пушкина («Сцена из Фауста» и «Желание славы»)⁴⁰. Кроме того, Братко Крефт⁴¹ в духу выпусков представил творчество драматурга А. Н. Островского⁴², а И. Видмар в своей статье – В. Г. Белинского⁴³.

В последующие четыре года существования журнала переводы из советской литературы вообще перестали появляться на страницах журнала⁴⁴. Внимание редакции привлекла библиография вышедших за время советской власти (т. е. с 1917 г.) переводов на русский язык произведений зарубежных славянских авторов⁴⁵. Из русской же литературы чаще всего публикуется поэзия А. С. Пушкина. В 1949 г. выходят переводы «Медного всадника», «Осени», «Героя», первых 8 строк стихотворения «19 октября 1825» и стихотворения «Поэт и толпа»⁴⁶. Тогда же в честь юбилея поэта появляется обширная работа М. Клопчича⁴⁷. В следующем, 1950 г. пушкинскую лирику представляют «Вакхическая песня», «Город пышный, город бедный...», «Ек. Н. Ушаковой» («В отдалении от вас...») и «Что в имени тебе моем?...»⁴⁸. Также «Нови свет» двумя положительными рецензиями, которые содержат в себе ценные замечания, касающиеся особенностей перевода, анонсирует выход в свет первых книг избранных сочинений А. С. Пушкина⁴⁹, а именно второго и четвертого томов: «Повести» и «Пьесы» (оба – 1949)⁵⁰.

Кроме того, в 1950 г. журнал подарил своим читателям переводы двух басен И.А. Крылова, выполненные М. Клопчичем: «Лебедь, рак и щука» и «Мартышка и очки»⁵¹.

Опубликованные в «Новом свете» театральные обзоры Тараса Кермауэра свидетельствуют об интересе к русской классической драме в Люблянском драматическом театре. В 1949 году подробно он освещает постановку «Горе от ума» А. С. Грибоедова, задаваясь вопросом: почему именно

эта пьеса пережила многие исторические и политические катаклизмы и остается интересной спустя более столетия после своего создания⁵². Однако, замечает автор статьи, постановка не вызвала горячего отклика у словенских зрителей. Премьера же комедии «Горячее сердце» А. Н. Островского, состоявшаяся 14 марта 1950 г., по мнению критика, была просто провальной. Его приговор: неинтересно и неактуально⁵³. В 1952 г. Т. Кермаунер откликается и на успешную в течение последних двух сезонов постановку пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Критик отмечает прекрасную режиссуру Славко Яна (1904–1987), однако его смутили однообразные декорации, отдаленно напоминающие «Горячее сердце». Вместе с тем пьеса Л. Н. Толстого поражает, по его мнению, своей противоречивостью и вескостью идей, неотвратимостью судеб ряда героев и даже жестокостью⁵⁴.

1951 г. отмечен лишь публикацией большой работы Богомила Фатура (1914–1990) – с подзаголовком «Профиль человека и художника» – об А. П. Чехове как об одной из величайших фигур в развитии мировой новеллистики и драматургии⁵⁵.

В 1952 г. Бранко Рудольф весьма критично разбирает наследие Н. Г. Чернышевского, а именно его магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), которую называет работой гениальной, но для современного развития науки неполной и неудовлетворительной. Разбираются основные положения работы, учитывается значение идей Н. Г. Чернышевского и отклики на них в российской печати. Автор приходит к неутешительному выводу, что спустя почти век утверждение, что искусство – это обязательно «воспроизведение явлений жизни», несостоятельно, и это доказывает творчество самого русского мыслителя⁵⁶.

В том же 1952 году, как уже говорилось, Й. Видмар опубликовал свое размышление о «Социалистическом реализме Максима Горького» (замечу лишь, что в нем он критиковал не только ситуацию в СССР, но и в Югославии).

Такой провал во взаимодействии литератур двух стран, получивший отражение на страницах журнала «Нови свет», конечно, следует связывать, в первую очередь, с политическим разрывом Югославии и Советского Союза, ведь журнал «Нови свет» работал в условиях, создаваемых действующей политической властью и в соответствии с определяемыми ею задачами культуры.

Вопреки всем усилиям властей и редакции «Нови свет» не был особо успешным изданием. Об этом свидетельствует выражаемая редколлегией в отдельных статьях озабоченность сложившейся ситуацией, когда она призывает читателей к живому диалогу. Но прежде всего тиражи, которые с первоначально заявленной планки в 5000 экземпляров понемногу снижались до полутора тысяч. Журнал терял сотрудников. Это вызвало нерегулярность выхода очередных номеров. 1952 год стал последним для изда-

ния. Продолжением проекта центрального литературного журнала стала «Наша содобност» («Naša sodobnost» – «Наша современность») в 1953 г. Для обоих изданий характерно стремление соединить революционную практику и литературное творчество, что в обоих случаях оказалось – как на идеологическом, так и на эстетическом уровне – весьма проблематично. В 1963 г. «Нашу содобност» переименовали в «Сodobnost» («Sodobnost» – «Современность»), также поменяли и редакторскую концепцию, которая явственно стала более «свободной», что довольно скоро было отмечено и критиками. Однако еще несколько десятилетий давление или попытки давления со стороны политической верхушки во многом ограничивали независимость редакторской политики, не позволяя ей быть до конца искренней.

Из всего сказанного можно заключить, что если первый – 1946 – год своего существования центральный словенский литературный журнал «Нови свет» сосредоточился главным образом на публикации теоретических положений социалистического реализма, что можно объяснить приоритетностью в то время задач политической пропаганды, однако нельзя говорить о серьезном интересе редколлегии к самому художественному творчеству советских писателей. 1947 г. – год юбилейный – был своего рода исключением. Дальше наблюдается явный крен в сторону русской классики, интерес к которой также постепенно сошел на нет. Отдельные случаи обращения к русской литературе скорее демонстрируют желание быть объективными при освещении мировой литературы, частью которой, несомненно, является и русская литература. Явственным стал крен в сторону западных культур.

Проект «Нови свет» потерпел своеобразное фиаско. Реальная литературная жизнь постоянно выбивалась из колеи, в которую ее пытались направить идеологи новой власти. Вместе с тем журнал сыграл свою позитивную роль в развитии взаимоотношений наших культур и дал словенскому читателю возможность ознакомиться – пусть и весьма выборочно – с образцами советской литературы своего времени, а также русской классики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советский «Новый мир», журнал-прообраз, начал выходить в Москве с 1924 г.

² Zdravec F. Književna esejistika in kritika. Prvi del (1945–1952) // Slovenska književnost 1945–1965. Zv. II. Ljubljana, 1967. S. 193–233.

³ Štuhec M. Literarne revije in programi // Slovenska književnost III. Ljubljana, 2001. S. 469–508.

⁴ Sotrudnikom in bralcem // Novi svet. 1946. S. 303–304. – Далее NS; номера выпусков не указываются в связи со сплошной нумерацией страниц для всех выпусков каждого года издания.

⁵ Вероятно, прежде всего имеется в виду «Люблянски звон» («Ljubljanski zvon», 1881–1941), ежемесячник либерального направления, являвшийся одним из двух основных и конкурирующих друг с другом литературных журналов, публиковавшихся в Словении начиная

с 80-х гг. XIX в. Заметим, что второй «толстый» журнал консервативный «Дом ин свет» («Dom in svet», 1888–1944) продолжал выходить и во время оккупации.

⁶ Slovenski zbornik 1945 / Ur. J. Kozak. Ljubljana, 1945. 769 s.

⁷ Štuhec M. Literarne revije in programi. S. 471.

⁸ Kozak J. Pisatelj in znanstvenik novemu svetu // NS. 1946. S. 34–41.

⁹ Lenip – Gorkemu (pisma) // NS. 1946. S. 70–122.

¹⁰ Известно, что писатель впервые услышал о Ленине в 1896 г., а первая встреча Ленина и Горького состоялась в 1905 г. В мемуарном очерке «В. И. Ленин» (1924–1931) Горький попытался воссоздать образ «Человека с большой буквы», подчеркивая живое обаяние Ленина и демократизм вождя масс, который «прост, как правда». С другой стороны, определяющим стало высказывание Ленина о Горьком как пролетарском писателе, который «...крепко связал себя <...> с рабочим движением России и всего мира...» – Все это до определенного времени оказалось важным и для словенских / югославских вождей нового государства.

¹¹ Gorkij M. Sovjetska literatura / Prev. J. Javer // NS. 1947. S. 70–95.

¹² Vidmar J. Maksim Gorki // NS. 1946. S. 545–549.

¹³ Vidmar J. Socialistični realizem Maksima Gorkega // NS. 1952. Knj. I. S. 193–204.

¹⁴ Gorki M. Miša // NS. 1946. S. 551–557.

¹⁵ В словенском переводе см.: Gorkij M. Sovjetska literatura // NS. 1947. S. 93.

¹⁶ Fadjejev A. O socialističnem realizmu // NS. 1946. S. 758–766; *Idem*. Referat tovariša

A. Ždanova in naše najbližje naloge // *Ibid.* S. 767–773; *Idem*. Naloge literarne kritike // NS. 1947. S. 627–653.

¹⁷ Majakovski V. Stih i o sovjetskom potnem listu // NS. 1946. S. 558–561.

¹⁸ Majakovski V. V. Sestankarji // *Ibid.* S. 674–675.

¹⁹ Isakovski M. Tu je pokopan rdečearmejec // NS. 1947. S. 617.

²⁰ Majakovski V. Smrt Leninova // *Ibid.* S. 112–115; *Idem*. V oktobrskih dneh // *Ibid.* S. 600–607.

²¹ Tihonov N. Balada o žeblih // *Ibid.* S. 580.

²² Tvardovski A. Oče in sin // *Ibid.* S. 578–579.

²³ Serafimovič A. Železni potok // *Ibid.* S. 618–627.

²⁴ Emin G. Oktobru // *Ibid.* S. 616–617.

²⁵ Следует отметить, что тувинская литература появилась лишь после создания национальной письменности в 1930 г.

²⁶ Pjurju S. Domovini // NS. 1947. S. 615. – Очевидно, при наборе фамилии поэта вкралась ошибка.

²⁷ Pervomajski L. Pot // *Ibid.* S. 588–589.

²⁸ Belinski Gogolju / Prev. M. Klopčič // *Ibid.* S. 196–200.

²⁹ Kozak F. Izlet v novi svet // *Ibid.* S. 201–216, 315–324.

³⁰ Požar M. Sovjetska žena // *Ibid.* S. 668–669.

³¹ Samsa B. Otrok v sovjetski zvezi // *Ibid.* S. 654–655.

³² Pričevanja o življenju, ki raste na temeljih oktobrske revolucije // *Ibid.* S. 654–674.

³³ Кроме того, журнал помещает материалы, не касающиеся литературы, – панегирик Ивана Регента «К XXXI годовщине Великого Октября» и заметку архитектора Эдварда Равникара о состоявшейся в Любляне 3–13 июня 1948 г. выставке советской архитектуры: *Regent I. Ob XXXI. obletnici Velikega oktobra* // NS. 1948. S. 809–812; *Ravnika E. Razstava sovjet-ske arhitekture v Ljubljani* // *Ibid.* S. 612–615.

³⁴ Grinberg I. Trideset let sovjetske poezije // *Ibid.* S. 151–160.

³⁵ Blok A. Skiti // *Ibid.* S. 762–765.

³⁶ Brenk F. S. M. Eisenstein // *Ibid.* S. 401–408.

³⁷ Lermontov M. J. Oporoka / Prev. Tit Vidmar // *Ibid.* S. 109–110; *Idem*. Poet, Ta dolgčas, ta žalost / Prev. M. Klopčič // *Ibid.* S. 359–360; *Idem*. Jadro / Prev. L. Baebler // *Ibid.* S. 464.

³⁸ Tjutčev F. J. *** / Prev. J. Vidmar // *Ibid.* S. 109.

³⁹ Nekrasov N. A. Pesem / Prev. L. Baebler // *Ibid.* S. 952.

⁴⁰ Puškin A. S. Prizor iz Fausta / Prev. Josip Vidmar // *Ibid.* S. 43–46; *Idem*. Želja po slavi / Prev. M. Klopčič // *Ibid.* S. 348–349.

⁴¹ Подробнее о словенском профессоре-русисте см.: *Созина Ю. А. Словенский писатель и ученый Братко Крефт и его Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007. С. 252–263.*

⁴² *Kreft B. A. N. Ostrovski // NS. 1948. S. 339–348, 443–450.*

⁴³ *Vidmar J. V. G. Belinski // Ibid. S. 489–500.*

⁴⁴ Тем более удивительным кажется обращение к наследию В. И. Ленина: в 1949 г. журнал публикует «Разговор с Лениным о женском вопросе» Клары Цеткин: *Zetkin K. Razgovor z Leninom o ženskom vprašanju / Prev. B. Ziherl // NS. 1949. Knj. II. S. 897–909.*

⁴⁵ Художественная литература славянских народов. В переводах на русский язык: Указатель литературы / ред. М. И. Рудомино; сост. Н. И. Пожарский, А. В. Паевская, М. С. Морщицер. М., 1943. 93 с. – В опубликованной в «Новом мире» заметке о книге ошибочно годом издания называется 1946 г., см.: *D.F. Ruski prevodi iz slovanskih literature 1917–1945 // NS. 1949. Knj. I. S. 631.*

⁴⁶ *Puškin A. S. Bronasti jezdec / Prev. O. Župančič // Ibid. S. 550–561; Idem. Jesen / Prev. M. Klopčič // Ibid. S. 566–569; Idem. Junak / Prev. M. Klopčič // Ibid. S. 582–584; Idem. Izgublja gozd... / Prev. L. B. // Ibid. S. 603; Idem. Pesnik in množica / Prev. M. Klopčič // NS. 1949. Knj. II. S. 962–963.*

⁴⁷ *Klopčič M. Aleksander Sergejevič Puškin // NS. 1949. Knj. I. S. 537–549, Knj. II. S. 699–715.* – И вновь досадная ошибка. В подзаголовке к первой части статьи указано: «К столетию его [Пушкина. – Ю. С.] рождения» (!), хотя в первых же строках самой работы все даты указаны верно. Ошибка была исправлена при публикации продолжения.

⁴⁸ *Puškin A. S. Bakantska pesem. A. A. Olenini v Peterburg. Jekaterini N. Ušakovi. V album / Prev. M. Klopčič // NS. 1950. Knj. II. S. 685–686.*

⁴⁹ *Puškin A. S. Izbrano delo v šestih knjigah / Ur. M. Klopčič. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1949–1967:*

Zv. 1: *Pesmi / Izbral, prevedel, življenjepis A. S. Puškina in opombe napisal M. Klopčič. 1950. 275 s.*

Zv. 2: *Povesti / Prevedel V. Levstik, uvod in opombe napisal M. Klopčič. 1949. 347 s.*

Zv. 3: *Povesti, članki, pisma / Prevedla V. Levstik in M. Klopčič; uvod in opombe napisal M. Klopčič. 1951. 405 s.*

Zv. 4: *Drame / Prevedel J. Vidmar; uvod napisal B. Kreft; opombe M. Klopčič. 1949. 310 s.*

Zv. 5: *Pesnitve. Pravlјice / Prevedli M. Klopčič ... [et al.]; uvod in opombe napisal M. Klopčič. 1959. 287 s.*

Zv. 6: *Jevgenij Onjegin: roman v verzih / Prevedel, uvod in opombe napisal M. Klopčič. 1967. 300 s.*

⁵⁰ *J. G. A. S. Puškin: Povesti // NS. 1950. Knj. I. S. 163–166; Idem. A. S. Puškin: Drame // Ibid. S. 260–262.*

⁵¹ *Krilov I. A. Dve basni // Ibid. S. 525.*

⁵² *Kermauner T. Gribojedov: «Gorje pametnemu» // NS. 1949. Knj. I. S. 608–613.*

⁵³ *Kermauner T. Goreče srce. A. N. Ostrovski // NS. 1950. Knj. I. S. 466–470.*

⁵⁴ *Kermauner T. Lev N. Tolstoj: Moč teme // NS. 1952. Knj. I. S. 553–558.*

⁵⁵ *Fatur B. Humanizem Antona Pavloviča Čehova // NS. 1951. Knj. II. S. 961–976.*

⁵⁶ *Rudolf B. Nekaj o estetskih pogledih Černiševskega // NS. 1952. Knj. II. S. 846–851.*

Контрапункт преданности и презрения: русские актеры в Словении в межвоенный период

Cadenza*

Несмотря на то, что симпатии между Россией и Словенией существовали довольно долгое время (по крайней мере, симпатии литературные – вспомним хотя бы примеры А. Ашкерца и И. Тавчара), особого внимания заслуживает тот период истории, когда из России эмигрировали массы дворян и буржуазии. Речь идет о годах Первой мировой войны и последовавшем за ними межвоенном периоде. В этот время благодаря сложившимся историческим условиям контакты между русскими и словенцами были очень интенсивны. Для всех упомянутых в настоящей статье лиц эти контакты, без сомнения, имели глубокие, судьбоносные последствия.

Если говорить о Словении, то на русский, а точнее, Галицийский фронт словенских военных посылала Австро-Венгрия. И хотя словенцы были преданы австрийскому императору – во времена Марии Терезии Словения была жемчужиной в австрийской короне и особенно выделилась в период «весны народов» – они все же ощущали свою связь с братьями-славянами и всячески пытались (а кому-то это даже удавалось) перейти на сторону русских и таким образом избежать бессмысленного кровопролития. Для тех, кто сумел дезертировать, это означало несколько относительно спокойных лет, которые они – по крайней мере те, о ком пойдет речь в данной работе, – посвятили изучению языка, работе в библиотеках, сотрудничеству в сфере театрального искусства и, прежде всего, знакомству с русской литературой и мировыми литературными именами.

Что же касается русских, то многие бежали от последствий Октябрьской революции, так как оказались неугодными новой коммунистической власти. В первую очередь бежать пришлось представителям буржуазии, которые, в соответствии со своим прежним образом жизни, оседали в крупных европейских городах. Уезжали и те, чьи профессии не были востребованы новой советской властью, в том числе театральные режиссеры и актеры, верившие в свою избранность и элитарность театрального искусства.

Причин для того, чтобы и одна, и другая сторона начали строить мост взаимопонимания, помогали пробуждению сочувствия одной нации к дру-

* Cadenza (ит., муз.) – каденция: свободная, виртуозная, богато орнаментированная вставка в музыкальное произведение.

гой, было достаточно. Желание сторон стало катализатором для более активных и тесных контактов между двумя народами. В Словении после 1918 г. осталась небольшая группа театральных деятелей, с которой был связан один парадокс. Большая часть общества отнеслась к русским благосклонно, однако именно те словенцы, которые имели собственный опыт пребывания в России, оказали приезжим довольно прохладный прием. Им в вину ставили их «русскость», т.е. чуждость эндемично «чистой» словенской среде. Русские раздражали своим несловенским поведением: держались свысока, вели себя с позиций «старшего брата». Несмотря на незнание языка, что само по себе делало их «чужими» в словенской среде, русские эмигранты не заслужили подобной реакции, в первую очередь потому, что самим своим творчеством активно способствовали развитию словенского театра и вырастили не одну звезду сцены до и после Второй мировой войны.

A capella*

Русские актеры, как отметил Д. Моравец в своей книге «Словенский режиссерский квартет», ставшие «впоследствии, объектами восхищения ... и в то же время споров...»,¹ являлись основным двигателем развития и показателем качества словенского театра сразу после окончания войны. Ни один театральный исследователь, описывающий историю создания Люблянского драматического или Городского театров, не может обойти вниманием актеров-эмигрантов из России. И хотя они немногочисленны – речь пойдет всего лишь о супружеской паре и еще одном режиссере, на словенской театральной сцене того времени (вопреки уже упомянутой словенской неблагодарности) эти люди оставили значительный и яркий след. Это актриса Мария Наблоцкая и ее коллега, руководитель, актер, режиссер и муж Борис Владимирович Путята, а также режиссер Яков (в «Репертуаре словенских театров» упоминается как Йосип) Осипович-Шувалов. Данных о последнем, кроме скурых сведений о режиссерских работах, сохранилось очень мало. В «Репертуаре...» его имя фигурирует в 20 режиссерских работах: в Словенском национальном драматическом театре (от постановки «Отца» Ю.А. Стриндберга, сентябрь 1919 г., до спектакля «Узел» П.П. Петровича, август 1925 г.). В Словенском национальном оперном театре в Любляне он режиссировал два спектакля: «Прекрасную Елену» Ж. Оффенбаха, ноябрь 1919 г., и «Русалку» А. Дворжака, декабрь 1919 г. Осипович-Шувалов работал на словенских сценических площадках в неменьшей степени, чем Б.В. Путята, однако записей о нем сохранилось несравненно меньше. В анналах словенского театра Борис Путята остался не только как режиссер, но и как педагог. Еще более важную роль для словен-

* A capella (ит., муз.) – вокальная партия, исполняемая без инструментального сопровождения.

цев играла М. Наблочкина, чье имя приводится в таких видных словенских книгах, как «Сто словенских драматических артистов», где о ней, *nota bene!*, пишут как о «настолько без сомнения нашей, что ее по праву называют словенской актрисой русского происхождения; одна из самых благородных»², или в «Словенской театральной энциклопедии» В. Смолея, а также у К. Коцианчича в книге «Забятая половина», описывающей достижения женщин в Словении.

Борис Путята (род. в 1871 г. в Монтрё, Швейцария) был известным московским адвокатом, одержимым страстью к театру, – как к игре, так, впоследствии, к режиссуре. С 21-летней Наблочкиной он познакомился в Киеве, когда она приехала к матери после распавшегося четырехлетнего брака, и стал убеждать ее посвятить себя актерской профессии. М. Махнич, записавший «Исповеди» Марии Наблочкиной, отметил: «Он никогда не говорил, что, собственно, привело его в театр. В Москве поговаривали, будто бы он влюбился в молодую актрису и из-за нее сменил профессию»³. В Москве он играл в известном театре Корша, водил дружбу с Художественным театром, возможно, даже со Станиславским. Помимо первого режиссера императорского театра в Петербурге Николая Николаевича Синельникова и бывшей балерины Лидии Николаевны Хайтен, Путята стал главным театральным руководителем Наблочкиной. Сама она комментировала преподавательский метод Путяты следующим образом: он говорил, а она повторяла. Когда началась война, Путята был призван на фронт куда-то под Владивосток, и как Сонечка к Раскольникову в «Преступлении и наказании» Достоевского или Роксана к Кристиану в роستانовском «Сирано» Наблочкина отправилась к нему, однако прежде чем добраться до места назначения на сибирском экспрессе, где «было довольно удобно и роскошно: ежедневное купание в ванной, которая была подвешена так, что не проливалась вода, салон с фортепиано, отличная еда и ежедневная смена белья, конечно же, пломбированного»⁴, остановилась в Харбине, где ее приняли как гастроллирующую артистку. Она пробыла здесь два месяца, а затем ее застала врасплох телеграмма: «Путята болен, ждет в больнице в Москве»⁵.

Узнать, каким же образом Путята оказался в Любляне, не представляется возможным. В. Смолей пишет, что Путята попал в Югославию еще в 1918 г., а 18 ноября 1920 г. он уже поставил в Словенском национальном драматическом театре «Золотую осень» Г.А. Келеве и Р. Флера. Еще одним следом, ведущим к Наблочкиной, стало письмо в большевистскую Россию в 1922 г., в котором написано: «Приезжай, твоя Вера». Речь шла о Путяте, который писал из Любляны: «Она искала на географической карте – едва нашла на ней мелкую точку, которая и была Любляна»⁶.

В первые послевоенные годы в Любляне Путята играл и ставил спектакли, а труппе, которая только вставала на ноги, открывал «прелесть и технику комедии, учил шарму, остроумию и актерскому мастерству»⁷. Смолей пишет о нем так: «Исключительно творческий человек, прекрасно ориен-

тировавшийся в мировом театральном искусстве и страстно увлеченный театром, за недолгие годы своей деятельности в Любляне он существенно способствовал тому, что любительский театр перешел на новый профессиональный уровень. Как отличный наставник, он помог созреть первым представителям наших в будущем великолепных театральных артистов: Наблоцкой, Левару, Цесару»⁸. Путята был не только режиссером, но и сам играл в спектаклях, а также стал автором первых инсценировок произведений Ф.М. Достоевского – романа «Идиот» (постановка ноября 1922 г.) и повести «Село Степанчиково», получившей название «Дядюшкин сон» (январь 1925 г.), а также толстовской «Анны Карениной» (апрель 1924 г.). Вскоре после этого Путята заболел – возможно, он так до конца и не выздоровел после фронта. Лечился он в русской больнице, там работал врач, которому Путята доверял. Однако лечение не помогло, и в апреле 1925 г., всего через несколько месяцев после венчания с Наблоцкой в люблянской православной церкви, он скончался.

Махнич пишет, что после него осталась рукопись «Актер и его ремесло», полный текст которой Наблоцкая не сумела найти, – сохранилось лишь несколько отрывков, которые Ф. Говекар опубликовал в газете «Ютро» в годовщину смерти режиссера 17 апреля 1926 г. Махнич приводит один из них: «Идеальный театр будущего? Творить будут все: актеры, режиссеры, авторы, одним словом, сцена станет импульсом, который зажжет огонь творчества всего театра как единого целого. Силу этого огня и то, в какие дали устремится дух такой творящей общности, сложно даже представить. Возможно, туда, где сбываются предчувствия и мечты, туда, где в полной мере открывается великая Истина – кто знает? На самом деле, мы еще слишком далеки от истины, театральная реальность полна несовершенства, компромиссов, с которыми трудно смириться настоящему артисту. Однако, без сомнения, необходимо принять театр таким, какой он есть сейчас, полюбить его таким, осознавая, что сегодняшний театр – это лишь ступень гигантской лестницы, ведущей к идеалу»⁹.

В отличие от Путаты, Мария Николаевна Бориславская, более известная под псевдонимом Наблоцкая (14.7.1890, Астрахань – 06.10.1969, Бокальцы, Любляна), выросла в театральной семье. Отец ее, Николай Михайлович, был антрепренером («Он был администратор, бухгалтер, он делал все»¹⁰), «который нанимал театры от Поволжья до Иркутска»,¹¹ а мать, Ольга Г. – актрисой. Еще до начала Первой мировой войны судьба связала ее с Путатой, который был старше ее на девятнадцать с половиной лет, хотя сама Наблоцкая говорила, что «более чем на двадцать»¹². «В России было хорошо. В моих русских театрах было хорошо. Но я должна была уехать. Я должна была уехать к своему учителю и мужу, который звал меня из Любляны. Киев я покидала в такой спешке, что оставила там четыре чемодана, ковры, зеркала, мебель, парики. Я оставила все в театре, но потом ничего не получила обратно. Я торопилась во Владикавказ, чтобы от-

туда попасть в Тифлис»¹³. Владикавказ тогда еще был занят меньшевиками. Но вскоре во Владикавказе Наблочкая была мобилизована – ее обязали работать в гастролирующей труппе, выступавшей на концертах с декламациями революционных стихов и песнями. Они давали по 6 концертов в день, Наблочкая же «выбирала вещи из старого репертуара»¹⁴. В своих воспоминаниях актриса продолжает: «Я не была против большевиков, потому что никогда не могла быть против людей. Я знала, что они много страдали. Но я знала и то, что большевики такие же, как и прочие люди – есть среди них хорошие, а есть плохие. Некоторые из них были готовы умереть за идею, но были и карьеристы, и просто преступники»¹⁵. Один из горячих поклонников Наблочкой, грек, достал для нее разрешение на выезд из России. В 1922 г. она отправилась из Тбилиси в Батуми, оттуда на итальянском пароходе попала в Константинополь (здесь консул Югославии одолжил ей 80 турецких лир), затем через Грецию и Болгарию к сентябрю добралась до Любляны. Она была «высокая, статная и элегантная, она привнесла в наше общество тип салонной дамы и жанр светской салонной беседы»¹⁶.

Люблянскую Наблочкая – по крайней мере на карте – нашла с трудом. Люблянский Драматический театр, куда она устроилась в тот же театральный сезон, удивил ее «прежде всего небольшим размером сцены»¹⁷, так как актриса привыкла к русским театральным площадкам, среди которых «даже самая маленькая была в два раза больше нашей в Драматическом театре»¹⁸. Сначала не предполагалось, что Наблочкая сразу станет играть, но Путята услышал, как она читает текст роли, разученной еще в Тбилиси, – Настасьи Филипповны из «Идиота» Достоевского¹⁹. Он отправился к Хубаду, который заключил с Наблочкой договор, с условием, что первые шесть месяцев она будет играть по-русски. Однако уже в ноябре, т.е. через два месяца после приезда, Наблочкая, по собственным словам, «играла ... первый спектакль по-словенски. Словенский я учила у Жупанчика и Липаха»²⁰. Несмотря на это, Наблочкая исполняла главные роли (в России за шесть лет – 140 ролей, в Словении в среднем 1 роль в сезон): например, играла Роксану в пьесе Ростана, баронессу Кастелли-Глембай у Гавеллы, а в 1953 г. даже снялась в словенском художественном кинофильме «Высочки». Она выступила в качестве режиссера, поставив в Молодежном театре Любляны «Грозу» Островского в переводе Й. Видмара. После Второй мировой войны Наблочкая получила две государственные награды: в феврале 1949 г. министр просвещения Народной Республики Словения Йоже Потрч выразил ей особое признание за «преданную и успешную работу», проделанную «для подъема и развития словенского театрального искусства», а в декабре того же года ей был вручен Орден Труда второй степени. Однако все это не могло утешить ее в одном самом болезненном чувстве: несмотря на то, что она отдала словенскому театру все, что было в ее силах, она так и осталась для него чужой, он все равно ее отвергал.

Arpeggio*

В качестве главного оппонента в первую очередь необходимо упомянуть Йосипа Видмара – ключевую фигуру словенской театральной общности и одного из главных инициаторов нападков на русских актеров. Он часто писал о времени, проведенном им в России, в том числе и в известной книге «Лица». Вспоминая о Павле Голия, Видмар впервые говорит о своем «русофильстве»²¹, в котором он после призыва в армию в 1915 г. признался командиру своей роты, старшему поручику Стирнеру. Он обещал Стирнеру вести себя по отношению к немцам как положено, но стрелять отказался. Затем, как и многие словенцы, Видмар оказался на Галицийском фронте, где постоянно думал о дезертирстве. Там его взял к себе в роту офицер – поэт, драматург и поклонник театра Павел Голия, «славянофил по убеждению»²², который также размышлял о побеге. Вскоре Видмара перевели на передовую и там ему удалось бежать – среди пленных было много солдат и младших офицеров 17 пехотного полка: «Мы шли почти всю ночь, чтобы как можно сильнее отдалиться от линии фронта и от возможности быть обнаруженными или даже освобожденными каким-нибудь австрийским отрядом»²³.

Россия для Видмара, по его собственному признанию, стала в своем роде инициацией в мир литературы. Он начал читать не только русских авторов, «но и северных писателей, и различных западных авторов»²⁴. По возвращении на родину, готовясь к карьере критика, Видмар уделял внимание в первую очередь русской литературе. В этот период он занимался Л. Андреевым (через него узнал Ницше), Чеховым, Достоевским, Гоголем, Пушкиным, Толстым, Мережковским и т.д. Мировоззрение последнего занимало Видмара больше всего, хотя в этот период он еще не имел отношения к театру – туда он пришел позже, в качестве критика, когда в 1924 г. была опубликована его разгромная статья о «Веронике Десеницкой» О. Жупанчича, после которой поэт навсегда оставил драматургию. В 1925 г. Видмар начал издавать журнал «Критика», выходивший всего полтора года. Материалы для журнала он писал преимущественно сам – критические статьи о литературе и театре, а также эссе на тему искусства. Настоящее вступление Видмара в театральную жизнь состоялось лишь в 1934 г. Просьбу о месте драматурга в Национальном люблянском театре он подал, по собственным воспоминаниям, в тот самый день, когда в Марселе был застрелен король Александр** – 9 октября 1934 г. В этом же году директор Словенского национального драматического театра Павел Голия принял его, и Видмар остался там до 1941 г. Интересно отметить, что в тот момент, когда Видмар сам стал драматургом, его тон изменился и из сурового острого критика он превратился в понимающего деятеля театра.

* Arpeggio (ит., муз.) – букв. «как на арфе» – способ исполнения аккордов на фортепиано и струнных инструментах, при котором звуки аккорда следуют один за другим.

** Карагеоргиевич (прим. пер.).

Павел Голиа также был одним из первых, кто вернулся из русского плена. После перехода на русскую сторону он был в числе югославских добровольцев, работал журналистом в Москве. Вернувшись домой в 1919 г., Голиа занял место драматурга в Национальном драматическом театре, а в 1922 г. стал его директором. Вскоре после этого он руководил театрами в Осиеке (год) и Белграде (еще год), а в 1926 г. вновь вернулся в Любляну. В начале своей драматургической карьеры Голиа, пишет Видмар, «ввел в наш театр несколько актеров из русских эмигрантских театральных семей. Режиссеры Путята и Осипович воспитали ряд наших новых талантливых актеров: второй Левара, а первый – Цесара, Медведову и других»²⁵. Несмотря на это, Голиа не мог сопротивляться Видмару и хотя более сдержанно, но все же критиковал актеров, которых тот выбирал своей мишенью.

Нельзя не упомянуть и еще об одном побывавшем в русском плену, хоть и не принимавшем участия в описываемом диспуте, об Осипе Шесте. Молодого словенского офицера-перебежчика русские военные власти отправили в Рязань. После революции в его части появился «великан» по фамилии Рыков – комиссар всех московских и областных театров, который собирал актеров, музыкантов и людей, имевших какое-либо отношение к театру. На приглашение Рыкова отозвался какой-то скрипач и Шест. Его устроили в рязанский Городской театр. Судя по записям самого Шеста, играли они очень много: от «Прекрасных дней» Л. Андреева и «На дне» М. Горького до старой комедии Г. Дрегели «Хорошо сшитый фрак», которая имела в Рязани большой успех. Как и большинство «пленных», Шест выучил русский язык, сдал экзамен и даже работал в библиотеке. Он также посетил Москву и расположенный в Камергерском переулке «величайший театр в мире, небольшой, простой по архитектуре – но великий по содержанию и силе искусства»²⁶. Из русских газет Шест узнал о создании театра в Любляне и решил вернуться. Хотя до войны он был актером, теперь выступил в роли режиссера, и на ближайшее после 1918 г. десятилетие стал «сначала чуть ли не единственным режиссером, а потом главным режиссером»²⁷. Это было время, «когда актеров и режиссеров из Чехии уже почти не осталось ..., а из России – вызвавших впоследствии столько восторгов и споров – еще не было»²⁸. Шест стал фигурой, которую Видмар выбрал в качестве положительного образца для сравнения при критике русских актеров.

Col pugno ma non troppo*

П. Голиа, О. Шест, Ф. Козак, Й. Видмар – все прошли через русский фронт, однако не все вернулись с одинаково добрыми воспоминаниями о нем, что сказало, в том числе, и на их отношении к русским актерам. Общественное мнение большей частью поддерживало и принимало рус-

inslav * Col pugno (ит., муз.) – кулаком; ma non troppo – но не слишком.

ских, да и позже критики отмечали знаковые выступления Наблочки и ее важную роль в возникновении в Словении городского, а не только народного, театра. Однако в начале 1930-х годов существовало еще одно мнение, которое постепенно приобрело исключительное влияние. Поначалу его выразители были абсолютно на стороне русских эмигрантов, понимая их значение в создании современной словенской городской культуры, однако затем они изменили свою точку зрения на явное неприятие, причиной которому послужило такое абстрактное понятие, как «чуждость» русских актеров и, разумеется, их русский акцент. Последствия этого отношения можно заметить даже в задуманной как справочник книге Д. Моравеца и В. Предана «Сто словенских деятелей театра», вышедшей в 2001 г. Авторы пишут о Наблочки: «Ее речь никогда не могла скрыть, откуда она появилась у нас (именно поэтому режиссеры не приглашали ее в постановки, например, пьес Цанкара)»²⁹. Неудивительно, что сразу после приезда русских актеров в Словению против них стали «плестись интриги ... Липах в пятидесятом году писал об этом в Театральном журнале»³⁰, громче всех же с критикой выступил Й. Видмар.

Как сказано выше, Видмар провел в России несколько хороших для себя лет, выучил русский язык и стал одним из самых значительных переводчиков с русского языка. По возвращении «главным интересом для него долгое время была русская литература и все, с ней связанное»³¹. Но, несмотря на то, что в конце 1920-х годов Голиа доверял ему «много переводов, прежде всего с русского»³², русский язык на словенской сцене раздражал Видмара с самого начала. Раздражало его и то, что Драматический театр в Любляне был занят русскими актерами и режиссерами, которые не умели играть и ставить спектакли так, чтобы это удовлетворило словенскую публику. Видмар пишет об этом в «Лицах» следующее: «Одним словом, русская инъекция сначала была полезна нашему театру, но во время издания «Критики», когда Голиа вернулся из Белграда, по моему мнению, начала оказывать на него вредное влияние. Поэтому я выступил против работы русских на нашей главной сцене. В первую очередь, я вменял им в вину незнание словенского языка. Мне также казалось, что эти люди приносят на нашу драматическую сцену два абсолютно чуждых нам элемента – некий гротеск в комедии, свойственный именно русскому вкусу, и излишнюю патетику при декламации стихов, характерную для русских и не гармонирующую со словенской приглушенной мелодикой. В связи с этим я критиковал и самого Голиа, который от своей большой любви ко всему русскому был их главным сторонником. Все эти моменты мне не были тогда так предельно ясны, как сегодня»³³.

Упомянутая критика выражалась различными способами, от высказывания негативного мнения о режиссерской работе: «Постановка г-на Осиповича, который практически всех героев превратил в кукол, кажется мне совершенно неудавшейся»³⁴ или «С точки зрения режиссуры, «Узел» в постановке Осиповича стоит отнести к худшим спектаклям, проходившим

у нас в последнее время»³⁵, до прямых нападок в видмаровской «Критике», где он писал о русской троице, что «они являются чужеродным элементом в нашей среде, не могут слиться с нами в единое целое и потому в театре лишние, они ему даже во вред»³⁶. Подобных высказываний было немало, но уже приведенные выше говорят об исключительно агрессивной точке зрения, которую критик позволял себе по отношению к иностранцам, вложившим всю свою энергию в то, чтобы словенский театр на начальном этапе своего развития поднялся на достойный уровень. «Атаки» Видмара можно объяснить его националистическим пылом, ведь он считал, что словенцы должны сформировать свою собственную театральную школу – а в сложившейся ситуации одних иностранцев сменили другие. Видмар же не поддерживал даже идей южнославянского единения и всегда говорил лишь о самобытности и самодостаточности словенского народа. Апогей политические и национальные взгляды Видмара достигли в вышедшей в 1932 г., весьма значимой в остальных отношениях, национально-просветительской книге «Культурная проблема словенского народа». И хотя выраженные в этой книге взгляды можно понять с принципиальных политических позиций, по-человечески разделить их весьма непросто.

Con calore*

Большая часть театральных деятелей во главе с О. Жупанчицем, П. Голия, а также Ф. Козаком и Й. Козаком, в отличие от Видмара, поддерживала русских актеров и относилась к ним с пониманием и уважением. На счету Путяты было несколько важных словенских спектаклей, он даже якобы договаривался с Видмаром (sic!) о постановке «Черных масок» Л. Андреева, музыку к которой в 1922–1924 гг. сочинил М. Когой (впрочем, из этой договоренности ничего не вышло, премьера спектакля состоялась лишь 7 мая 1929 г.³⁷). Путята также якобы должен был выступить в качестве режиссера «Вероники Десеницкой» Жупанчича, однако тот изменил свое решение и пригласил О. Шеста (о разгоревшейся по этому поводу дискуссии, проходившей в журналах «Люблянский звон» и «Критика», Жупанчич высказался в письме Франку Вольману: «Видмар остро мыслит, но тупо чувствует»³⁸).

Характерно, что Жупанчич, которого Видмар характеризует как великого поэта и человека исключительно тактичного, публично назвал нападки Видмара на Путяту «грехом против настоящей, открытой для всех, широкой словенской общественности»³⁹. Голия, сентиментальный и закрытый поэт, с восхищением писал о Путяте: «Этот артист от Бога умеет настолько слиться с ролью, что от Путяты-человека совсем ничего не остается. Нашему критическому взору предстает мастер, обладающий богатой пластикой, дикцией и голосом, а взору душевному – образ, созданный на-

стоящим великим артистом»⁴⁰. Жупанчич делал комплименты Наблочкой, «было видно, что она (ему) ... нравится»⁴¹, в чем он вовсе не был одинок. В числе прочих имеется запись Д. Моравца, посвященная ее юбилею: «Мария Наблочкая, одна из величайших актрис на словенской сцене, относится к тем великим, но простым людям, что так щедры в своем творчестве и так безжалостно скупы, когда хочешь услышать подробный рассказ об их жизненном пути. Скупы потому, что они видят в своем деле лишь ежедневную лепту, которую должны дать нашему обществу, – лепту и ничего более»⁴².

Однако, несмотря на восхищение и поддержку, ясно, что у русских артистов остался горький привкус. Наблочкой не простили ее происхождения даже на ее последнем юбилее, когда «один человек, злой, завистливый и ревнивый, написал: «Она говорила с таким ужасным акцентом, как никогда раньше». И это было все, это было его единственное впечатление... У меня за плечами было сорок лет работы»⁴³. В другой раз она говорила о том же событии: «Господин Х. после того, как я тридцать пять лет прослужила его народу, написал мне к юбилею: «Несмотря на немолодой возраст, она говорила по-словенски хуже некуда». Я смяла и порвала это. Не потому, что мне бы хотелось слышать только похвалы, а потому что мне было так тяжело и неприятно. С таким садизмом они бьют по самому больному моему месту...»⁴⁴. Позднее Наблочкая задавалась вопросом, зачем же тогда ее 32-летнюю, приняли, если знали, что она русская и что не сможет избавиться от акцента? Ведь она так старательно учила словенские тексты: «Я думала по-русски, а говорить должна была по-словенски. Научиться нужно было за несколько недель, за время подготовки роли Настасьи Филипповны. Мелочная, низкая зависть! Как это по-словенски!»⁴⁵. Вспоминала слова одного актера: «Конечно, ты должна быть на пять голов выше, ведь иначе они предпочтут свою актрису. Зачем им тогда платить тебе?»⁴⁶.

Da capo al coda*

Так в Словении случалось часто. Даже Ф. Липах, один из лучших друзей Наблочкой, однажды, по воспоминаниям актрисы, «был сильно навеселе. Он проходил мимо и пробурчал: «Конечно, теперь русские первые, а мы ничто, мы – дерьмо». Правда, перед последним словом была небольшая пауза. Сначала пауза, небольшая пауза, а потом уже это слово»⁴⁷. Несмотря на произнесенное слово, весь этот случай анекдотичен, а Липах был верным сторонником Наблочкой, ее другом и учителем словенского языка. Однако, вопреки вышесказанному, вопреки обвинениям, которые порой били ниже пояса, среди словенцев были и те, кто умел ценить этих людей, понимал их значение и был им благодарен.

* Da capo al coda (ит., муз.) – от начала до конца.

Ф. Козак, например, к юбилею Наблочкой написал следующее: «Уважаемая госпожа, в моей памяти до сих пор живы воспоминания о том дне одной ранней осени, когда на тогдашнем францисканском мосту я увидел женщину в черном, с густыми золотыми волосами, столь необычную для нас. Это она, сказал я себе тогда, актриса, которая приехала к нам из России. Я бы хотел сказать Вам, что все эти годы Ваше искусство было мне невыразимо дорого, оно вдохновляло меня и вызывало огромное уважение, я искренне благодарен Вам за все, что Вы мне дали пережить, за Ваш богатый, магический, озаренный блестящей непосредственностью и совершенством талант. Все, что Вы играли, Вы по-своему проживали на сцене. Потому Ваши слова и жесты всегда находили прямой путь к нашим сердцам, в глубину подсознательных переживаний. Наверное, именно поэтому Ваш образ актрисы и человека так тесно связан с нашей средой, с нашим театром и с нашей культурой. С течением лет Вы стали нашей, и в истории словенского театрального искусства Ваше имя займет свое место среди имен тех, кто своим незабываемым творчеством вел нас к высшим достижениям»⁴⁸.

Невзирая на некоторые насмешливые, агрессивные отзывы, русские артисты смогли оценить расположение и поддержку большей части словенской публики. Много лет спустя, когда Наблочкая все же покидала сцену, ее осыпали поздравлениями, наилучшими пожеланиями и изъявлениями благодарности за ее многолетний жертвенный труд. С большим пониманием к русским отнеслись люди с восприимчивой поэтической душой, среди них и О. Жупанчич, который в «Письме о словенской сцене» назвал Путяту «словенским актером и режиссером. ... Человек, русский, пусть без идеального произношения, но с душой, которая переживала и чувствовала с нами и которая сгорела за нас. И его должно помнить широкой словенской общественности...»⁴⁹.

Перевод Е.А. Сокоренко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Moravec D. Slovenski režiserski kvartet (z gostom): Šest, Debevec, (Gavella), Kreft, Stupica. Ljubljana, 1996. S.15.

² Moravec D., Predan V. Sto slovenskih dramskih umetnikov. Ljubljana, 2001. S. 42.

³ Mahnič M. Marija Nablocka: izpovedi. Ljubljana, 1959. S. 24.

⁴ Ibidem. S. 23.

⁵ Ibidem. S. 24.

⁶ Ibidem. S. 38.

⁷ Moravec D. Gledališka publicistika Osipa Šesta // Sodobnost. Ljubljana, 1995, št. ¾. S. 275.

⁸ Smolej V. Slovenski dramski leksikon. 2. zv. Ljubljana, 1962. S. 89.

⁹ Mahnič M. Op. cit. S. 69.

¹⁰ Ibidem. S.70.

¹¹ Ibidem.

¹² Mahnič M. Op. cit. S. 16.

¹³ Ibidem. S. 51–52.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Moravec D.* Gledališka publicistika Osipa Šesta // *Sodobnost*. Ljubljana, 1995, št. ¼. S. 275.

¹⁷ *Mahnič M.* Op.cit. S. 40.

¹⁸ Ibidem. S. 50.

¹⁹ Ibidem. S. 100.

²⁰ Ibidem. S. 39.

²¹ *Vidmar J.* *Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 194.

²² Ibidem. S. 196.

²³ Ibidem. S. 198.

²⁴ *Vidmar J.* *Odgovori*. Ljubljana, 1970. S. 7.

²⁵ *Vidmar J.* *Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 200.

²⁶ *Moravec D.* Slovenski režiserski kvartet (z gostom): Šest, Debevec, (Gavella), Kreft, Stupica. Ljubljana, 1996. S. 15.

²⁷ *Smolej V.* Op. cit. S. 152.

²⁸ *Moravec D.* Slovenski režiserski kvartet (z gostom): Šest, Debevec, (Gavella), Kreft, Stupica. Ljubljana, 1996. S. 15.

²⁹ *Moravec D., Predan V.* Op. cit. S. 42.

³⁰ *Mahnič M.* Op. cit. S. 98–99.

³¹ *Kozak K. J.* Estetski in idejni vplivi na predvojno dramsko in gledališko kritiko Josipa Vidmarja. Ljubljana, 1998. S. 50.

³² *Vidmar J.* *Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 200.

³³ Ibidem.

³⁴ Цит. по: *Kozak K.J.* Op. cit. S. 46.

³⁵ Ibidem. S. 47.

³⁶ *Vidmar J.* Urednikov uvodnik // *Kritika* ½. 1925/26. S. 17.

³⁷ *Vidmar J.* *Obrazi*. Ljubljana, 1985. S. 71.

³⁸ Ibidem. S. 223.

³⁹ Ibidem. S. 234.

⁴⁰ *Mahnič M.* Op. cit. S. 101.

⁴¹ Ibidem. S. 90.

⁴² Ibidem. S. 66.

⁴³ Ibidem. S. 78.

⁴⁴ Ibidem. S. 130.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem. S. 131.

⁴⁷ Ibidem. S. 126.

⁴⁸ Ibidem. S. 94.

⁴⁹ Ibidem. S. 99–100.

Личность сквозь призму истории в словенском историко-философском романе XX века («Аламут» В. Бартола и «Галерник» Д. Янчара)

На протяжении уже без малого двух веков исторический роман остается одним из самых популярных жанров мировой прозы. Он пользуется огромным читательским успехом, вызывает обостренный исследовательский интерес. Особенно пристально внимание исследователей к жанровым составляющим исторического романа, поскольку, по их мнению, он, «подвергаясь существенной трансформации, вбирает в себя содержание, конфликты различных эпох»¹ и является одним из наиболее ярких примеров «жанрового неосинкретизма»². В случае с историческим романом художественная практика только подтверждает теорию М.М. Бахтина о «незавершенности» и «изменчивости» романного жанра в целом³, его, по мнению Н.Д. Тмарченко, «неканоничность» и «способность сочетать изменчивость с устойчивостью»⁴. Роман как жанр развивался в многообразных сюжетно-композиционных структурах и, вероятно, в принципе не может обладать завершенной жанровой формой, поскольку для него важен контакт с «неготовой», переживающей становление действительностью, с ее постоянной переоценкой и переосмыслением.

В литературоведении последней трети XX – начала XXI вв. большинство ученых рассматривают исторический роман XX в. как самостоятельный жанр, обладающий проблемно-тематическими признаками, отличающими его от прочих романских форм. Однако его жанровые границы остаются размытыми, многие вопросы вызывают споры, часто сама проблема определения жанра становится предметом дискуссии, нет универсального критерия, учитывающего все необходимые и достаточные признаки жанровой принадлежности. Сосуществуют различные, иногда взаимоисключающие точки зрения. Такая картина объяснима. Она связана с процессом развития и функционирования современной системы жанров в целом. Жанровая чистота сегодня уходит в прошлое. Разрушение канонических форм давно признано показательным свойством современной литературы. Все жанры литературы XX – XXI вв. демонстрируют не только яркую способность к идейно-тематическому обогащению и обновлению, но и небывалое многообразие стиливых решений, формальных приемов, широкий спектр художественных новаций. В жанрах, имевших некогда строгие содержательные и композиционные параметры, бывшие нормативные грани-

цы делаются все более зыбкими. Нормой становится смешение, взаимопроникновение различных жанровых признаков, что отвечает реальной сложности жизни, не уместающейся в раз и навсегда отлитые формы. В этом отношении исторический роман оказался одной из самых гибких и динамичных структур. Об этом писал И.П. Варфоломеев: «В наше время уже не составляет открытия, что исторический роман «вальтерскоттовского» типа давно вырос из своих первоначальных жанровых одежд в нечто многомерное. Многообразие форм художественного освоения исторической действительности не вмещается в прежние эстетические рамки. Теперь это не просто роман об историческом прошлом, а целая *система* (романов, повестей, рассказов) со своими жанровыми и поджанровыми типологическими структурами»⁵. В сфере исторического романа жанровый синкретизм создает обширную сеть жанровых разновидностей. Одной из них является историко-философская.

Интерес к философскому и этическому содержанию истории является стимулом для прозаиков, работающих в историко-философском жанре. Вокруг философской и этической проблематики строятся главные конфликты их произведений. Раскрытию духовных и мировоззренческих исканий героев подчинены сюжет, композиции, манера повествования. Опираясь на различные философские концепции, авторы глубже осмысливают историю как источник не только социального и нравственного, но и духовного опыта, акцентируют внимание на всеобщем, т. е. на том, что вопреки временным рамкам сближает людей разных эпох. Личность становится для них «точкой пересечения силовых линий всеобщности, моделью сущего»⁶, а ее душа — художественным резонатором отвлеченных идей. При этом историко-философский роман представляет определенную структурную цельность, для которой характерна постановка проблем родового, всеобщего, субстанционального плана или художественная реализация определенной философской доктрины в соединении с историческим материалом. В нем индивид, взаимодействуя с историческим социумом, фокусирует философские искания прошлого и настоящего, связывает идеи, рожденные в его сформированном определенной эпохой сознании, с мировоззрением человека современности, так что сквозь историческую перспективу просматривается модель сущего. Универсальные философские проблемы сначала пропускаются через мироощущение героев и лишь затем растворяются в сюжетных коллизиях. В движении сознания и чувств персонажей материализуются не только те вопросы, которые касаются индивидуального бытия личности, но и те, которые включают ее в орбиту социальной и политической жизни, морали, религии. Философский материал локализуется во внутреннем мире исторической личности или героя, детерминированного эпохой, что делает ведущим для этого типа романа моноцентричный вектор. Такой роман не только исследует мировоззренческие системы, но и трансформирует наиболее типичные для философской прозы художественные средства: параболичность структуры, синтез философской ана-

литики и художественной образности, создающий «образ мировоззрения», исповедь. Данная тенденция, начав складываться в творчестве таких выдающихся прозаиков XX в., как А. Франс, Т. Манн, Л. Фейхтвангер, нашла свое дальнейшее выражение в ряде европейских литератур в романах Т. Уайлдера, М. Юрсенар, А. Карпентьера, И. Андрича, М. Селимовича, Э. Станева, С. Дельбанка, Л. Мештерхази, Г. Грасса, П. Зюскинда, Б. Окуджавы, В. Бартола, Д. Янчара и многих других.

Внимание словенца В. Бартола, автора новаторского, получившего международное признание романа «Аламут» (1938), привлекли события мировой истории восьмисотлетней давности, последствия которых не просто повлияли на всю дальнейшую биографию человечества, но остаются актуальными и в XXI в. — это история зарождения мирового политического терроризма, у истоков которого стояла шиитская секта исмаилитов. Одним из первых в европейской литературе XX в. он обратился к столь экзотическому для европейской культуры и абсолютно вневременному, универсальному по своему философскому и этическому наполнению материалу, ставшему благодаря общественно-политическим катаклизмам первой половины XX в. необычайно актуальным. Используя античные и европейские философские концепции и учения (материализм, идеализм, релятивизм, субъективизм, нигилизм), через цитаты, парафразы, аллюзии, прямой пересказ писатель ввел в произведение обширный, можно сказать, энциклопедический философский контекст. Его герой, средневековый иранец, оперирует понятиями и категориями, сформулированными, главным образом, мыслителями последующих столетий — Декартом, Макиавелли, Фрейдом, Ницше.

Центральная фигура «Аламута», исламский философ и вождь религиозных фанатиков-ассасинов Ибн Саббах, воплощает в романе известную гипотезу о том, что идеи Ницше — много старше его самого. Исследуя механизм захвата власти и его непеременимые атрибуты (управление массовым сознанием, развитие культа личности, расправа с политическими противниками и т.д.), Бартол обращает внимание на неизменный характер этого явления. «Аламут» — это вполне аутентичная картина конкретного этапа существования секты исмаилитов, где точны даты и события и дан широкий историко-культурный фон изображаемой эпохи. При этом налицо живое сопоставление с современным автору временем страшных диктатур XX в. между двумя мировыми войнами.

Психологическое ядро романа — анализ возникновения и развития религиозного фанатизма, нравственно-философское — проблема правды и лжи как во имя высшей идеи, так и ради обретения власти. Бартол опирается, с одной стороны, на Коран как основу устава низаритов, с другой — на идеи Фридриха Ницше и его «философию жизни», ограничивающую разумное познание абсолютизацией иррациональных факторов, на его «волю к власти», представляющую собой ненасытное стремление к господству, и культ «сверхчеловека». Для писателя принципиально важны две

идеи Ницше — релятивистская, основанная на относительности и исторической обусловленности всех ценностей, и мессианская, связанная с возможностью воплощения высшего типа человеческого идеала. Нет ценностей вечных, неизменных, нет морали, нет разделения на добро и зло, а есть лишь представление о природной целесообразности. «Ничто не истинно — все позволено», — это высказывание Ницше («К генеалогии морали», 1887) служит эпиграфом ко всему произведению. Бартоловский Ибн Саббах, «человек, стоящий по ту сторону добра и зла, господин своих добродетелей, обладатель огромного запаса воли»⁷, строит социально-религиозную иерархию, а потом и государство по модели Ницше, для которого неравенство является необходимым условием для существования права и государства, поэтому право есть не что иное, как преимущество «сильных» над «слабыми», тяготеющими к равенству, нивелировке, ко всем добродетелям «рабской морали». Действительная же справедливость заключена в изначальном признании неравных прав людей, различающихся по потенциалу «воли к власти»: одни (избранные, аристократия, элита) — одаренные натуры — обладают большим количеством власти, другие, низкого происхождения, — меньшим. Избранные являются создателями высших духовных ценностей, но само их создание, как и существование элиты, возможно благодаря рабскому труду. Государство не может возникнуть в результате волеизъявления Бога, но только путем насильственного подчинения людям «высшей расы» людей «низшей расы». В романе глава Аламутского государства на практике реализует общественную модель Ницше, согласно которой общество делится на три социальных слоя со строгим разделением функций и обязанностей. Под властью живого пророка Сейдуны находятся даи — проповедники его учения, блюстители закона (Ибрагим, Абу Сорок, ибн Исман, Бузук Умид, Абдул Малик), воины-фидаи, охраняющие пророка и беспрекословно ему подчиняющиеся (Авани ибн Тагир, Джафар, Сулейман, Юсуф), и, наконец, безликая и часто безымянная толпа (рабы, прислужницы, погонщики, конюхи, оружейники и т. д.). По сходной схеме выстроена иерархия «райских куш»: блюстители порядка евнухи, наложница Сейдуны Мириам, юные гурии для фидаев Халима, Зайнаб, Сара, Фатима, Сулейка, рабыни.

Личность, история деяний, мировоззрение Хасана ибн Саббаха, создателя первой в мире школы профессиональных наемных убийц-смертников, человека, «овеществившего» миф, становятся основным предметом описания Бартола. Он показывает, как, став во главе одной из двух мощнейших исламских сект, наместник Аламута, принявший имя Сейдуна, что означает «первый после Аллаха», разработал и воплотил в жизнь систему психологического манипулирования своими духовными детьми, которые, беспрекословно подчиняясь Учителю, несли смерть его врагам. В романе от кинжалов учеников Саббаха погибает восемь «первых лиц» империи сельджуков, в том числе верховный визирь Низом аль-Мульк, три багдадских халифа и ее глава Мелик-шах (1055–1092). Смерть аль-Мулька и Мелик-

шаха спровоцировала раскол войска сельджуков, а затем и распад всей империи, что доказывает: религиозная вера, доведенная до фанатизма, способна изменять мировую историю.

«Главная проблема романа – проблема осознанного обмана»⁸, – отмечает М. Кошута. Ибн Саббах уверен, что в его мире «правда недоступна», и этот агностицизм дает ему преимущество перед теми, кто в нее искренне верит. Для воплощения божественной сущности ему нужна поклоняющаяся толпа. А толпе нужно чудо, доказывающее божественную сущность, ибо только с верой в сердце она последует за избранным. И новоявленный пророк обманом пробуждает в сердцах фанатичную веру, которая оказывается сильнее смерти. Бартоловский Саббах – образ одновременно привлекательный и отталкивающий, парадоксальный. Из рассказа героя о прожитой жизни, обращенного к любимой наложнице Мириам, складывается живой портрет интеллектуала, общественного и религиозного деятеля, друга Омара Хайяма, математика и астронома, знатока персидской поэзии и античной философии. Но этот одаренный, энциклопедически образованный, амбициозный, прошедший жестокую школу жизни шестидесятилетний лидер исмаилитов, «которому сам Аллах вручил ключи от рая», – безбожник, видящий в Коране лишь «продукт свихнувшихся мозгов». Он уверен, что в мире все: любовь, дружба, правда, ложь, добро, зло – относительны и иллюзорны, истинна лишь смерть, которая и есть орудие достижения высоких целей. Эта уверенность и дает личности преимущество перед массой слепцов, делает лидера посредником между абсолютным и относительным: «Если ты понял, что ничего не понимаешь и ни во что не веришь, тебе позволено все», в том числе масштабный эксперимент над душами верующих, подчинение которых должно быть беспрекословным. Наместник Аламутской крепости хладнокровно приказывает казнить заслушание собственного сына Хусейна со словами: «Я издаю законы не для сыновей или несыновей, а для всех правоверных последователей Исмaила».

Первый словенский интеллектуальный роман, синтезирующий черты романа исторического, философского, психологического, приключенческого, в чем-то предвосхитивший прозу У. Эко с его соединением элитарности и масскультуры, – не случайно «Аламут» назван Б. Патерну «словенским вариантом «эковского» романа»⁹ – отличается одной из тех новых черт искусства, которую привнес в него XX век – тяготением к существенному, вторжением в художественную культуру философских и психологических концепций, соприкосновением искусства со всей сферой гуманитарного знания. В лице его автора словенская литература получила тот особый тип писателя, для которого философские размышления и художественное творчество составляют живое единство, так что философия эстетизируется, а литература пропитывается концептуальным мышлением, и в этом плане В. Бартол достоин соседствовать с В.В. Розановым, Ж.П. Сартром, Т. Манном, Г. Гессе.

«Аламут» – главное доказательство того факта, что именно историко-философский роман межвоенного периода проявил себя как наиболее новаторский, тяготеющий к эксперименту тип словенской исторической прозы. Его появление подтверждает гипотезу, что философские тенденции в литературе активизируются в периоды исторических перемен. Обращение писателя к мировой, а не национальной истории при выведении формулы человеческого бытия и его универсального смысла — явление для словенской литературы знаковое. Локализуя конкретный философский и исторический материал в рамках личностного сознания, Бартол оказался среди тех европейских литераторов, кто пытается соотнести мироощущение и ментальность средневековья с фундаментальными мировоззренческими проблемами современности и тем самым открывает перед национальной исторической прозой новые перспективы.

Через сорок лет эстафета В. Бартола была подхвачена Д. Янчаром. Событием в литературной жизни конца 1970-х годов стал его дебют в историческом жанре. В историко-философском романе «Галерник» (1978), переведенном на одиннадцать языков, в том числе и на русский, удостоенном высшей национальной литературной награды — премии Прешерна (1979), писатель на материале истории Европы XVII в. обратился к вневременным, универсальным вопросам преодоления личностью духовного кризиса, к истории взаимоотношений личности и эпохи. Через ощущение метафизической драмы человечества, всеобщей трагичности бытия им раскрываются реальные проблемы людей, запутавшихся в исторических противоречиях. Впоследствии тема столкновения героя со временем, в котором он вынужден существовать, была продолжена в романах «Северное сияние» (1984), «Насмешливое вождение» (1993), «Катарина, павлин и иезуит» (2000).

Действие романа-путешествия «Галерник» происходит в разгар гонений инквизиции второй половины XVII в. на габсбургских и германских землях. Это было жестокое время для Европы, его атмосфера диктует автору сдержанную манеру повествования и обуславливает мрачную метафоричность произведения. Автор исследует эпоху ересей, религиозного фанатизма, судов инквизиции, чумных эпидемий – «чумную» эпоху – и отмеченную сатаной, бесовскую, «чумную» судьбу главного героя Йохана (Иоганнеса) Отта, мечущегося в поисках возможности противостоять злу и безумию своего времени.

Уроженец княжества Нейсе, в прошлом ремесленник, лекарь, толмач, военный наемник, словом, человек бывалый и стремящийся быть независимым, Отт вызывает зависть у запуганных обывателей и инквизиции. Став, скорее из любопытства, чем по идейным соображениям, членом тайного оппозиционного официальной церкви религиозного братства реформатов – Штифты, он роковым образом меняет свою жизнь.

Роман, по мнению Х. Глушич, свидетельствующий о переходе автора от «экспериментальной прозы к традиционной»¹⁰, сочетает в себе черты

социально-исторической и интеллектуально-философской прозы: подлинность эпохи, документальность, историческую детерминированность поведения и ощущений главного героя, с одной стороны, и вневременные проблемы бытия и сознания, человека и окружающего его мира, решенные на экзистенциально-пессимистической основе, с другой. Герой представляет собой личность, порожденную бесчеловечной средой Средневековья, и одновременно воплощает образ всех гонимых, спасающихся бегством, встречавшихся в разные периоды мировой истории.

Исторические события, всегда точно переданные, интересуют Янчара лишь постольку, поскольку позволяют показать и объяснить человеческое как родовое. Йохан Отт — песчинка, влекомая водоворотом жизни по землям Центральной Европы, он пересекает границы государств, переживает гонения инквизиции, находит кратковременное пристанище у пышной женской груди, чтобы, в конце концов, убежав с галеры, погибнуть от чумы. Но за это время он узнает вкус свободы, успевает ощутить ценность и неповторимость своего «я», не подчинившегося ни людям, ни Богу. Писатель не скрывает свою западноевропейскую ориентацию в вопросе об исторических традициях словенцев, мотивируя такую точку зрения не только тем, что в описываемое время словенские территории входили в состав одной из сильнейших империй Центральной Европы, но и единством религии: католическая церковь являлась международным центром феодальной системы, объединяя Центральную и Западную Европу в некое целое, противостоящее как греко-православному, так и мусульманскому миру. Распространение в XVI в. протестантизма также приблизило словенцев к европейской культуре. Автор, в частности, упоминает в романе последователя Эразма Роттердамского, «отца» словенской письменности Приможо Трубара.

Образ Йохана Отта строится преимущественно на внутренних монологах, которым свойственна эмоциональная рефлексивность. Наедине с собой герой не притворяется: отчаяние, боль, ярость выплескиваются наружу. Его грубоватая речь контрастирует с нервным и тревожным голосом автора-комментатора. Такая «двойная» интонация романа, лишенного к тому же графически выделенных диалогов, в сочетании со снами и галлюцинациями главного героя, безусловно, усложняя текст, придает ему большую выразительность.

Судьба героя романа трагична, полна роковых случайностей, необъяснимых совпадений. Янчар затрагивает проблему метафизически трактуемого трагизма и таинственности человеческой юдоли. Отт проходит социальные, психологические, нравственные, физические испытания, искушение богатством и нищетой, и каждое из этих состояний вносит нечто новое в его миропонимание. Пытаясь как-то преобразить свою жизнь, противостоять злой или доброй воле провидения, человек способен изменить лишь незначительные частности, но ему не дано стать полновластным хозяином своей будущности, уверен прозаик.

Романы «Аламут» и «Галерник» объединяют жанровая разновидность и близость авторской позиции в отношении к прошлому. История осмысливается их создателями Бартолом и Янчаром как источник конкретного социального и духовного опыта, и как подтверждение всеобщности связей бытия, глобального и универсального мироустройства. За подробностями исторического быта они оба видят «абсолютное бытие», ищут в историческом общечеловеческое, универсальное начало, точки пересечения мироощущения человека прошлого и настоящего. В движении сознания и чувств героев историко-философских романов «Аламут» и «Галерник» Авани ибн Тагира и Йохана Отта материализуются не только те вопросы, которые непосредственно касаются индивидуального бытия личности внутри конкретной эпохи, но и те, что включают ее в орбиту мировой философии, морали, религии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жанровые разновидности романа в зарубежной литературе XVIII–XX веков. Киев–Одесса, 1985. С. 3.

² Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М., 2001. С. 372.

³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 452.

⁴ Тамарченко Н. Д. Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 19.

⁵ Варфоломеев И. П. Типологические основы жанров исторической романистики. Ташкент, 1979. С. 8–9.

⁶ Затонский Д. В. Был ли «Дон Кихот» рыцарским романом? // Вопросы литературы. 1986. № 8. С. 6.

⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 62.

⁸ Košuta M. Alamut: roman-metafora // Bartol V. Alamut. Ljubljana, 1988. S. 572.

⁹ Paterni B. Bartolov roman Alamut // Delo. 1989. 14.12. S. 5.

¹⁰ Glušič H. Slovenska pripovedna proza v drugi polovici dvajsetega stoletja. Ljubljana, 2002. S. 272.

Культурно-цивилизационные сдвиги после 1989 года на примере словенской и словацкой краткой прозы

Центрально-европейское пространство объединяет схожий исторический, культурный и общественный опыт, поэтому у словенцев и словаков много общего: как народы они заявили о себе с помощью культурной (точнее литературной) идентичности, общим для них является опыт сосуществования внутри многонациональных государственных образований, аналогичный социальный строй после 1945 г. и стремительное изменение политических, государственных, экономических и культурных условий и переход в демократическое и капиталистическое общество после 1989 г.

При переструктурировании общества литература, как и культура в целом, потеряла свой привилегированный статус, оказавшись на периферии общественного внимания, художники (поэты. – Ш.С.-Ш.) посвящают себя главным образом литературным вопросам¹. Однако это не означает, что литература не является больше документом времени, в нее как генетический материал проникает состояние духа общества. Взаимоотношения между действительностью и миром художественного вымысла все так же противоречивы и актуальны – литература, предлагая свою интерпретацию реальности, выявляет как отличие в понимании мира и себя в нем, так и совпадение наблюдаемого и внутренних переживаний². С этой точки зрения интересно, как литературные тексты отражают новые культурно-цивилизационные отношения.

В словацкой и словенской краткой прозе общественный контекст 1990-х годов отражается опосредованно, фрагментарно, не запрограммированно. Можно констатировать уход от больших общественных тем в мир повседневной интимности, но при этом очевидно столкновение с реальностью общественных перемен. В произведениях появляются наблюдения, фиксирующие различия между прошлым и настоящим, представлена критическая или ироническая реконструкция истории, отражены идеологические перемены, влекущие за собой новые этические проблемы. Этот вектор представляют словацкие авторы В. Балла, Т. Хорват и словенские прозаики А. Блатник, Я. Вирк, А. Морович. У последнего, к примеру, уже в начале 1990-х годов персонажи – космополиты, вдохновленные мультикультурным разнообразием, вместо обращения к национальному прошлому они заняты поисками культурной и половой идентичности. Литературный мир еще одного словенского писателя Д. Янчара более сложен: его главная те-

ма – неподвластная пониманию судьба, подчиненная «большой» истории, детерминирующая человека, – изменяется в направлении «маленькой», бытовой личной истории. Здесь следует также отметить прозу П. Великовского, который с помощью персифляции, иронии и гротеска интеллигентно высмеивает социализм, ограниченность индивидуума и литературу как зеркало своего времени. Эта линия очень продуктивна, ей следуют некоторые словацкие авторы младшего поколения (И. Отченаш, Д. Тарагель, П. Пиштянек). Используя названные приемы, они с легкостью играют с историей, отражая переход от одной идеологии к другой, и в то же время заново ставят вопрос о роли национальной литературы, полемизируют с литературной традицией. Кажется, что знаковым свойством большинства их литературных текстов является оборонительная дистанция (сознательная неаутентичность), проявляющая себя в иронии, иллюзии, пародии гротеске.

В качестве доказательств мы выбрали несколько примеров краткой прозы двух представителей одного поколения, родившихся около 1960 г., которые вступают в литературу в 1980-е годы. Это Андрей Блатник: сборники рассказов «Замены кож» («Menjave kož», 1990) и «Закон желания» («Zakon želje», 2000) и Петер Пиштянек: сборник новелл «Молодой Дону» («Mladý Dónč», 1993)*. Сравнение основано на идее диаметральной противоположности двух авторских подходов: один отличается интеллектуализмом, второй создает впечатление наивной самобытности. В то же время налицо общая релевантная точка – способ отражения внелитературной действительности через нарративную стратегию. Речь идет об отношении рассказчика к объекту, читателю и саморефлексии³.

У словенского автора соотношение общественного и личного дается на основе частной истории, сознательно «встроенной» в универсальный мир. Рассказ «Царапины на спине» («Praske na hrbtu», 1990) представляет современного интеллектуала в урбанистической среде. Главный герой Роман, скучающий холостяк, не пользующийся успехом у противоположного пола, живет в двух измерениях: в мире ежедневной бытовой рутины с ее предписанными нормами, ответственностью и комфортом, и за его пределами, погружаясь в свободу путешествий, музыки и кино. По стечению обстоятельств он остается без работы и тут встречает женщину. Автор поднимает ряд универсальных дихотомических проблем: свое – чужое, природа – цивилизация, индивидуум – пара, маска – реальный образ: «...без косметики женщины казались более естественными. Более похожими на то, чего не было в моем офисе, где мы моделировали какие-то изуродованные города, и в поисках чего я отправлялся в самые дальние уголки мира». Однако за неуверенным в себе неудачником, каким на первый

* В антологии «Современная словенская проза, поэзия, драма» (Люблина, 2001) на русский язык переведен рассказ Блатника «Влажные стены» (из сборника «Замены кож»). В книге «Венская мозаика II часть» (антология словацкой новеллы второй половины XX – начала XXI вв. М., 2009) опубликован отрывок новеллы Пиштянека.

взгляд кажется герой, скрывается скептический интеллект, который, общаясь с другими людьми, заново поднимает фундаментальные вопросы бытия. Он приходит к выводу, что мир понятен лишь до некоторой степени, с определенного момента он становится для героя парадоксальным, мир невозможно подчинить строгим правилам, которые человек в обществе (в том числе и Роман) вынужден принимать. Осознавая это, герой признает ограниченность личности, но в то же время дает ей возможность выбора в принятии собственного решения. Он не пытается изменить окружающую действительность, а лишь пытается жить в ней. Автор с иронией показывает стремление современников вернуться к первоначальному, естественному образу жизни без благ цивилизации во вновь установленном контакте с природой.

Эту позицию отстаивает коллега героя Петер, решивший оставить устроенную жизнь и службу и начать все заново в заброшенном доме в богом забытом крае. Этот герой увлечен восточной философией, он слегка визионер, недаром он говорит Роману: «Посмотри на себя, парень. Город тебя разъедает. Жрешь какие-то лекарства. Это добром не кончится. Был бы ты умным, пошел бы со мной. Советую, пойдем. Все будет легче». Петеру лишь наполовину удастся реализовать свой план: для духовного совершенствования необходимы деньги, поэтому он вынужден приспособляться: работать и зависеть от города. Его жену в качестве компенсации за потерю службы и принимает у себя Роман. Автор с насмешкой наблюдает за этими тщетными поисками смысла текущей жизни: «Было еще хуже, чем я думал. Парень, видимо, слишком углубился в восточную литературу, которую я время от времени замечал на его столе, – и быстро отводил взгляд». Блатник полагает, что бежать от реальности бессмысленно, человек должен принимать всю очевидность жизни здесь и сейчас.

Два других рассказа лишь на первый взгляд повествуют об исторической, коллективной памяти. Названия «День, когда умер Тито» («Dan, ko je umrl Tito») и «День провозглашения независимости» («Dan osamosvojitve») эксплицитно предсказывают сюжеты, основанные на материале новейшей национальной истории. «День, когда умер Тито» – детское воспоминание об эпизоде недавней истории СФРЮ, в котором вопреки ожиданиям важно не само событие, а атмосфера происходившего: безмятежность теплого воскресного дня с играющими на улице детьми сменяется мрачным предчувствием маленького героя («как только я услышал, какую они крутят музыку, я все понял»). Мальчик жует хлеб, смотрит телевизор, его вызывают в школу, он со страхом туда идет, его отправляют домой, на улицах тишина, вернувшись, он ложится в постель и смотрит в потолок. И произошедшее, и его последствия мальчику непонятны: «Они что-то там делали без меня; что это было, я и сегодня не знаю». Рассказ о смерти Тито расходитсся со стереотипным официальным восприятием истории, она показана через призму настроения, которое, с одной стороны, по-детски наивно, с другой – рефлексивно.

В рассказе «День провозглашения независимости» ребенок излагает историю, рассказанную ему отцом. Согласно семейному преданию, родители зачали его в день празднования государственной независимости и всеобщей эйфории. В произведении есть несколько сцен, вызывающих чувство ужаса и дискомфорта, например, эпизод с бездомной, которая и в этот судьбоносный для нации день, какого «еще не было и никогда больше не будет», несчастна и обездолена. Подтекст описываемого достаточно прозрачен: возникновение и провозглашение независимого государства сопоставлено с зачатием ребенка (человек – государство), независимость – это ощущение безграничной эйфории, подобное сексуальным ощущениям, социально уязвимые и в момент ключевых исторических событий остаются обделенными. Миг богоявления в конце рассказа не просто ироничен, но и акцентирован: история родителей становится семейным мифом, который ребенок будет вынужден выслушивать всю свою жизнь: «Ты войдешь в мою жизнь, будешь в ней, и мне потребуется много времени, чтобы постараться ее понять». Истории отцов, передающиеся из рода в род, могут быть до конца не пережитыми и все еще травмировать, находиться в конфронтации с личным и историческим опытом. Для обоих рассказов общим является прием детской перспективы, в интерпретации автора не по-детски серьезной. Если в первом настроение создается через создание атмосферы времени (в целом некомфортной для героя), то во втором сделан акцент на соотношении коллективной и личной памяти. Благодаря субъективной рефлексии автор остается верен своей личной истории.

Проза Блатника, для которой характерен универсальный поэтический код⁴, по нашему мнению, свидетельствует о положении современного человека в мире: он детерминирован своей свободой, которая приводит его к несчастью, его мировоззренческие позиции невняты, заново поставленные экзистенциальные вопросы остаются открытыми. Они не обозначены национально-специфической, словенской принадлежностью, поэтому субъективный взгляд автора на личную историю универсален, действителен для всех. Проза Блатника представляет и иной взгляд на отношение личного и общественного, национального и универсального. Не случайно названием рассказа «День, когда умер Тито» («The Day Tito Died») озаглавлена антология современной словенской краткой прозы на английском языке (Лондон, 1990), это же название («Der Tag, an dem Tito starb») дано немецкому переводу сборника «Замены кож», при выходе испанского перевода рецензии выделяют только этот рассказ. Из этого автор делает вывод, что отзывы и ожидания редакторов, критиков, читателей зависят от культурной среды⁵. Если американское, немецкое или испанское восприятие литературы Блатника распознает в первую очередь посткоммунистические, восточно-европейские или «экс-югославские» черты, то хорватские и чешские оценки намного ближе словенской рецепции. Выделение политической коннотации, специфических общественных тем понятно: на глобальном книжном рынке словенское пространство ввиду отсутствия на-

циональной специфики попадает в более широкий контекст – Балканы, Центральная Европа, просто Европа.

Словацкая новелла Петра Пиштянека «Музыка» («Muzika», 1993) имеет узнаваемые ориентиры: провинциальная среда на окраине Братиславы в 1970-е годы XX в. в социалистической Чехословакии. Главный герой, музыкант Мартин, живет с постоянным чувством неудовлетворенности своим семейным, служебным и финансовым положением. От повседневной рутины он спасается игрой на саксофоне (впоследствии это станет его профессией) и любовными утехами с деревенской проституткой – глупой Анчи. Банальные бытовые сцены подаются в живых разговорных фразах, что создает впечатление аутентичности, непосредственности повествования. Дух времени пластично отображают фрагменты супружеской жизни, которые переплетаются с деталями и событиями узнаваемой общественной жизни периода нормализации внутри тоталитарной Чехословакии⁶. Это и необходимое вступление в партию всего состава ансамбля, в котором играет Мартин, пафосная кантата в честь празднования победного февраля 1948 г., проверка знаний по национальной истории на аудиенции перед записью пластинки, зарубежные гастроли музыкантов, печально закончившееся на болгарском побережье.

Сюжет построен на постоянном поддержании установленных социальных представлений и стереотипов: любовница похотлива, жена непривлекательна и недовольна мужем, мужчина – мачо, жизнь – деньги, свое – хорошо, чужое – плохо, традиция – да, перемены – нет. Подобный авторский жест утверждения черно-белых коннотаций на поверхности действует просто, убедительно, однозначно, подкрепляет его живость языка. В подтексте этот аутентичный и хорошо узнаваемый мир приобретает ироничный, пародийный, даже гротескный образ. «Мартин не узнает больше своей жены. Ее лицо опухло, на нем он распознает дикие черты. Тело все больше заплывает жиром. Все больше гнилых зубов. В тренировочных штанах и переднике она и правда не выглядит привлекательно. Мартину все равно, у него есть любовница». Вопреки своей на вид самоуверенной позиции герой не выделяется на фоне остального общества, это ограниченный, посредственный неудачник, у которого, за что бы он в жизни ни взялся, ничего не получается. Его фигура становится трагичной из-за своей одномерности, ограниченности, неспособности к авторефлексии и критическому мышлению. Мир для героя неизменен, поэтому его желание новых впечатлений поверхностно. Свою ограниченность, близкую к наивности, Мартин прикрывает самообманом, поэтому и судьбу свою не воспринимает как трагичную. Более того, поскольку он не способен ни на сопереживание, ни на любовь к ближнему, он остается безразличным ко всему, неспособен измениться.

Бесспорное достоинство прозы Пиштянека в соединении внешней прямолинейности и сложности подтекста, на разных уровнях читатель сталкивается с контрастами и парадоксами. Кажется, что мир этой краткой

прозы прост и однозначен: преобладают темы повседневной жизни в конкретном реальном пространстве и времени. Поверхностно изображенные герои интеллектуально и чувственно ограничены, поэтому вызывают как насмешку, так и сопереживание. И лишь после повторного прочтения на первый план выходит ироничный и пародийный подтекст повествования.

Культурно-цивилизационные сдвиги в названных рассказах проявляют себя опосредованно, с их помощью оба автора изображают универсальную картину мира и человека в нем. У Блатника речь идет об интеллектуале в современном урбанистическом обществе, который осознает свою личную и социальную ограниченность, поэтому делает попытки не только выживать, но и сопереживать. Пиштянек при помощи яркой конкретизации пространства и времени показывает бессмысленность и парадоксальность любой общественной системы, в которой обычный обыватель функционирует как прагматик, далекий от идеологии. Обоих неудачников, одного, способного на саморефлексию, и второго, находящегося в плену иллюзий, объединяет повествовательная дистанция. Через авторскую самоиронию выражается недоверие к самой возможности аутентичного изображения и переживания мира.

Перевод А. Красовец

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Novak Popov I.* Sodobna slovenska poezija. Svetovni dnevi slovenske književnosti. Ljubljana, 2009. S. 9.

² *Režná M.* Literárna súťaž Poviedka (1996–2005). Priemet súčasných civilizačno-kultúrnych trendov do slovenskej literatúry. Nitra, 2008. S. 93.

³ *Štuhec M.* Naratologija: med teorijo in prakso. Ljubljana, 2000. S. 33.

⁴ *Samide I.* Slovenska kratka proza v nemških prevodih ali ko Zakon želje postane Zakon praznine. Slovenska kratka pripovedna proza. Ljubljana, 2006. S. 526.

⁵ *Blatnik A.* Kratka zgodba zapušča dom. Slovenska kratka pripovedna proza. Ljubljana, 2006. S. 539.

⁶ *Rédey Z.* Subverzia kánonu slovenskej prózy v novele Petra Pišťaneka Mladý Dôňč. Nitra, 2007. S. 138.

Тоне Павчек (1928–2011)* и Анна Ахматова

Один из выдающихся словенских поэтов второй половины XX в., переводчик, эссеист, автор книг для детей Тоне Павчек родился в 1928 г. в Нижней Крайне, том благодатном крае Словении, где много солнца и света и виноградная лоза щедро дарит людям свое тепло и веселье, делая их дружелюбнее, общительнее и радушнее. Его жизненная энергия, жажда нового, умение радоваться каждому дню, любовь к крестьянскому труду – отсюда, из отчих мест. Юрист по образованию, Павчек проявил себя как человек разносторонних дарований и активной гражданской позиции – был журналистом, работал на радио и телевидении, руководил театром, издательством, республиканским союзом писателей, был избран академиком Словенской академии наук и искусств. В его судьбе нашли отражение основные вехи новейшей словенской истории: родился в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, большую часть жизни прожил в социалистической Югославии, в конце 1980-х в рядах демократической интеллигенции боролся за национальную государственность, после провозглашения независимости Словении активно содействовал укреплению ее позиций на международной арене в качестве посла доброй воли ЮНИСЕФ. Стремление сказать в стихах правду о времени и о себе, присущее Павчеку, во многом определило вектор развития современной поэзии Словении. И хотя неоромантическая приподнятость ранней лирики с годами сменилась горьким осмыслением вечных противоречий человека и окружающей его реальности, главным для поэта остается ощущение полноты и гармонии бытия, которое он стремится воплотить в слове.

Творческий путь поэта начался со сборника 1953 г. «Стихи четырех», где молодые авторы – Каetan Кович, Янез Менарт, Цирил Злобец и Тоне Павчек, протестуя против политически ангажированного упрощенного стиха, обратились к мыслям и чувствам современников. Между этим сборником и последней книгой Павчека «Стихи с подковыркой» (2006) – более полувека и свыше десятка поэтических сборников, многие из которых отмечены престижными литературными премиями. Большой интерес у читателей вызвала книга автобиографических эссе «Время души, время тела» (1 часть – 1994, 2 часть – 1997), в которой автор рассказывает о важнейших встречах своей жизни.

* Этот альманах уже был подготовлен к печати, когда из Любляны пришло скорбное известие о кончине поэта Тоне Павчека. Он ушел из жизни 21 октября 2011 г.

Такое творческое долголетие – следствие не только большого таланта, но и постоянного поиска, самосовершенствования, тяги к эксперименту. Одним из главных ориентиров на этом пути стала для Павчека русская поэзия, блестящим переводчиком которой он себя зарекомендовал. В его переводах в престижной серии «Лирика» вышли сборники В. Маяковского (1972), А. Блока (1978), С. Есенина (1984), А. Ахматовой (1989), Б. Пастернака (1991), М. Цветаевой (1993), Н. Заболоцкого (1997); совместно с Д. Байтом им была составлена антология русской поэзии XX в. (1990). В антологии мировой поэзии «Песня Орфея» (1998), где словенские поэты разных поколений представляли видение поэтической картины мира через десять «своих» стихотворений, Павчек единственный, кто отдал безоговорочное предпочтение русской музе – шесть стихотворений из десяти. Он объяснил свой выбор так: «Почти всю жизнь я прожил с русской поэзией... Общение с Блоком, Есениным, Пастернаком, Ахматовой, Цветаевой ... подарило мне состояние влюбленности в силу и красоту стиха, дало убежденность в абсолютной суверенности стихотворчества и безграничной преданности музе и жизни...»¹. Об искренней привязанности словенского поэта к русской культуре говорит и его активное в прошлом сотрудничество с издательством «Художественная литература»: лучшие книги словенской поэзии на русском языке – «Лирика» Ф. Прешерна (1987) и антология «Поэзия Словении. XX век» (1989) – вышли с блестящими предисловиями Павчека. Одним из любимых русских авторов на протяжении всей творческой биографии Павчека остается Анна Ахматова.

Первые переводы Ахматовой на словенский язык появились в периодической печати в начале 1960-х годов, еще при ее жизни. В это время интерес к ахматовскому творчеству в Словении оказался связан, с одной стороны, с общими тенденциями национального литературного процесса, его демократизацией, готовностью литературы воспринимать и творчески перерабатывать разнообразный художественный опыт извне, с другой – с ситуацией, сложившейся вокруг Ахматовой в СССР. Последнее десятилетие жизни и творчества Ахматовой стало периодом постепенного возвращения ее к советскому читателю и одновременно нового творческого подъема. В это время завершена «Поэма без героя», написаны лирические циклы «Шиповник цветет» и «Полночные стихи», ряд литературоведческих работ. Начиная с 1957 г., когда выходит в свет «Антология русской советской поэзии. 1917–1957», куда вошли двадцать два стихотворения Ахматовой, ее произведения вновь печатаются в крупнейших литературных журналах СССР: «Москва» (№ 7, 1959, № 7, 1960), «Новый мир» (№ 1, 1960), «Нева» (№ 3, 1960), «Наш современник» (№ 3, 1960, № 6, 1961) «Звезда» (№ 2, 1962) и т.д. В пятом номере журнала «Вопросы литературы» за 1962 г. помещена статья В. Огнева «Семь ли цветов в радуге? (Заметки о поэзии 1961 года)», где впервые имя Ахматовой звучит в ежегодных обзорах современной советской поэзии. После долгого перерыва выходят два сборника Ахматовой – «Стихотворения» (1958) и «Стихотворения (1900–1960)» (1961). Первый, основательно вычищенный его редактором А. Сурковым,

сама Ахматова назовет «обломками»², второй же, выпущенный в престижной серии «Библиотека советской поэзии», говорит о некотором изменении общественного статуса автора. Эти книги будут потихоньку «просачиваться» за границу. По одной из версий, сборник 1958 г., на основании которого была подготовлена первая словенская подборка Ахматовой, попал в СФРЮ благодаря Б. Слуцкому, большому другу югославских писателей. Некоторые советские журналы начинают в это время распространяться за рубежом, и стихи Ахматовой оказываются в поле зрения иностранных читателей.

Первая ахматовская публикация в Словении состоялась в 1961 г. В люблянском молодежном журнале «Млада пота» («Mlada pota») появилось девять ее стихотворений. Автором подборки, переводов и предисловия выступил Павчек. В предисловии «Стихотворения Анны Андреевны Ахматовой» он дает краткий очерк ахматовского творческого пути, отметив связь поэтессы с творческой школой акмеистов, перечисляет поэтические сборники (правда, не все), кратко упоминает о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» от 14 августа 1946 г. и подчеркивает, что сейчас поэзия Ахматовой оказалась вновь востребована на родине. Стремясь дать представление о масштабе лирического дарования Ахматовой, переводчик, на наш взгляд, несколько упрощенно сравнивает ее с Есениным, Пастернаком и Пушкиным. «Что-то сродни пушкинскому, классическому есть в поэзии Анны Ахматовой последних двух десятилетий: простота, непосредственность, гармония переживания и выражения, музыкальность стиха и рациональность при выборе образов и слов»³, – пишет он в кратком предисловии.

В подборку вошли два стихотворения периода «Белой стаи», два из сборника «Anno Domini MCMXXI», оставшиеся пять относятся к послевоенному периоду творчества. Несмотря на то, что в публикации делается попытка представить словенскому читателю и молодую Ахматову, и Ахматову середины XX в., в творчестве которой, по ее собственному определению, «появляется острое ощущение истории»⁴, представленная подборка знакомит, прежде всего, с «лирической» Ахматовой, женщиной-поэтом «на границе личных признаний, на границе безответной откровенности» (Б. Эйхенбаум)⁵. Стихотворения сгруппированы по тематическому принципу, без указания даты создания, расположены не в хронологическом порядке, вне поля зрения остался практически весь историко-биографический подтекст, без которого смысловая полнота ахматовской лирики пропадает. Создается впечатление, что при отборе Павчек руководствовался больше внешней стороной, красотой и звучанием стиха, нежели его смыслом, а значит и историей создания, контекстом. Очевиден явный недостаток у переводчика информации как о творчестве поэта в целом, так и о самом представленном стихотворном ряде. Опираясь на доступное ему советское издание, «причесанное» издательством, он не имел возможности передать скрытый информационный и эмоциональный потенциал произведений, в этом смысле первая словенская публикация Ахматовой существенно обеднена. Пав-

чек явно не знал, что более половины отобранных им стихотворений имели посвящения и были связаны с конкретными эпизодами жизни поэтессы.

Через два года словенский поэт лично познакомился с Ахматовой и показал ей свои переводы. Зимой 1963 г. Павчек был приглашен в СССР по линии Союза писателей, побывал в Москве и Ленинграде, где произошло знакомство с И. Бродским*, т.е. можно сказать, что поездка оказалась весьма плодотворной. В Москве в середине февраля состоялась его встреча с Ахматовой. Установить, по какому конкретно из московских ахматовских адресов это произошло, не удалось. Согласно «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой», ее московскими хозяевами в январе-феврале 1963 г. были М. Петровых, Н. Глен, Ардовы, М. Алигер⁶. Они могли встретиться у Н.Н. Глен, которая часто знакомила Анну Андреевну со славянскими авторами, или у Ардовых на Большой Ордынке. В пользу последнего свидетельствует О.Д. Кутасова, в то время старший редактор издательства «Художественная литература», которая опекала словенского поэта в Москве. Сам Павчек запомнил название своей гостиницы – «Пекин», куда он за полночь возвращался из гостей на метро. По горячим следам он записал свои впечатления от облика и манеры поведения Ахматовой и схему их беседы. В памяти сохранились «аристократическое лицо с высоким лбом и ... выразительностью черт» и «глубокий голос с характерной русской напевной интонацией»⁷. Общение Ахматова начала со стихотворения «Последняя роза» с эпиграфом из Бродского, которое прочитала по памяти:

Вы напишете о нас наискосок

И.Б.

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

Потом спросила, знает ли он, кто такая Морозова и видел ли в Третьяковской галерее картину Сурикова. Павчек попросил текст для перевода, она ответила, что стихотворение не опубликовано. По правде говоря, на тот момент первый номер «Нового мира» за 1963 г. с новой публикацией «Анна Ахматова. Из новых стихов»: «Родная земля», «Последняя роза» (с эпиграфом), «Два четверостишия» («Ржавеет золото и истлевает сталь...») и «О своем я уже не заплачу...»), «Царскосельская ода» уже был подписан в печать. Затем они беседовали о Фальке, картины которого экспонировала-

* См. об этом подробнее: Павчек Т. Ленинградская встреча с Бродским. Эссе // Иностранная литература. 2008, № 6. С.125–130.

лись тогда в Манеже на известной по выходке Хрущева по отношению к Э. Неизвестному выставке современного искусства, о Пастернаке и Мандельштаме. Пастернака Павчек уже пытался переводить, написал о нем некролог. Ахматова удивилась, что в Словении не знают Мандельштама. Павчек, который очень хотел перевести и его, тут же спросил ее, где в Москве можно достать мандельштамовские стихи, на что Ахматова с лукавой улыбкой ответила: «Антон Антонович*, святая простота, чего спрашивать, надо наклониться и поднять – вся Москва завалена стихами Мандельштама»⁸. Но сама стихов не дала. По просьбе поэтессы Павчек читал свои, первые на словенском языке, переводы ее произведений. Ахматовой понравилось звучание языка, она оценила точность рифмовки. Потом попросила почитать кого-нибудь из словенских классиков и с интересом слушала сонеты Ф.Прешерна. Она была бегло знакома со словенской поэзией XIX в., переводила по подстрочникам Ф. Левстика и С. Енко.

Можно смело утверждать, что личная встреча с Ахматовой, человеком, который, по словам И. Бродского, «одной интонацией своей тебя преображает»⁹, окончательно определила вектор интересов словенского поэта – всю свою последующую переводческую деятельность он связал с русской поэзией. Практически все переводы Ахматовой на словенский язык сделаны Павчеком.

Воспоминания о встрече с Ахматовой Павчек включил в первое отдельное книжное издание ее поэзии «Анна Ахматова», вышедшее в Словении к 100-летию со дня рождения поэтессы в 1989 г. в престижной серии «Лирика». Эта серия на протяжении сорока лет знакомит читательскую аудиторию с шедеврами мировой поэзии (в том же году вышли Малларме и Уитмен). Сборник «Анна Ахматова» 1989 г. до сих пор можно считать самым репрезентативным изданием поэтессы в Словении (восемьдесят восемь стихотворений из семи сборников). Отдельные стихотворения из этого сборника в том же году публиковались в нескольких центральных литературных журналах («Наши разгледи», «Наша содобност»¹⁰). В юбилейном сборнике Павчек выступает как составитель, переводчик и автор литературной статьи об Ахматовой, только два текста – «Муза» и «Творчество» (1936) – даны в переводе К. Ковича. В книгу вошли стихотворения из московского издания «Избранное» 1987 г., на что указано в примечаниях. В «Записках об Анне Ахматовой», входящих в сборник, Павчек подробно рассказывает о личной судьбе и творческом пути поэтессы, дает краткий очерк истории русского акмеизма, упоминая других поэтов-современников и друзей Ахматовой (Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака). Эмоциональную окраску придают тексту и мемуарные записи о встрече 1963 г., в них создается живой образ женщины-поэта и передается то впечатление, которое она произвела на автора.

В 1990-е годы стихотворения Ахматовой в Словении находят свое место в двух новых изданиях – «Антологии русской поэзии XX века» (1990)

* Словенское имя Тоне соответствует русскому Антон, отца Павчека тоже звали Тоне, т.е. Антон Антонович – русифицированный вариант его имени.

и антологии мировой поэзии «Песнь Орфея» (1998). «Антология русской поэзии XX века» с прекрасным предисловием Д. Самойлова появилась благодаря усилиям Павчека, выступившего в качестве автора подборки, редактора и основного переводчика, а также его коллеги Д. Байта и профессора Люблянского университета А. Сказы, написавшего краткие биографические справки о поэтах. В книгу включены стихотворения сорока семи выдающихся русских авторов XX века от В. Соловьева до И. Бродского.

Отдельного внимания заслуживает вторая антология, которая составлена из стихотворений, выбранных современными словенскими авторами из всего многообразия мировой лирики. Один из участников проекта Й. Сной удачно назвал его «групповым снимком с госпожой Поэзией»¹¹. В число составителей антологии вошли тридцать два на тот момент действующих словенских поэта, представляющие весь «срез» современной словенской поэзии: от участника Второй мировой войны Ивана Минатти (р. 1924) до представителя пост-постмодернистской генерации Алеша Штегера (р. 1973). Перед каждым из них была поставлена задача из всей глыбы мировой лирической поэзии отобрать десять «своих» стихотворений и в кратком эссе аргументировать принятое решение. При этом поэты имели право работать и с оригиналами, и со словенскими переводами и не были обязаны выступать переводчиками выбранных текстов. Такой подход, по мысли составителей, давал представление о том, какие произведения мировой поэзии «прижились» на словенской почве, оставили свой след в сознании и культуре словенцев. В итоге в книгу, объемом свыше семисот страниц, вошло двести восемьдесят девять стихотворений ста тридцати семи авторов, начиная с Софокла и заканчивая представителем современной испанской поэзии, ныне здравствующим Хусто Хорхе Падрном (род. 1943). Более половины книги составляют стихотворения авторов XX в. Тон задают французская, английская и русская поэзия (при этом самым предпочтительным для словенцев автором оказался Р.М. Рильке – его переводы встречаются в книге восемнадцать раз). Формально на первом месте французы – восемнадцать имен (Шенье, Верлен, Рембо, Бодлер, Малларме, Элюар и др.), второе место у английских поэтов – тринадцать авторов (Блейк, Уитмен, Китс, Донн и др.). Русская муза – третья, представлена в книге стихами А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Кольцова, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Хлебникова, С. Есенина, В. Маяковского, Б. Пастернака, И. Бродского, она безоговорочно лидирует с точки зрения частоты обращения. Двадцать участников проекта (более половины) включили в свою «десятку» стихотворения русских поэтов. Самым привлекательным оказался Мандельштам, его стихотворения есть в подборке девяти словенских поэтов, Пушкин только второй, его выбрали семь авторов, но при этом трое из них, знакомых с русской поэзией не понаслышке, – Павчек, Кович и Есих – в качестве лирического эталона мировой литературы представили стихотворение «Я вас любил...». Стихи Ахматовой привлекли пятерых авторов, каждый остановил внима-

ние на одном ее произведении. Четыре стихотворения Ахматовой даны в переводе Павчека, пятое – в переводе Есиха.

В эссе, предваряющем включенную в антологию подборку («Я вас любил...» Пушкина, «Пляска смерти II» Блока, «До свиданья, друг мой, до свиданья» Есенина, «Муза» Ахматовой, «Знаю, умру на заре!» Цветаевой, «Ветер» Пастернака), Павчек подчеркивает значение русской поэзии для его личного человеческого и поэтического становления, поскольку стихи русских поэтов из категории тех, что «открывают тебя...дают новое видение своей темы»¹². Он говорит и о факторе духовной близости автора и поэта-переводчика: перевод создается в поле индивидуального мировосприятия переводчика, выбор произведения, способ его интерпретации и перенесения в другое языковое пространство выявляют этические и эстетические пристрастия переводящего, его опыт, темперамент, вкус, мастерство. Налицо понятие «соизбранности», которое способно фиксировать духовную, порой с трудом поддающуюся объяснению, но явно существующую связь между автором оригинала и автором перевода. Важную роль при принятии решения играет для Павчека и близость проблематики произведений мировой поэтической традиции. Так, в выбранном им ахматовском стихотворении «Муза», за которым стоит вся ее жизнь, воплощается вечная тема предназначения поэта, оно, как и прешерновское «Поэту», говорит о судьбоносной миссии поэзии, для всех культур универсальной¹³.

Последнее достижение в деле популяризации Павчеком творчества Ахматовой в Словении – двуязычный сборник «Анна Ахматова», вышедший в серии «Мастера лирики» (в которой уже опубликованы Петрарка, Шекспир, Верлен, Рильке) в 2004 г. Поэт настоял, чтобы первым русским автором этой знаковой для словенской культуры серии стала А. Ахматова. Составляя книгу, Павчек опирался на сборник 1989 г., однако шестнадцать из семидесяти стихотворений в ней новые. В издание также вошли поэма «Реквием», первая, третья и пятая из «Северных элегий», завершает его статья составителя «Жизнь и творчество Анны Ахматовой». Способ подачи стихотворного текста в словенских книгах этой двуязычной серии отличается от принятого у нас (два параллельных текста) – здесь строки перевода и оригинала чередуются, что накладывает на переводчика еще большую ответственность:

И упало каменное слово
In beseda kamnata je pala
На мою еще живую грудь,
na še žive prsi mi težko.
Ничего, ведь я была готова,
Nič ni, saj sem to pričakovala.
Справлюсь с этим как-нибудь.
Zbotala se s tem bom je kako
(«Реквием» – «Приговор»)

Таким образом, на сегодняшний день, благодаря усилиям Павчека, Ахматова известна в Словении как один из ведущих мировых лириков (в словенских переводах вышли сто двадцать лучших ее стихотворений) и автор едва ли не самого главного произведения XX в., разоблачающего сталинскую эпоху, – «Реквиема». Отрадно, что ее творчество впервые стало предметом исследования литературоведов – в 2003 г. на философском факультете Люблянского университета талантливым русистом Б. Подлесником была защищена докторская диссертация «“Поэма без героя” Анны Ахматовой и традиция русской поэмы от классицизма до XX века». Пока вне поля зрения словенцев остаются остальные ахматовские поэмы, а также художественная и исследовательская проза. Но есть уверенность, что эстафету Павчека подхватят молодые, и творчество Ахматовой в полном объеме станет доступно словенскому читателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Orfejev spev: antologija svetovne poezije v izboru slovenskih pesnikov. Ljubljana, 1998. S. 66.

² Цит по: Эфрон А. О Марине Цветаевой. М., 1989. С. 16.

³ Pavček T. Pesmi Ane Andrejevne Ahmatove // Mlada pota. 1961. № 10. S. 110.

⁴ Анна Ахматова. Сочинения: В 2-х тт. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 1990. Т. I. С. 16.

⁵ Эйхенбаум Б. Об Анне Ахматовой // День поэзии. Л., 1967. С. 169.

⁶ Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М., 2008. С.598–603.

⁷ Pavček T. Zapisi o Ahmatovi // Anna Ahmatova. Lirika. Ljubljana, 1989. S. 131.

⁸ Ibidem. S.133.

⁹ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 223.

¹⁰ Ahmatova Anna. Pesmi. Ob stoletnici rojstva (11.06.1889–05.03.1966) // Naši razgledi. 1989. № 38. S. 11; Ahmatova Anna. Severne elegije // Naša sodobnost, 1989, № 37. S. 5–7.

¹¹ Orfejev spev. S. 192.

¹² Там же. S. 66.

¹³ Там же.

IV. Библиография опубликованных трудов И.В.Чуркиной

Монографии

1. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974.
2. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978.
3. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986.
4. Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995.
5. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М., 2011.

Статьи, разделы в коллективных трудах, рецензии

1960-е годы

1. Горная промышленность Словении в XVI в. // Ученые записки Института славяноведения (УЗИС) Т. 20. М., 1960.
2. Некоторые черты экономического развития словенских земель // Средние века. Вып. 19. М., 1961.
3. Из истории словенского города конца XV – начала XVII вв. // УЗИС. Т. 25. М., 1962.
4. Глава 3. Словенские земли VII–XII вв. // История Югославии. Т. I. М., 1963.
5. Глава 13. Словенские земли XII–XV вв. // Там же.
6. Глава 20. Словенские земли XVI–XVIII вв. // Там же.
7. Глава 27. Словенские земли в первой половине XIX в. // Там же.
8. рец. на: Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Zv. I–V. Ljubljana, 1954–1961. // Вопросы истории. 1963. № 9.
9. Публикация документов по истории Любляны // Славянский архив. М., 1963.
10. Развитие промышленности и торговли в Словении в XVI в. // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965.
11. рец. на: Grafenauer B. Kmečki upori na Slovenskem. Ljubljana, 1962. // Советское славяноведение. 1965. № 1.
12. Югославянские стипендиаты Славянского учительского института в Петербурге (1866–1882) // Славянское возрождение. М., 1966.
13. Развитие капитализма в словенской промышленности (вторая половина XVIII – середина XIX вв. // УЗИС. Т. 30. 1966.
14. О публикации документов по истории Любляны // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967.

15. О некоторых особенностях формирования словенской нации // Советское славяноведение. 1968. № 2.
16. Davorin Hostnik // Zgodovinski časopis. 1968.
17. рец. на: Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana. 1968. // Советское славяноведение. 1968. № 1.
18. рец. на: Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. 1792–1918. Ljubljana, 1966. // Советское славяноведение. 1968. № 5.
19. Семинар словенского языка, литературы и культуры // Советское славяноведение. 1968. № 3. (в соавторстве с Л.В. Чуркиной).
20. Политическая программа Мати Маяра в 1848 году. // Советское славяноведение. 1969. № 5.
21. Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50–70 годы XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969.
22. рец. на: Лециловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального возрождения. М., 1968. // Советское славяноведение. 1969. № 5.

1970-е годы

23. Просветительская деятельность Маяра в 40-е гг. XIX в. // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М. 1970.
24. рец. на: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. // Новая и новейшая история. 1971. № 2 (соавторстве с Т.М. Исламовым).
25. Исследования С.А. Никитина в области русско-славянских отношений в 50–70-х годах XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. (в соавторстве с В.И. Фрейдзоном).
26. Матица Словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия. М., 1972.
27. Два поколения словенских либералов и их отношение к России (50–70-е годы XIX в.) // Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
28. Ф. Левстик – вождь левого крыла младословенцев // Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.
29. рец. на: Britovšek M. Föster in revolucija 1848 v Avstriji // Советское славяноведение. 1972. № 3.
30. Милко Кос. Некролог. // Советское славяноведение. 1972. № 6
31. Общественные, научные и культурные связи славян Австрийской монархии и России в 60-е гг. XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Международный съезд славистов. М., 1973.
32. рец. на: Tanty M. Panslawizm, carat, polacy. Warszawa // Советское славяноведение. 1973. № 5.
33. Архив Раевского как источник по истории связей славистов России и Австрии // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. (в соавторстве с В. Матулой).

34. К вопросу о культурно-национальной автономии // Советское славяноведение. 1975. № 4.
35. рец. на: Випотник Я. Баллада о Ковачице // Современная художественная литература за рубежом. 1975. № 2.
36. рец. на: Габрович Н. Звездная пыль // Современная художественная литература за рубежом. 1976. № 4.
37. Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
38. Освещение Октябрьской революции в работах Б.Зихерла и Д.Кермавнера // Советское славяноведение. 1977. № 6.
39. рец. на: Зупан В. Менуэт для гитары // Современная художественная литература за рубежом. 1977. № 3.
40. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и словенская общественность // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878–1978. М., 1978.
41. Е.Копитар и первые русские слависты // Študije z dejin svetovej slavistiky do polovice 19 stor. Bratislava, 1978.
42. Rusko-slovenske družbene zveze k.60 – z.70. l. XIX // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1978. № 4.
43. I.A. Baudouin de Courtenaj in slovinci // Goriški letnik. Gorica, 1977/1978. № 4.
44. Влияние русской общественной мысли на словенские национальные программы в 60-х – начале 70-х годов XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
45. рец. на: Маленшек М. Солнце остановилось // Современная художественная литература за рубежом. 1978. № 6.
46. Osnovne etape v razvoju rusko-slovenskih odnosov v drugi polovici 19 stoletja // Zgodovinski časopis. 1979. № 3.
47. рец. на: Випотник Я. Родная нива. Сорок первый. // Современная художественная литература за рубежом. 1979. № 6.

1980-е годы

48. Югославия. Важнейшие исторические события // Страны и народы. Зарубежная Европа. Восточная Европа. М., 1980.
49. Словенцы // Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. М., 1980.
50. Русско-словенские научные связи в первой половине XIX в. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М. 1981.
51. Национально-политические идеи словенцев в 1848 – начале 70-х годов XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
52. Словенцы // Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.

53. Jezuit G.Gruber v Rusiji // Arhivi. Ljubljana, 1981. № 1–2.
54. рец. на: Стефанович М. Дети солнцу свободы // Современная художественная литература за рубежом. 1981. № 1.
55. Социальная структура Словении в XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
56. Фран Левстик и русские ученые // Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Obdobja 3. Ljubljana, 1982.
57. рец. на: Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы // Новая и новейшая история. 1982. № 3.
58. рец. на: Випотник Я. Ледина // Современная художественная литература за рубежом. 1982. № 3.
59. рец. на: Светина Т. Волчата // Современная художественная литература за рубежом. 1982. № 6.
60. Из истории связей между русскими научными учреждениями и югославянскими матицами // Културно-политички покрети Хабсбургшке монархије. Нови Сад, 1983.
61. Югославянско-русские общественные и культурные связи в 50-е гг. XIX в. // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.
62. Начальный этап развития словенского национального самосознания // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984.
63. Становление национальных идей в словенской художественной культуре // Концепции национальной художественной культуры. М., 1985.
64. Словения // Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1986.
65. М.Ф.Раевский и югославы // Историјски часопис. Београд, 1986.
66. Рец. на: Vidmar J. Obrazi. // Современная художественная литература за рубежом. 1986. № 2.
67. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII–XX вв. Вып. 10. М., 1987.
68. Сергей Александрович Никитин // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
69. Словенская историография // Историография истории южных и западных славянских народов. М. Изд-во МГУ, 1987.
70. Памяти Йозефа Кочи // Новая и новейшая история. 1987. № 2. (в соавторстве с И.И.Удальцовым)
71. Словенская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.
72. F. Rebec – leta življenja v Rusiji // Goriški letnik. 15/16. Nova Gorica, 1988/1999.
73. Сербь Воеводины в революции 1848 г. // Новая и новейшая история. 1988. № 6.
74. И.С.Аксаков и южные славяне // Аксаковские чтения. Абрамцево, 1988.

75. Венгры и южные славяне в 1848 г. // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. История, этнография. М., 1989.

76. Янко Лаврин в России // На рубеже веков. М., 1989.

77. Изучение Ю.И.Венелиным словенской историографии // Ю.И. Венелин і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків. Ужгород, 1989.

1990-е годы

78. Заметки о революции 1848 г в Воеводине // Зборник Матице српске. Нови Сад, 1990.

79. Вук Стефанович Караджич и Михаил Федорович Раевский // Советское славяноведение. 1990. № 2.

80. Словенская культура в эпоху Просвещения // Славяне: адзінства і мнагастайнасць. Минск, 1990.

81. National liberation struggle of the Balkan peoples as a manifestation of the crisis off Ottoman empire in the 19-th century // 17-th international Congress of historical sciences. I. Madrid, 1990 (в соавторстве с И.С.Достян и А.В. Карасевым).

82. рец. на: Moritsch A. Geschichte der Kärnter Slowenen von 1918 bis zur Gegenwart unter Berücksichtigung der gesamt slowenische Geschichte. Klagenfurt (Celovec), 1988. // Вопросы истории. 1990. № 8.

83. Славяне в революции 1848/1849 гг. // XII Всесоюзная конференция историков-славистов. Тезисы. М., 1990.

84. Словенская культура в период романтизма // Становление национальной классики. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 20–70 годы XIX века. М., 1991.

85. Развитие идей государственности в программах политических партий Словении // Балканы в конце XIX – начале XX вв. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991.

86. рец. на: Ivantyšynova T. Česi a Slovace v ideologii ruskyh slavianofilov. Bratislava, 1987 // Советское славяноведение. 1991. № 1.

87. Словенское Возрождение и Россия // Славяноведение. 1992. № 2.

88. С.А. Никитин // Путь ученого. К 90-летию со дня рождения С.А. Никитина. Балканские исследования. Вып. 14. М., 1992 (в соавторстве с Л.В. Гориной).

89. Неизданная книга С.А. Никитина // Путь ученого. М., 1992.

90. Ю.И. Венелин как исследователь истории словенцев // Ю. Гуца-Венелин і слов'янський світ. Ужгород, 1992.

91. В.С. Соловьев и Й.Ю. Штросмайер об объединении церквей // Вопросы истории. 1993. № 6.

92. Рец.на: Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв.: Типология и взаимодействия. М., 1990 // Славяноведение. 1993. № 3.

93. Проблемы создания общеславянского языка. Национально-политический аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. М., 1994.

94. Национально-освободительная борьба балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в. // Революция и реформы на Балканах. М., 1994 (в соавторстве с И.С. Достяном и А.В. Карасевым).

95. Михаил Федорович Раевский и его записки о национальном движении южных славян в 1848-1849 гг. // Революция и реформы на Балканах. М., 1994.

96. Національні програми словенських партій напередодні Першої світової війни // Європейська політика: від регіональних конфліктів до Першої світової війни. Чернівці, 1995.

97. Зарождение либерализма у южных славян // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., 1995.

98. Илия Гарашанин и его отношение к России (1842-1860 гг.) // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.). М., 1995.

99. Переписка И.А. Бодуэна де Куртенэ со словенскими учеными // Переписка славистов как исторический источник. Тверь, 1995.

100. Рец. на: Славянские съезды XIX-XX вв. М., 1994 // Славяноведение. 1995. № 5.

101. Matija Majar Ziljski in Rusija // Matija Majar Ziljski. Zv. 2. Klagenfurt – Ljubljana – Wien. 1995.

102. The correspondence between Jan Baudouin de Courtenay and Watrosław Oblak. By Rado Lenčec. München, 1992 // Славяноведение. 1995. № 1.

103. П.Й. Шафарик и словенцы // Павел Йозеф Шафарик. К 200-летию со дня рождения. М., 1995.

104. Словенская матица // Славянские матицы XIX век. Часть вторая. М., 1996.

105. Jernej Kopitar in Rusija // Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 1996.

106. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны и генерала А.А. Киреева // Славяноведение. 1996. № 4 (в соавторстве с О.В. Соколовской).

107. Rusko-slovenski odnosi // Enciklopedija Slovenije. Zv. 10. Ljubljana, 1996.

108. История Словении // Знакомьтесь, Словения. М., 1996.

109. Иезуиты в России (1772–1820 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10.

110. Памяти академика Бого Графенауера // Славяноведение. 1996. № 2.

111. Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской империи. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов конец XVIII – начало XX вв. М., 1997.

112. Революция 1848–1849 гг. В югославянских землях Австрии // Там же.

113. Становление национальных программ словенцев (1850–1894) // Там же.
114. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны // Там же.
115. Введение // Там же.
116. Заключение // Там же.
117. К вопросу о попытке объединения старокатолической церкви с православной // Церковь в истории славянских народов. Балканские исследования. Вып. 17. М., 1997.
118. Идеи югославизма в Габсбургской монархии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997.
119. Памяти Николы Петровича // Славяноведение. 1998. № 3 (в соавторстве с Л.Я. Гибианским).
120. Словенцы на Всероссийской этнографической выставке в Москве // Славянское движение XIX–XX вв.: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998.
121. Ватрослав Облак и русские ученые // Vatroslav Oblak. Obdobja 17. // Ljubljana, 1998.
122. Вопрос об общеславянском литературном языке (конец XVIII–XIX вв.) // Славянская идея: история и современность. М., 1998.
123. Роль церкви в формировании национального самосознания словенского народа // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999.
124. Предисловие // Там же.
125. Заключение // Там же.
126. Программы культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
127. Davorin Hostnik's journalistic activity // Intelektualci v diaspori. Ljubljana, 1999.
128. Панславистская программа газеты «Словански свет» // Славянский альманах 1998. М., 1999.

2000-е годы

129. Всеславянская модель Матии Маяра Зильского // Славянский альманах 1999. М., 2000.
130. Русско-славянский календарь на 2001. М., 2000 (в соавторстве с М.Ю. Досталь и В.Д. Малюгиным).
131. Борот, Горазд и Хотимир ... // Родина. 2001. № ½.
132. Национальная церковь и формирование южнославянских наций // Вопросы истории. 2001. № 3.
133. Российско-словенские культурные связи // Словения. Путь к самостоятельности. Документы. М., 2001.
134. Русско-славянский календарь на 2002. М., 2001. (в соавторстве с М.Ю. Досталь и В.Д. Малюгиным).

135. Хорваты и сербы в революции 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001.
136. Роль православной церкви в сохранении болгарского и сербского этносов в период османского владычества // Исторический вестник. 2001. № 13–14.
137. Историзм при формировании словенского литературного языка // *Historizma v raziskovanju slovenskega jezika, literature in kulture*. Obdobja 18. Ljubljana, 2002.
138. Национальная церковь на Балканах как факторнациональной консолидации сербов и болгар // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002.
139. И.И. Срезневский и словенцы // И.И.Срезневский и современная славистика: наука и образование. Рязань, 2002.
140. Сербы в Далмации, Герцеговине и Боснии и М.Ф.Раевский (1842–1854) // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002
141. Русско-славянский календарь на 2003 год. М. 2003. (в соавторстве с М.Ю. Досталь и В.Д. Малюгиным).
142. Русско-славянская филология в Тартуском университете // Славяноведение. 2003. № 5.
143. Л. Кошут и южные славяне // Вопросы истории. 2003. № 3.
144. А.С. Будилович // 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. *Slavika Tartuensia*. V. Tartu. 2003.
145. Памяти Ф. Якопина (1921-2002) // Славяноведение. 2003. № 2. (в соавторстве с А.Дерганц и др.).
146. Попытка создания национальной церкви словенцами и хорватами // *Medunarodni slavistični kongres*. 2 del. Ljubljana, 2003.
147. Международная конференция «200 лет русско-славянской филологии в Тарту» // Славяноведение. 2003. № 5 (в соавторстве с М.Ю. Досталь).
148. Русско-славянский календарь на 2004 год. Брянск, 2004 (в соавторстве с М.Ю. Досталь и В.Д. Малюгиным).
149. Памяти академика Тине Логара (1916–2002) // Славяноведение. 2004. № 3. (в соавторстве с Л.В.Куркиной и др.).
150. Даворин Хостник – лингвист, публицист и педагог // Славяноведение. 2004. № 5.
151. Даворин Хостник между Словенией и Россией (российско-словенский симпозиум) // Славяноведение. 2004. № 5. (в соавторстве с Л.В. Куркиной).
152. Международная научная конференция в Прешове «Александр Духнович и наша современность» // Славяноведение. 2004. № 4. (в соавторстве с М.Ю. Досталь).
153. С.А. Никитин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. М., 2004. (в соавторстве с С.И. Данченко).

154. Научная деятельность С.А. Никитина // Профессор С.А. Никитин и его историческая школа. М., 2004. (в соавторстве с С.И. Данченко).
155. Закарпатский просветитель А.В. Духнович // Славяноведение. 2004. № 4.
156. А.В.Духнович и М.Ф.Раевский // Олександр Духнович і наша сучасність. Науковий збірник музею українсько-руської культури у Свиднику. 23. Братислава, 2005.
157. Razvoj slovensko-ruskih odnosov v drugi polovici 19. stoletja // Davorin Hostnik. Мартин Матвеевич Хостник. Šmartno pri Litiji. Ljubljana, 2004.
158. Некоторые особенности славянского Возрождения // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы. М., 2005.
159. Русско-славянский календарь на 2005 год. М., 2005. (в соавторстве с М.Ю. Досталь и В.Д. Малюгиным).
160. Пыпин и словенские ученые // А.Н. Пыпин и проблемы славяноведения. М. – Ставрополь, 2005.
161. Словенская культура // История культур славянских народов в 3-х т. Т. II. М., 2005.
162. Сербы Воеводины. Конец 40-х – начало 50-х гг. XIX в. (по запискам М.Ф.Раевского) // Двести лет новой сербской государственности. М., 2005.
163. Памяти профессора Тоне Ференца (1927–2003) // Славяноведение. 2005. № 5. (в соавторстве с Н.С.Пилько).
164. Несколько слов об авторе «Московских воспоминаний» Романе Кокале // Славянский альманах 2005. М., 2006.
165. Рец. на: В.М.Хевролина. Российский дипломат Николай Павлович Игнатьев // Новая и новейшая история. 2006. № 1.
166. Образование партийно-политической системы в Словении // Человек на Балканах. Государство и его институты; гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.) СПб., 2006.
167. Первые государственные объединения словенцев // Вопросы истории. 2007. № 4.
168. Первые словенские газеты как источник для изучения словенского Возрождения // Славянский мир в социокультурном измерении. Вып. 3. Ставрополь – М. – Минск, 2007.
169. Славистика в Тартуском (Дерптском, Юрьевском) университете (1803–1914) // Славяноведение в России в XIX – XXI вв. М., 2007.
170. Рец.на: Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do savjstojne države. Ljubljana, 2006. // Вопросы истории. 2007. № 8.
171. Славяне на Всероссийской этнографической выставке в Москве // Славянский альманах. 2006. М., 2007.
172. Памяти Елены Михайловны Рудловчак // Славянский альманах. 2006. М., 2007.

173. Винко Клуи – словенский корреспондент «Русской беседы» // Славяноведение. 2008. № 4.

174. Прешерн в России и Словении // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008.

175. Политический и национальный аспекты борьбы католической и протестантской церквей в словенских землях // Церковь в общественной жизни славянских народов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2008.

176. Prvo študijsko potovanje Jana Baudouina de Courtenaya v slovenske dežele (1872–1873) in njegovo znanstvo z Gašperjem Križnikom // Gašper Križnik (1848–1904) in njegov čas. Ljubljana, 2008.

177. Роль национальной церкви в воссоздании государственности у славян (Попытка создания национальной церкви у словенцев и хорватов в XIX – XX вв.) // Религиозный фактор и проблемы национальной идентичности в России и Европе нового и новейшего времени. М., 2008.

178. Й.Ю. Штротмайер и русская общественность: особая роль М.Ф. Раевского и В.С. Соловьева // Lik i djelo Josipa Jurja Strossmayera. Osijek, 2008.

179. Общее и различное в формировании национального самосознания у хорватов и словенцев // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Ставрополь – Пятигорск – М., 2008.

180. Предыстория поездки славян на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (1867). Встречи в С-Петербурге // Славянские формы и проблемы славяноведения. М. – Ставрополь, 2008.

181. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009.

182. Кирилл и Мефодий в словенской традиции // Славянский филологический сборник. Т. 1. М., 2009.

183. История Словении // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2009. № 4.

184. Памяти профессора Марьяна Бритовшека (1923–2008) // Славяноведение. 2009. № 4. (в соавторстве с Л.А. Кирилиной).

185. Академик Василий Мелик (1921–2009) // Славяноведение. 2009. № 5. (в соавторстве с Л.А. Кирилиной)

186. Чехи, Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд // Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009.

187. Словенские русофилы последней трети XIX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010.

188. Этапы развития русско-словенских отношений // Русско-словенские отношения в документах. (XII – 1914 г.) Rusko-slovenski odnosi v dokumentih (12. stol. – 1914). М., 2010.

189. Первые годы деятельности М.Ф.Раевского // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
190. Рец. на: Досталь М.Ю. Как феникс из пепла. Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2010 // Славяноведение. 2010. № 4.
191. Словенские протестанты и формирование словенской идентичности // Reformacija na Slovenskem. (Ob 500-letnici Trubarjeva rojstva). Obdobja 27. Ljubljana, 2010.
192. Григорий Оглар Карбонарий – личный врач Петра I // История и перспективы российско-словенских отношений. Альманах «Slovenica» I. М., 2011.
193. Русские и словенцы на протяжении столетий // История и перспективы ... М., 2011.
194. Журнал «Славянский мир» Янко Лаврина // Янко Лаврин и Россия. М., 2011.
195. С.А.Никитин и его научная школа историков-славистов (К 110-летию со дня рождения) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. (в соавторстве с С.И. Данченко).
196. Пик русофильских настроений у словенских либералов (70–80-е гг. XIX в.) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX вв. М., 2011.
197. Валентин Водник и Ерней Копитар // Южнославянские и балканские народы в международной жизни конца XVIII – начала XX вв. Исторические портреты. Т. 1. М., 2011.
198. Антон Томаж Линхарт // Там же.
199. Матия Маяр // Там же.
200. Фран Левстик (политический портрет) // Там же. Т. 2.
201. Предисловие // История Словении. СПб., 2011.
202. Глава 1. Переселение славян. Карантания. Христианизация. Нижняя Паннония. Потеря независимости. // Там же.
203. Глава 2. Эпоха забвения. Под властью немецких феодальных родов (10–15 вв.). // Там же.
204. Глава 3. На переломе. Реформация. Крестьянское движение (конец 15 – начало 17 вв.). // Там же.
205. Глава 4. Контрреформация. Начало собирания сил. (17 – середине 18 вв.). // Там же.
206. Глава 5. Словенское Возрождение. // Там же.
207. Глава 7. Модернизация словенской экономики. Завершение формирования словенской нации. // Там же.
208. Словенские историки послевоенного периода // Славяноведение. 2011. № 6.
209. Южные славяне на Этнографической выставке и Славянском съезде в 1867 г. // Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы // СПб. 2011.

Публикации

1. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40-80 годы XIX века. М., 1975. (составитель, комментатор документов)
2. Југословени и Русија. Документи из архива М.Ф.Рајевског. 40–80. година XIX века. Т. 2. Књ. 1. Београд, 1989. (составитель, член редколлегии, комментатор документов).
3. Словения. Путь к самостоятельности. М., 2001. (зам.отв. редактора).
4. Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). Rusko-slovenski odnosi v dokumentih (12. stol. – 1914.) М., 2010. (отв. редактор, составитель, комментатор документов).

Научное издание

SLOVENICA II

**Славянский межкультурный диалог
в восприятии русских и словенцев**

К юбилею И.В. Чуркиной

Ответственные редакторы
С.И. Данченко, Н.Н. Старикова

Подписано в печать 24.12.2011
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печ. л. 20,75
Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23

Альманах Slovenica (выходит в ИСл РАН с 2010 г.) – первое в России научное периодическое издание, в котором в рамках сотрудничества ученых России и Словении на русском языке публикуются материалы актуальных двусторонних научных проектов. В основе данного, второго по счету выпуска, посвященного юбилею известного российского историка И.В. Чуркиной, материалы международной научной конференции «Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев» (Москва, март 2009). Представляет интерес как для специалистов-словенистов, так и для всех интересующихся славистической проблематикой.

Almanac Slovenica (published in the Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences since 2010) is the first in Russia scientific periodical edition in which within the framework of cooperation between Russian and Slovenian scientists in Russian are published materials of relevant bilateral research projects. The basis of this, second issue, devoted to the anniversary of well-known Russian historian Iskra V. Churkina, are materials of the international scientific conference «Slavic cultural dialogue in the perception of Russian and Slovenes» (Moscow, March 2009). The book is of interest both to specialists-slovenists and for anyone interested in Slavic problematics.

Славянский межкультурный диалог
в восприятии русских и словенцев

SLOVENICA